

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ

Основан в 2006 г.
Выходит 4 раза в год

№ 4 (67) 2023

JOURNAL

OF THE VOLGOGRAD ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

Founded in 2006
Published 4 times a year

ВОЛГОГРАД — 2023

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

М. С. Колосович, профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

А. П. Алексеев, заместитель начальника Волгоградской академии МВД России (по научной работе), кандидат юридических наук, доцент.

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

Ю. С. Сафонова, доцент кафедры предварительного расследования учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Н. С. Сысолина, преподаватель кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России.

Состав редакционного совета

А. П. Алексеева, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор.

А. В. Артюхов, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.

А. А. Аубакирова, начальник кафедры профессионально-психологической подготовки и управления ОВД Алматинской академии МВД Республики Казахстан имени М. Есбулатова, старший научный сотрудник кафедры уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы Южно-Уральского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

М. Т. Аширбекова, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Волгоградского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент.

М. В. Бавсун, заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России по научной работе, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

М. В. Бобовкин, профессор кафедры исследования документов учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

В. Г. Глебов, заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Волгоградского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор.

О. П. Грибунов, директор Иркутского юридического института — филиала Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

И. С. Дикарев, директор института права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, доцент.

О. Б. Дронова, профессор кафедры криминалистической техники учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

Подписной индекс
в каталоге «Пресса
России» — 22761.

Сайт журнала:
www.va-mvd.ru/vestnik/

Редактор
Т. В. Рассказова

Компьютерная верстка
Н. А. Доненко

Адрес редакции
и издателя:
400075, Волгоградская обл.,
г. Волгоград,
ул. Историческая, д. 130.

Подписано в печать:
21.12.2023.

Дата выхода в свет:
26.12.2023.

Формат 60x84/8.
Гарнитура Arial.
Физ. печ. л. 25,0.
Усл. печ. л. 23,3.
Тираж 500 экз. (1 — 300).
Заказ 67.

Цена по подписке
на 2023 г.
по каталогу
«Пресса России»
1510 руб. 00 коп.
(2 номера)

Отпечатано
в ОПиОП РИО
ВА МВД России.
400005, Волгоградская обл.,
г. Волгоград,
ул. Коммунистическая, д. 36.

© Волгоградская
академия
МВД России, 2023

Н. А. Егорова, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

С. Г. Еремин, профессор кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Е. А. Зайцева, профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Е. И. Замылин, профессор кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

С. В. Катков, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

В. Л. Кубышко, заместитель Министра внутренних дел Российской Федерации, кандидат педагогических наук.

Л. В. Лобанова, заведующий кафедрой уголовного права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

В. Ф. Луговик, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Ненад Милич, проректор по учебной работе Криминалистического полицейского университета (Сербия), доктор юридических наук, профессор.

Д. М. Мирзозов, начальник кафедры уголовно-правовых дисциплин Университета общественной безопасности Республики Узбекистан, доктор юридических наук, профессор.

А. Л. Осипенко, заместитель начальника Краснодарского университета МВД России по научной работе, доктор юридических наук, профессор.

Н. В. Павличенко, главный научный сотрудник по изучению проблем истории МВД России научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Г. А. Печников, профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

А. В. Победкин, начальник кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор.

В. А. Ручкин, профессор кафедры судебной экспертизы и физического материаловедения Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

А. С. Самоделкин, начальник НИЦ № 2 Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, доктор юридических наук, доцент.

К. К. Сейтенов, профессор Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор.

О. В. Стрилец, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

М. А. Шматов, профессор кафедры предварительного расследования учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

С. А. Янин, профессор кафедры организации следственной работы учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

ISSN 2074-8183

Вестник Волгоградской
академии МВД России /
Journal of the Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia. —
Volgograd :
VA MVD Rossii, 2023. —
No 4 (67). — 200 p.

**Founder
and publisher —
Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia**

Journal founded in 2006
Published 4 times a year
circulation
500 copies

The journal is included
in the list of peer-reviewed
scientific journals
and publications,
where main research results
of doctoral dissertations
should be published

The journal is included
into the system Russian
index scientific citation.
Full-text versions of articles
and bibliographic lists
are placed on the Scientific
electronic library
(www.elibrary.ru)

The Journal is registered
at the Federal Service
for Supervision
of Communications,
Information Technology
and Mass Media.
Certificate number
PI № FS77-75804
as of May 23, 2019

Subscription
at the catalogue
"Pressa Rossii" — **22761**

Site of journal:
www.va-mvd.ru/vestnik/

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ /
JOURNAL OF THE VOLGOGRAD ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

No 4 (67)
2023

EDITOR-IN-CHIEF

M. S. Kolosovich, Professor at the Criminal Proceeding Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

DEPUTY CHIEF EDITOR

A. P. Alekseev, Deputy Head of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia for Scientific Work, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

SCIENCE EDITOR

Yu. S. Safonova, Associate Professor at the Department of Preliminary Investigation of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

EXECUTIVE SECRETARY

N. S. Sysolina, Lecturer at the Criminal Law Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

The editorial council

A. P. Alekseeva, Professor at the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Law of Kaliningrad Branch of Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

A. V. Artyukhov, Associate Professor at the Operational-Investigative Activity and Special Equipment Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences.

M. T. Ashirbekova, Professor at the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Volgograd Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

A. A. Aubakirova, Head of the Department of Professional and Psychological Training and Management of Internal Affairs Bodies of the Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after M. Esbulatov, Senior Researcher of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Forensic Examination of the South Ural State University, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

M. V. Bavsun, Deputy Head of the Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia for Scientific Work, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

M. V. Bobovkin, Professor at the Document Examination Department of the Training and Scientific Complex of Forensic Examination of the Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

V. G. Glebov, Head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Volgograd Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Juridical Sciences, Full Professor.

O. P. Gribunov, Head of the Irkutsk Law Institute (Branch) of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

I. S. Dikarev, Head of the Law Institute of the Volgograd State University, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

O. B. Dronova, Professor at the Department of Criminalistic Techniques of the Training and Scientific Complex of Expert Criminalistic Activities of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

Editor
T. V. Rasskazova

DTP
N. A. Donenko

Address of the editorial
and publishing office:
400075, Volgograd region,
Volgograd,
Istoricheskaya street, 130.

Signed to print:
21.12.2023.

Date of publication:
26.12.2023.

Format 60x84/8.
Font Arial.
Physical print sheets 25,0.
Conventional print sheets 23,3.
500 copies (1 — 300).
Order 67.

Subscription price
for the 2023
according by catalogue
"Pressa Rossii"
1510 rub. 00 kop.
(2 number).

Printed at the printing
section of Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia.
400005, Volgograd region,
Volgograd,
Kommunisticheskaya street, 36.

© Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
2023

N. A. Egorova, Professor at the Criminal Law Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

S. G. Eremin, Professor at the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

E. A. Zaitseva, Professor at the Criminal Proceeding Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

E. I. Zamylin, Professor at the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

S. V. Katkov, Professor at the Operational-Investigative Activity and Special Equipment Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

V. L. Kubyshko, Deputy Minister of the Interior of Russia, Candidate of Pedagogical Sciences.

L. V. Lobanova, Head of the Criminal Law Department of the Volgograd State University, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

V. F. Lugovik, Professor at the Operational-Investigative Activity Department of the Interior Bodies of the Omsk Academy of the Russian Interior Ministry, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Nenad Milić, Vice-Rector for teaching of the University of Criminal Investigation and Police Studies (Serbia), Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

D. M. Mirazov, Head of the Department of Criminal Law Disciplines of University of Public Safety of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

A. L. Osipenko, Deputy Head of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia for Scientific Work, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

N. V. Pavlichenko, Chief Researcher for the Study of Problems of the History of the Ministry of the Interior of Russia of the Research Center of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

G. A. Pechnikov, Professor at the Criminal Proceeding Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

A. V. Pobedkin, Head of the Department of Criminal Policy of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

V. A. Ruchkin, Professor at the Department of Forensic Examination and Physical Materials Science of the Volgograd State University, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

A. S. Samodelkin, Head of the Research Center No. 2 of the National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

K. K. Seitenov, Professor at the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

O. V. Strilets, Professor at the Department of Criminal Law of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

M. A. Shmatov, Professor at the Department of Preliminary Investigation of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

S. A. Yanin, Professor at the Investigation Work Organization Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬЯ НОМЕРА

Волчецкая Т. С., Козырева И. Е., Панькина И. Ю. 9
Особенности криминальных ситуаций
при совершении мошенничества
в сфере оборота недвижимости
и следственных ситуаций
в процессе его расследования

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Бугера М. А. 17
Общие основы противодействия
хищениям мобильных средств связи

Гура С. С., Ханова И. В. 24
Вопросы квалификации
незаконного сбыта наркотических средств
с использованием электронных
или информационно-телекоммуникационных
сетей (включая Интернет)

Колосович М. С., Тарасов М. Ю., Кузнецов В. А. 32
Публичный реестр лиц, осужденных
за совершение преступлений
против половой неприкосновенности
и половой свободы несовершеннолетних,
как эффективная мера противодействия
названной преступности

Мирошниченко А. Ю., Кравцов С. С., Зотов А. Ю. 42
Причины и меры предупреждения убийств

Сенцов А. С., Волколупова В. А., Волколупов В. Г. 50
Проблемы дифференциации
ответственности за преступления
с административной преюдицией
(на примере нормы,
предусмотренной статьей 201.3
Уголовного кодекса Российской Федерации)

Черных Е. Е. 56
Вопросы квалификации преступных деяний
в сфере инновационной медицины

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

*Вологина Е. В., Голоманчук Э. В.,
Солонникова Н. В.* 65
Отдельные особенности и перспективы
использования полиграфа в уголовном процессе

CONTENTS

RELEASE ARTICLE

Volchetskaya T. S., Kozyreva I. Ye., Pankina I. Yu.
Peculiarities of criminal situations
while committing fraud
in the sphere of real estate turnover
and investigative situations
in the process of its investigation

CRIMINAL LAW, CRIMINOLOGY, PENAL LAW

Bugera M. A.
General principles to counteract theft
of mobile communication devices

Gura S. S., Khanova I. V.
Issues to qualify
crimes related to drug trafficking
by using electronic
or information and telecommunications
networks (including the Internet)

Kolosovich M. S., Tarasov M. Yu., Kuznetsov V. A.
Public register of persons convicted
of committing crimes
against sexual inviolability
and sexual freedom of minors,
as an effective measure to combat
this crime

Miroshnichenko A. Yu., Kravtsov S. S., Zotov A. Yu.
Causes and measures to prevent murders

Sentsov A. S., Volkolupova V. A., Volkolupov V. G.
Problems of responsibility differentiation
for crimes with administrative prejudice
(as an example, legal norm provided
for in Article 201.3 of the Criminal Code
of the Russian Federation)

Chernykh Eu. Eu.
Issues to qualify criminal acts
in the sphere of innovative medicine

CRIMINAL PROCEDURE

*Vologina Ye. V., Golomanchuk E. V.,
Solonnikova N. V.*
Some specifics and perspectives
to use polygraph in criminal proceeding

<i>Горбатов И. М.</i> Актуальные вопросы исполнения, изменения и отмены домашнего ареста	72	<i>Gorbatykh I. M.</i> Topical issues of home arrest: making, modification and cancellation
<i>Горкина Е. В., Попова Л. В., Колбасина Е. Е.</i> Залог как мера пресечения: анализ проблем и возможностей их решения	81	<i>Gorkina Ye. V., Popova L. V., Kolbasina Ye. Ye.</i> Bail as pre-trial restriction: analysis of problems and their possible solution
<i>Колосович О. С.</i> Экстрадиционное производство и обеспечение прав и законных интересов его участников: сравнительно-правовой анализ	88	<i>Kolosovich O. S.</i> Extradition proceeding and observance of the rights and legitimate interests of its participants: legal comparative analysis
<i>Олейник Е. А.</i> Процессуальные и иные средства обеспечения безопасности подозреваемого, обвиняемого и лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве	94	<i>Oleinik Ye. A.</i> Procedural and other measures to provide security for the suspect, the accused and the person against whom the criminal case has been identified as a separate one regarding a pre-trial cooperation agreement with the latter
<i>Ряполова Я. П., Черкасова Я. В.</i> Возбуждение уголовного дела с «судебной перспективой»: современные тенденции правоприменения	103	<i>Ryapolova Ya. P., Cherkasova Ya. V.</i> Initiating a criminal proceeding with a "judicial perspective": current trends in law enforcement
<i>Янин С. А.</i> Особенности проведения предварительной проверки и возбуждения уголовного дела о преступлениях, связанных с незаконным завладением культурными ценностями	110	<i>Yanin S. A.</i> Specifics to conduct a preliminary check and initiate a criminal case for crimes related to the illegal taking possession of cultural property
КРИМИНАЛИСТИКА		CRIMINALISTICS
<i>Бирюков С. Ю., Трубчанинов А. В.</i> Отдельные аспекты информационного обеспечения противодействия преступности в киберсреде	117	<i>Biryukov S. Yu., Trubchaninov A. V.</i> Some aspects of information support to counteract cybercrime
<i>Голятина С. М.</i> Применение нейросетевых технологий в раскрытии и расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств	124	<i>Golyatina S. M.</i> Applying neural network technologies while solving and investigating crimes related to illegal drug trafficking
<i>Гусева С. Д.</i> Содержание структурных элементов видовой криминалистической характеристики преступлений, предусмотренных статьями 230.1 и 230.2 Уголовного кодекса Российской Федерации	130	<i>Guseva S. D.</i> The content of structural elements of typical criminalistic characteristics of crimes to be provided by Article 230.1 and Article 230.2 of the Criminal Code of the Russian Federation

<i>Еремеева А. Н., Золотарев А. В.</i> Возможности получения криминалистически значимой информации в ходе осмотра мобильного устройства по преступлениям, связанным с незаконным сбытом наркотических средств, совершенным с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»	137	<i>Yeremeeva A. N., Zolotarev A. V.</i> Methods to obtain significant criminalistic information while inspecting mobile devices for crimes related to illegal drug sale and committed by using information and telecommunication network "Internet"
<i>Науменко О. А.</i> Криминалистический анализ отдельных признаков использования NFT-токенов в преступных целях	150	<i>Naumenko O. A.</i> Criminalistic analysis of specific features while using NFT tokens for criminal purposes
ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ		
<i>Мелихов А. И., Харченко А. В., Працко Г. С.</i> Обеспечение национальной безопасности как основная цель международного сотрудничества в сфере оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел	157	<i>Melikhov A. I., Kharchenko A. V., Pratsko G. S.</i> National security as the main purpose of international cooperation of the Interior Bodies in detective activities
<i>Семенчук В. В., Батоев В. Б.</i> Предпосылки формирования концепции развития оперативно-разыскной деятельности в цифровой сфере (часть 2)	165	<i>Semenchuk V. V., Batoyev V. B.</i> Prerequisites for the formation of the concept of development of operational-investigative activity in the digital sphere (part 2)
Трибуна молодого ученого		
<i>Алиев М. М.</i> Применение специальных знаний разнопрофильными специалистами при производстве следственных действий по уголовным делам, связанным с дорожно-транспортными преступлениями	175	<i>Aliiev M. M.</i> Application of special knowledge by different specialists while investigating crimes related to traffic offences
<i>Бондарева А. А.</i> Взаимодействие правоохранительных органов при расследовании преступлений в сфере нарушения миграционного законодательства	180	<i>Bondareva A. A.</i> Law enforcement cooperation while investigating crimes in the sphere of immigration legislation violation
<i>Кварчия А. Р.</i> Отдельные элементы и перспективы совершенствования реализации уголовно-процессуальных бланков на стадии расследования уголовного дела	186	<i>Kvarchiya A. R.</i> Some elements and prospects for improving the implementation of criminal procedure forms at the stage of criminal investigation
<i>Медведева В. В.</i> Составное преступление: исторический аспект	193	<i>Medvedeva V. V.</i> Compound crime: historical aspect

УДК 343.985.7:343.7
doi: 10.25724/VAMVD.A187

**ОСОБЕННОСТИ КРИМИНАЛЬНЫХ СИТУАЦИЙ
ПРИ СОВЕРШЕНИИ МОШЕННИЧЕСТВА
В СФЕРЕ ОБОРОТА НЕДВИЖИМОСТИ
И СЛЕДСТВЕННЫХ СИТУАЦИЙ
В ПРОЦЕССЕ ЕГО РАССЛЕДОВАНИЯ**

Татьяна Станиславовна Волчецкая**, *Ирина Евгеньевна Козырева***, *Инга Юрьевна Панькина***

* Балтийский Федеральный университет имени И. Канта, Калининград, Россия, TVolchetskaya@kantiana.ru

** Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия, irinak75@gmail.com

*** Балтийский Федеральный университет имени И. Канта, Калининград, Россия, iupanjkina@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуются возможности ситуационного подхода к анализу криминальной и криминалистической деятельности на примере мошенничества в сфере оборота недвижимости. На основе анализа следственной и судебной практики выявлены особенности отдельных элементов криминальных ситуаций при совершении мошенничества в указанной сфере: места и способа совершения этих преступлений, личностных особенностей преступника и потерпевшего. Авторы приходят к выводу, что при ситуационном анализе мошенничества в сфере купли-продажи недвижимости необходимо исходить из деления на рынок первичной и вторичной недвижимости. В статье рассмотрены многочисленные способы совершения указанных преступлений, личностные особенности лиц, совершающих преступления, и потерпевших, типовая информация о которых в значительной мере помогает выдвижению следственных версий на первоначальном этапе расследования.

С позиций ситуационного подхода проанализирован и первоначальный этап расследования преступлений. На основе анализа материалов уголовных дел авторами были выделены типовые исходные следственные ситуации и предложены алгоритмы по их разрешению.

Ключевые слова: ситуационный подход, криминальная ситуация, следственная ситуация, мошенничество в сфере оборота недвижимости, первоначальный этап расследования

Для цитирования: Волчецкая Т. С., Козырева И. Е., Панькина И. Ю. Особенности криминальных ситуаций при совершении мошенничества в сфере оборота недвижимости и следственных ситуаций в процессе его расследования // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 4 (67). С. 9—16. doi: 10.25724/VAMVD.A187

**PECULIARITIES OF CRIMINAL SITUATIONS
WHILE COMMITTING FRAUD
IN THE SPHERE OF REAL ESTATE TURNOVER
AND INVESTIGATIVE SITUATIONS
IN THE PROCESS OF ITS INVESTIGATION**

Tatyana Stanislavovna Volchetskaya**, *Irina Yevgenievna Kozyreva***, *Inga Yurievna Pankina***

* Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia, TVolchetskaya@kantiana.ru

** Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, irinak75@gmail.com

*** Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia, iupanjkina@yandex.ru

Abstract. In the article the possibilities of a situational approach to the analysis of criminal and criminalistic activities on the example of fraud in the sphere of real estate turnover are examined. Based on the analysis of investigative and judicial practice, the peculiarities of some elements of criminal situations while committing fraud in the indicated sphere are identified: the place and the method of committing these crimes, personal characteristics of a criminal and a victim. The authors come to the conclusion that while conducting a situational analysis of fraud

in the sphere of purchase and sale of real estate, it is necessary to bear in mind the division into the primary and secondary real estate market. In the article a large number of ways of committing indicated crimes are examined, personal characteristics of people committing crimes, and victims, typical information about which mostly helps to develop investigative theories at the initial stage of the investigation.

Based on the position of a situational approach the initial stage of crime investigation was analyzed. On the basis of the criminal cases materials analysis, the authors determined typical initial investigative situations and suggested some algorithms for their resolution.

Keywords: situational approach, criminal situation, investigative situation, fraud in the sphere of real estate turnover, the initial stage of crime investigation

For citation: Volchetskaya T. S., Kozyreva I. Ye., Pankina I. Yu. Peculiarities of criminal situations while committing fraud in the sphere of real estate turnover and investigative situations in the process of its investigation. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 9—16, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A187

Право на жилище является одним из базовых и основополагающих прав человека, которое закреплено ст. 40 Конституции Российской Федерации. Оно представляет собой гарантированную законодательством для каждого возможность иметь, получать, приобретать и выбирать жилище для проживания [1, с. 89]. Законодательство Российской Федерации гарантирует и другие права, связанные с жилищем. Например, право на неприкосновенность жилища, право на улучшение жилищных условий, право на обеспечение в жилых помещениях здоровой и безопасной среды обитания.

В современном мире люди ежедневно совершают большое количество сделок с недвижимостью: кто-то покупает квартиру, реализовывая базовую физиологическую потребность в жилище, а кто-то, наоборот, продает свое жилье с целью улучшить свои жилищные условия. Однако какими бы ни были потребности человека, совершающего сделку по купле-продаже недвижимости, важной задачей государства и правоохранительных органов остается защита интересов граждан, поскольку в настоящий момент совершается большое количество преступлений в данной сфере, в первую очередь — мошенничества.

Характер мошенничества в сфере купли-продажи недвижимости за последние годы стал более сложным и многогранным. Совершенные преступления характеризуются гибкостью, приспособлением к новым экономическим условиям. Кроме того, они маскируются под заключение законных гражданско-правовых сделок, отличаются оперативным реагированием на конъюнктуру рынка, использованием новых технологий. Следует также отметить латентность и, как следствие, сложность выявления преступлений в сфере оборота недвижимости. Так, по одному из изученных нами дел преступные действия были совершены в 2006 г., а приговор суда был вынесен только в 2019 г.

Для разработки и оптимизации методики расследования преступлений большое значение имеет ситуационный анализ соответствующего вида криминальной деятельности [2, с. 23]. Изучение следственной и судебной практики по делам о мошенничестве в сфере оборота недвижимости позволило нам выделить особенности отдельных элементов криминальных ситуаций совершения этих преступлений, связанных с особенностями типа жилья.

При ситуационном анализе мошенничества в рассматриваемой сфере необходимо исходить из деления на рынок первичной и вторичной недвижимости, которую, в свою очередь, можно дифференцировать на подвиды.

Так, на рынке первичной недвижимости возможно совершение преступлений при следующих ситуациях:

- приобретение недвижимости в ипотеку;
- долевое участие в строительстве жилья;
- приобретение недвижимости у строительного кооператива по договору паенакопления;
- приобретение жилья в рамках различных федеральных и региональных целевых социальных программ (например, «Свой дом», «Доступное жилье гражданам России» и т. д.).

На рынке вторичного жилья совершается мошенничество следующих видов:

- обман при продаже доли собственности приватизированного жилья;
- обременение в виде ренты с пожизненным содержанием;
- продажа квартиры по заведомо ложной доверенности;
- одновременная продажа квартиры нескольким лицам;
- обман при признании сделки не действительной.

Увеличение объемов строительства и развитие рынка жилой недвижимости оказывает влияние

и на изменение способов возникновения жилищно-правовых отношений и оснований приобретения права на жилье.

В первую очередь отметим, что у следователя возникают сложности в определении времени и места совершения мошенничества в сфере оборота недвижимости, так как обычно эти факторы не имеют четко обозначенных границ [3, с. 14]. Мы полагаем, что при их установлении целесообразно использовать ситуационный подход.

Так, в ситуации совершения преступления в сфере оборота недвижимости на рынке первичного жилья временем совершения преступления следует считать дату заключения договора с потерпевшим или дата подписания, выдачи или получения необходимых документов.

В ситуации, когда мошенничество происходит на рынке вторичного жилья, временем совершения преступления надо считать уже дату подачи пакета документов на регистрацию в уполномоченный орган или дату подписания документов, предоставляющих злоумышленнику право распоряжения недвижимым имуществом (например, доверенность или договор дарения).

Таким образом, для совершения сделки купли-продажи недвижимости необходимо наличие двух условий: составление определенного документа (например, договор купли-продажи или договор участия в долевом строительстве) и осуществление юридического факта, т. е. государственной регистрации права на недвижимость. Полагаем, что эти два фактора и являются ключевым ориентиром определения времени совершения преступного деяния, т. е. момента, когда преступник совершил противоправные действия и реализовал свой преступный умысел.

По данным некоторых исследователей, местом совершения мошенничества, совершаемого в сфере оборота первичного жилья, чаще всего будут являться различного рода офисы, например представителей застройщика, и учреждения государственной регистрации сделок с недвижимостью [4].

Вместе с тем следует отметить, что на рынке вторичной недвижимости местом совершения преступления будут выступать уже различные риэлтерские организации, место проживания потерпевшего и иные помещения, где проходило оформление документов, подтверждающих факт сделки. Следует учитывать и то, что иногда юридический адрес может не совпадать с фактическим местонахождением офиса риэлтора.

Еще одной криминалистической особенностью ситуаций мошенничества в сфере купли-продажи

недвижимости является способ совершения этого преступления.

На рынке первичного жилья чаще всего совершаются преступления при заключении договоров участия в долевом строительстве, например при отсутствии реальной возможности построить объект недвижимости, продажа жилых помещений по предварительному договору, заключение многочисленных договоров купли-продажи на один и тот же объект недвижимости многочисленное количество раз.

Однако с 2019 г. Федеральным законом «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ используется эскроу-счет, на основании которого деньги за покупку недвижимого имущества передаются на банковский счет застройщика, не имеющего к нему доступа. И в данном случае застройщик получает денежные средства от банка в виде кредита.

Рынок вторичного жилья отличается большим разнообразием мошеннических схем при покупке или продаже недвижимости. Так, наиболее распространенной схемой является продажа квартиры по поддельным документам. Мошенники используют поддельные паспорта и под именем настоящего собственника недвижимости продают его жилье.

На наш взгляд, большое количество регистраций сделок по поддельным документам происходит в связи с тем, что в обязанности сотрудников многофункциональных центров (МФЦ) не входит проверка юридической чистоты сделки. Кроме того, большинство из них не смогут провести такую проверку, так как не имеют соответствующей квалификации и не обладают специальными знаниями. Объективно оценить, является ли паспорт гражданина поддельным, достоверная ли его подпись, сможет только эксперт, имея при этом соответствующее оборудование. Задача сотрудника МФЦ — принять пакет документов у клиента и направить его на регистрацию, чем и пользуются мошенники.

В качестве другой мошеннической схемы в сфере купли-продажи недвижимости можно выделить выкуп доли имущества и последующее выживание из квартиры «черными риэлторами».

Мы считаем, что больше всего к совершению преступлений в изучаемой сфере склонны сотрудники, работающие в агентствах недвижимости: менеджеры, риэлторы, юристы и др. Это обуславливается тем, что они имеют опыт работы в данной

сфере, знают наиболее уязвимые места в процессе покупки и регистрации недвижимости в уполномоченных органах.

Кроме того, в силу необходимости регулярно выполнять одни и те же действия и, как следствие, общаться с одними и теми же людьми (например, с менеджером банка, выдающего ипотеку, или регистратором в МФЦ) сотрудники таких организаций нередко имеют связи, позволяющие решать вопросы вопреки установленному законом порядку.

Изучение следственной практики показало также существенные различия в *характеристике личности преступника* в зависимости от типа ситуации рынка недвижимости. Так, на рынке первичного жилья мошенниками чаще всего являются руководители строительных организаций. Они отличаются наличием специального образования, опытом работы в строительной сфере. В то же время внешне они ведут законопослушный образ жизни, имеют семью и постоянное место работы.

На рынке вторичного жилья преступления уже в основном совершаются и лицами женского пола, поскольку женщины чаще мужчин работают риелторами, сотрудниками нотариальных контор и являются учредителями агентств недвижимости.

Таким образом, обобщая вышесказанное, можно сделать вывод, что большая часть преступников, совершающих преступления в сфере купли-продажи недвижимости, хитры и обладают развитой фантазией. Эти люди обычно ведут вполне благопристойный образ жизни, не употребляют алкогольных напитков, наркотических средств или психотропных веществ, имеют стабильный заработок и постоянное место работы, семью и детей, работают в государственных или коммерческих структурах либо занимаются предпринимательской деятельностью. Кроме того, большинство из них имеют положительную характеристику по месту работы, высшее или среднее профессиональное образование [5, с. 366—377].

Стоит отметить, что мошенничество в сфере оборота недвижимости представляет собой сложную схему, которую далеко не всегда можно реализовать в одиночку. Часто в нее вовлечены не только простые граждане, стремящиеся улучшить свои жилищные условия, не имея на это законодательно оформленного права, но и государственные служащие, реализующие различные социальные программы в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Как правило, такие лица (группа лиц) обладают рядом определенных признаков:

— единые цель и мотив совершения преступления;

— подбор соучастников по определенным параметрам;

— распределение ролей между соучастниками преступления согласно параметрам, по которым они подбирались;

— наличие лидера преступной группы;

— тщательная подготовка к совершению преступления;

— распределение дохода между участниками группы согласно заранее достигнутой договоренности.

Дискуссионным является вопрос и об отсутствии в уголовном законодательстве ответственности юридических лиц за преступления в сфере экономической деятельности. По мнению Т. С. Салыбековой, экономическая преступность может совершаться организациями, например акционерными обществами или торговыми компаниями. Однако действующим уголовным законодательством такая ответственность не предусмотрена.

Еще одним важным элементом криминальных ситуаций является *личность потерпевших* [6, с. 13], которых следует разделить на собственников и покупателей жилья. Социально-демографическая характеристика потерпевших от мошенничества на рынке недвижимости также довольно разнообразна. Это и молодые семейные пары с детьми, и взрослые состоятельные люди, и одинокие граждане, и даже пенсионеры. Как правило, такие потерпевшие имеют постоянный доход, профильное образование (высшее или среднее специальное). Отличительными чертами поведения потерпевшего можно выделить следующие: повышенная доверчивость к окружающим, правовая неграмотность, невнимательность [7, с. 114].

Обобщая результаты исследований о личности потерпевшего от преступлений в сфере оборота недвижимости, а также проведя анализ материалов уголовных дел, можно заметить, что жертвами таких преступлений становятся различные физические лица вне зависимости от демографических и социальных характеристик. Однако чаще всего ими оказываются добропорядочные граждане, которые ведут законопослушный образ жизни. Группу риска составляют одинокие граждане, пенсионеры, а также лица, страдающие психическими заболеваниями или расстройствами.

Причины совершения преступлений в сфере купли-продажи недвижимости могут быть самыми разнообразными: безработица, ухудшение материального состояния, желание увеличить благо-

состояние легким, быстрым путем, корысть, недостаточный контроль со стороны различных социальных институтов (общество, правоохранительные органы), несовершенство законодательства и многие другие.

Ряд авторов выделяют также и ситуационные особенности расследования данных преступлений. Например, А. В. Шаров предлагает следующую классификацию ситуаций, возникающих в ходе расследования преступлений, совершаемых в сфере оборота недвижимости [8, с. 146—147]. Он делит их всего на две категории: когда имеется достаточно информации о лице, совершившем мошенничество, и когда необходимой информации об указанном лице нет.

Другой точки зрения придерживается Д. В. Астафьев, который выделил типовые следственные ситуации в зависимости от разновидностей мошенничества в сфере оборота недвижимости:

а) преступления, предметом которых являются деньги, получаемые в качестве платы за недвижимость, совершаемые путем «продажи» чужой недвижимости;

б) преступления, предметом которых являются деньги, получаемые в качестве платы за недвижимость, а корыстная цель преступления достигается путем искусственного признания сделки недействительной;

в) преступления, предметом которых является право на недвижимость, получаемое преступником в результате проведения мошеннической операции [9].

Совершенно справедливо было отмечено, что ситуационный подход в процессе расследования преступлений позволяет оптимизировать процессы подготовки к расследованию, предусмотреть и смоделировать возможные следственные ситуации [10, с. 57]. Однако на первоначальном этапе расследования мошенничества в сфере оборота недвижимости при дефиците информации о преступлении количество типовых исходных следственных ситуаций должно быть минимально оптимальным. Исходя из этого, мы предлагаем классифицировать ситуации, возникающие в процессе расследования мошенничества в сфере оборота жилой недвижимости на рынке вторичного и первичного жилья в зависимости от полноты информации о совершенном деянии. Так, можно выделить следующие ситуации:

1) личность предполагаемого преступника неизвестна;

2) способ и механизм совершения преступления неизвестны;

3) личность предполагаемого преступника, способ и механизм совершения преступления неизвестны.

Отметим, что понятие «механизм преступления», имеющее ситуационную природу, в криминалистической и криминологической литературе рассматривается неоднозначно. Ряд ученых-криминалистов полагают, что способ совершения преступления включает в себя в том числе механизм его совершения [11; 12]. Мы же под механизмом преступления понимаем комплексное многоаспектное явление, включающее в себя динамический порядок связи отдельных этапов, обстоятельств, позволяющих воссоздать картину процесса его совершения [12, с. 46], именно поэтому выделяем дифференцированно и способ, и механизм совершения преступления.

Рассмотрим подробнее данные ситуации и сформируем рекомендации по расследованию преступлений в каждой из них.

Чаще всего на практике возникает ситуация, когда личность мошенника неизвестна потерпевшему и не установлена сотрудниками правоохранительных органов. Такие преступления совершаются на рынке первичного жилья и представляют собой мошенничество, при совершении которого преступники маскируют свое деяние под законную предпринимательскую деятельность.

В этом случае установление лиц, причастных к совершению преступления, может быть затруднено, поскольку договор заключается между фирмой-застройщиком, которая является юридическим лицом, и участником долевого строительства жилья — физическим лицом. Так как юридические лица не могут быть привлечены к уголовной ответственности, а мошенники используют различные махинации для маскировки своей личности, поиск преступников является довольно трудным процессом.

Личность преступника также может быть неизвестна, если имеет место мошенничество, где преступное деяние замаскировано под законную предпринимательскую деятельность, после совершения которого преступник скрывается. Для разрешения такой ситуации мы предлагаем использовать следующий алгоритм проведения следственных действий:

— провести изъятие и осмотр документов и доверенностей, уполномочивающих преступника совершать какие-либо действия и сделки с недвижимостью от имени жертвы преступления;

— определить механизм совершения мошенничества, приобщить изъятые документы в качестве вещественных доказательств;

— провести судебную экспертизу изъятых документов (например, почерковедческую или технико-криминалистическую);

— допросить потерпевшего на предмет обстоятельств совершенной сделки;

— установить круг свидетелей совершенного преступления и допросить их (например, родственников или близких знакомых потерпевшего, сотрудников банка, МФЦ, агентства недвижимости и т. д.);

— на основании полученных данных установить личность подозреваемого;

— объявить в розыск подозреваемого по установленным биографическим данным;

— принять меры по установлению суммы причиненного материального ущерба потерпевшему.

В следственной практике может возникнуть и другая ситуация, когда известно лицо, совершившее преступление, но способ и механизм совершения преступления неизвестны. Для разрешения этой ситуации мы рекомендуем использовать следующий порядок проведения следственных действий:

— допросить потерпевшего об обстоятельствах произошедшего деяния;

— установить круг свидетелей совершенного преступления и допросить их (например, сотрудников МФЦ, Росреестра);

— объявить в розыск подозреваемых по установленным биографическим данным;

— после задержания подозреваемых провести их личный обыск и допрос;

— провести обыск в жилище подозреваемых;

— осмотреть изъятые вещественные доказательства (например, документы, подтверждающие права собственности на недвижимое имущество потерпевшего).

Ситуация, в которой личность предполагаемого преступника, способ и механизм совершения преступления неизвестны, представляет особую сложность для расследования, так как следователю необходимо построить план работы, опираясь на небольшое количество сведений о совершенном преступлении. Такие ситуации редко встречаются в следственной практике, однако следователю также необходимо уметь с ними работать.

Примером может служить фабула следующего уголовного дела: 10 февраля 2023 г. 76-летняя гражданка Н. потеряла паспорт, однако посчитала, что потеряла пенсионное удостоверение, поэтому

и не стала предпринимать каких-либо действий. 25 марта 2023 г. к ней в квартиру пришли незнакомые лица и потребовали освободить помещение, так как новый собственник квартиры сдал ее в аренду¹.

Для того чтобы начать расследование преступления, в котором личность предполагаемого преступника, способ и механизм совершения преступления неизвестны, мы предлагаем использовать следующие рекомендации.

Во-первых, необходимо установить круг лиц, с которыми общался или взаимодействовал потерпевший перед совершением преступления, так как среди этих лиц могут быть свидетели или даже соучастники преступления, которые собирали у потерпевшего информацию, необходимую для совершения преступления.

Во-вторых, на основании полученной информации необходимо выдвинуть возможные следственные версии и провести осмотр предполагаемого места преступления.

В-третьих, необходимо провести осмотр изъятых предметов и документов в целях обнаружения следов преступления, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для расследования дела.

При расследовании данной категории преступлений мы также рекомендуем использовать метод ситуационного моделирования: последовательно вносить в структуру модели криминальной ситуации информацию, получаемую во время расследования. Это позволит систематизировать уже имеющиеся о совершенном преступлении сведения, увидеть недостающую информацию и сформулировать порядок действий по получению недостающих данных. Кроме того, имея наглядное представление об обстоятельствах совершенного преступления, можно легко корректировать порядок или содержание планируемых следственных действий в случае получения новой информации.

Таким образом, особенности криминальных ситуаций при совершении мошенничества в сфере оборота недвижимости в значительной мере определяют исходные следственные ситуации, возникающие на первоначальном этапе расследования. А комплексное применение ситуационного подхода к расследованию указанных преступлений повысит качество научно-методического обеспечения и будет способствовать совершенствованию практики их расследования.

¹ Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие»: интернет-портал. URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 01.11.2023).

1. Миролюбова С. Ю. Право на свободу передвижения в пределах Российской Федерации: конституционно-правовой аспект: монография. Москва: Статут, 2013. 157 с.

2. Волчецкая Т. С., Панькина И. Ю., Куркова Н. А. Проблемы частных криминалистических методик: учеб.-метод. пособие. Калининград: Балтийск. федер. ун-т им. Иммануила Канта, 2023. 102 с.

3. Мешков В. М. Современные возможности использования хронологии — эффективного пути установления истины в юридической науке и практике // VIII Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: материалы междунар. науч.-практ. конф. Калининград: Калинингр. филиал С.-Петерб. ун-та МВД России, 2020. С. 13—15.

4. Третьякова Е. И. Некоторые элементы криминалистической характеристики мошенничества, повлекшего утрату права на жилье // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 1 (88). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-elementy-kriminalisticheskoy-harakteristiki-moshennichestva-povlekshego-utratu-prava-na-zhilie> (дата обращения: 28.02.2021).

5. Панченко П. Н. Свобода и уголовный закон: монография / под ред. А. В. Козлова. Н. Новгород: НИУ ВШЭ, 2012. 632 с.

6. Ишигеев В. С., Лапша В. Л. Криминалистическая виктимология как новая частно-криминалистическая теория // ГлаголЪ правосудия. 2019. № 4 (22). С. 13—14.

7. Франк Л. В. Виктимологическая характеристика личности преступника // Теоретические проблемы учения о личности преступника: сб. науч. тр. Москва: Изд-во Всесоюз. ин-та по изуч. причин и разраб. мер предупреждения преступности, 1979. С. 113—118.

8. Шаров А. В. Методика расследования мошенничества в сфере оборота жилища: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2003. 265 с.

9. Астафьев Д. В. Особенности первоначального этапа расследования мошенничества в сфере купли-продажи недвижимости: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. 189 с.

10. Волчецкая Т. С., Куркова Н. А. Проблемы современной юридической науки и образования: вызовы XXI века // Современное право. 2020. № 12. С. 11—14.

11. Кустов А. М. Понятие и элементы механизма преступления // Вестник криминалистики. 2005. № 2 (14). С. 43—46.

1. Mirolyubova S. Yu. The right to freedom of movement within the Russian Federation: constitutional and legal aspect. Monograph. Moscow: Statut; 2013: 157. (In Russ.).

2. Volchetskaya T. S., Pankina I. Y., Kurkova N. A. Problems of private criminalistic methods. Textbook. Kaliningrad: Immanuel Kant Baltic Federal University; 2023: 102. (In Russ.).

3. Meshkov V. M. Modern possibilities of using chronology — an effective way to establish the truth in legal science and practice. In: VIII Baltic Legal Forum "Law and Law and Order in the Third Millennium". Materials of the International scientific-practical conference. Kaliningrad: Kaliningrad branch of the Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia; 2020: 13—15. (In Russ.).

4. Tretyakova Ye. I. Some elements of the criminalistic characteristics of fraud resulting in the loss of the right to housing. Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019. (In Russ.). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-elementy-kriminalisticheskoy-harakteristiki-moshennichestva-povlekshego-utratu-prava-na-zhilie> (date of reference: 28.02.2021).

5. Panchenko P. N. Freedom and criminal law. Monograph. Ed. by A. V. Kozlov. N. Novgorod: Higher School of Economics, 2012: 632. (In Russ.).

6. Ishigeev V. S., Lapsha V. L. Criminalistic victimology as a new private-criminalistic theory. Glagol of Justice, 13—14, 2019. (In Russ.).

7. Frank L. V. Victimological characteristic of the personality of the criminal. In: Theoretical problems of the doctrine of the personality of the criminal. The collection of scientific works. Moscow: Publishing house of All-Union institute for the study of causes and development of measures to prevent crime; 1979: 113—118. (In Russ.).

8. Sharov A. V. Methodology of investigation of fraud in the sphere of turnover of dwelling. Dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2003: 265. (In Russ.).

9. Astafiev D. V. Features of the initial stage of investigation of fraud in the sphere of purchase and sale of real estate. Dissertation of candidate of juridical sciences. Krasnodar; 2004: 189. (In Russ.).

10. Volchetskaya T. S., Kurkova N. A. Problems of modern legal science and education: challenges of the XXI century. Modern Law, 11—14, 2020. (In Russ.).

11. Kustov A. M. The concept and elements of the mechanism of the offence. Journal of criminalistics, 43—46, 2005. (In Russ.).

12. Волчецкая Т. С. Криминалистическая ситуалогия: монография. Москва; Калининград: КГУ, 1997. 245 с.

Волчецкая Татьяна Станиславовна,
директор научно-образовательного центра ситуалогии и экономико-правовой регионалистики, профессор образовательно-научного кластера «Институт управления и территориального развития» Балтийского Федерального университета им. И. Канта, доктор юридических наук, профессор; TVolchetskaya@kantiana.ru

Козырева Ирина Евгеньевна,
доцент кафедры криминалистики Уфимского университета науки и технологий, кандидат юридических наук, доцент; irinak75@gmail.com

Панькина Инга Юрьевна,
доцент образовательно-научного кластера «Институт управления и территориального развития» Балтийского федерального университета им. И. Канта, кандидат юридических наук, доцент; iupanjkina@yandex.ru

12. Volchetskaya T. S. Criminalistic situationology. Monograph. Moscow: Kaliningrad: KSU; 1997: 245. (In Russ.).

Volchetskaya Tatyana Stanislavovna,
director of the scientific and educational center for situationology and economic and legal regional studies, professor at the educational and scientific cluster "Institute of Management and Territorial Development" of the Immanuel Kant Baltic Federal University, doctor of juridical sciences, professor; TVolchetskaya@kantiana.ru

Kozyreva Irina Yevgenievna,
associate professor at the department of criminalistics of the Ufa University of Science and Technology, candidate of juridical sciences, docent; irinak75@gmail.com

Pankina Inga Yurievna,
associate professor at the educational and scientific cluster "Institute of Management and Territorial Development" of the Immanuel Kant Baltic Federal University, candidate of juridical sciences, docent; iupanjkina@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 04.09.2023; одобрена после рецензирования 12.09.2023; принята к публикации 17.11.2023.

The article was submitted 04.09.2023; approved after reviewing 12.09.2023; accepted for publication 17.11.2023.

* * *

УДК 343.9

doi: 10.25724/VAMVD.A211

ОБЩИЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ХИЩЕНИЯМ МОБИЛЬНЫХ СРЕДСТВ СВЯЗИ

Михаил Александрович Бугера

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, ma.bugera@mail.ru

Аннотация. В статье проанализированы современное состояние и трансформация механизма противодействия хищениям средств сотовой связи. Изучены основные способы противодействия, определены группы лиц, его осуществляющих. Автор исследовал наиболее типичные ситуации, возникающие при организации противодействия хищениям мобильных средств связи, и сделал вывод о том, что оно включает в себя совокупность мер и действий, направленных на предотвращение, выявление и пресечение кражи или незаконного обращения с мобильными телефонами. В России существенные элементы данного процесса обычно включают законодательную базу, систему предупреждения и информирования, комплекс технических мер безопасности, правовое регулирование деятельности вторичного рынка средств связи, контроль и наблюдение за случаями хищений мобильных средств связи, расследование и привлечение виновных лиц к уголовной ответственности и т. д.

Ключевые слова: мобильные средства связи, хищения, типичные следственные ситуации, мобильные телефоны

Для цитирования: Бугера М. А. Общие основы противодействия хищениям мобильных средств связи // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 4 (67). С. 17—23. doi: 10.25724/VAMVD.A211

GENERAL PRINCIPLES TO COUNTERACT THEFT OF MOBILE COMMUNICATION DEVICES

Mikhail Alexandrovich Bugera

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, ma.bugera@mail.ru

Abstract. The article deals with the analysis of the current state and transformation of the mechanism to counteract theft of mobile communication devices. The author of the article examined the main methods of counteraction and identified the groups of people who carry the latter. The author of the given article studied the most typical situations that appear to organize counteraction to the theft of mobile communication devices and concluded that in order to counteract it we need a set of measures and actions aimed at preventing, identifying and suppressing the theft or illegal handling of mobile phones. In Russia the essential elements of this process usually include: legislative basis, a wa and information system, a set of technical security measures, legal regulation of the activities of the secondary market of communication devices, control and monitoring cases of theft of mobile communication devices, investigation and prosecution of criminals, etc.

Keywords: mobile communication devices, theft, typical investigative situations, mobile phones

For citation: Bugera M. A. General principles to counteract theft of mobile communication devices. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 17—23, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A211

Хищение мобильных средств связи как совокупность действий, направленных на подрыв общественного порядка, несет в себе опасность для уклада общественной деятельности, именно поэтому данная проблематика привлекает к себе большое внимание со стороны органов внутренних дел. Различные материальные ценности, которые располагаются в городской среде, наиболее досягаемы для совершения действий преступного характера. Так как потенциальный преступник смотрит на окружающую его среду и понимает, что необходимо двигаться согласно потоку, который он чувствует вокруг себя, данный поток, как правило, составляет в себе различные аспекты повседневной жизни — элементарные траты на питание, проезд в общественном транспорте, оплату коммунальных услуг, на хорошую качественную жизнь, развлечения и т. д. И поиск средств на все эти нужды часто толкает к совершению хищения едва ли не самого распространенного предмета повседневной жизни, важнейшего и популярного атрибута и детей, и взрослых — такого мобильного средства связи, как сотовый телефон.

Объективными признаками хищения являются незаконное и безвозмездное изъятие имущества из законного владения собственника; обращение его в пользу виновного или других лиц; причинение тем самым собственнику или иному владельцу имущества реального ущерба вследствие уменьшения на определенную часть объема материальных ценностей, находящихся в его распоряжении; причинная связь между ущербом и изъятием имущества.

Субъективные признаки всякого хищения — прямой умысел на незаконное, безвозмездное изъятие чужого имущества и обращение его в пользу других лиц; корыстная цель этого изъятия; возможность использования похищенного имущества. От других видов преступлений против собственности хищение отличается тем, что механизм совершения преступления включает в себе нарушение права владения имуществом, за исключением разбоя. Иные корыстные преступления обычно не сопряжены с нарушением права владения.

Как показывает статистика преступлений, они совершаются чаще всего молодыми людьми в форме краж, грабежей и разбоев, в основном на улицах и в других общественных местах, и имеют тенденцию к постоянному росту. Во многих случаях также фиксируется факт кражи именно мобильных телефонов.

Принятые до сих пор меры по предотвращению подобных краж не возымели ожидаемого эффекта.

В какой-то степени это связано со слабыми методологическими положениями по предмету предупреждения преступности. Причины и условия, приведшие к краже мобильных телефонов, до сих пор не были полностью изучены, и своевременные позитивные меры не были признаны. Как неотъемлемая часть общих причин и условий преступности, причинами и условиями, приводящими к краже мобильных телефонов, являются, во-первых, преступления против собственности, за которыми следуют городские и уличные преступления, хищения средств связи в транспорте и иных местах, и во-вторых, причины и условия преступлений, и их содержание во многом определяется их взаимосвязью в форме специфических, специальных и общих диалектических взаимодействий. В то же время они также имеют присущее только им содержание в связи с особенностями хищения.

Самые распространенные способы хищения мобильных средств связи — это кражи и грабежи, реже мошеннические действия. Уличные грабежи, не носящие насильственного характера, обычно совершаются внезапно, и те, чье имущество похищено, не успевают принять защитных мер. Этот способ ограбления заключается в том, чтобы вырвать телефон из рук, вытащить его из сумки, в принципе завладеть вещами на глазах окружающих.

К средствам сотовой связи относятся технические и программные средства, обеспечивающие телефонные соединения между абонентами сетей сотовой и других сетей связи путем использования подвижных радиотелефонных средств, а также услуги для функционирования сотовой связи [1, с. 62].

Практика борьбы с хищениями мобильных средств связи показывает, что структура таких действий зависит не только от качества организации и хода ее деятельности, количества участников и действий контролирующих органов, но и от качества организации и хода всей системы противодействия.

Под противодействием хищениям мобильных средств связи мы понимаем многоаспектную систему, включающую в себя меры профилактики и предупреждения как отдельных хищений мобильных телефонов, так и преступности в данной сфере в целом. Указанные меры реализуются посредством целенаправленной деятельности особых субъектов, ориентированы на выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих совершению хищений мобильных средств связи, в целях

минимизации и (или) ликвидации последствий преступной деятельности и обеспечения безопасности от угроз.

Меры воздействия могут быть следующие:

- профилактика;
- предотвращение;
- пресечение.

Эти формы представляют собой структурированные и самостоятельные процессы, которые нацелены на предупредительную деятельность. Иными словами, это довольно широкий спектр общей социальной профилактики, многоуровневая система государственных и общественных мер, которая направлена непосредственно на нейтрализацию причинной связи и возможных потенциальных аспектов вовлечения в осуществление данных действий, а также сведение к минимуму возможных причин и обстоятельств, которые влияют на преступность, связанную с хищением средств связи [2, с. 34].

Система противодействия хищениям мобильных телефонов в России основывается на соответствующих законодательных актах, регулирующих этические, уголовно-правовые и административные аспекты использования и обращения с мобильными устройствами [3, с. 223].

Противодействие хищениям мобильных телефонов — важная задача, которая требует взаимодействия между пользователями, производителями и правоохранительными органами.

В первую очередь сами пользователи мобильных телефонов должны обеспечить безопасность своих устройств, принимая необходимые меры. Они должны быть осведомлены о вопросах безопасности и потенциальных угрозах. Государственные и некоммерческие организации должны распространять информацию о мерах предосторожности и способах защиты от хищения мобильных телефонов. Организации, учреждения и правоохранительные органы проводят кампании, чтобы рассказать о наиболее распространенных методах краж и о том, как их избежать.

Сотрудники правоохранительных органов осуществляют патрулирование на участках территории (местности), на которых наряд выполняет возложенные на него обязанности с использованием транспортных средств или в пешем порядке, чтобы выявить потенциальные случаи хищения мобильных устройств. Они могут реагировать на сообщения о краже, задерживать подозреваемых и возвращать похищенные устройства их владельцам. Нахождение сотрудника в форме в общественном месте мы можем назвать элементом противо-

действия различным преступлениям, в том числе хищениям средств связи.

Есть в процессе противодействия хищениям мобильных средств связи различные сложности, в том числе технического характера. Так, в России нет единой централизованной системы учета мобильных устройств, способной выявлять и блокировать использование похищенного мобильного средства связи. Такая система могла бы существенно минимизировать хищения мобильных средств связи, а если они все же произошли, их было бы гораздо легче раскрывать. Иначе говоря, создание данной системы — важный элемент комплексной многоаспектной системы противодействия хищениям.

Лицо, похитившее мобильное устройство в одном субъекте Российской Федерации, может беспрепятственно продолжать его использование в другом субъекте нашей страны [4, с. 180]. Эта негативная тенденция остается и в настоящее время, и противодействие такой организации предоставления услуг сотовой связи играет важную роль в снижении количества хищений мобильных средств связи.

Профилактика по своей природе представляет собой системную организацию плановых мероприятий, минимизирующих как количество хищений мобильных средств связи, так и сам риск совершения подобных деяний, что благоприятно воздействует на всю систему общественных отношений в целом и поддержание общественного порядка. Рассмотрим системный комплекс мер противодействия хищениям средств сотовой связи:

Для пользователей:

— создать сложный пароль или использовать функции распознавания отпечатков пальцев / лица для разблокировки телефона;

— включить функцию удаленного блокирования и очистки данных в случае утери или кражи мобильного средства связи;

— быть осторожными и бдительными при использовании мобильных телефонов в общественных местах, нельзя отвлекаться или забывать о своем окружении, особенно в общественном транспорте или на переполненных улицах, где возможно совершение хищений;

— зарегистрировать и сохранить серийный номер своего мобильного устройства, что поможет идентифицировать устройство в случае кражи и упростит процесс поиска и возврата;

— установить одно или несколько приложений, которые помогают защитить мобильные устройства от краж и несанкционированного доступа, что включает программы для удаленного блокирования,

отслеживания местоположения и удаленного стирания данных. Производители мобильных устройств постоянно разрабатывают и внедряют новые технологии и функции для защиты от краж, шифрование хранилища устройства и другие средства защиты. Разработчики операционных систем для мобильных устройств (например, iOS и Android) регулярно выпускают обновления, которые включают новые функции безопасности и исправления уязвимостей. Важно устанавливать эти обновления, чтобы обеспечить защиту от известных угроз;

— в случае кражи мобильного телефона необходимо сразу же сообщить об этом в полицию и зарегистрировать хищение мобильного средства связи;

— связаться с оператором связи и сообщить о краже, чтобы принять меры по блокировке похищенного устройства: оператор может помочь заблокировать IMEI-номер (International Mobile Equipment Identity) телефона, что сделает его бесполезным для дальнейшей эксплуатации и любой формы использования;

Для участковых уполномоченных инспекторов полиции:

— определить службу участковых уполномоченных основным координационным субъектом в выявлении и профилактики хищений средств сотовой связи;

— устанавливать на своих участках доверительные отношения с несовершеннолетними, пенсионерами, неработающими, освободившимися из мест лишения свободы, иными категориями граждан, проживающими на них, в целях получения информации, способствующей профилактике, раскрытию и расследованию хищений средств сотовой связи [5, с. 27];

— выявлять граждан, страдающих наркотической и алкогольной зависимостью, употребляющих психотропные вещества, состоящих на учете у наркологов и психиатров, предрасположенных к совершению хищений средств сотовой связи;

— контролировать поведение освободившихся из мест лишения свободы, которые в качестве источника дохода могут использовать реализацию средств сотовой связи;

— следить за соблюдением с их стороны ограничений, установленных законодательством, а также за поведением отбывающих наказания, не связанные с лишением свободы.

Для иных сотрудников полиции:

— ввести картотеку лиц, не имеющих постоянного места работы, совершивших корыстные и корыстно-насильственные преступления, включая отдельную категорию лиц, похитивших средства

сотовой связи, в целях проверки их на причастность к совершению хищений средств сотовой связи;

— направлять оперативную информацию о наиболее опасных местах хищений средств сотовой связи в районы действия добровольных общественных формирований по охране общественного порядка;

— включать в маршрут патрулирования места, где могут совершаться хищения средств сотовой связи, с последующим освещением положительных результатов такой работы в средствах массовой информации;

— проводить разыскные мероприятия на предмет установления источника появления сотового телефона у жильцов при поквартирном обходе, личном досмотре граждан в общественных местах, при досмотре автотранспортных средств и т. д., если появляются подозрения о его приобретении;

— выявлять лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без регистрации либо без специального разрешения (лицензии) и нарушающих правила торговли на закрепленном участке, в целях предотвращения бесконтрольного сбыта похищенных сотовых телефонов.

Профилактическая работа и информирование включают также и следующие действия:

— информационное обеспечение — это организация определенного рода действий, таких как сбор, хранение и обработка сведений, носящих субъективную информацию, которую можно систематизировать, а эта информация имеет как косвенное, так и прямое значение для расследуемого хищения мобильных средств связи и его успешного раскрытия, а также для осуществления различных функций оперативно-разыскной деятельности;

— проводить кампании и мероприятия, чтобы информировать общественность о распространенных схемах хищения мобильных устройств, таких как кража, разбой, грабеж и др., что позволяет повысить осведомленность и осторожность у граждан, а также помогает предотвратить потенциальные кражи;

— организовывать обучающие семинары и круглые столы, на которых будут подробно разъясняться способы и приемы хищений мобильных средств связи и детализироваться механизмы противодействия таким хищениям;

— обучать сотрудников специфическим методам и тактикам противодействия хищениям мобильных устройств, что включает также обучение использованию специализированного оборудова-

ния и программного обеспечения для отслеживания и восстановления украденных устройств.

Предотвращение хищений мобильных телефонов включает в себя многоаспектный комплекс мер и действий, направленных на предупреждение потенциальных краж, защиту мобильных устройств и обеспечение безопасности их владельцев. Здесь, так же как и в системе профилактики, нужны тренинги, рекомендации и системное консультирование, которые помогают увеличить осведомленность о рисках хищений мобильных средств связи и обучают граждан принимать меры предосторожности для защиты своих мобильных устройств.

В целях предотвращения хищений мобильных средств связи важно и применение различных технологий для защиты мобильных телефонов, включая настройку современных систем отслеживания и удаленного блокирования устройств, а также шифрование данных.

Важно, помимо прочего, систематический мониторинг и анализ данных о случаях хищений мобильных телефонов для выявления особо уязвимых мест и разработки эффективных стратегий предотвращения, а также оценка эффективности применяемых мер для внесения необходимых корректировок.

Пресечение преступлений — это специфическая деятельность, прежде всего правоохранительных органов, связанная с применением к лицам, виновным в совершении преступлений, мер принуждения, текстуально закрепленных в соответствующих нормах уголовного, процессуального и уголовно-исполнительного права России (задержание подозреваемого, предъявление обвинения, избрание меры пресечения, вынесение приговора, исполнение назначенного наказания и т. д.). Под пресечением хищений мобильных средств связи мы понимаем осуществление оперативных мер и действий в целях предотвращения, раскрытия указанных преступлений и наказания лиц, совершающих кражи мобильных устройств.

В рамках компетенции полиции выделим следующие алгоритмы пресечения таких хищений:

— разработка и внедрение стратегий пресечения хищений мобильных средств связи, включая координацию действий специализированных служб, правоохранительных органов, мобильных операторов и других заинтересованных сторон;

— сотрудничество правоохранительных органов с мобильными операторами, производителями устройств, торговыми сетями, сервисными центрами и другими организациями для обмена информацией, анализа данных, разработки совместных

мер и оперативного реагирования на случаи хищений мобильных средств связи;

— организация оперативных рейдов, проверок и специальных операций, направленных на выявление и задержание лиц, занимающихся кражами и иными способами хищения мобильных средств связи, а также конфискацию похищенных устройств и восстановление прав владельцев;

— внедрение широкого спектра мер по защите личных данных пользователей мобильных телефонов, а также информационной безопасности (в контексте одного из видов национальной безопасности страны) в целом, чтобы предупреждать несанкционированный доступ к устройствам и подзрительные действия;

— взаимодействие полиции, общественных организаций и экспертного сообщества для обеспечения эффективности расследования преступлений, выявления и осуждения виновных в хищении мобильных средств связи, а также назначения наказания в соответствии с действующим российским законодательством.

Важно отметить, что предотвращение хищений мобильных телефонов является непрерывным и динамическим процессом, который требует постоянной адаптации к изменяющимся технологиям и ситуации на рынке.

Правоохранительные органы занимаются расследованием случаев хищения мобильных устройств. Они собирают доказательства, проводят допросы свидетелей, анализируют видеозаписи и другую информацию, которая может помочь в выяснении обстоятельств преступления и идентификации преступников. Важно, чтобы правоохранительные органы сотрудничали с обществом и мобильными операторами для получения необходимой информации.

В целях противодействия хищениям мобильных телефонов важно контролировать и регулировать вторичный рынок, где может появляться нелегально приобретенная техника, ведь похищенный сотовый телефон преступник реализует преимущественно через скупки [6, с. 108]. Законы и положения, регулирующие оборот мобильных устройств на рынке вторичной продажи, способствуют предотвращению легализации похищенных мобильных телефонов.

Общие способы противодействия хищениям мобильных средств связи сотрудниками правоохранительных органов включают профилактическую работу, патрулирование, расследование преступлений и сотрудничество в сфере правового просвещения.

Итак, противодействие хищениям мобильных средств связи включает в себя совокупность мер и действий, направленных на предотвращение, выявление и пресечение кражи или незаконного обращения с мобильными телефонами. В России элементами данного процесса обычно являются: законодательная база, система предупреждения и информирования, комплекс технических мер безопасности, правовое регулирование деятельности

вторичного рынка средств связи, контроль и наблюдение за случаями хищений мобильных средств связи, расследование их хищений, привлечение виновных лиц к уголовной ответственности и т. д. Важно отметить, что перечисленные элементы противодействия хищениям мобильных телефонов в Российской Федерации могут быть дополнены или изменены в соответствии с развитием технологий и изменениями в законодательстве.

1. Третьяков В. И., Бугера М. А. История развития средств сотовой связи и противодействия их хищениям // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2012. № 1 (20). С. 62—69.

2. Халиков А. Н., Хатыпов Р. Н. Некоторые вопросы насильственно-корыстной преступности, ее причины и меры по предупреждению // Следователь. 2004. № 5. С. 34.

3. Галяутдинов Р. Ф., Чембарисов Т. И. Статистика и методы противодействия преступлениям в сфере хищений сотовых телефонов // Евразийский юридический журнал. 2021. № 8 (159). С. 223—224.

4. Корчагин С. А. Проблемные аспекты раскрытия хищений средств сотовой связи // Преступность в СНГ: проблемы предупреждения и раскрытия преступлений: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Воронеж, 23 мая 2019 г.). Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2019. С. 179—180.

5. Галактионов С. А. Некоторые вопросы квалификации хищений средств мобильной связи // Российский следователь. 2010. № 2. С. 26—28.

6. Бугера М. А. Борьба с хищениями сотовых телефонов и персональных данных, содержащихся в них: проблемы и пути решения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 2 (94). С. 108—113.

1. Tretyakov V. I., Bugera M. A. History of the development of mobile communications and counteracting their theft. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 62—69, 2012. (In Russ.).

2. Khalikov A. N., Khatypov R. N. Some issues of violent-selfish crime, its causes and preventive measures. Investigator, 34, 2004. (In Russ.).

3. Galyautdinov R. F., Chembarisov T. I. Statistics and methods of counteracting crimes in the sphere of theft of mobile phones. Eurasian Legal Journal, 223—224, 2021. (In Russ.).

4. Korchagin S. A. Problematic aspects of solving theft of mobile communications. Crime in the CIS: problems of preventing and solving crimes. Collection of materials of International scientific-practical conference, Voronezh, 23 May 2019. Voronezh: The Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 179—180, 2019. (In Russ.).

5. Galaktionov S. A. Some questions of qualification of theft of mobile communications. Russian investigator, 26—28, 2010. (In Russ.).

6. Bugera M. A. Counteracting theft of mobile phones and personal data contained in them: problems and solutions. Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta MVD Rossii, 108—113, 2022. (In Russ.).

Бугера Михаил Александрович,
начальник кафедры предварительного
расследования
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
ma.bugera@mail.ru

Bugera Mikhail Alexandrovich,
head of the department
of preliminary investigation
of the educational and scientific complex
for the preliminary investigation
in the Interior Bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
candidate of juridical sciences, docent;
ma.bugera@mail.ru

Статья поступила в редакцию 12.10.2023; одобрена после рецензирования 20.10.2023; принята к публикации 17.11.2023.

The article was submitted 12.10.2023; approved after reviewing 20.10.2023; accepted for publication 17.11.2023.

* * *

УДК 343.57

doi: 10.25724/VAMVD.A188

**ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ
НЕЗАКОННОГО СБЫТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ
ИЛИ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ
(ВКЛЮЧАЯ ИНТЕРНЕТ)**

София Сергеевна Гура*, Ирина Витальевна Ханова**

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия

* Sofija-zhukova@rambler.ru

** ivhanova@mail.ru

Аннотация. В настоящее время электронные или информационно-телекоммуникационные сети (включая Интернет) активно используются при сбыте наркотических средств бесконтактным путем. Распространение наркотических средств данным способом обуславливает постоянное совершенствование борьбы с незаконным оборотом средств со стороны как законодателя, так и правоприменительных органов. Однако судебные рекомендации Пленума Верховного Суда Российской Федерации, отражающие подход к определению стадии преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, вызывают трудности при квалификации деяний закладчика. В статье проанализирована правоприменительная деятельность, отражающая квалификацию действий закладчика при сбыте наркотических средств с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая Интернет). Авторы приходят к выводу о том, что момент окончания преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, зависит не столько от действий закладчика, сколько от доведения информации о месте нахождения тайника с запрещенным в свободном обороте средством — закладкой до приобретателя.

Ключевые слова: закладка, Интернет, наркотическое средство, покушение, сбыт, тайник

Для цитирования: Гура С. С., Ханова И. В. Вопросы квалификации незаконного сбыта наркотических средств с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая Интернет) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 4 (67). С. 24—31. doi: 10.25724/VAMVD.A188

**ISSUES TO QUALIFY CRIMES
RELATED TO DRUG TRAFFICKING
BY USING ELECTRONIC
OR INFORMATION AND TELECOMMUNICATIONS NETWORKS
(INCLUDING THE INTERNET)**

Sofia Sergeevna Gura*, Irina Vitaliyevna Khanova**

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia

* Sofija-zhukova@rambler.ru

** ivhanova@mail.ru

Abstract. At present electronic or information and telecommunication networks (including the Internet) are actively used in the sphere related to drug trafficking by means of a contactless character. Spreading narcotic substances in this way determines constant improvement of fighting against drug trafficking on the part of both the legislator and law enforcement agencies. However, the judicial recommendations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation defining the approach to determining the stage of the crime provided for in paragraph "b" of Part 2 of Art. 228.1 of the Criminal Code of the Russian Federation cause some difficulties while qualifying the actions of the drug dropper. The given article deals with analysis of law enforcement activities

that determine the qualifications of the actions of the drug dropper while drug dealing by using electronic or information and telecommunication networks (including the Internet).

The authors of the article conclude that the moment when the crime has been committed provided for in paragraph "b" of Part 2 of Art. 228.1 of the Criminal Code of the Russian Federation depends not so much on the actions of the drug dropper but on bringing information about the location of the drug cache with a drug prohibited in free use - the drug dropper up to the acquirer.

Keywords: stash of drugs, the Internet, a narcotic drug, assassination attempt, drug sale, a hiding place

For citation: Gura S. S., Khanova I. V. Issues to qualify crimes related to drug trafficking by using electronic or information and telecommunications networks (including the Internet). Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 24—31, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A188

Высокие информационные технологии стали неотъемлемой частью нашей жизни. Только за 2022 г. интернет-аудитория выросла на 98 миллионов человек. Количество же интернет-пользователей в России по состоянию на 2023 г. составляет 88,2 % всего населения страны¹, и в этом явлении есть свои плюсы и минусы. С одной стороны, цифровые технологии открывают новые возможности для развития личности и общества, а с другой — создают условия для совершения качественно новых преступлений.

Согласно Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 г. угрозой национальной безопасности признано появление новых форм противоправной деятельности, связанной со сбытом наркотических средств с использованием инновационных коммуникационных и других новых технологий².

По официальной информации Министерства внутренних дел Российской Федерации, за период с января по июль 2023 г. на территории страны зарегистрировано 100 849 преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, что на 11,2 % больше показателей первого полугодия 2022 г. Из них сбыт запрещенных к обороту веществ составил 67 623 факта; при этом 42 113 преступлений были совершены с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей,

что на 36,8 % больше, чем за аналогичный период предыдущего года³.

Общественная опасность незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, совершаемых с использованием инновационных коммуникационных технологий, в первую очередь обусловлена общедоступностью и открытостью глобальной сети. В рамках борьбы с этим крайне негативным явлением в целях ограничения доступа к соответствующей информации Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций ведет постоянную работу по выявлению и блокированию интернет-страниц, содержащих запрещенную информацию. Только в первом квартале 2023 г. данной службой было удалено и заблокировано 27,6 тыс. материалов с пронаркотическим контентом, а во втором квартале — 24,8 тыс. сайтов, содержащих подобную информацию⁴.

Однако несмотря на указанные в основном эффективные меры по предупреждению и пресечению преступности, реализуемые правоохранительными и контролирующими органами, количество преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, продолжает оставаться на достаточно высоком уровне. Согласно данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации в 2019 г. было зарегистрировано 190 197 таких преступлений, в 2020 г. — 189 905, в 2021 г. — 179 732, а в 2022 г. — 177 741⁵.

¹ Интернет и соцсети в начале 2023 года — главные цифры Global Digital 2023. URL: <https://vc.ru/marketing/596126-internet-i-socseti-v-nachale-2023-goda-glavnye-cifry-global-digital2023#:~:text=%D0%93%D0%BB%D0%B0%...VO%201%2C9%25> (дата обращения: 31.07.2023).

² Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 г.: указ Президента Российской Федерации от 23 ноября 2020 г. № 733. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46116> (дата обращения: 31.07.2023).

³ Состояние преступности в России за январь — июль 2023 г. // МВД России: офиц. сайт. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/40116049/> (дата обращения: 02.08.2023).

⁴ РКН отчитался об ограничении доступа к запрещенной информации. URL: <https://rspectr.com/novosti/rkn-otchitalsya-ob-ogranichenii-dostupa-k-zapreshhennoj-informaczii> (дата обращения: 02.08.2023).

⁵ Портал правовой статистики // Генеральная Прокуратура Российской Федерации. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 10.07.2023).

Самым распространенным в рассматриваемой группе преступлений является сбыт наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, растений (или их частей), содержащих наркотические средства или психотропные вещества, ответственность за который предусмотрена ст. 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ).

По конструкции объективной стороны состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 228.1 УК РФ, является формальным. То есть законодатель не предусмотрел в качестве обязательного признака объективной стороны данного преступления наступление общественно опасных последствий. В связи с этим преступление признается оконченным с момента выполнения лицом всех необходимых действий по реализации другому лицу наркотических средств независимо от их фактического получения и употребления приобретателем.

В доктрине уголовного права существует мнение, что исследуемый состав преступления необходимо признавать усеченным и, соответственно, переносить момент окончания преступления на стадию покушения [1]. Ряд авторов считают, что действия субъекта, связанные с приобретением, хранением, перевозкой, изготовлением наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов для последующей реализации, есть не что иное, как создание условий для осуществления сбыта, что является приготовлением к преступлению [2, с. 523].

Верховный Суд Российской Федерации (далее — ВС РФ) в свою очередь дал разъяснения, в которых рекомендовал признавать подобные действия лиц, нацеленных на сбыт запрещенного в обороте вещества, покушением на незаконный сбыт наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, растений (их частей), содержащих наркотические средства или психотропные вещества в случаях, когда эти средства (вещества) не дошли до приобретателя по независящим от сбывающих лиц обстоятельствам¹.

Высказанные точки зрения в определении момента окончания преступления, связанного со сбытом наркотического средства, запутали

правоприменителей, особенно при появлении нового группового бесконтактного способа его совершения. Анализ судебной практики позволил сделать вывод, что, несмотря на наличие соответствующих разъяснений ВС РФ, у правоприменителей не выработан единый подход в вопросе квалификации действий лиц, участвующих в бесконтактном сбыте наркотических средств с использованием IT-технологий.

Так, П. и Р., получив от неустановленного лица по каналам интернет-связи сведения о месте нахождения тайника, извлекли из него наркотическое средство в особо крупном размере, которое поместили на хранение в принадлежащей одному из них квартире. Через три дня они расфасовали часть приобретенного наркотического средства и в целях его сбыта отправились делать «закладки», после чего должны были сообщить неустановленному лицу, с которым общались удаленно, координаты тайников, чтобы последний мог организовать непосредственную продажу наркотика потребителям. Разложить все подготовленные ими пакетики с наркотическим средством по тайникам на территории района П. и Р. не успели, так как были задержаны сотрудниками полиции, которые изъяли приобретенное ими наркотическое средство в полном объеме. Суд первой инстанции квалифицировал действия виновных лиц по ч. 1 ст. 30, ч. 5 ст. 228.1 УК РФ, отметив, что «подсудимые ни с кем из приобретателей не договаривались о способе получения наркотических средств, информацию иному лицу о местах закладок передать не успели и лично никому наркотические средства не передавали, П. и Р. лишь создали условия для совершения преступления». В последующем судом апелляционной инстанции, сославшись на вышеуказанные разъяснения Пленума ВС РФ, действия виновных были переквалифицированы на ч. 3 ст. 30, ч. 5 ст. 228.1 УК РФ².

Другой пример. Ш. с использованием сети Интернет вступил в сговор на сбыт наркотического средства с неустановленным лицом, после чего через тайниковую закладку приобрел у последнего для дальнейшего сбыта расфасованное в 26 пакети-

¹ О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 14 от 15 июня 2006 г. (ред. от 16.05.2017) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.09.2023).

² Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Архангельского областного суда от 8 сентября 2016 г. № 22-2004/2016 // Архангельский областной суд. URL: https://obsud-arh.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=961582&delo_id=4&new=4&text_number=1 (дата обращения: 09.08.2023).

ков указанное средство. В этот же день Ш. разместил полученные пакетики в тайники на территории района, где проживал, а координаты нахождения тайников через мобильное приложение «Телеграм» сообщил неустановленному лицу для дальнейшей передачи потенциальным приобретателям. Однако все разложенное Ш. наркотическое средство было обнаружено в тайниках и изъято сотрудниками правоохранительных органов. Действия Ш. были квалифицированы судом первой инстанции как оконченное преступление по п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ. В дальнейшем суд кассационной инстанции, сославшись на п. 13.2 постановления Пленума ВС РФ от 15 июня 2006 г. № 14, переквалифицировал действия Ш. на ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ¹.

А вот действия Я., который посредством сети Интернет приобрел в целях последующего сбыта у неустановленного лица расфасованное по пакетикам наркотическое средство в особо крупном размере, но не реализовавшего его в связи с задержанием, были изначально квалифицированы судом первой инстанции как покушение на сбыт наркотического средства по ч. 3 ст. 30, ч. 5 ст. 228.1 УК РФ. Однако судом кассационной инстанции было отмечено, что Я. после извлечения наркотического средства из тайника стал незаконно его хранить в своем транспортном средстве и жилище, при этом никаких действий для реализации (отчуждения) наркотика не предпринимал. Наркотическое средство в полном объеме было изъято сотрудниками полиции (часть обнаружена и изъята при осмотре автомобиля, оставшаяся часть — в ходе последующего обыска в жилище). Принимая во внимание данные факты, суд переквалифицировал действия виновного Я. с ч. 3 ст. 30, ч. 5 ст. 228.1 УК РФ на ч. 1 ст. 30, ч. 5 ст. 228.1 УК РФ².

Таким образом, правоприменители при квалификации незаконного сбыта наркотических средств, совершенного с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей

(включая Интернет), сталкиваются с проблемами определения стадии совершения посягательства. И это происходит из-за того, что квалификация такого деяния зависит не только от характера непосредственно выполненных виновным лицом действий, но и от того, на каком этапе и с какой целью используются инновационные технологии, и доходит ли информация о месте нахождения наркотического средства до потенциального приобретателя.

Необходимо отметить, что сбыт наркотических средств часто совершается организованными группами или преступными сообществами (преступными организациями). Указанные групповые формирования обладают структурированной и упорядоченной системой отношений, в которых между членами максимально распределены роли и функции. Например, преступное сообщество (преступная организация), действовавшее на территории Республики Карелии и осуществлявшее сбыт наркотических средств с использованием электронных и информационно-телекоммуникационных сетей (включая Интернет) организованной группой в крупном размере, имело следующую структуру³:

1-я ступень — организатор группового формирования;

2-я ступень — дольщики;

3-я ступень — логист, помощник логиста, бухгалтер, помощник бухгалтера, «технарь», системный администратор;

4-я ступень — помощники дольщика, менеджеры, операторы, «обнальщики»;

5-я ступень — межрегиональные курьеры;

6-я ступень — оптовые закладчики-кладовщики, среднеоптовые закладчики наркотиков и розничные закладчики наркотиков.

Наибольший интерес представляет анализ квалификации действий, складывающихся в результате взаимодействия «закладчиков» с «менеджерами» («операторами»), так как именно от действий «закладчиков» во многом зависит, будет ли доведено преступление до конца.

Здесь можно выделить несколько ситуаций, когда действия лиц, участвующих в незаконной реализации наркотического средства, следует квалифицировать как покушение на сбыт.

¹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 6 сентября 2022 г. по уголовному делу № 77-3331/2022. URL: https://4kas.sudrf.ru/modules.php?name=gbook_procedural&&arc_list=2020-08 (дата обращения: 09.08.2023).

² Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 3 марта 2020 г. № 77-151/2020 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.08.2023).

³ Приговор Петрозаводского городского суда Республики Карелия от 3 сентября 2020 г. № 1-443/2020 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 10.08.2023).

Первая ситуация. Лицо приобрело по указанию менеджера (оператора) оптовую партию наркотического средства для сбыта, но в связи с задержанием не разложило наркотическое средство по отдель-

ным тайникам и не направило с помощью сети Интернет сведения о месте закладки приобретателю или лицу, координирующему его действия по распространению наркотиков (рис. 1).

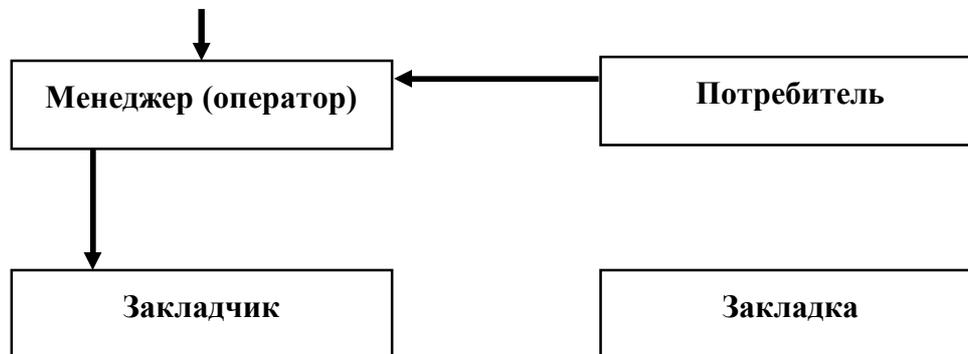

Рис. 1. Схема взаимодействия закладчика с менеджером (оператором)

Например, Д. в программе интерактивного общения «Телеграм» вступил в сговор, направленный на незаконный сбыт наркотических средств неопределенному кругу лиц с неустановленным сбытчиком наркотического средства, использующим псевдоним Крокодил Гена. Он взял на себя обязательство бесконтактным способом получить от последнего наркотическое средство, разделенное по весу на части, подходящие для продажи непосредственным потребителям, и разместить его по своему усмотрению на территории г. Волжского в тайниках, обеспечивающих временное безопасное хранение товара до момента его изъятия потребителями наркотических средств. Данные о нахождении таких мест Д. обязан был сообщать неустановленному соучастнику Крокодилу Гене, который в свою очередь посредством сети Интернет должен был доводить информацию о географических координатах тайников с наркотическим средством до потребителей наркотика.

В соответствии с договоренностью в один из дней Д. по указанию Крокодила Гены получил наркотическое средство метадон (фенадон, долофин) суммарной массой 4,649 г, которое стал хранить при себе для последующей продажи. Однако разложить наркотическое средство по тайникам он не успел, так как в этот же день был задержан сотрудниками полиции. В связи с тем что Д. не разместил наркотическое средство в потайных местах и не сообщил соответствующие координаты его местонахождения потребителям по независи-

щим от него обстоятельствам, суд признал последнего виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ¹.

Таким образом, действия всех установленных сбытчиков в случаях, когда преступление не было доведено до конца по независящим от соучастника-закладчика обстоятельствам, т. е. объективная сторона преступления была выполнена лишь частично, квалифицируются как покушение на совершение преступления.

Вторая ситуация. Лицо, имея умысел на сбыт наркотических средств, получило партию наркотиков, расфасовало ее на упаковки с разовыми дозами (если товар был получен общим весом) и сделало закладки с наркотическим средством, но при этом не сообщило оператору или непосредственному приобретателю сведения о его месте нахождения (рис. 2).

¹ Приговор Волжского городского суда Волгоградской области № 1-40/2022 от 26 апреля 2022 г. URL: https://vol-vol.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=296245497&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 24.05.2023).

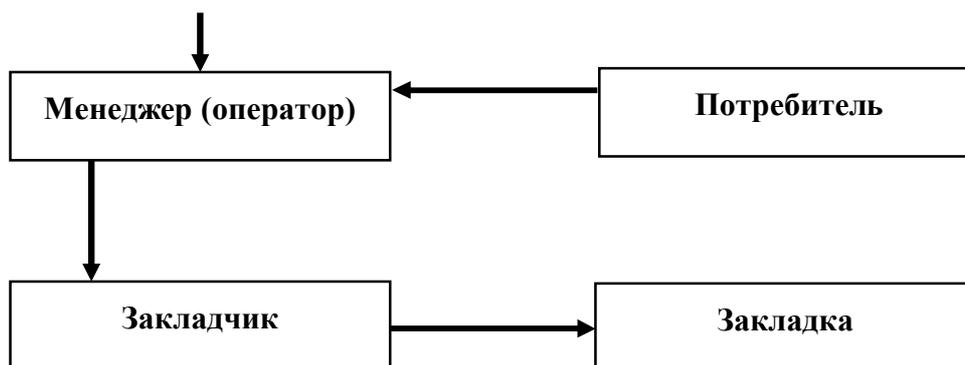

Рис. 2. Схема взаимодействия закладчика с менеджером (оператором)

Например, А.Г.Б. посредством сети Интернет приобрел 14 свертков со смесью, содержащей метадон (фенадон, долофин), общей массой не менее 3,438 г. В целях последующего незаконного сбыта приобретенного наркотического средства в крупном размере, прибыв к участку местности, расположенному по географическим координатам: 48.8001308 N°, 44.73403 E° (в лесопарковой зоне вблизи стадиона им. Логинава г. Волжского), поместил на землю один свертков со смесью, содержащей метадон (фенадон, долофин), массой 0,207 г. После чего отошел в сторону и сфотографировал указанное место на мобильный телефон. В этот момент А.Г.Б. был замечен сотрудниками полиции, от которых во избежание ответственности попытался скрыться, выбросив на землю 13 свертков соответствующей смеси. Переслать координаты созданного тайника оператору или непосредственному потребителю наркотика он не успел. Наркотическое средство, приобретенное А.Г.Б. для реализации, в полном объеме было изъято правоохранительными органами¹. В связи с тем что предназначенный для реализации наркотик (в том числе помещенный в тайник) не дошел до непосредственного потребителя по независящим от виновного обстоятельствам, А.Г.Б. был осужден за совершение деяния, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ.

Таким образом, в подобной ситуации действия установленных сбытчиков наркотического средст-

ва должны квалифицироваться как покушение на сбыт, так как виновными совершены не все действия, необходимые для успешной реализации товара, а именно сведения о месте нахождения вещества не доведены до его непосредственного приобретателя.

Третья ситуация. Лицо, имея умысел на сбыт наркотических средств, получило оптовую партию наркотиков, расфасовало ее на упаковки с разовыми дозами и сделало закладки с наркотическим средством, сообщив оператору сведения о месте их нахождения, однако данное наркотическое средство все же не дошло до потребителя, например, по причине задержания лица или изъятия наркотического средства из места закладки сотрудниками полиции (рис. 3).

Так, А.А.Р. вступил в предварительный сговор, направленный на незаконный сбыт наркотических средств неопределенному кругу лиц, с неустановленным сбытчиком наркотического средства, использующим псевдоним ХАВХЕ на интернет-площадке HYDRA. Согласно указаниям последнего, полученным посредством общения в сети Интернет, А.А.Р. из неустановленного следствием места на территории г. Краснослободска Волгоградской области забрал 6,4 г каннабиса (марихуаны), который перевез на своем автомобиле в арендованный им гараж. Там он разделил полученное наркотическое средство на семь частей и упаковал их соответствующим образом. Все семь пакетиков с марихуаной А.А.Р. по своему усмотрению разместил в потайных местах на территории пос. Краснооктябрьский г. Волжского. В целях дальнейшей реализации умысла информацию о местах нахождения сокрытых свертков посредством сети Интернет А.А.Р. передал неустановленному лицу для организации последним продажи наркотического средства непосредственно потребителям. Однако

¹ Приговор Волжского городского суда Волгоградской области № 1-654/2022 от 23 сентября 2022 г. URL: https://vol--vol.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srnum=1&name_op=doc&number=337096172&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 24.05.2023).

в ходе проведения оперативно-разыскных мероприятий по выявлению и пресечению преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков все разложенные А.А.Р. в потайные места свертки с каннабисом (марихуаной) были изъяты сотрудниками полиции. Приговором Волжского городского суда Волгоградской области А.А.Р. был признан виновным в совершении преступления, предусмот-

ренного ч. 3 ст. 30, п. «а», «б» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ¹. В подобной ситуации такое решение представляется вполне обоснованным, так как А.А.Р. выполнил все необходимые для реализации наркотического средства действия (оконченное покушение), однако товар не дошел до приобретателя по независящим от него обстоятельствам.

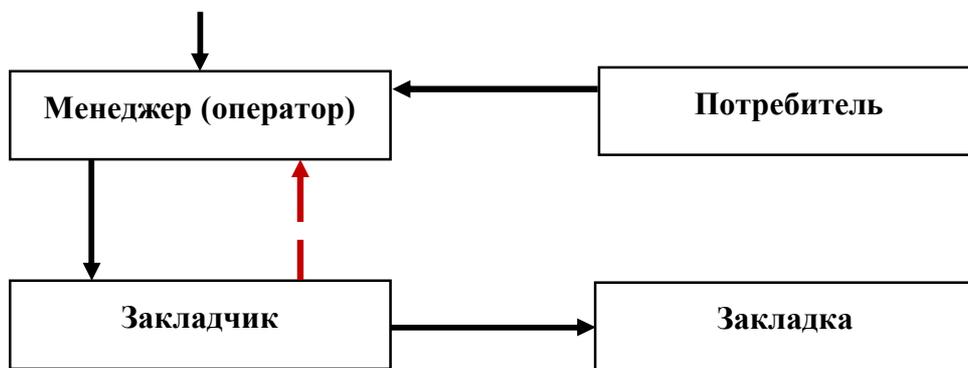

Рис. 3. Схема взаимодействия закладчика с менеджером (оператором)

Анализ вышеперечисленных ситуаций, отражающих квалификацию сбыта наркотических средств и психотропных веществ с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая Интернет), позволил сделать следующий вывод. Если информация о месте тайника с наркотическими средствами или психотропными веществами была получена потребителем,

то такие действия следует квалифицировать как оконченный сбыт, независимо от фактического их получения приобретателем (рис. 4). Если закладчик не передал информацию о месте нахождения тайника с наркотическим средством потенциальному приобретателю лично или через оператора, то данные действия следует квалифицировать как покушение на сбыт.

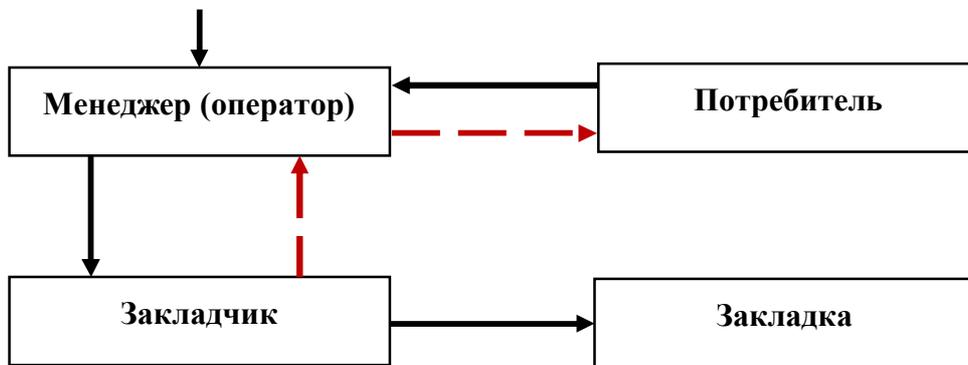

Рис. 4. Схема взаимодействия закладчика с менеджером (оператором)

Отметим также, что в правоприменительной практике встречаются ситуации необоснованного применения квалифицирующего признака сбыта наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ.

Так, приговором Медведевского районного суда Республики Марий Эл Н.Е.Е. осуждена по п. «б» ч. 3

ст. 228.1 УК РФ за незаконный сбыт наркотического средства, совершенный в исправительном учреждении с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая Интернет) в значительном размере. Хотя органами предварительного

¹ Уголовное дело № 12101180002000140, возбужденное 25 марта 2021 г. // Архив СУ Управления МВД России по г. Волжскому Волгоградской области.

следствия было установлено, что Н.Е.Е. для передачи своему знакомому, отбывающему наказание в исправительной колонии, так называемого сюрприза с помощью телефона посредством сети Интернет у неустановленного лица @ENYOBOT через закладку приобрела наркотическое средство (соль) в значительном размере. Чтобы сотрудники исправительного учреждения не обнаружили приобретенный наркотик, она вложила его в жабры одной из скумбрий холодного копчения, после чего в установленном порядке передала ее вместе с другими продуктами питания и средствами гигиены адресату — потенциальному потребителю. В ходе осмотра передачи сверток с наркотическим средством был обнаружен и изъят сотрудниками УФСИН. Верховный Суд Республики Мари Эл не согласился с приговором суда, вынесенным Н.Е.Е., и счел необходимым исключить признак «с использованием информационно-телекоммуника-

ционных сетей (включая сеть Интернет)» из обвинения в связи с тем, что Всемирная паутина использовалась виновной только для приобретения наркотического средства¹.

Отметим, что действия виновного лица могут быть квалифицированы как совершенные с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ) только тогда, когда указанные ресурсы используют для непосредственной реализации (отчуждения) наркотических средств и психотропных веществ.

¹ Справка по результатам обобщения судебной практики рассмотрения уголовных дел, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ (ст. 228—230 УК РФ), за первое полугодие 2018 г. // Верховный Суд Республики Марий Эл: сайт. URL: <http://vs.mari.sudrf.ru/modules.php?name=information&id=2407> (дата обращения: 07.06.2023).

1. Винокуров В. Н. Значение понимания непосредственного объекта преступления против жизни для квалификации при ошибке в развитии причинной связи и при отклонении действия // Законность. 2022. № 4. Доступ из справ.-правовой сист. «КонсультантПлюс». Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

2. Дзиковская С. Г., Прохорова М. Л. Преступления против здоровья населения и общественной нравственности // Российское уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / под ред. В. П. Коняхина, М. Л. Прохоровой. Москва: КОНТРАКТ, 2015. 928 с.

Гура София Сергеевна,

доцент кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России;
Sofija-zhukova@rambler.ru

Ханова Ирина Витальевна,

старший преподаватель кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России;
ivhanova@mail.ru

1. Vinokurov V. N. The importance of understanding direct object of a crime against life to qualify in case of an error while developing causal relationship and deviating from an action. *Legality*, 2022. Available from the reference and legal system "ConsultantPlus". Access mode: for registered users. (In Russ.).

2. Dzikovskaya S. G., Prokhorova M. L. Crimes against public health and morality. In: *Russian criminal law. Special part. Textbook for universities*. Ed. by V. P. Konyakhin, M. L. Prokhorova. Moscow: CONTRACT; 2015: 928. (In Russ.).

Gura Sofia Sergeyevna,

associate professor at the department of criminal law
of the educational and scientific complex
for preliminary investigation in the interior bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia;
Sofija-zhukova@rambler.ru;

Khanova Irina Vitaliyevna,

senior lecturer at the department of criminal law
of the educational and scientific complex
for preliminary investigation in the interior bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia;
ivhanova@mail.ru

Статья поступила в редакцию 14.09.2023; одобрена после рецензирования 25.09.2023; принята к публикации 17.11.2023.

The article was submitted 14.09.2023; approved after reviewing 25.09.2023; accepted for publication 17.11.2023.

* * *

УДК 343.9

doi: 10.25724/VAMVD.A189

**ПУБЛИЧНЫЙ РЕЕСТР ЛИЦ, ОСУЖДЕННЫХ
ЗА СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ
И ПОЛОВОЙ СВОБОДЫ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ,
КАК ЭФФЕКТИВНАЯ МЕРА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
НАЗВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ**

Марина Сергеевна Колосович**, *Максим Юрьевич Тарасов***, *Виктор Александрович Кузнецов***

* Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, 270619@mail.ru

** Академия государственной противопожарной службы МЧС России, Москва, Россия, tarasov0123@gmail.com

Академия гражданской защиты МЧС России, Москва, Россия, tarasov0123@gmail.com

Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия, tarasov0123@gmail.com

*** Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, vkuznetcov138@mvd.ru

Аннотация. Проведенное исследование является продолжением цикла статей, посвященных вопросам совершенствования мер противодействия преступлениям против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних. Неудовлетворенность населения стабильным ростом регистрации названных деяний, череда преступлений, вызвавших широкий общественный резонанс, обусловили появление предложений небезразличных граждан, отдельных представителей законодательной власти, правоохранительных органов и научного сообщества о применении к виновным лицам таких радикальных мер воздействия, как смертная казнь, антиандрогенная терапия, хирургическая кастрация или отбывание наказания в виде лишения свободы на рудниках для выполнения тяжелых работ. В условиях запроса общества на предельное ужесточение мер воздействия на преступника авторы аргументируют вывод о том, что публичный реестр лиц, осужденных за совершение вышеназванных преступлений, является приемлемым средством предупреждения рецидивной преступности, позволяющим населению самостоятельно (не дожидаясь помощи правоохранительных органов) выявлять в своем окружении лиц с доказанно повышенным уровнем агрессии и особой общественной опасности для детей, минимизируя риски последних стать жертвами педофилов.

Ключевые слова: преступление против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних, меры противодействия рецидивной преступности, реестр осужденных лиц

Для цитирования: Колосович М. С., Тарасов М. Ю., Кузнецов В. А. Публичный реестр лиц, осужденных за совершение преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних, как эффективная мера противодействия названной преступности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 4 (67). С. 32—41. doi: 10.25724/VAMVD.A189

**PUBLIC REGISTER OF PERSONS CONVICTED
OF COMMITTING CRIMES AGAINST SEXUAL INVIOABILITY
AND SEXUAL FREEDOM OF MINORS,
AS AN EFFECTIVE MEASURE TO COMBAT THIS CRIME**

Marina Sergeevna Kolosovich**, *Maxim Yurievich Tarasov***, *Viktor Aleksandrovich Kuznetsov***

* Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, 270619@mail.ru

** Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Moscow, Russia, tarasov0123@gmail.com

Academy of Civil Defense of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Moscow, Russia, tarasov0123@gmail.com

Research Institute of the FSIN (Federal Penal Enforcement Service) of Russia, Moscow, Russia,
tarasov0123@gmail.com

***Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, vkuznetcov138@mvd.ru

Abstract. The conducted research is a continuation of a series of articles devoted to improving measures to combat crimes against sexual inviolability and sexual freedom of minors. The dissatisfaction of the population with the steady increase in the registration of these crimes, a series of crimes that caused a wide public outcry, led to the emergence of proposals from concerned citizens, individual representatives of the legislature, law enforcement agencies and the scientific community to apply such radical measures to guilty persons as the death penalty, anti-androgen therapy, surgical castration or serving a sentence of imprisonment in the mines to perform hard work. In the context of society's demand for the utmost tightening of measures of influence on the criminal, the authors argue for the conclusion that the public register of persons convicted of committing the above crimes is an acceptable means of preventing recidivism, allowing the population to independently (without waiting for the help of law enforcement agencies) identify persons in their environment with a proven increased level of aggression and special social dangers for children, minimizing the risks of the latter becoming victims of pedophiles.

Keywords: crime against sexual inviolability and sexual freedom of minors, measures to combat recurrent crime, register of convicted persons

For citation: Kolosovich M. S., Tarasov M. Yu., Kuznetsov V. A. Public register of persons convicted of committing crimes against sexual inviolability and sexual freedom of minors, as an effective measure to combat this crime. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 32—41, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A189

На фоне роста количества регистрируемых в России преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних (в том числе рецидивной преступности)¹ активная общественность и неравнодушные граждане неоднократно обращали внимание властей на недостаточно эффективную работу в сфере противодействия названным преступлениям². Вопросы совершенствования соответствующих мер противодействия актуализировались и для лиц, наделенных правом законодательной инициативы³, а также для право-

ведов, предложивших обратиться к опыту правоохранительных органов других стран [1, с. 35, 57—59; 2].

Неоднократно предлагалось ужесточить меры воздействия на лиц, совершивших преступления данного вида. В частности, все чаще возмущенные чередой резонансных преступлений граждан⁴, отдельные парламентарии⁵, правозащитники⁶ и руководители правоохранительных органов страны⁷ предлагают отменить мораторий на смертную казнь в отношении указанных преступников, а также создать публичный реестр лиц, осужденных

¹ Сведения о преступлениях, совершенных в отношении несовершеннолетних: сборник по России за 2021 и 2022 гг. URL: <https://мвд.рф> (дата обращения: 12.11.2023); Сведения о лицах, совершивших преступления в отношении несовершеннолетних: сборник по России за 2018, 2019, 2020, 2021 и 2022 гг. URL: <https://мвд.рф> (дата обращения: 12.11.2023).

² См., напр.: Россия! Защитим детей от педофилии! петиция Т. Сорокиной от 18 января 2022 г. URL: <https://www.change.org/> (дата обращения: 12.11.2023).

³ Пояснительная записка к законопроекту № 1248305-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части усиления ответственности за совершение преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних) // Официальный сайт Системы обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1248305-7> (дата обращения: 10.11.2023); 516 заседание Совета Федерации Российской Федерации от 2 февраля 2022 г. // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. URL:

<http://council.gov.ru/activity/meetings/132817/transcript/> (дата обращения: 12.11.2023).

⁴ См., напр.: За возврат смертной казни: петиция Г. Мартиросяна от 5 января 2022 г. URL: <https://vk.com/petition#p=73305> (дата обращения: 20.11.2023).

⁵ См., напр.: Совина М. В. Госдуме выступили за введение смертной казни // Lenta.ru. 20 марта 2023 г. URL: <https://lenta.ru/news/2023/03/20/death/> (дата обращения: 12.11.2023); 516 заседание Совета Федерации Российской Федерации от 2 февраля 2022 г.

⁶ См., напр.: Омбудсмен Татарстана предложила снять мораторий на казнь педофилов-убийц // РБК Компания. 29 марта 2022 г. URL: <https://www.rbc.ru/politics/29/03/2022/624306169a7947762ec09c5d?from=copy> (дата обращения: 20.11.2023).

⁷ См., напр.: Бастрыкин высказался за отмену моратория на смертную казнь // Интерфакс. 2015. 9 дек. URL: <https://www.interfax.ru/russia/484004> (дата обращения: 14.11.2023).

за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних¹.

По мнению других официальных лиц, достойной альтернативой смертной казни являются значительные сроки лишения осужденных педофилов свободы с отбыванием наказания «на рудниках (северные территории)», поскольку «...это будет намного тяжелее, чем смертная казнь» (В. В. Володин²), а «силу и труд [осужденных педофилов] использовать на благо общества» (К. В. Мишонова³).

На этом подобные инициативы себя не исчерпали. Некоторые парламентарии (А. В. Беляков⁴) и руководители правоохранительных органов (А. И. Бастрыкин⁵) высказались за применение к осужденным принудительных мер медицинского характера в виде антиандрогенной терапии⁶ и хирургической кастрации (А. А. Турчак⁷).

Несмотря на существующий запрос населения на ужесточение мер превентивного воздействия мы считаем, что на современном этапе развития в нашей стране общественных отношений применение столь радикальных мер, даже к лицам с доказанно повышенным уровнем агрессии и особой общественной опасности для детей и общества в целом, **возможно**, однако в качестве **исключения**

и лишь в **условиях исчерпанности применения иных мер предупредительного воздействия**, доказанности их неэффективности или невозможности применения (подробную аргументацию данного вывода см. в наших предшествующих трудах [3—5]). Здесь лишь отметим, что наша позиция основана не на поддержке периодически появляющихся призывов о гуманизации наказания и необходимости особого отношения к лицам, «всего лишь» страдающим психическим расстройством в виде педофилии, не исключающим вменяемости.

Мы считаем, что государство не вправе подвергать риску здоровье и жизнь детей, освобождая из мест лишения свободы потенциальных агрессоров, т. е. лиц, не способных контролировать свои желания и с большой долей вероятности совершающих повторное преступление, а возможно и их серию. Применяя к данной группе преступников суровые меры превентивного воздействия, государство, по сути, действует в состоянии крайней необходимости, обеспечивая безопасность их потенциальных жертв. При названных обстоятельствах для государства интересы педофила **должны** «отходить на второй план».

В названных условиях появление в России единого публичного реестра лиц, осужденных за совершение вышеназванных преступлений, уже не выглядит как ресурс, способный лишь стигматизировать указанных в нем лиц и подвергнуть опасности расправы со стороны населения. Высказанные соображения и обусловили наш интерес к этой теме.

Анализ публичных реестров лиц, привлеченных к уголовной ответственности за совершение преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних, отдельных стран (Великобритания, Германия, Казахстан, Канада, Польша, США) позволил сделать вывод, что они являются одним из достаточно эффективных инструментов борьбы с совершением повторного сексуализированного насилия в отношении несовершеннолетних.

Следует отметить, что в разных странах и юрисдикциях реестры могут различаться в правилах и требованиях относительно регистрации, доступа к информации и сроков хранения данных. Неизменно одно — основная цель реестра лиц, привлеченных к уголовной ответственности за совершение преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних (далее — Реестр), заключающаяся в обеспечении доступа к информации о лицах, осужденных за совершение указанных преступлений, т. е. лиц с доказанной склонностью к совершению наиболее общественно

¹ См., напр.: За смертную казнь для педофилов: петиция. URL: <https://петиция-президенту.рф/смертная-казнь-педофилам/> (дата обращения: 15.11.2023); 516-е заседание Совета Федерации Российской Федерации от 2 февраля 2022 г.

² Заседание Государственной Думы Российской Федерации № 24 от 18 января 2022 г. // Официальный сайт Государственной Думы Российской Федерации. URL: <http://api.duma.gov.ru/api/transcript/1248305-7> (дата обращения: 12.11.2023).

³ Зотина Н. Детский омбудсмен предложила вернуть смертную казнь для педофилов // РИА Новости от 22 мая 2021 г. URL: <https://glavnoe24.info/detskij-ombudsmen-predlozhila-vernut-smertnuyu-kazn-dlya-pedofilov/> (дата обращения: 20.11.2023).

⁴ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 4 июля 2011 г. // Официальный сайт Системы обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/572983-5> (дата обращения: 10.11.2023).

⁵ «Российская газета»: Диагноз как приговор // Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: <https://sledcom.ru/press/smi/item/508169> (дата обращения: 12.11.2023).

⁶ Иногда называемой в юридической литературе химической кастрацией.

⁷ 516-е заседание Совета Федерации Российской Федерации от 2 февраля 2022 г.

опасных преступлений, а в итоге недопущении совершения ими повторного преступления.

Когда речь заходит об эффективности Реестра, важно учитывать разные аспекты его функционирования. Реестр позволяет правоохранительным

органам, родителям, педагогам и всему населению, во-первых, иметь представление о количестве в стране (или конкретной ее части, области) лиц, являющихся потенциальными источниками опасности для детей (рис. 1).

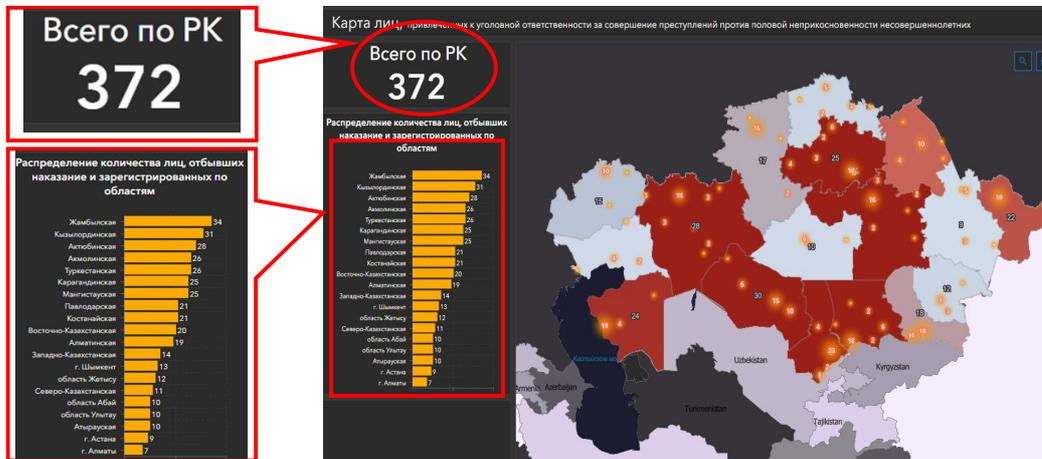

Рис. 1. Карта лиц, привлеченных к уголовной ответственности за совершение преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних (фотография с сайта Генеральной прокуратуры Республики Казахстан)¹

Кроме того, Реестр может служить инструментом правового образования и просвещения населения, помогая гражданам понять масштаб проблемы и принять активное участие в предотвращении таких преступлений. Реализация сказанного позволит повысить прозрачность, понятность и доступность информации о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних, лицах, их совершивших, и об эффективности соответствующей деятельности правоохранительных органов, т. е. способствовать реализации

принципа прозрачности деятельности государственных органов (об этом более подробно было нами изложено в ранее опубликованных трудах [6; 7]).

Во-вторых, Реестр позволяет гражданам оценить реальную опасность проживающих или находящихся рядом (по месту учебы, занятия спортом и т. д.) с их детьми лиц и принять осознанные, взвешенные и, что важно, **своевременные** решения относительно обеспечения безопасности своих детей, минимизируя возможность совершения ранее осужденными лицами повторного преступления (рис. 2).

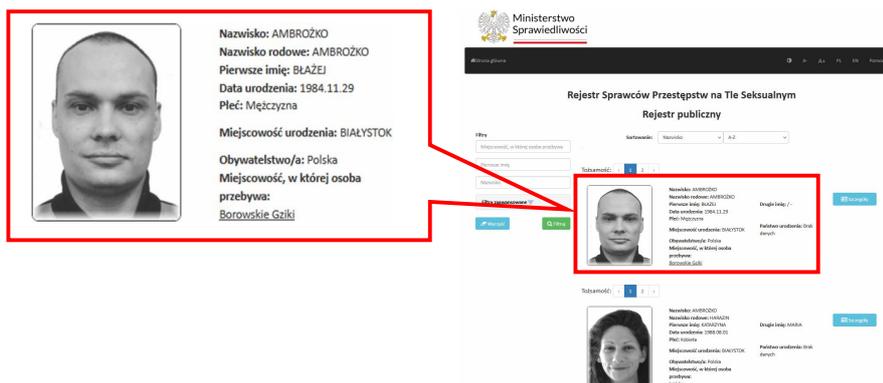

Рис. 2. Фотография сайта Реестра сексуальных преступников Польши²

¹ Карта лиц, привлеченных к уголовной ответственности за совершение преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних // Сайт Генеральной прокуратуры Республики Казахстан. URL: <https://gis.kgp.kz/arcgis/apps/dashboards/24a66201de214d20bafcc1e50c896b2a> (дата обращения: 12.11.2023).

² Rejestr Sprawców Przepęstw na Tle Seksualnym. URL: <https://rps.ms.gov.pl/pl-PL/Public/#/home> (дата обращения: 15.11.2023).

К сожалению, высказанные опасения обусловлены данными статистики. Из общего числа привле-

ченных к уголовной ответственности лиц 73 % входили в круг общения несовершеннолетнего (рис. 3).

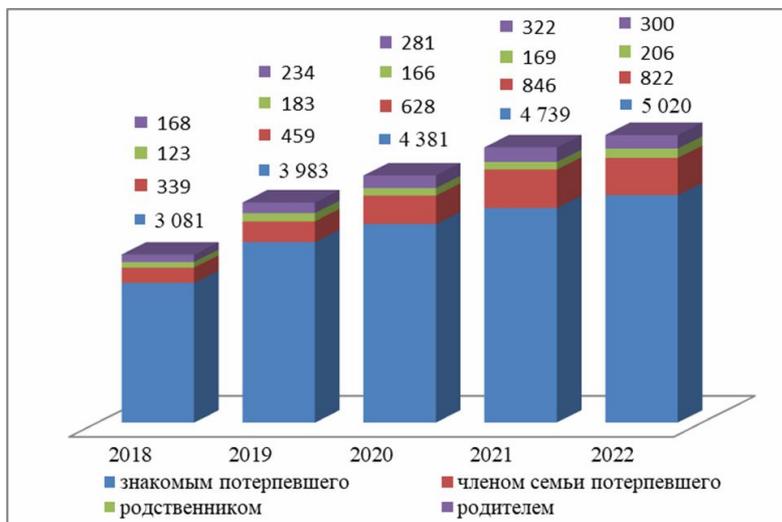

Рис. 3. Общее число привлеченных к уголовной ответственности лиц за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних, совершенные знакомыми, членами семьи, родственниками или родителями последних, в 2018—2022 гг.

В-третьих, в условиях глобализации экономических отношений между странами, изменения политической обстановки в мире, развития международного сотрудничества правоохранительных органов в сфере уголовного судопроизводства комментируемый Реестр (а по сути база данных) может быть интегрирован в аналогичные базы других стран. Наибольшую актуальность обозначенные возможности приобретают на современном этапе развития нашей страны в связи с усиливающимися миграци-

онными процессами. Потенциальная возможность интеграции комментируемых баз данных обуславливают работу по стандартизации их структуры и содержания, а также нормативной регламентации.

В-четвертых, Реестр позволяет лицам, ставшими жертвой преступления, получить информацию об освобождении из места лишения свободы обидчика и о месте его дальнейшего нахождения и при необходимости своевременно принять меры по обеспечению своей безопасности (рис. 4).

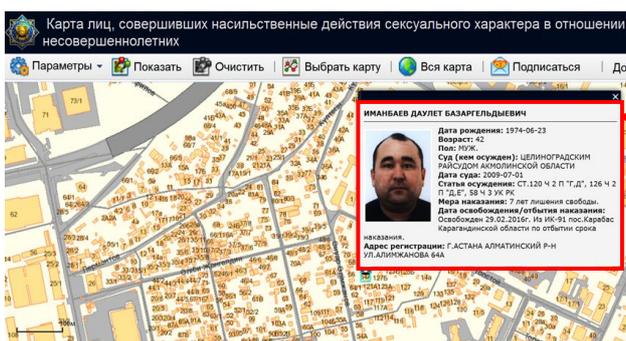

Рис. 4. Карта лиц, привлеченных к уголовной ответственности за совершение преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних (фотография с сайта Генеральной прокуратуры Республики Казахстан)¹

¹ Карта лиц, привлеченных к уголовной ответственности за совершение преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних // Сайт Генеральной прокуратуры Республики Казахстан. URL: <https://gis.kgp.kz/arcgis/apps/dashboards/24a66201de214d20bafcc1e50c896b2a> (дата обращения: 12.11.2023).

Анализируя данные, приведенные на рисунках выше, возникают вопросы относительно правомерности функционирования реестров. Отдельные ученые считают, что они нарушают приватность и могут привести к стигматизации (клеймению) преступников [8, с. 50—52, 55—56], оказывая негативное воздействие на перспективы осужденного социализироваться, наладить свою жизнь после отбывания наказания (найти жилье, трудоустроиться, получить хорошее образование, создать семью и др.), тем самым повышая вероятность совершения им повторного преступления.

Нельзя исключать и опасность физической расправы населения над фигурантом Реестра, его преследование и травлю. Усугубляет ситуацию тот факт, что данное лицо может проживать вместе со своей семьей, не имеющей отношения к совершенному преступлению.

Здесь отметим, что доведение информации о функционировании комментируемых реестров и их эффективности на международной конференции¹ вызвало возражения со стороны некоторых ее участников. По мнению последних, российское общество не готово к размещению приведенной информации в сети Интернет, а ее доступность влечет нарушение конституционно гарантированных прав осужденных лиц («являющихся такими же людьми») на приватность и презумпцию невиновности.

На другой международной конференции² представителем научного сообщества Польши были высказаны сожаления относительно незавидной судьбы членов семьи лиц, чьи данные размещаются на Национальном общественном сайте сексуальных преступников США (The National Sex Offender Public Website). Ученый отметил, что фигуранты указанной базы данных постепенно превратились в изгоев общества, единственным местом проживания которых стали специальные территории, а по сути гетто, где вынуждены находиться и члены их семей. Напомним, что комментируемый Реестр появился в США в 1996 г. (п. 5.5 закона «О преступлениях против личности, связанных

с насилием сексуального характера, а также преступлениях против общественной порядочности и нравственности»³) вследствие возмущения общественности убийством семилетней М. Канки ее соседом, ранее осужденным за совершение аналогичного преступления.

В связи со сказанным представляется ошибочным игнорирование мнений о том, что общественное преследование и вынужденная изоляция могут усложнить процесс социальной реабилитации и восстановления лица, освобожденного из мест лишения свободы, стать препятствием для его интеграции в общество.

Между тем проведенные нами анкетирование и интервьюирование сотрудников территориальных органов внутренних дел⁴ показали отсутствие единой позиции относительно целесообразности появления Реестра в России: 58 % респондентов поддержало инициативу, 32 % высказались против, а 10 % отметили, что не имеют четкой позиции по данному вопросу. В качестве аргумента своей позиции за появление соответствующей публичной базы данных правоприменителями было указано, что, несмотря на отсутствие в России комментируемого Реестра, в адрес лиц, осужденных за совершение преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних, угрозы от населения поступают систематически.

Несмотря на совершение фигурантами Реестра наиболее отвратительных и осуждаемых обществом преступлений они, как носители конституционно гарантированных прав и свобод человека и гражданина, имеют право на защиту государством от преступных посягательств со стороны других лиц. Население должно осознавать неминуемость привлечения к уголовной ответственности любого

³ Of crimes against the person involving sexual assault, and crimes against public decency and good morals. URL: http://leginfo.ca.gov/faces/codes_displaySection.xhtml?laCode=PEN&sectionNum=290.46 (access date: 27.10.2023).

⁴ В опросе приняли участие 357 сотрудников территориальных органов внутренних дел из 16 субъектов Российской Федерации: республик Чечня, Коми, Мордовия, Хакасия и Крым; Забайкальского и Хабаровского краев; Амурской, Астраханской, Брянской, Волгоградской, Ростовской, Рязанской, Саратовской, Смоленской и Тамбовской областей. Из них: следователи, дознаватели, оперуполномоченные и участковые уполномоченные полиции, сотрудники дежурной части и патрульно-постовой службы — слушатели факультета заочного обучения, переподготовки и повышения квалификации Волгоградской академии МВД России.

¹ Международная научно-практическая конференция «Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии» (г. Воронеж, Воронежский институт МВД России, 16 июня 2016 г.).

² Международная научно-практическая конференция «Контроль над преступностью и обеспечение прав личности как приоритеты современной уголовно-процессуальной политики» (г. Саратов, Саратовская государственная юридическая академия, 8 июня 2021 г.).

лица, посягнувшего на жизнь, здоровье или имущество, пусть и ранее осужденного, но гражданина Российской Федерации. Думается, что определенным средством защиты от названных посягательств может стать опция Реестра, обязывающая посетителя сайта регистрироваться при каждом обращении к данным.

Очевидно, что правовая регламентация и политика, регулирующие работу Реестра, должны быть тщательно разработаны и основываться на исследованиях ученых, экспертном мнении и результатах анализа мнения населения. Для решения указанных вопросов логично привлечение юристов, психологов, социологов и других специалистов, способных дать профессиональную оценку эффективности и этичности использования Реестра в целях выявления потенциальных рисков, разработки стратегий защиты данных и определения наилучших практик в реализации задуманного.

Только при соблюдении указанных условий государство способно оградить фигурантов Реестра от психологического и физического воздействия со стороны радикально настроенной части населения.

Создание приведенных гарантий безопасности освобожденных из мест лишения свободы лиц позволит, во-первых, утверждать о правомерности появления и функционирования в России Реестра, а во-вторых, игнорировать возражения и даже протесты указанных лиц относительно внесения их данных в публичную базу. Совершая преступление, они осознавали противоправный характер своих действий, понимали последствия их совершения в виде уголовной ответственности, могли спрогнозировать размещение своих данных в Реестре и последовавшие негодование населения и отторжение их обществом. Несмотря на сказанное они намеренно проигнорировали названные обстоятельства, тем самым обусловив столь жесткую реакцию со стороны государства и общества.

Сказанное позволяет не только осуществлять функционирование Реестра в отсутствие согласия освобожденного из мест лишения свободы лица, но и требовать от него незамедлительного уведомления властей об изменении данных, подлежащих размещению в базе Реестра. Несоблюдение названных требований должно повлечь ответственность, в том числе уголовную.

Представляется, что для успешного функционирования Реестра властям необходимо осведомить о нем население и обеспечить его доступность, раскрыть роль и значение в предотвращении и расследовании преступлений, развернуть обучаю-

щие программы по работе с ресурсом. Это поможет повысить понимание целей и принципов формирования и работы Реестра, а также правильное применение и интерпретацию информации, содержащейся в нем.

В связи с этим актуализируется еще один аспект функционирования Реестра — необходимость в мощной системе безопасности и шифрования данных, а также в эффективных механизмах контроля за соблюдением конфиденциальности и защиты данных от несанкционированного доступа, распространения ошибочной или устаревшей информации. Усугубляет ситуацию тот факт, что информация, размещенная в Реестре, может быть доступна неограниченное количество лет. Особенно актуальны вопросы кибербезопасности для реестров, созданных только для обеспечения деятельности правоохранительных органов страны, т. е. для их внутреннего использования, и закрытых для общества (например, в Канаде).

Сказанное обуславливает обязательность и непрерывность обновления данных комментируемой базы, а также создание механизмов обратной связи заинтересованных сторон. Поэтому логично формирование правовых механизмов возможности обжалования правомерности, достоверности и / или полноты размещаемых в открытом доступе данных осужденного, их изменение и удаление.

Таким образом, создание Реестра определяет необходимость нахождения государством разумного баланса при решении комплекса задач: 1) защита детей от лиц с доказанно повышенным уровнем агрессии и особой общественной опасности, недопущение совершения последними повторного преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетнего; 2) социальная реабилитация освободившихся из мест лишения свободы лиц и их реинтеграция обратно в общество.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Выполнение запроса общества на появление в России нового механизма противодействия преступности в виде публичного реестра лиц, осужденных за совершение преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних, **возможно и целесообразно.**

2. Значение Реестра:

— способствует предупреждению рецидивной преступности против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних, позволяя населению самостоятельно (не дожидаясь помощи

правоохранительных органов) выявлять в своем окружении лиц с доказанно повышенным уровнем агрессии и особой общественной опасностью для детей, минимизируя риски последних стать жертвами педофилов;

— является инструментом правового образования и просвещения населения, помогает гражданам понять масштаб проблемы и принять активное участие в предотвращении указанных преступлений;

— является инструментом реализации принципа транспарентности деятельности правоохранительных и других государственных органов, позволяя гражданам оценить эффективность этой деятельности, а также реальную опасность проживающих или находящихся рядом с их детьми лиц и принять осознанные, взвешенные и, что важно, **своевременные** решения относительно обеспечения безопасности своих детей, минимизируя возможность совершения ранее осужденными лицами повторного преступления;

— является инструментом обеспечения безопасности жертв преступления посредством доступности информации об освобождении из мест лишения свободы осужденного и о месте его дальнейшего нахождения;

— может стать инструментом предупреждения транснациональной преступности в рассматриваемой сфере путем интегрирования в аналогичные базы данных других стран.

3. Функционирование названного Реестра возможно лишь при соблюдении следующих условий:

— нахождение государством разумного баланса при решении комплекса задач: 1) защита детей от лиц с доказанно повышенным уровнем агрессии и особой общественной опасностью, недопущение совершения последними повторного преступления против половой неприкосновенности и половой сво-

боды несовершеннолетнего; 2) социальная реабилитация освободившихся из мест лишения свободы лиц и их реинтеграция обратно в общество;

— обеспечение государством конституционно гарантированных прав и свобод человека и гражданина в отношении осужденного лица и членов его семьи (личная безопасность; защита от преступной агрессии со стороны радикально настроенной части населения; создание механизмов обжалования правомерности, достоверности и / или полноты размещаемых в открытом доступе данных осужденного, их изменение и удаление);

— разработка четкой правовой регламентации процедуры создания и функционирования Реестра, возможности обжалования правомерности, достоверности и / или полноты размещаемых в открытом доступе данных, их изменение и удаление, а также ответственности осужденных лиц, уклоняющихся от уведомления об изменении данных, подлежащих размещению в Реестре;

— обеспечение своевременного и систематического обновления и развития базы данных Реестра;

— обеспечение защиты базы данных Реестра от несанкционированного проникновения и распространения информации;

— при разработке структуры, определении содержания и нормативной регламентации функционирования Реестра обеспечить изучение мнения населения, ученых и сотрудников правоохранительных органов, изучение соответствующего опыта правоохранительных органов других стран, а также привлечение юристов, психологов, социологов и других специалистов, способных дать профессиональную оценку эффективности и этичности использования Реестра, в целях выявления потенциальных рисков, разработки стратегий защиты данных и определения наилучших практик в реализации задуманного.

---

1. Педофилия: природа, причины, предупреждение: Аналитический обзор / Ю. М. Антонян, А. Л. Ситковский, О. Н. Гусева, Ю. Р. Орлова. Москва: Юрлитинформ, 2009. 287 с.

2. Антонян Ю. М. Педофилия и ее причины // Научный портал МВД России. № 3 (59) 2022. С. 48—56.

3. Колосович М. С. Современные аспекты гласности стадии исполнения приговора // Вестник Волгоградской академии МВД России. № 2 (41). 2017. С. 83—90.

---

1. Antonyan Yu. M., Sitkovsky A. L., Guseva O. N., Orlova Yu. R. Pedophilia: nature, causes, prevention. Analytical review. Moscow: Yurlitinform; 2009: 287. (In Russ.).

2. Antonyan Yu. M. Pedophilia and its causes. Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 48—56, 2022. (In Russ.).

3. Kolosovich M. S. Modern aspects of publicity at the stage of execution of a sentence. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 83—90, 2017. (In Russ.).

4. Колосович М. С., Алексеева А. П., Глебов В. Г. Современные меры предупреждения преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних (часть 1) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 1 (64). С. 22—38.

5. Колосович М. С., Алексеева А. П., Глебов В. Г. Современные меры предупреждения преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних (часть 2) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 2 (65). С. 92—102.

6. Колосович М. С. Транспарентность деятельности полиции // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. (Воронеж, 16 июня 2016 г.). Ч. 1. Воронеж: Воронеж. ин-т МВД России, 2016. С. 50—56.

7. Колосович М. С. Транспарентность государственных органов: нормативная регламентация, понятие, содержание и средства обеспечения // Государство и право. № 7. 2019. С. 16—28.

8. Ćerimović E., Hodžić E., Mehmedić A. Anonimizacija sudskih i tužilačkih akata u BiH — analiza propisa, politika i praksi. Sarajevo, 2014. 91 c.

4. Kolosovich M. S., Alekseeva A. P., Glebov V. G. Modern measures to prevent crimes against sexual integrity and sexual freedom of minors (part 1). Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 22—38, 2023. (In Russ.).

5. Kolosovich M. S., Alekseeva A. P., Glebov V. G. Modern measures to prevent crimes against sexual inviolability and sexual freedom of minors (part 2). Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 92—102, 2023. (In Russ.).

6. Kolosovich M. S. Transparency of police activities. In: Public security, law and order in the 3rd millennium. Collection of materials from the international scientific and practical conference, Voronezh, 16 June 2016. Part 1. Voronezh: Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2016: 5—56. (In Russ.).

7. Kolosovich M. S. Transparency of government bodies: normative regulation, concept, content and means of support. State and Law, 16—28, 2019. (In Russ.).

8. Ćerimović E., Hodžić E., Mehmedić A. Anonimizacija sudskih i tužilačkih akata u BiH — analiza propisa, politika i praksi. Sarajevo; 2014: 91.

Колосович Марина Сергеевна,

профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент; 270619@mail.ru

Тарасов Максим Юрьевич,

профессор кафедры юридических дисциплин Академии гражданской защиты МЧС России, профессор кафедры надзорной деятельности (в составе учебно-научного комплекса организации надзорной деятельности) Академии государственной противопожарной службы МЧС России, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор юридических наук, профессор; tarasov0123@gmail.com

Kolosovich Marina Sergeevna,

professor at the department of criminal law of the educational and scientific complex for preliminary investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical science, docent; 270619@mail.ru

Tarasov Maxim Yurievich,

professor at the department of legal disciplines of the Academy of Civil Defense of the Ministry of Emergency Situations of Russia, professor at the department of supervisory activities (as part of the educational and scientific complex for organizing supervisory activities) of the Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia, chief researcher of the Research Institute of the Federal Penal Enforcement Service of Russia, doctor of juridical sciences, professor; tarasov0123@gmail.com

Кузнецов Виктор Александрович,
начальник кафедры оперативно-разыскной
деятельности и специальной техники
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
vkuznetcov138@mvd.ru

Kuznetsov Viktor Aleksandrovich,
head of the department of operational
investigative activities and special equipment
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
vkuznetcov138@mvd.ru

Статья поступила в редакцию 05.09.2023; одобрена после рецензирования 13.09.2023; принята к публикации 17.11.2023.

The article was submitted 05.09.2023; approved after reviewing 13.09.2023; accepted for publication 17.11.2023.

* * *

УДК 343.9

doi: 10.25724/VAMVD.A190

ПРИЧИНЫ И МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ УБИЙСТВ

Анна Юрьевна Мирошниченко*, **Сергей Сергеевич Кравцов****, **Алексей Юрьевич Зотов*****

* Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия, siniza007@mail.ru

** Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, Kravtsov-sss@yandex.ru

*** Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, b-a-baracus@mail.ru

Аннотация. Криминологические проблемы убийства остаются актуальными и сегодня, прежде всего в связи с широкой распространенностью данного вида преступлений в сложных современных реалиях. В статье рассматриваются факторы, детерминирующие совершение убийств, и отдельные меры их профилактики.

Среди репрезентативных причин совершения убийств можно назвать в первую очередь нравственно-правовой нигилизм и невежество (как один из уровней низкой правовой культуры) — причины объективного характера. Среди причин, которые носят субъективный характер, можно назвать алкоголизм, наркоманию, психические расстройства и т. п.

Причинами совершения убийств, по мнению авторов, также являются: кризисное состояние таких институтов, как семья и образование; негативное влияние на население средств массовой информации, Интернета, социальных сетей; военные конфликты на постсоветском пространстве; низкая эффективность работы пенитенциарных учреждений и органов контроля за освободившимися из мест лишения свободы; недостаточная эффективность процессуальной, оперативно-разыскной деятельности правоохранительных органов, а также органов, осуществляющих контроль за оборотом огнестрельного и холодного оружия.

Систему мер предупреждения убийств составляют: повышение уровня правосознания населения; устранение кризисного состояния института семьи; формирование системы психологической и психиатрической помощи; цензура со стороны государства за средствами массовой информации, Интернетом, социальными сетями и т. п.; профилактика интернет-зависимости.

Ключевые слова: убийство, посягательство на жизнь, преступление против жизни, уголовное законодательство, причины совершения убийств

Для цитирования: Мирошниченко А. Ю., Кравцов С. С., Зотов А. Ю. Причины и меры предупреждения убийств // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 4 (67). С. 42—49. doi: 10.25724/VAMVD.A190

CAUSES AND MEASURES TO PREVENT MURDERS

Anna Yurievna Miroshnichenko*, **Sergey Sergeyevich Kravtsov****, **Alexey Yurievich Zotov*****

* Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov, Russia, siniza007@mail.ru

** Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, Kravtsov-sss@yandex.ru

*** Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, baracus@mail.ru

Abstract. Criminological problems of murder remain topical today, primarily due to the widespread prevalence of this type of crime in complex modern realities. The article deals with the factors to determine the commission of murders as well as some measures to prevent them.

Among the representative reasons to commit murders, first, one can name moral and legal nihilism and ignorance (as one of the levels of low legal culture) — these are the reasons of objective nature. Among the reasons of subjective nature are alcoholism, drug addiction, mental disorders, etc.

In the authors' opinion, reasons to commit murders are the following:

- crisis of such institutions as family and education;
- negative influence of the media, the Internet and social networks on the population;
- military conflicts on the post-Soviet territory;
- low efficiency of penitentiary institutions and bodies monitoring persons released from prison;
- insufficient effectiveness of the procedural, detective and investigative activities of law enforcement bodies and agencies monitoring firearms and cold steel / arms trafficking.

System of measures to prevent murders consists of:

- increasing the level of legal consciousness of the population;
- eliminating crisis of the family institution;
- forming a system of psychological and psychiatric care;
- censorship of the media, the Internet, social networks, etc. by the state;
- preventing Internet addiction.

Keywords: murder, encroachment on life, crime against life, criminal law, reasons to commit murders

For citation: Miroshnichenko A. Yu., Kravtsov S. S., Zotov A. Yu. Causes and measures to prevent murders. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 42—49, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A190

Мировая история знает огромное количество случаев насилия, тяжких и особо тяжких преступлений, гонений против личности, уничтожения целых групп людей и отдельных народов. В качестве примера можно привести первую и вторую мировую войну, тоталитаризм в советский период развития нашего государства, теракты, межнациональные конфликты (между Израилем и Палестиной) и т. п. Ярким примером является современная геополитическая ситуация в мире, под эгидой которой на территории Украины совершаются чудовищные преступления против личности.

Кроме того, нынешнюю криминальную ситуацию в российском государстве можно охарактеризовать и с количественной стороны, и с качественной — как

новый феномен в истории России. Преступность внедряется в различные области деятельности современного общества. Наше государство признает преступность в качестве одной из главных угроз национальной безопасности. Приоритетной составляющей противодействия преступности является борьба с насильственными преступлениями против личности, и в первую очередь с преступлениями, которые посягают на жизнь человека.

Последние годы наблюдается тенденция снижения числа зарегистрированных убийств как в Российской Федерации в целом, так и по отдельным федеральным округам и субъектам [1, с. 4].

Таблица 1

**Сведения об убийствах (ст. 105—107 УК РФ),
2018—2022 гг.**

	Зарегистрировано	Из числа преступлений, дела и материалы о которых находились в производстве в отчетном периоде	Приостановлено	Выявлено лиц, совершивших преступление
<i>2018 г.</i>				
Российская Федерация	8 574	7 632	558	8 432
ЮФО	732	663	43	744
Ростовская область	172	185	11	189
<i>2019 г.</i>				
Российская Федерация	7 948	6 773	600	628
ЮФО	690	631	59	707
Ростовская область	168	135	18	151
<i>2020 г.</i>				
Российская Федерация	7 695	6 935	306	7 751
ЮФО	637	591	37	655
Ростовская область	150	149	8	146
<i>2021 г.</i>				
Российская Федерация	10 210	6 445	273	7 453
ЮФО	816	560	34	661
Ростовская область	208	124	7	148
<i>2022 г.</i>				
Российская Федерация	7 628	6 605	245	7 614
ЮФО	572	550	24	655
Ростовская область	115	112	6	136

Примечание. См.: Портал правовой статистики. URL: <http://crimestat.ru>.

Однако проблемы смертности в результате противоправных действий остаются весьма актуальными и сегодня. Человеческая жизнь — это самый ценный и хрупкий дар природы. Приоритет человеческой жизни признается всеми современными демократическими государствами. Убийство является одним из самых древних преступлений, которому всегда уделялось огромное внимание в истории и теории уголовного права и в уголовном законодательстве. Нормы об ответственности за убийство можно встретить в одном из первых памятников русского права — Русской Правде. Об убийстве говорится в первой статье Древнейшей Правды (Краткая редакция, около 1016 г.): «...Убьеть муж мужа...» [2, с. 97].

Исследовав вопрос, связанный с историей развития и трансформацией отечественного уголовного законодательства об ответственности за убийство, мы выделили следующие периоды рассматриваемого законодательства:

— 1-й период — дореволюционный (X в. — начало XX в.) — зарождение и становление в России правовых норм, регламентирующих ответственность за убийства;

— 2-й период — советский (1917—1996 гг.) — в 1922 г. принимается первый уголовный кодекс, который сыграл роль модельного кодекса для последующих уголовных кодексов 1926 и 1960 гг., в которых происходит дальнейшая эволюция правовых норм, регламентирующих уголовную ответственность за убийства [3, с. 16];

— 3-й период — современный (с 1996 г. по настоящее время) — в 1996 г. принимается УК РФ. Преступлениям против жизни посвящены ст. 105—110.2 (гл. 16 Особенной части УК РФ). В правовой литературе долгое время велась дискуссия по поводу определения понятия убийства. Большая часть исследователей считали, что убийство — это противоправное умышленное или неосторожное лишение жизни другого человека. Законодатель поставил точку в дискуссии по данному вопросу, впервые на законодательном уровне закрепив понятие убийства в ч. 1 ст. 105 УК РФ. На данном этапе развития уголовного законодательства можно отметить, что на первый план выходят интересы личности, затем общества и только потом интересы государства.

На преступность (как и на любое социальное явление) постоянно воздействует большое количество факторов общественной жизни. На уровень, динамику, структуру преступности довольно существенно влияют политическая, экономическая, социальная и иные сферы общества. Вопросы, связан-

ные с причинами и условиями (факторами) преступлений, всегда являлись актуальными в рамках криминологических исследований, так как с помощью этой информации возможно разработать программы, связанные с предупреждением и профилактикой преступности.

Стоит отметить, что на протяжении долгого времени при изучении данной проблемы исследователи делали акцент на выявлении тех причин, совокупность которых в своей взаимосвязи в любом случае приводит к совершению преступлений. Однако, по нашему мнению, установить единый фактор (биологический, социальный), который бы детерминировал все преступления, маловероятно, так как невозможно выявить и обозначить какую-то основную, общую, главную причину происхождения преступности во всех ее проявлениях и при конкретных условиях [4, с. 15].

Многие современные ученые не прекратили попыток определить исчерпывающий перечень причин преступности. Однако нам ближе позиция, в соответствии с которой невозможно сформировать полный перечень причин, влияющих на принятие решения совершить то или иное преступление. В то же время мы считаем, что вполне возможно определить причины, способствующие совершению конкретного преступления конкретным лицом. Возможно также и при анализе преступности в целом, и при изучении отдельных ее видов определить факторы, которые привели к их совершению, при этом перечень характерных факторов не будет универсальным.

Рост преступности в целом и насильственной в частности всегда зависел от политической и социально-экономической обстановки в государстве. На него влияют также социальные и социально-психологические факторы.

Среди отдельных групп населения происходит распространение представления о допустимости (оправданности) насилия, которое применяется как средство защиты от внешних воздействий и способ реагирования на них. Кроме того, происходит укрепление стереотипов агрессивного поведения в рамках конфликтных ситуаций. Снижение показателей эффективности функционирования системы правоохранительных органов обуславливает появление у правонарушителей чувства безнаказанности [4, с. 15].

Плурализм в идеологии, закрепленный Основным Законом нашего государства и напрямую связанный с формированием институтов демократии в нашей стране, абсолютно не связан с исчезновением морали, формировавшейся веками на основе

религии. Но хотелось бы отметить, что результатом социально-психологических преобразований стал низкий уровень нравственности нашего общества.

К причинам и условиям, повлиявшим на рост количества убийств, Ю. В. Зырянова и А. Л. Репецкая относят трансформацию социальной психологии за последние два-три десятилетия, в соответствии с которой критерием успешной жизни стали в первую очередь материальные ценности и материальное положение; расслоение общества по уровню доходов и, как следствие, резкое разделение общества на богатых и бедных; распространение в обществе бескультурья, а иногда и насилия как стандарта межличностного общения; обесценивание человеческой жизни; утрату доверия к государственным органам в целом и правоохранительным органам в частности в результате их коррумпированности [5, с. 130].

Проанализировав научную литературу, можно выделить и другие причины совершения убийств. Например, снижение эффективности деятельности институтов социального контроля — это ослабление роли и образовательных, и общественных организаций, и профсоюзов и т. п. Активное негативное влияние оказывают средства массовой информации, пропагандирующие жестокость, насилие и грубость. Кроме того, в перечень причин совершения убийств входят широкое распространение таких социальных пороков, как наркомания, алкоголизм и проституция, а также распространение межрасовой (национальной) нетерпимости. В последнее время на территории нашего государства стали распространяться модные на Западе тенденции разрушения традиционных норм сексуального поведения. Есть недостатки и в деятельности по контролю за оборотом огнестрельного и холодного оружия [6, с. 33]. Естественно, не стоит забывать о базовых причинах совершения убийств — социально-экономических проблемах.

Отдельно отметим кризис института семьи. Так, если члены семьи находятся в конфликте, в семье применяется насилие, данный институт не выполняет полноценно свои функции. Прежде всего в этой ситуации страдают дети, поскольку находятся в постоянном стрессе и приобретают психологические травмы, а в дальнейшем они будут транслировать подобные формы разрешения межличностных конфликтов в жизни. Большая часть бытовых убийств были совершены по причинам, которые формировались долгие годы, а в их основе лежат такие мотивы, как месть, личная неприязнь, ревность [7, с. 81].

На указанную проблему обращают внимание представители различных областей знаний (психологи, социологи, демографы и др.). По мнению А. И. Антонова, в мировом сообществе можно наблюдать тенденцию к усилению позиций бес семейной организации жизни, поскольку одиноч холостяцкое существование удобно и необременительно. Однако все это ведет к дезорганизации систем родства, изменению всего строя жизни и систем ценностей [8, с. 174].

В большинстве случаев убийства совершаются деклассированными элементами, характеризующимися неустойчивой средой [7]. Среди осужденных за совершение убийства преобладают лица старше 30 лет. Данный возраст можно охарактеризовать высокой степенью активности [9, с. 241]. Кроме того, по мнению К. К. Станкевича, происходит совпадение возраста социальной активности человека и накопления к этому возрасту фрустрирующих обстоятельств, например нереализованность женщин в роли матерей, нереализованность мужчин в профессии и др. [7, с. 81].

Большая часть российского общества находится в состоянии постоянной фрустрации, отмечает А. Б. Кирюхин. Автор подчеркивает и тот факт, что высок процент людей, которые страдают психическими расстройствами, испытывают постоянное сравнение себя с другими, а также чувство неудовлетворенности реализацией своей социальной роли, ощущают одиночества. В результате указанные выше состояния ориентируют человека на самостоятельное решение возникающих конфликтов (явных, воображаемых) насильственным путем [10, с. 79].

В качестве примера можно привести трагедию, произошедшую 26 сентября 2022 г. Бывший ученик школы № 88 г. Ижевска, мужчина 1988 года рождения, открыл стрельбу, после чего покончил жизнь самоубийством. Подозреваемый имел диагноз шизофрения и состоял на учете в психоневрологическом диспансере. Жертвами этой трагедии стали 17 человек, среди которых 11 детей¹.

Чем более развит человек, тем менее его поведение детерминировано внешними обстоятельствами. Как правило, осужденные за убийство имеют или незаконченное среднее образование, или среднее специальное, или незаконченное высшее.

¹ Под домашний арест отправлен директор ЧОП, охранявшего школу № 88 в Ижевске. URL: https://eanews.ru/news/direktora-chop-kotoryy-okhranyal-shkolu-88-v-izhevsketotpravlen-pod-domashniy-arest_28-09-2022 (дата обращения: 28.07.2023).

Лицам, которые совершили убийство, присущи деформация интересов, а также их узость, нежелание развиваться в образовательном и культурном плане. По большей части это безработные либо выполняющие работу, не требующую специального образования, которой не дорожат (частая смена рабочих мест).

Следующие причины рассматриваемого преступления — это наркотики и алкоголь. Их влияние на количество убийств (покушений на убийство) можно подтвердить историческим фактом. Так, в России в первой половине восьмидесятых годов в рамках антиалкогольной кампании существенно уменьшилось число умышленных убийств [11, с. 321].

Результатами физической и психической зависимости от алкоголя являются вегетативное и функционально-соматическое расстройство здоровья, нарушение нервной системы, изменение характера духовных и материальных потребностей человека, а также формирование своеобразной антиобщественной установки личности, пренебрежение к выполнению своих профессиональных (семейных) обязанностей, агрессивность, нетерпимость, эгоцентризм и т. п.

Употребление наркотиков остается огромной проблемой в нашей стране. Человека, находящегося в наркотической зависимости, можно сравнить с психически нездоровым, поскольку у него отсутствует самоконтроль, эмоции притуплены, а его действия безосновательно агрессивны [12, с. 113].

К причинам совершения убийств относятся и достижения современной цивилизации, а именно развитие средств массовой информации, Интернета и социальных сетей. Указанные достижения человеческого общества оказывают негативное влияние на население, поскольку транслируют враждебность, навязывают ложные ценности и потребности.

Полностью поддерживаем мнение Э. Э. Штемберг, в соответствии с которым количество совершаемых убийств в определенной степени связано с войнами. У участников военных действий, лиц, так или иначе вовлеченных в военные конфликты, происходит деформация психики. Для представителей рассматриваемой категории становится нормой разрешение межличностных конфликтов с применением физической силы, они уже не рассматривают убийство как что-то запретное. Эти люди в большинстве своем не могут найти себя в мирной жизни [13, с. 12].

Данная причина была актуальна на постсоветском пространстве в связи с многочисленными

вооруженными конфликтами, и особую актуальность она приобретает в современных реалиях, начиная с 2014 г. на Украине и в ходе специальной военной операции сегодня.

С этой же причиной связан и рост политических убийств. Так, 21 августа 2022 г. на Можайском шоссе был взорван автомобиль журналистки Дарьи Дугиной, дочери известного политолога и общественного деятеля Александра Дугина. Девушка пропагандировала идеи своего отца, связанные с концепцией Русского мира. Она активно публиковала материалы о политике для RT, «Царьграда», являлась экспертом телеканала «Звезда». По версии следствия, убийство было подготовлено и осуществлено украинскими спецслужбами.

Отдельно подчеркнем низкий уровень эффективности процессуальной, оперативно-разыскной деятельности правоохранительных органов, а также органов, осуществляющих контроль за оборотом огнестрельного оружия.

К. К. Станкевич отмечает «растворение» в нашем обществе криминальной субкультуры, которая ранее была обособлена. Убийства все чаще стали совершаться с особой жестокостью, дерзостью и довольно широким применением огнестрельного (холодного) оружия лицами, ранее судимыми. В большинстве случаев данные лица, оказавшись на свободе, испытывают трудности с адаптацией: это проблемы и с жильем, и с трудоустройством, и с социализацией, поскольку ранее существовавшие семейные и иные социальные связи разрушены. Сложившаяся ситуация осложняется еще тем фактом, что в настоящий момент из мест лишения свободы выходят лица, которые совершали особо опасные преступления в девяностые годы прошлого столетия, в то время как наша пенитенциарная система выполняет одну из своих важных функций — исправление осужденных — не в полном объеме [7, с. 85].

Таким образом, на уровень, динамику, структуру преступности в целом и убийств в частности значительное влияние оказывают политическая, экономическая, социальная и иные сферы общества. Основные причины совершения убийств можно свести к следующему: распространение в современных реалиях в нашем обществе атмосферы ненависти и насилия, низкий уровень правосознания, правовой нигилизм; кризисное состояние таких институтов, как семья и образование; алкоголизм, наркомания, проституция; негативное влияние на население средств массовой информации, Интернета, социальных сетей; военные конфликты на постсоветском пространстве; низкая

эффективность работы пенитенциарных учреждений и органов контроля за освободившимися из мест лишения свободы; недостаточная эффективность процессуальной, оперативно-разыскной деятельности правоохранительных органов, а также органов, осуществляющих контроль за оборотом огнестрельного и холодного оружия.

Система мер предупреждения убийств представляет собой совокупность взаимосвязанных предупредительных мероприятий, реализуемых государственными органами и общественностью в целях пресечения и ликвидации причин и условий, детерминирующих рассматриваемый вид преступлений. Полностью искоренить убийства (как и любой вид преступности) — это довольно сложная задача. С помощью эффективной борьбы возможно только в определенной степени осуществить контроль над количественными и качественными показателями преступности.

Причины преступности в целом и убийств в частности следует искать в политических, экономических, социальных и нравственных отклонениях общества. Соответственно, предупредительную систему государства необходимо формировать, ликвидируя недостатки и недочеты, содержащиеся в указанных сферах жизнедеятельности общества.

Система мер предупреждения убийств была исследована нами вслед за ведущими криминологами в традиционном ключе. Основу предупреждения составляют общие меры. Однако акцент при изучении данного вопроса мы сделали на анализе специальных предупредительных мероприятий. Поскольку последние ближе к практике, их реализация в большинстве случаев не требует крупных финансовых вложений; и итоги их воплощения в жизнь видны уже через непродолжительный промежуток времени, благодаря чему возможно оценить эффективность этих мер.

Интерес к проблемам предупреждения убийств укрепляет стремление ученых, исследователей и практиков к выработке соответствующих методов (средств). Теоретики разрабатывают рекомендации по поводу применения соответствующих методик, формулируют основные начала организации работы. Практики в свою очередь все это реализуют.

Рассмотрев различные позиции относительно предупреждения убийств, мы считаем, что данная

система мер должна включать следующие составляющие:

— повышение уровня правосознания населения посредством правового воспитания и правового обучения;

— в целях устранения кризисного состояния института семьи, формирования высоких моральных и нравственных качеств реализация мероприятий, направленных на совершенствование нравственного и полового воспитания (беседы, учебные курсы и занятия, семинары, конференции в образовательных организациях и учреждениях, совершенствование деятельности культурно-досуговых учреждений и т. п.);

— организация психологической и психиатрической помощи, в соответствии с которой будет реализовываться раннее диагностирование отклонений в психике личности, начиная с учебных заведений;

— разработка правовых предписаний, которые бы регламентировали реализацию контроля за категориями граждан, входящих в группу риска;

— в целях совершенствования процессуальной и оперативно-разыскной деятельности проведение различных курсов повышения квалификации сотрудников [14, с. 383].

Отдельным элементом системы предупреждения убийств обозначим направление, которое связано с борьбой с негативным влиянием средств массовой информации, Интернета, социальных сетей на население (особенно на несовершеннолетних и молодежь). Для реализации данного направления необходима цензура со стороны государства, которая будет запрещать, блокировать каналы, сайты, соцсети, пропагандирующие агрессию, насилие, педофилию, ложные ценности и т. п., распространяющие дезинформацию, фейки. Кроме того, не стоит забывать о киберзависимости, которая может стать источником аддиктивного поведения, влечет изменение психоэмоциональных характеристик личности. По нашему мнению, профилактику интернет-зависимости необходимо решать на уровне государства путем создания специализированных медицинских учреждений, где бы применялось не только добровольное, но и принудительное медицинское лечение.

---

1. Стешеч Е. С. Теоретические и методологические основы криминологического исследования преступлений, связанных с причинением смерти: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2019. 38 с.

---

1. Steshech Ye. S. Theoretical and methodological foundations of criminological research of crimes related to causing death. Abstract of the dissertation of the doctor of juridical sciences. Krasnodar; 2019: 38. (In Russ.).

2. Георгиевский Э. В. Убийство в уголовном праве Древней Руси // Сибирский юридический вестник. 2010. № 2 (49). С. 96—106.

3. Бабичев А. Г. «Привилегированные» виды убийства: проблемы, теория, практика: монография. Казань: Казан. юрид. ин-т МВД России, 2022. 176 с.

4. Насимов Г. А. Причины и меры предупреждения убийств: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2004. 22 с.

5. Зырянова Ю. В., Репецкая А. Л. К вопросу о причинах, детерминирующих применения насилия в семье в отношении несовершеннолетних // Библиотека криминалиста. 2014. № 2. С. 130—134.

6. Скифский И. С. Криминологическое измерение реальных масштабов насильственной преступности в России // Российский следователь. 2010. № 20. С. 33—35.

7. Станкевич К. К. Причины и условия формирования мотивов и целей убийств // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 2. С. 81—86.

8. Антонов А. И. Причины и последствия депопуляции в России // Почему вымирают русские: последний шанс / под общ. ред. И. В. Бестужева-Лады. Москва: ЭКСМО, 2004. С. 174.

9. Ивасюк О. Н. Семейное насилие в механизме детерминации преступного поведения несовершеннолетних // Российский криминологический взгляд. 2013. № 3. С. 241—243.

10. Кирюхин А. Б. Роль и значение насилия в жизни современного российского общества // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 2. С. 79—82.

11. Криминология: учеб. для вузов / под общ. ред. О. С. Капинус. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2023. 1132 с.

12. Козаченко И. Я. Можно ли исправить неисправимое? // Российский юридический журнал. 2016. № 4 (109). С. 113—116.

13. Штемберг Э. Э. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика убийства, совершенного с особой жестокостью: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2003. 23 с.

14. Мирошниченко А. Ю. Основные направления совершенствования мер по предупреждению убийств // Правовой порядок и правовые ценности: сб. науч. ст. VII Нац. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Краснодарский край, п. Дивноморское, 21—23 сентября 2023 г.). Ростов-на-Дону, 2023.

2. Georgievsky E. V. Murder in the criminal law of Ancient Rus'. Siberian legal journal, 96—106, 2010. (In Russ.).

3. Babichev A. G. "Privileged" types of murder: issues, theory, practice. Monograph. Kazan: the Kazan Law Institute of the Ministry of the Internal Affairs of Russia; 2022: 176. (In Russ.).

4. Nasimov G. A. Causes and measures to prevent murders. Abstract of the dissertation of the candidate of juridical sciences. Moscow; 2004: 22. (In Russ.).

5. Zyryanova Yu. V., Repetskaya A. L. On the issue of reasons determining the use of violence against minors in the family. Criminalist's Library, 130—134, 2014. (In Russ.).

6. Skifsky I. S. Criminological measurement of the real scale of violent crime in Russia. Russian investigator, 33—35, 2010. (In Russ.).

7. Stankevich K. K. Reasons and conditions to form motives and goals of murders. Legal science and law enforcement practice, 81—86, 2017. (In Russ.).

8. Antonov A. I. Causes and consequences of depopulation in Russia. In: Why the Russians are dying out: final chance. Ed. by I. V. Bestuzhev-Lada. Moscow: EKSMO; 2004: 174. (In Russ.).

9. Ivasyuk O. N. Family violence in the mechanism of determination of criminal behavior of minors. Russian criminological view, 241—243, 2013. (In Russ.).

10. Kiryukhin A. B. Role and significance of violence in the life of modern Russian society. Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 79—82, 2014. (In Russ.).

11. Criminology. Textbook for universities. Ed. by O. S. Kapinus. The 2nd ed., rev. and add. Moscow: Yurait; 2023: 1132. (In Russ.).

12. Kozachenko I. Ya. Is it possible to correct the incorrigible? Russian legal journal, 113—116, 2016. (In Russ.).

13. Shtemberg E. E. Criminal-legal and criminological characteristics of murder committed with extreme cruelty. Abstract of the dissertation of the candidate of juridical sciences. Rostov on Don; 2003: 23. (In Russ.).

14. Miroshnichenko A. Yu. Main directions for improving measures to prevent murders. In: Legal order and legal values. Collection of scientific articles of the VII National scientific and practical conference with international participation, 21—23 September 2023, Krasnodar Territory, Divnomorskoe village. Rostov-on-Don; 2023. (In Russ.).

Мирошниченко Анна Юрьевна,
доцент кафедры уголовного права
и криминологии
Ростовского юридического института
МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
siniza007@mail.ru

Кравцов Сергей Сергеевич,
старший преподаватель
кафедры уголовного права
Московского университета МВД России
им. В. Я. Кикотя,
кандидат экономических наук;
Kravtsov-sss@yandex.ru

Зотов Алексей Юрьевич,
начальник кафедры теории
и истории права и государства
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
b-a-baracus@mail.ru

Miroshnichenko Anna Yurievna,
associate professor at the department
of criminal law and criminology
of the Rostov Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
siniza007@mail.ru

Kravtsov Sergey Sergeevich,
senior lecturer at the department of criminal law
of the Kikot Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
candidate of economic sciences;
Kravtsov-sss@yandex.ru

Zotov Alexey Yurievich,
head of the department of theory
and history of law of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
b-a-baracus@mail.ru

Статья поступила в редакцию 18.09.2023; одобрена после рецензирования 28.09.2023; принята к публикации 17.11.2023.

The article was submitted 18.09.2023; approved after reviewing 28.09.2023; accepted for publication 17.11.2023.

* * *

УДК 343.37

doi: 10.25724/VAMVD.A191

**ПРОБЛЕМЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ
С АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИЕЙ
(НА ПРИМЕРЕ НОРМЫ, ПРЕДУСМОТРЕННОЙ СТАТЬЕЙ 201.3
УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)**

Александр Сергеевич Сенцов**, *Валентина Александровна Волколупова***, *Владимир Георгиевич Волколупов***

* Волгоградский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Волгоград, Россия, sentsov_1951@mail.ru

** Волгоградский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Волгоград, Россия, volkolupovav@mail.ru.

*** Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, volkolupov_osr@rambler.ru

Аннотация. В работе рассматриваются сложные вопросы, относящиеся к регламентации ответственности за преступления с административной преюдицией, в частности за деяние, предусмотренное ст. 201.3 Уголовного кодекса Российской Федерации. Авторы аргументируют вывод о целесообразности дальнейшей дифференциации ответственности за рассматриваемые преступления с учетом возможности их совершения лицом, имеющим судимость за данные или однородные с ними преступления. По результатам проведенного исследования в статье формулируются авторские предложения и рекомендации, адресованные как законодателю, так и правоприменителю, по совершенствованию новой уголовно-правовой нормы, устанавливающей ответственность за отказ или уклонение лица, подвергнутого административному наказанию, от заключения государственного контракта по государственному оборонному заказу либо договора, необходимого для выполнения государственного оборонного заказа, а также практики ее применения. Кроме того, в работе рекомендуется унифицировать с учетом предлагаемой авторами новой редакции ст. 201.3 Уголовного кодекса Российской Федерации и иные, недавно включенные в данный кодекс нормы с административной преюдицией (ст. 201.2, 285.5, 285.6 Уголовного кодекса Российской Федерации).

Ключевые слова: преступление, квалификация, уголовная ответственность, государственный оборонный заказ, отказ, уклонение, административная преюдиция

Для цитирования: Сенцов А. С., Волколупова В. А., Волколупов В. Г. Проблемы дифференциации ответственности за преступления с административной преюдицией (на примере нормы, предусмотренной статьей 201.3 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 4 (67). С. 50—55. doi: 10.25724/VAMVD.A191

**PROBLEMS OF RESPONSIBILITY DIFFERENTIATION
FOR CRIMES WITH ADMINISTRATIVE PREJUDICE
(AS AN EXAMPLE, LEGAL NORM PROVIDED FOR
IN ARTICLE 201.3
OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)**

Alexander Sergeyevich Sentsov**, *Valentina Alexandrovna Volkolupova***, *Vladimir Georgievich Volkolupov***

* Volgograd institute of management — branch of the Russian Presidential academy of the national economy and public administration, Volgograd, Russia, sentsov_1951@mail.ru

** Volgograd institute of management — branch of the Russian Presidential academy of the national economy and public administration, Volgograd, Russia, volkolupovav@mail.ru

*** Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, volkolupov_osr@rambler.ru

Abstract. The paper considers complex issues related to the regulation of responsibility for crimes with administrative prejudice, in particular for the act provided for in article 201.3 of the Russian Federation Criminal Code. The authors conclude about the usefulness of further differentiation of responsibility for the crimes, taking into account the possibility of their commission by a convicted offender for these or kindred offences. According to the results of the conducted research, the authors formulate the priori statements and references, directed to both to the legislator and executor of law, to improve the new criminal norm establishing responsibility for refusal or evasion of a person imposed administrative punishment from signing of the government contract on defense order or an agreement necessary for the implementation of the state defense program, as well as the practice of its application. Besides, it is recommended to unify, taking into account the new version proposed by the authors of Article 201.3 of the Russian Federation Criminal Code and other norms, recently included norms in the Russian Federation Criminal Code with administrative prejudice (Articles 201.2; 285.5; 285.6 of the Russian Federation Criminal Code).

Keywords: crime, legal assessment, criminal responsibility, state defense program, refusal, digression, administrative prejudice

For citation: Sentsov A. S., Volkolupova V. A., Volkolupov V. G. Problems of responsibility differentiation for crimes with administrative prejudice (as an example, legal norm provided for in Article 201.3 of the Criminal Code of the Russian Federation). Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 50—55, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A191

В последние годы в нашей стране наметилась устойчивая тенденция к включению в действующий Уголовный Кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) новых уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за преступления с административной преюдицией (так называемых административно-преюдиционных норм уголовного закона) [1, с. 54]. Такая активность российского законодателя обуславливает объективную потребность в дальнейшей научной разработке новых проблем, относящихся к повышению эффективности применения данных уголовно-правовых запретов. Больше того, среди представителей уголовно-правовой науки ведется оживленная полемика относительно целесообразности существования института административной преюдиции в уголовном праве [2, с. 117]. Можно выделить два противоположных подхода к решению данной проблемы: одни авторы обосновывают необходимость сохранения административной преюдиции в уголовном праве, другие опровергают эту идею [3, с. 35]. Именно поэтому исследование вопросов, относящихся к дифференциации ответственности за преступления с административной преюдицией, будет способствовать повышению качества законотворческой и правоприменительной деятельности в этой сфере.

Федеральным законом от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ действующий уголовный закон был дополнен новой ст. 201.3 «Отказ или уклонение лица, подвергнутого административному наказанию, от заключения государственного контракта по государственному оборонному заказу либо договора, необходимого для выполнения государственного

оборонного заказа». При конструировании рассматриваемой уголовно-правовой нормы законодатель включил в качестве конститутивного (обязательного) признака предусмотренного в ней состава преступления «административную преюдицию». Иначе говоря, в норме, установленной в ст. 201.3 УК РФ, субъектом преступления может быть только лицо, ранее подвергнутое административной ответственности по ст. 7.29.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) «Отказ или уклонение поставщика (исполнителя, подрядчика) от заключения государственного контракта по государственному оборонному заказу, договора, необходимого для выполнения государственного оборонного заказа».

Таким образом, субъект преступления, предусмотренного в диспозиции рассматриваемой уголовно-правовой нормы, исходя из помещения ст. 201.3 УК РФ в гл. 23 УК РФ, является специальным, а не общим: это лишь лицо, выполняющее управленческие функции только в такой коммерческой или иной организации, для которой заключение государственного контракта либо договора по выполнению государственного оборонного заказа является обязательным в соответствии с федеральным законом.

Объективная сторона рассматриваемого преступления характеризуется либо «чистым» бездействием (отказ), либо «смешанным бездействием», т. е. сочетанием действий с бездействием (уклонение). Отказ заключается в явно выраженном несогласии лица заключать договор либо в явном игнорировании им поступившего от надлежущего контрагента официального предложения заключить

соответствующие сделки в случаях, когда их заключение для данной компании обязательно в соответствии с федеральным законом. От выполнения гособоронзаказа не вправе отказаться: 1) поставщики российского вооружения и военной техники, которые не имеют российских аналогов; 2) единственные поставщики (определяются актами государственных органов и входят в реестр единственных поставщиков); 3) иные организации, занимающие доминирующее положение на товарном рынке, если иные претенденты на размещение гособоронзаказа отсутствуют или по результатам объявленного конкурса (тендера) не определен головной исполнитель (иными словами, если не выявлены претенденты на исполнение гособоронзаказа).

Уклонение как признак объективной стороны рассматриваемого состава преступления представляет собой совершение комплекса действий, направленных на неисполнение правовой обязанности заключить госконтракт либо договор, необходимый для выполнения гособоронзаказа. Однако в современной правоприменительной практике крайне редко встречаются случаи привлечения лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих или иных организациях, к административному наказанию по ст. 7.29.2 КоАП РФ, а вот практика применения ст. 14.55 КоАП РФ более обширная, но по этой статье чаще всего ответственность наступает за ненадлежащее исполнение обязательства, выразившееся либо в просрочке исполнения обязательства, либо в неполной поставке товаров¹.

Кроме того, по смыслу действующей редакции диспозиции нормы, установленной в ст. 201.3 УК РФ, лицо, имеющее неснятую или непогашенную судимость за данное преступление либо за однородные преступления, предусмотренные ст. 201.1, 201.2, 285.4, 285.5, 285.6 УК РФ, в случае его отказа или уклонения от заключения контракта по государственному оборонному заказу либо договора, необходимого для выполнения государственного оборонного заказа, если заключение таких сделок является обязательным в соответствии с федеральным зако-

ном, если срок, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию, истек (т. е. через один год), будут квалифицированы лишь по чч. 1 или 2 ст. 7.29.2 КоАП РФ как административное правонарушение.

Такая «привилегированная» квалификация рассматриваемого деяния, совершенного лицом, имеющим судимость за аналогичное преступление, обусловлена тем, что в рассматриваемой уголовно-правовой норме предусмотрен только один основной состав с административной преюдицией, и в этом смысле его субъект уже «дважды» специальный: но при этом ответственности подлежит лишь лицо, подвергнутое административному наказанию за деяние, предусмотренное чч. 1 или 2 ст. 7.29.2 КоАП РФ об административных правонарушениях. В соответствии со ст. 4.6 КоАП РФ административное наказание имеет юридическое значение лишь в течение одного года с момента вынесения в отношении лица соответствующего решения по делу об административном правонарушении. Поэтому лицо, даже при наличии у него неснятой и непогашенной судимости за ранее совершенные тождественные или однородные преступления, названные выше, в случае совершения нового рассматриваемого деяния по истечении одного года после наложения административного наказания (т. е. за пределами названного годичного срока) подлежит лишь административной ответственности. Такое законодательное решение представляется далеко небесспорным в отличие от конструкции норм, предусмотренных, например, в ч. 2 ст. 116.1; ч. 2 ст. 264.1; ч. 2 ст. 264.2 УК РФ. По крайней мере явно нелогична позиция законодателя, согласно которой в норме, предусмотренной в ст. 201.3 УК РФ, ответственность установлена только для лиц, которые официально считаются подвергнутыми административному наказанию за аналогичное деяние.

Как уже отмечалось, в доктрине уголовного права и среди практикующих юристов вопрос о том, насколько целесообразно использовать в уголовном законодательстве нормы с административной преюдицией, решается неоднозначно, и имеются различные, порой противоречивые подходы к его решению (см. работы К. А. Шлыковой [4], Н. И. Пикурова [5], В. Б. Поезжалова [1], О. С. Капинус [6], И. С. Макеевой, Т. В. Обуховой [7]).

Не прибегая к подробному анализу всех позиций, в которых дана та или иная — нередко противоположная — оценка наметившейся в последние годы устойчивой тенденции к увеличению числа уголовно-правовых норм с административной преюдицией (некоторые авторы, например

¹ Решение № 12-157/2020 21-808/2020 от 23 декабря 2020 г. по делу № 12-157/2020 Алтайского краевого суда // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/PPEjnlZ5UeHV/> (дата обращения: 12.06.2023) ; Решение № 21-537/2020 А-7-21-537/2020 от 2 октября 2020 г. по делу № 21-537/2020 Калужского областного суда // Там же. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/otm3mlb6cxZN/> (дата обращения: 12.06.2023).

В. Б. Поезжалов, называют их «административно-преюдиционные нормы уголовного закона» [1, с. 54]), определим лишь свою собственную позицию относительно несовершенства конструкции новой нормы, предусмотренной в ст. 201.3 УК РФ, а также применительно к тому, насколько ее содержание не согласуется с задачами и принципами уголовного закона, а также с целями уголовного наказания, установленными статьями 2, 4, 6 и 43 УК РФ.

На наш взгляд, развитие межотраслевых связей уголовного и административного права и последовательное «восстановление» в УК РФ норм с административной преюдицией может быть вполне оправданно, но лишь при условии, что такие уголовно-правовые запреты будут согласованы с общими положениями и принципами реализации уголовной ответственности, закрепленными в Общей части УК РФ (ст. 2, 4, 6, 43).

Как минимум при конструировании составов преступления с включением в них в качестве конститутивного признака административной преюдиции важно учитывать, что лицо, имеющее судимость за такое же (или однородное с ним) преступление, обладает по общему правилу большей общественной опасностью, чем лицо, подвергнутое ранее лишь административному наказанию за первое совершенное им в прошлом аналогичное деяние. Поэтому наряду с включением административной преюдиции в число признаков основного состава преступления в данных случаях целесообразно выделять и квалифицированный состав такого преступления по признаку его совершения лицом, имеющим судимость за данное преступление или за иные, однородные с ним.

Кроме того, важно, чтобы санкции, установленные в нормах с административной преюдицией, не противоречили бы и целям уголовного наказания (ст. 43 УК РФ), а в конечном счете и принципу справедливости (ч. 1 ст. 6 УК РФ).

В статье 201.3 УК РФ альтернативная санкция предусмотренной в ней нормы включает в том числе наказание в виде лишения свободы на срок от четырех до восьми лет. То есть если данное деяние, совершенное в первый раз, преступлением вообще не признается, а является лишь административным правонарушением, то в случае его повторения во второй раз в течение года после применения к лицу, его совершившему, мер административного наказания деяние автоматически признается законодателем сразу тяжким преступлением (ч. 4 ст. 15 УК РФ). В то же время если после отбытия наказания (например, в виде четырех лет лишения свободы) лицо, имеющее непогашенную

и неснятую судимость, вновь совершает такое деяние, то оно (по действующему законодательству) вообще не признается преступлением и субъект вновь будет привлечен лишь к административной ответственности. Такое законодательное решение совершенно нелогично и очевидно противоречит принципам справедливости (ст. 6 УК РФ) и равенства граждан перед законом (ст. 4 УК РФ).

Таким образом, действующая в настоящее время редакция ст. 201.3 УК РФ явно не отвечает задачам уголовного закона (ст. 2 УК РФ), особенно задаче предупреждения преступлений, а соответственно, и целям наказания (ст. 43 УК РФ), одна из которых совпадает с задачей уголовного законодательства: предупреждение совершения новых преступлений.

Конституционный суд Российской Федерации, рассмотрев жалобу гр. Л. Ф. Саковой по поводу неконституционности положений, закрепленных в ранее действовавшей редакции ст. 116.1 УК РФ (а это тоже норма с административной преюдицией), отметил в своем постановлении, что данная норма (в прежней редакции) ставит лиц, имеющих судимость, в привилегированное положение по отношению к лицам, подвергнутым административному наказанию за аналогичные деяния. Конституционный Суд РФ признал эту норму неконституционной, а ее редакцию — требующей соответствующей корректировки¹. Но это решение Конституционного Суда РФ почему-то не учитывается законодателем в его новейшей правотворческой деятельности, связанной с включением в УК РФ норм с административной преюдицией.

Резюмируя изложенное, можно предложить следующую новую редакцию ст. 201.3 УК РФ:

«Статья 201.3. Отказ или уклонение лица, подвергнутого административному наказанию, от заключения государственного контракта по государственному оборонному заказу либо договора, необходимого для выполнения государственного оборонного заказа

1. Отказ или уклонение лица, подвергнутого административному наказанию за деяние, предусмотренное частями 1 или 2 статьи 7.29.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, от заключения государственного контракта по государственному оборонному заказу

¹ По делу о проверке конституционности статьи 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации: постановление Конституционного суда Российской Федерации от 8 апреля 2021 г. № 11-И // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.06.2023).

либо договора, необходимого для выполнения государственного оборонного заказа, если заключение таких государственного контракта либо договора является обязательным в соответствии с федеральным законом, —

наказывается штрафом в размере от пятисот тысяч до двух миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до десяти лет либо лишением свободы на срок от двух до пяти лет со штрафом в размере от трехсот тысяч до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

2. Те же деяния, совершенные лицом, имеющим судимость за преступления, предусмотренные

настоящей статьей, а равно статьями 201.1; 201.2; 285.4; 285.5; 285.6 настоящего Кодекса, —

наказываются штрафом в размере от одного миллиона до трех миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до десяти лет либо лишением свободы на срок от четырех до восьми лет со штрафом в размере от пятисот тысяч до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от трех до четырех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет».

Аналогичные изменения целесообразно внести и в иные новые статьи УК РФ, в которых предусмотрены составы преступления с административной преюдицией, в частности в ст. 201.2; 285.5; 285.6 УК РФ.

1. Поезжалов В. Б. Необходимость корректировки административно-преюдициальных норм уголовного закона // Право: ретроспектива и перспектива. 2021. № 4 (8). С. 54—58.

2. Хилюта В. В. Феномен административной преюдиции в контексте понимания сущности преступления // Актуальные проблемы государства и права. 2021. № 17. С. 117—136.

3. Сабитов Р. А., Князева И. Н. Административная преюдиция в уголовном праве: за и против // Правопорядок: история, теория, практика. 2019. № 4 (23). С. 34—40.

4. Шлыкова К. А. Составы преступлений с административной преюдицией: за и против // Вопросы российской юстиции. 2022. № 20. С. 526—536.

5. Пикуров Н. И. Превентивная функция административной преюдиции в уголовном праве // Двойная превенция в борьбе с преступностью: вопросы теории и практики / отв. ред. Р. В. Жубрин. Москва: Ун-т прокуратуры Рос. Федерации, 2018. С. 97—104.

6. Капинус О. С. Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы теории и практики // Журнал российского права. 2019. № 6. С. 78—86.

7. Макеева И. С., Обухова Т. В. Особенности общественной опасности преступлений с административной преюдицией // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2020. № 3 (40). С. 181—186.

1. Pojezdalov V. B. Necessity of adjustment of administrative-prejudicial norms of the criminal law. Law: Retrospectiva i perspektiva, 54—58, 2021. (In Russ.).

2. Khilyuta V. V. The phenomenon of administrative prejudice in the context of understanding the essence of a crime. Topical problems of state and law, 117—136, 2021. (In Russ.).

3. Sabitov R. A., Knyazeva I. N. Administrative prejudice in criminal law: pros and cons. Law and order: history, theory, practice, 34—40, 2019. (In Russ.).

4. Shlykova K. A. Elements of the crimes with administrative prejudice: pros and cons. Issues of Russian justice, 526—536, 2022. (In Russ.).

5. Pikurov N. I. Preventive function of administrative prejudice in criminal law. In: Double prevention in the fight against crime. Dual prevention in fighting crime. Issues of theory and practice. Ed. R. V. Zhubrin. Moscow: University of Prosecutor's Office of the Russian Federation; 2018: 97—104. (In Russ.).

6. Kapinus O. S. Administrative prejudice in criminal law: problems of theory and practice. Journal of Russian law, 78—86, 2019. (In Russ.).

7. Makeeva I. S., Obukhova T. V. Features of the public danger of crimes with administrative prejudice. Vestnik of Siberian Law Institute of the MIA of Russia, 181—186, 2020. (In Russ.).

Сенцов Александр Сергеевич,
профессор кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Волгоградского института управления —
филиала Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент;
sentsov_1951@mail.ru

Волколупова Валентина Александровна,
доцент кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Волгоградского института управления —
филиала Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент;
volkolupovav@mail.ru.

Волколупов Владимир Георгиевич,
доцент кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
volkolupov_osr@rambler.ru

Sentsov Alexander Sergeevich,
professor at the criminal law,
criminal procedure and criminalistics department
of the Volgograd Institute of Management —
a branch of The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
candidate of juridical sciences, docent;
sentsov_1951@mail.ru

Volkolupova Valentina Alexandrovna,
associate professor at the criminal law,
criminal procedure and criminalistics department
of the Volgograd Institute of Management —
a branch of The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
candidate of juridical sciences, docent;
volkolupovav@mail.ru

Volkolupov Vladimir Georgievich,
associate professor
at the criminal procedure department
of the educational and scientific complex
for the preliminary investigation
in the interior bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
volkolupov_osr@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 20.09.2023; одобрена после рецензирования 29.09.2023; принята к публикации 17.11.2023.

The article was submitted 20.09.2023; approved after reviewing 29.09.2023; accepted for publication 17.11.2023.

* * *

УДК 343.347

doi: 10.25724/VAMVD.A192

ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПНЫХ ДЕЯНИЙ В СФЕРЕ ИННОВАЦИОННОЙ МЕДИЦИНЫ

Евгения Евгеньевна Черных

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, ewg.cherniykh84@yandex.ru

Аннотация. В статье определена уголовно-правовая роль инновационных технологий в медицинской сфере с позиции признаков состава преступления, таких как средство и обстановка. Рассмотрен основной объект посягательства в рамках нарушений с использованием технологий, указанная позиция подтверждена результатами анкетирования правоприменителей. Приведены примеры следственно-судебной практики по вопросам квалификации рассматриваемых деяний, в том числе ситуации, когда суд менял уголовно-правовую оценку. Аргументировано утверждение о целесообразности использования специальных норм при установлении неосторожной формы вины преступного поведения, без обращения к универсальным (общим) нормам на основании невозможности применения небрежности к действиям медицинских работников, использующих инновационные технологии. В результате анализа правоприменительных проблем предложена новая норма, предусматривающая ответственность за нарушение правил выполнения работ или оказания услуг, сопряженных с применением систем искусственного интеллекта, если это деяние причинило вред правам и законным интересам граждан.

Ключевые слова: уголовный закон, квалификация преступлений, искусственный интеллект, инновационная медицина

Для цитирования: Черных Е. Е. Вопросы квалификации преступных деяний в сфере инновационной медицины // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 4 (67). С. 56—64. doi: 10.25724/VAMVD.A192

ISSUES TO QUALIFY CRIMINAL ACTS IN THE SPHERE OF INNOVATIVE MEDICINE

Eugenia Eugenievna Chernykh

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia, ewg.cherniykh84@yandex.ru

Abstract. In the article the criminal-legal role of innovative technologies in the medical sphere from the position of the features of body of the crime is identified, such as means and circumstances. The main object of infringement in case of violation with the use of technologies is considered, the indicated position is confirmed by the results of the questionnaire of law enforcement officers. The examples of investigative and judicial practice on the issues of qualification of the acts under consideration are given, including situations when the court changed the criminal law assessment. The statement about the appropriateness of using special norms when establishing the negligent form of guilt of criminal behavior, without reference to universal (general) norms on the basis of impossibility to apply negligence to the actions of medical workers using innovative technologies is argued. As a result of the analysis of law enforcement problems, a new norm is proposed, that provides for responsibility for violation of the rules of performing work or service rendering involving the use of artificial intelligence systems, if this act caused harm to the rights and legal interests of citizens.

Keywords: criminal law, qualification of crimes, artificial intelligence, innovative medicine

For citation: Chernykh Eu. Eu. Issues to qualify criminal acts in the sphere of innovative medicine. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 56—64, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A192

Ранее рассматриваемая общая характеристика преступности в сфере инновационной медицины показала, что избежать негативных последствий в результате применения инноваций невозможно. Уголовный закон призван наиболее точно описывать признаки указанных нарушений. Любая инновационная разработка является результатом интеллектуальной деятельности человека, следовательно, в преступлениях, совершенных с ее использованием, подлежит установлению вина конкретного физического лица [1, с. 111].

Перспектива квалификации подобных событий, безусловно, вызывает определенную настороженность, однако последовательный анализ содеянного через призму состава преступления вполне оправданно позволяет утверждать, что соответствующая инновация должна расцениваться как средство совершения общественно опасного деяния. Вместе с тем в данном случае справедлива юридическая оценка с помощью смежной категории «орудие». К сожалению, проблема их определения и отграничения друг от друга, как это было отмечено Л. Д. Гаухманом еще в 2001 г., по-прежнему не имеет однозначного ответа и «является недостаточно исследованной в теории отечественного уголовного права» [2, с. 119]. Одним из наиболее распространенных критериев разграничения выступает фактор непосредственного воздействия на объект посягательства, однако контекст технико-юридических конструкций, содержащихся в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ), опровергает данную точку зрения, что проявляется как минимум по отношению к описанию неосторожных форм преступного поведения. Достаточно наглядно обозначенную проблему демонстрируют случаи нападения домашних животных, в содержании которых не было установлено никаких нарушений, что тем не менее повлекло причинение вреда здоровью (например, собака сорвалась с поводка и нанесла тяжкие телесные повреждения). Примечательно, что относительно данных объектов гражданских правоотношений никто не ведет речь о квазисубъектности [3] или интегрированной юрисдикции [4], к ним применяется вполне унифицированный подход — источник опасности для человека, который представляет собой непреодолимую силу, препятствуя должному поведению субъекта [5, с. 122].

В то же время диспозиция норм, регламентированных ст. 109 и 118 УК РФ, позволяет судить о фактической неуместности соответствующих признаков. Ряд авторов придерживаются того, что в этом ключе должна вестись речь именно

о средстве преступления [6]. Представленная позиция прослеживается и в судебной практике. В частности, в приговоре Оренбургского областного суда от 7 февраля 2023 г. по делу № 2-2/2023 отмечается, что «бот использовался для получения заданий, осуществления расчетов, приобретения передачи наркотических средств, а также обеспечения конспирации преступной деятельности»¹. Анкетирование респондентов, проведенное в рамках настоящего исследования, показало следующее: 41 % опрошенных из 150 сотрудников правоохранительных органов считают, что системы искусственного интеллекта, причастные к наступлению общественно опасных последствий для жизни или здоровья пациента, являются средством совершения неосторожного преступления; 34 % — орудием; 25 % — затруднились с ответом. Полученные результаты демонстрируют не только неоднородность правоприменительной практики, но и фактическое отсутствие уверенности должностных лиц в объективности соответствующей юридической оценки события и состава преступления.

Догматический метод научного познания в совокупности с методом моделирования указывают на целесообразность рассмотрения сложившейся ситуации с нескольких ракурсов, в основе которых должен быть расположен вопрос: *из чего конкретно будет состоять описательно-мотивировочная часть обвинения?* Если придерживаться взглядов, что содеянное лечащим врачом отождествляется с опосредованным причинением вреда пациенту, то система искусственного интеллекта однозначно является орудием, однако перед нами находится неумышленное преступление, в связи с чем возникают проблемы, касающиеся причинно-следственной связи и субъективного вменения. Квалификация правонарушения по ст. 109 УК РФ требует предвидения преступником риска возникновения взаимообусловленности между его поведением и смертью потерпевшего лица (легкомысленно рассчитывает на ее предотвращение или не предвидит, но должен был и мог это сделать)². Маловероятно, что доктор предвидит возможность причинения вреда пациенту ассистирующим ему

¹ Приговор Оренбургского областного суда от 7 февраля 2023 г. по делу № 2-2/2023 // Архив Оренбургского областного суда.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Государственной Думой Российской Федерации 24 мая 1996 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

роботом, поскольку подобного с примерно равной долей вероятности можно ожидать и от своего коллеги по работе. Однако он должен осознавать, что **в его ведении в настоящее время находится источник опасности (аналогично животному), который представляет собой автономную силу, способную выйти за рамки ожидаемого поведения.** Именно на основании этого подхода представляется возможным не согласиться с авторами, старающимися опровергнуть представленную выше презумпцию ответственности лица, осуществляющего права распоряжения, владения либо пользования в отношении инновационных технологий¹, с помощью приведения в качестве аргумента случаев, когда в результате сбоя интеллектуальные системы совершают самостоятельные просчеты, не зависящие от человека (см., напр.: [1]). Соответствующие погрешности (технические неисправности, поломки и т. д.) существуют в работе любого механизма и даже инструмента. Так, в 2021 г. в реанимации Никольской больницы в г. Одинцове Московской области в коронавирусном отделении скончались пациенты, подключенные к системе искусственной вентиляции легких: у кислородных баллонов залип клапан газификатора, резервная система не сработала, а персонал не обратил внимание на остановку подачи кислорода². Судебно-следственная практика при этом придерживается схожей позиции, что любой «бот» (сокращенно от «робот») — это специальная программа, выполняющая разные задачи и создающаяся человеком с определенной целью³.

В частности, предложенная нами постановка вопроса указывает на целесообразность смещения акцента с одного конкретного элемента (например, единовременная программная ошибка) в сторону исполнения профессиональных обязанностей в целом (например, процесс проведения хирургической операции), что видоизменяет формулировку обвинения уже на нарушение установленных правил проведения медицинского вмешательства

¹ Подразумевается ответственность в широком смысле слова, а не только юридическая или уголовная.

² Председатель Следственного комитета дал ряд поручений по расследуемым уголовным делам в нескольких регионах страны // Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1538641/> (дата обращения: 15.07.2023).

³ Приговор Оренбургского областного суда от 7 февраля 2023 г. по делу № 2-2/2023.

с применением систем искусственного интеллекта, повлекшее причинение вреда здоровью человека, и, соответственно, трансформирует его в *средство совершения преступления.*

Специфика дефектов оказания услуг в сфере здравоохранения такова, что их обнаружение, описание и экспертиза являются исключительной прерогативой представителей данной отрасли⁴, при этом речь ведется не о сокрытии, а о медицинском риске, являющемся неотъемлемой чертой любого вмешательства в *физическую целостность* пациента. Использование обозначенной формулировки имеет своей целью обратить внимание на то, что этот процесс до своего логического завершения (удовлетворение потребностей пациента) так или иначе связан с «причинением вреда здоровью» (трепанация, ампутация, резекция, лапаротомия, химиотерапия и т. д.; более того, даже забор крови связан с телесными повреждениями). Вместе с тем негласным «обстоятельством, исключаящим преступность деяния», здесь выступает общественно полезная цель, факт достижения которой способен нивелировать допущенные на пути к ней погрешности. В том числе это касается и инновационных средств, поскольку на их применение было получено согласие всех участвующих сторон, а их функционирование осуществляется исключительно в целях оказания помощи врачу (**не пациенту**), т. е. с того не снимается обязанность контролировать все реализуемые мероприятия, а также ответственность за их результат. Даже с точки зрения общей теории права основаниями для этого служат:

— предшествующее и сопутствующее поведение медицинского персонала (умышленное или неосторожное), допустившее наступление неблагоприятных последствий для пациента, в том числе степень причастности к их минимизации;

— осуществление лицом права собственности по владению, пользованию или распоряжению

⁴ Стоит учитывать, что проблематичность объективного вменения здесь проявляется не только через субъективное мнение эксперта, но и непреодолимый временной фактор, когда выводы о правильности принятых лечащим врачом решений делаются на основе посмертного исследования трупа, что в действительности может и не соответствовать прижизненным данным о здоровье пациента, которыми обладал на конкретный промежуток времени обвиняемый медицинский персонал.

систем искусственного интеллекта в созданных им безопасных условиях его применения;

— выполнение субъектом профессиональных обязанностей в строгом соблюдении требований и рекомендаций, установленных для оказания соответствующего вида инновационной медицинской услуги.

Не представляется возможным отрицать, что задействованные в этой сфере роботы относятся к высокотехнологичным формам оказания врачебной помощи, однако это не свидетельствует о 100 % успехе, для достижения которого требуется не только умение точно воспроизвести запрограммированные варианты решения, но и наличие способностей к импровизации и абстрактному мышлению, обеспечивающих адаптацию к изменяющейся обстановке, не только к естественным, но и искусственно созданным проблемам самого медицинского вмешательства. В связи с этим непреодолимая вероятность возникновения ситуаций, выходящих за рамки установленных алгоритмов, требует постоянного внимания со стороны человека, о чем свидетельствуют и разработанные в данной сфере стандарты, которые, помимо концептуальной идеи — **искусственный интеллект имеет своей целью содействие врачу, обязанному самостоятельно подтверждать все результаты применения подобных систем**¹, также устанавливают и перечень ключевых требований (см. рис.).

Особого внимания заслуживает такой правоприменительный критерий, как понятность с точки зрения результатов своего действия, формируемых проектов и подсказок для принятия врачебных решений². В настоящее время обозначенный аспект становится детерминантой социально-правовых противоречий. Так, в 2020 г. бот на базе GPT-3, созданный, чтобы уменьшить нагрузку

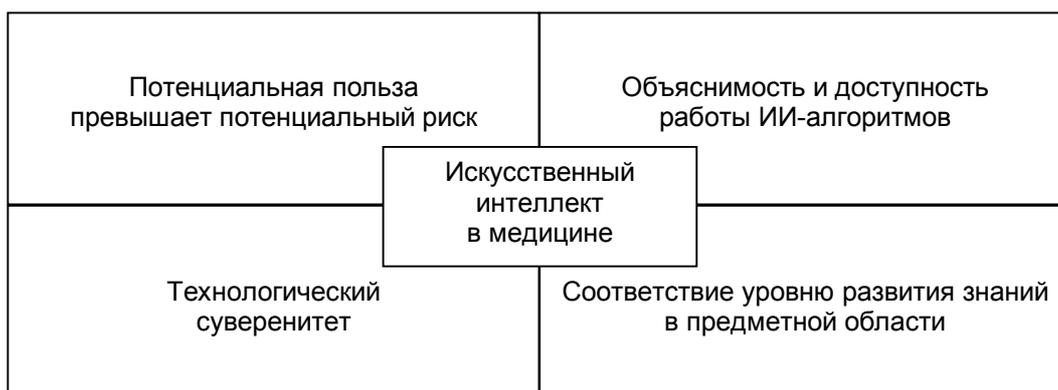
на врачей, посоветовал больному убить себя. По этому поводу разработчик исходного кода — французская компания Nabla, не участвовавшая в интеграции своего продукта в сферу здравоохранения, заключила, что «неустойчивый и непредсказуемый характер ответов программного обеспечения делает его неподходящим для взаимодействия с пациентами в реальном мире» [7]. Подобная халатность прослеживается не только в действиях лиц, ответственных за внедрение и техническое сопровождение инноваций, но и фактически всех субъектов, принимающих участие в ее применении. Например, в приговоре Октябрьского районного суда г. Саранска от 23 ноября 2022 г. по делу № 1-208/2022 установлено отсутствие у участвующих лиц способности пояснить, чем руководствовался искусственный интеллект при принятии своих решений, что выступило причиной нарушения³. Более того, казуальное толкование указывает на комплексный характер «врачебной юрисдикции», которая не ограничивается формальным подходом к соблюдению протокольных предписаний, поскольку она основана на объективным понимании состояния здоровья пациента, что обуславливает способность прогнозировать последствия принятия тех или иных решений и, соответственно, обязанность координировать процесс лечения в сторону нейтрализации всех потенциальных рисков, в том числе связанных с материально-техническими (например, минимизация последствий инструментальных ошибок) и организационными барьерами (например, задействование телемедицинских технологий при нехватке времени или квалификации), а также сопротивлением самого пациента (убеждение и даже принятие принудительных мер в экстренных ситуациях)⁴.

¹ ГОСТ Р 59921.6-2021. Системы искусственного интеллекта в клинической медицине. Часть 6. Общие требования к эксплуатации: приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 2 декабря 2021 г. № 1673-ст. М.: Рос. ин-т стандартизации, 2021. 7 с.

² ГОСТ Р 59921.0-2022. Системы искусственного интеллекта в клинической медицине. Основные положения: приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 18 октября 2022 г. № 1141-ст. М.: Рос. ин-т стандартизации, 2022. 14 с.

³ Приговор Октябрьского районного суда г. Саранска от 23 ноября 2022 г. по делу № 1-208/2022 // Архив Октябрьского районного суда города Саранска.

⁴ Приговор Павловского районного суда Краснодарского края от 20 марта 2019 г. по делу № 1-13/2019 // Архив Павловского районного суда Краснодарского края; Приговор Бузулукского районного суда Оренбургской области от 5 апреля 2019 г. по делу № 1(1)-10/2019 // Архив Бузулукского районного суда Оренбургской области.

Рис. Основные требования к использованию систем искусственного интеллекта в медицине

Значимым нюансом в обозначенном контексте, к которому часто апеллирует сторона защиты, по данной категории уголовных дел выступает нормативная регламентация представленных выше умозаключений. В частности, в судебно-следственной практике возникают дискуссии относительно применимости стандартов¹, фактически не являющихся документами, регулируемыми профессиональные обязанности конкретной категории врачей². Решение данной проблемы прослеживается в контексте официального толкования. Например, согласно Федеральному закону «Об основах охраны здоровья граждан Российской Федерации» медицинская помощь организуется и оказывается

в соответствии с порядками оказания медицинской помощи, обязательными для исполнения на территории Российской Федерации всеми медицинскими организациями, а также на основе стандартов медицинской помощи, за исключением медицинской помощи, оказываемой в рамках клинической апробации³. Тогда как обозначенные стандарты являются особыми правовыми актами, в которых превалирует специальное содержание профиля здравоохранения, призванное обеспечить врачебную помощь надлежащего качества. Кроме того, в Едином квалификационном справочнике должностей руководителей, специалистов и служащих (раздел «Квалификационные характеристики должностей работников в сфере здравоохранения») практически для всех категорий докторов указаны следующие обязанности: оценка состояния больного и клинической ситуации, а также выполнение перечня работ и услуг для лечения заболевания — в соответствии со стандартом медицинской помощи⁴. Анализ правоприменительной практики также подтверждает данную позицию: в должностных инструкциях рассматриваемого персонала содержится указание на то, что тактика ведения больного определяется в соответствии с установленными стандартами и требованиями.

¹ В том числе: ГОСТ Р 59525. Информатизация здоровья. Интеллектуальные методы обработки медицинских данных. Основные положения; ГОСТ Р 59921.0-2022. Системы искусственного интеллекта в клинической медицине. Основные положения; ГОСТ Р 59921.1. Системы искусственного интеллекта в клинической медицине. Часть 1. Клиническая оценка; ГОСТ Р 59921.2. Системы искусственного интеллекта в клинической медицине. Часть 2. Программа и методика технических испытаний; ГОСТ Р 59921.3. Системы искусственного интеллекта в клинической медицине. Часть 3. Управление изменениями в системах искусственного интеллекта с непрерывным обучением; ГОСТ Р 59921.4. Системы искусственного интеллекта в клинической медицине. Часть 4. Оценка и контроль эксплуатационных параметров; ГОСТ Р 59921.5. Системы искусственного интеллекта в клинической медицине. Часть 5. Требования к структуре и порядку применения набора данных для обучения и тестирования алгоритмов; ГОСТ Р 59921.6. Системы искусственного интеллекта в клинической медицине. Часть 6. Общие требования к эксплуатации.

² См., напр.: Приговор Бузулукского районного суда Оренбургской области от 5 апреля 2019 г. по делу № 1(1)-10/2019.

³ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федер. закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 48. Ст. 6724.

⁴ Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел «Квалификационные характеристики должностей работников в сфере здравоохранения»: приказ Минздравсоцразвития России от 23 июля 2010 г. № 541н // Российская газета. 2010. 27 сент.

На основании изложенного представляется методологически обоснованным утверждать, что в основе общественной опасности подобного рода деяний находится не столько само причинение вреда здоровью (смерти) по неосторожности, сколько нарушение правил выполнения работ или оказания услуг в сфере инновационной медицины. Объектом преступлений, криминализованных в рамках ст. 109 и 118 УК РФ, выступают общественные отношения, возникающие в связи с реализацией государственных гарантий охраны жизни и здоровья конкретной личности, в то время как в рассматриваемых примерах угроза в действительности создается для неопределенного круга пациентов, каждый из которых «случайным образом» может пострадать по причине несоблюдения условий и / или порядка осуществления профессиональной деятельности с применением систем искусственного интеллекта со стороны лиц, реализующих в отношении этих предметов права владения или пользования. При данной постановке вопроса можно обнаружить, что основным объектом уголовно-правовой охраны здесь должно быть **здоровье населения**. В ходе социологического исследования, сопровождавшего подготовку данной научной работы, респондентам был задан вопрос: «Как Вы считаете, что является основным объектом общественно опасного деяния, выражающегося в нарушении правил выполнения работ или оказания услуг, сопряженных с применением систем искусственного интеллекта?». В итоге из 150 опрошенных сотрудников правоохранительных органов 64 % отметили, что таковым выступают общественные отношения, возникающие между поставщиками (исполнителями) и потребителями выполнения работ или услуг, отвечающих установленным требованиям качества и безопасности; 28 % — общественные отношения, складывающиеся в связи с реализацией государственных гарантий охраны жизни или здоровья конкретной личности; 8 % затруднились с ответом. Кроме того, другая группа респондентов (граждане) на вопрос: «Как вы считаете, для чего в первую очередь создается угроза некачественного осуществления медицинским персоналом своих профессиональных обязанностей, сопряженных с применением систем искусственного интеллекта?» из 150 опрошенных лиц 57 % ответили: «Для безопасности граждан (населения в целом) в масштабах зоны обслуживания — района, области и т. д.», 27 % — для жизни или здоровья отдельных пациентов, 11 % — для доверия конкретному медицинскому подразделению в частности и отече-

ственному здравоохранению в целом, 5 % затруднились с ответом.

Подтверждением этой позиции также служит неоднородность и даже определенная несформированность правоприменительной практики по делам о дефектах медицинской помощи, причиной чему выступает пробел уголовного законодательства, заключающийся в отсутствии положений, регулирующих подобные происшествия. Существование этих предписаний определяется ст. 24 УК РФ, регламентировавшей, что деяние, совершенное по неосторожности, признается преступлением только в случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ. С учетом этого становится возможным утверждать о целесообразности использования специальных норм при установлении неосторожной формы преступного поведения, не прибегая к универсальным (общим) нормам (в том числе ст. 109 и 118 УК РФ), применительно к фактам наступления неблагоприятных последствий для жизни и / или здоровья пациента, обусловленных нарушением установленных правил оказания медицинской помощи с применением систем искусственного интеллекта.

В дополнение к сказанному следует отметить, что данный подход нивелирует отдельные вопросы, связанные с установлением элементов объективной стороны состава преступления. Ошибки в работе оборудования и даже случайные собственноручные нарушения в попытке спасти человека свидетельствуют не столько о «смещении» причины наступления смерти, сколько о нарушении правил (требований, рекомендаций) оказания медицинской помощи, повлекших наступление тяжких последствий. То есть речь идет лишь о создании дополнительных условий, детерминировавших нарушение гарантий качества предоставляемых услуг. Достаточно наглядно данная проблема прослеживается в контексте правоприменительной практики. Так, согласно апелляционному постановлению Ленинградского областного суда от 17 июня 2015 г. по делу № 22-1180/2015, действия С. были пере-квалифицированы с ч. 2 ст. 124 УК РФ на ч. 2 ст. 109 УК РФ, поскольку у осужденного отсутствовали умысел на игнорирование своих обязанностей врача и намерение не оказывать помощь пациенту, объем которой соответствовал постановленному им диагнозу, как оказалось впоследствии — неверному. Судом сделан обоснованный вывод о том, что ненадлежащее оказание врачебных услуг при отсутствии умысла (ввиду неправильной оценки состояния здоровья, ошибки в диагнозе

и т. д.) не может служить основанием для привлечения к ответственности по статье ст. 124 УК РФ¹. Однако дальнейшее казуальное толкование не может быть не подвергнуто конструктивной критике.

Внутренней проверкой установлены следующие дефекты: не выполнены стандарты оказания медицинской помощи пострадавшему, недооценено состояние тяжести больного, поставлен неправильный диагноз. Кроме того, заместитель главного врача больницы по данному факту пояснил, что любой врач, имеющий категорию, в том числе С., должен уметь читать рентген-снимки, а также определять вид ранения; за больным должно быть осуществлено наблюдение врачом, без осмотра которого он не мог быть отпущен. В результате допущенных нарушений (ошибка в виде неправильного лечения) несвоевременно обнаружено внутреннее кровотечение, полученное от колото-резаного проникающего ранения грудной клетки, повлекшее наступление смерти Т. в реанимационном отделении при повторном доставлении в больницу (после первой операции пациент, находящийся в состоянии алкогольного опьянения, отказался от госпитализации).

При данных обстоятельствах, а также наряду с тем фактом, что имеется вынесенный обвинительный приговор по ч. 1 ст. 105 УК РФ в отношении лица, нанесшего Т. удар ножом, судом делается вывод о наличии непрямой (опосредованной) причинно-следственной связи между действиями С. и смертью Т., поскольку при своевременном и качественном оказании медицинской помощи наступление летального исхода можно было предотвратить. Таким образом, обвинительный приговор в отношении С. по ч. 2 ст. 109 УК РФ основывается на том аргументе, что содеянное им выступило условием для реализации причины — колото-резаной раны, вследствие которой Т. лишился жизни. Данное умозаключение вступает в противоречие не только с общей теорией уголовного права, но и формальной логикой. В случае, когда виновный сознательно не использовал привходящие обстоятельства, выступившие главной причиной смерти, не должен был и не мог предвидеть дальнейшего развития причинной связи, то и ответственности за наступившие последствия быть не должно [8, с. 110—111]. Кроме того, как отмечает В. В. Сверчков, «деяние, предшествующее последствие, должно быть не только условием его наступ-

ления, но и главной, непосредственной причиной» [9, с. 84]. В этом ключе достаточно корректно продемонстрирована описательно-мотивировочная сторона приговора Новоильинского районного суда г. Новокузнецка Кемеровской области от 21 февраля 2014 г. по делу №1-10/2014:

«Согласно заключению эксперта черепно-мозговая травма, причиненная потерпевшему, относится к тяжкому вреду здоровью. Дальнейшее течение полученных повреждений осложнилось сепсисом, который и является непосредственной причиной смерти. Возникновению данного заболевания способствовало «присоединение инфекции (инфекционного агента) на фоне имевшейся тяжелой черепно-мозговой травмы, протекавшей с утратой сознания, нарушением легочной вентиляции, двигательной активности, развитием пролежней. В связи с этим развитие сепсиса у потерпевшего нельзя считать следствием черепно-мозговой травмы, так как сама травма без инфекционного начала не могла привести к развитию подобных осложнений и в данном случае явилась необходимым условием, при котором стало возможным действие причины (инфекции). Таким образом, между причинением черепно-мозговой травмы и наступлением смерти потерпевшего отсутствует прямая причинно-следственная связь»².

Интеллектуально-волевой аспект субъективного отношения виновного лица к становлению и развитию причинной связи является ключевым ориентиром при определении возможности вменения ему опосредованных общественно опасных последствий. В связи с этим вполне закономерным и обоснованным результатом здесь выступила переквалификация действий виновного лица с ч. 4 на ч. 1 ст. 111 УК РФ. Соответственно и при решении вопроса о юридической оценке содеянного врачом, осуществлявшим лечение при помощи систем искусственного интеллекта, должна учитываться специфика обвинения, а именно — виновен в том, что **причинил смерть или в том, что нарушил установленные правила, оказал некачественную медицинскую помощь и тем самым не предотвратил наступление неблагоприятных последствий.** В приведенном ранее обвинительном приговоре Ленинградского областного суда признание С. виновным в причинении

¹ Апелляционное постановление Ленинградского областного суда от 17 июня 2015 г. по делу № 22-1180/2015 // Архив Ленинградского областного суда.

² Приговор Новоильинского районного суда г. Новокузнецка Кемеровской области от 21 февраля 2014 г. по делу № 1-10/2014 // Архив Новоильинского районного суда г. Новокузнецка Кемеровской области.

смерти Т. свидетельствует о неверном понимании сущности произошедшего события и расширительном толковании норм права, повлекших некорректное обвинение, основанное на применении уголовного закона по аналогии, что противоречит положениям ч. 2 ст. 3 УК РФ и может быть детерминировано только следующими обстоятельствами:

1) отсутствие в УК РФ нормы, предусматривающей ответственность за нарушение правил выполнения работ или оказания услуг, связанных с применением систем искусственного интеллекта;

2) наличие обвинительного уклона уголовного судопроизводства.

В ходе проведенного исследования отдельных особенностей противодействия преступлениям в сфере инновационной медицины проанализированы более 250 материалов дел, отражающих правоприменительную практику рассмотрения приведенной категории общественно опасных деяний, из которых в тексте настоящей работы продемонстрированы лишь наиболее наглядные примеры, отражающие проблемы судебно-следственной практики. С учетом этого представляется целесообраз-

ным и методологически обоснованным их преодоление посредством не только интерпретационной, но и правотворческой деятельности, что должно найти свое отражение в криминализации **нарушения правил, установленных для работы с искусственным интеллектом** в рамках ст. 238.2 УК РФ, для которой разработана следующая технико-юридическая конструкция:

1. Нарушение правил выполнения работ или оказания услуг, сопряженных с применением систем искусственного интеллекта, если это деяние причинило вред правам и законным интересам граждан, —

наказывается (преступление небольшой тяжести).

2. То же деяние, повлекшее тяжкие последствия, —

наказывается (преступление средней тяжести).

3. Нарушение правил выполнения работ или оказания услуг, сопряженных с применением систем искусственного интеллекта, вследствие небрежного или недобросовестного к ним отношения, повлекшее тяжкие последствия, —

наказывается (преступление небольшой тяжести).

1. Некрасов В. Н. Актуальные вопросы уголовно-правовой охраны инновационной деятельности в России // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 7. С. 108—114.

2. Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. Москва: ЮрИнфоР, 2001. 316 с.

3. Пономарева Е. В. Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2019. 208 с.

4. Малышкин А. В. Интегрированная юрисдикция (доктрина, практика, техника): дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2021. 437 с.

5. Дикаев С. У. Уголовное право. Общая часть: курс лекций / под общ. ред. С. А. Денисова, В. И. Тюнина. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та МВД России, 2008. 444 с.

6. Семенов К. П. Животные как предмет и средство преступления: дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2015. 227 с.

7. Quach K. Researchers made an OpenAI GPT-3 medical chatbot as an experiment. It told a mock patient to kill themselves // The Register. 2020. 28 October. URL: https://www.theregister.com/2020/10/28/gpt3_medical_chatbot_experiment/ (date of access: 15.07.2023).

8. Зимирева Л. А. Особенности опосредованной причинной связи в преступлениях против

1. Nekrasov V. N. Actual issues of criminal-legal protection of innovation activity in Russia. Actual problems of Russian law, 108—114, 2017. (In Russ.).

2. Gaukhman L. D. Qualification of crimes: law, theory, practice. Moscow: YurInfoR; 2001: 316. (In Russ.).

3. Ponomareva E. V. Subjects and quasi-subjects of law: theoretical and legal problems of differentiation. Dissertation of candidate of juridical sciences, Yekaterinburg; 2019: 208. (In Russ.).

4. Malyshev A. V. Integrated jurisdiction (doctrine, practice, technique). Dissertation of doctor of juridical sciences. Nizhny Novgorod; 2021: 437. (In Russ.).

5. Dikaev S. U. Criminal Law. General part: a course of lectures. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia; 2008: 444. (In Russ.).

6. Semenov K. P. Animals as an object and means of crime. Dissertation of candidate of juridical sciences. Saint Petersburg; 2015: 227. (In Russ.).

7. Quach K. Researchers made an OpenAI GPT-3 medical chatbot as an experiment. It told a mock patient to kill themselves. The Register, 2020. URL: https://www.theregister.com/2020/10/28/gpt3_medical_chatbot_experiment/ (date of access: 15.07.2023). (In Eng.).

жизни // Крымский научный вестник. 2015. № 4. С. 107—113.

9. Сверчков В. В. Преступление и состав преступления. Особенности преступного поведения и уголовного преследования: учеб. пособие для вузов. Москва: Юрайт, 2023. 334 с.

8. Zimireva L. A. Peculiarities of mediated causality in crimes against life. Crimean Scientific Journal, 107—113, 2015. (In Russ.).

9. Sverchkov V. V. Crime and body of the crime. Features of criminal behavior and criminal prosecution. Textbook for universities. Moscow: Yurait, 2023: 334. (In Russ.).

Черных Евгения Евгеньевна,

декан юридического факультета
Национального исследовательского
Нижегородского государственного
университета имени Н. И. Лобачевского,
кандидат юридических наук, доцент;
ewg.cherniykh84@yandex.ru

Chernykh Eugenia Eugeniivna,

dean of the faculty of law
of National Research Lobachevsky State
University of Nizhny Novgorod,
candidate of juridical sciences, docent;
ewg.cherniykh84@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 26.09.2023; одобрена после рецензирования 05.10.2023; принята к публикации 17.11.2023.

The article was submitted 26.09.2023; approved after reviewing 05.10.2023; accepted for publication 17.11.2023.

* * *

УДК 343.14

doi: 10.25724/VAMVD.A193

**ОТДЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОЛИГРАФА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ*****Елена Вильгельмовна Вологина**, *Эйда Владимировна Голоманчук***, *Солонникова Нина Валерьевна******

* Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, vologina-e@mail.ru

** Волгоградский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Волгоград, Россия, golomanchuk-ev@ranepa.ru

*** Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия, nina5846526@mail.ru

Аннотация. Детектор лжи часто воспринимается как способ отличить правду от вымысла, и ожидания от его применения в уголовном процессе схожи с представлениями о волшебстве — после тестирования станет ясно, кто виновен. Суды не только в России, но и в зарубежных странах не считают результаты исследований с использованием полиграфа однозначно достоверными и во многих случаях не признают их в качестве допустимых доказательств по уголовным делам. Однако полиграфическое исследование, также известное как тест на ложь, или полиграфное исследование, является методом, использующимся для определения правдивости или лживости показаний человека, который базируется на мониторинге и регистрации различных физиологических показателей организма, способных свидетельствовать о стрессе или возбуждении, но не являющихся объективно констатируемой истиной. В статье авторы определяют отдельные особенности и перспективы использования полиграфа в уголовном процессе, указывают на его сложности и вероятные риски.

Ключевые слова: полиграф, полиграфическое исследование, доказательство в уголовном процессе

Для цитирования: Вологина Е. В., Голоманчук Э. В., Солонникова Н. В. Отдельные особенности и перспективы использования полиграфа в уголовном процессе // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 4 (67). С. 65—71. doi: 10.25724/VAMVD.A193

**SOME SPECIFICS AND PERSPECTIVES
TO USE POLYGRAPH IN CRIMINAL PROCEEDING*****Yelena Vil'gel'movna Vologina**, *Eida Vladimirovna Golomanchuk***, *Nina Valerievna Solonnikova******

* Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, vologina-e@mail.ru

** Volgograd Institute of Management — a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russia, golomanchuk-ev@ranepa.ru

*** Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia, Krasnodar, Russia, nina5846526@mail.ru

Abstract. Lie detector is often considered as a way to distinguish fact from lie. Expectation of its usage in criminal proceeding is similar to the idea of magic — "who is guilty?" will become clear after polygraph examination.

Courts both in Russia and in foreign countries don't consider the results of polygraph examinations to be definitely reliable and don't recognize them as admissible evidence in criminal cases. However, a polygraph examination also known as a test to identify lie, is a method used to determine the truthfulness or falsity of a person's testimony, which is based on monitoring and recording various physiological indicators of the body, that are able to indicate stress or agitation, but are not objectively stated truth.

In the article, the authors identify individual specifics and perspectives to use polygraph in criminal proceeding, indicate its difficulties and probable risks.

Keywords: polygraph, polygraph examination, evidence in criminal proceeding

For citation: Vologina Ye. V., Golomanchuk E. V., Solonnikova N. V. Some specifics and perspectives to use polygraph in criminal proceeding. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 65—71, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A193

Изучение особенностей и перспектив использования полиграфа в уголовном процессе представляет собой актуальную тему по нескольким причинам: это и стремление к справедливости, и потенциал для установления истины по уголовному делу, и внедрение современных научно-технических методов.

В научном мире и доктрине нет единого подхода к самой возможности применения полиграфа и мнения о его достоверности и объективной необходимости.

Противники применения полиграфа считают, что преступник-рецидивист сможет избежать разоблачения, когда воспользуется законным правом на отказ от такой проверки. Кроме того, Л. Я. Драпкин убежден, что «штатные сотрудники разведывательных служб проходят специальную антиполиграфную подготовку и могут обмануть детектор лжи и оператора» [1, с. 25].

Полиграф является одним из инструментов, которые применяются в уголовном процессе для выявления правдивости показаний подозреваемых, свидетелей и других лиц. Изучение и понимание его особенностей позволяют обеспечить справедливость, исключить или уменьшить возможные ошибки и подтвердить достоверность представленной информации; используется он и для регистрации психодиагностических реакций [2, с. 187].

Полиграф широко применяется в качестве обязательного исследования для потенциальных кандидатов на службу в силовые структуры России — от МВД России до Федеральной службы судебных приставов России (ФССП). Специальные психофизиологические исследования при профессиональном отборе и кадровых проверках в правоохранительных органах России могут применяться по трем направлениям: скрининговые (отборочные) проверки; психодиагностическое и психокоррекционное направления; специальное направление (обеспечение собственной безопасности).

Существует также судебная психофизиологическая экспертиза с использованием полиграфа в рамках рассмотрения уголовных, гражданских и дел об административно-правовых нарушениях.

Безусловно, полиграф может способствовать раскрытию преступлений, ведь он является дополнительным средством для проверки показаний и помогает сузить круг подозреваемых и сосредоточиться на основных линиях расследования, а также сокра-

тить время и ресурсы, затрачиваемые на расследование преступлений. Это особенно актуально для сложных и длительных расследований, где проверка истинности показаний является важным шагом. Если полиграф способствует точному выделению правдивой информации, это избавит от необходимости производства дополнительных следственных и процессуальных действий и повысит эффективность работы правоохранительных органов.

Важно помнить, что понимание научных основ, на которых базируется данный метод, и изучение последних технических разработок в этой области способствуют более объективной оценке его возможностей и применимости.

Однако следует отметить, что использование полиграфа в уголовном процессе все еще является предметом дискуссий, и его допустимость и законность могут различаться в разных странах и юрисдикциях. Фактически ни одна страна сегодня не признает полиграфическое исследование безусловным доказательством, в силу чего изучение особенностей и перспектив его применения также помогает разобраться в правовых и этических аспектах этого инструмента.

Полиграфными устройствами называют такие регистраторы, которые фиксируют изменения в динамике физиологических параметров организма. Полиграф представляет собой сложносоставной прибор, который предназначен для фиксации артериального давления, дыхания, различных биотоков, существующих в человеческом организме [2, с. 189].

Опрос с использованием полиграфа представляет собой беседу с конкретным лицом, которая проводится по специально разработанным методикам. Одновременно с беседой происходит фиксация психофизиологических реакций опрашиваемого человека на задаваемые вопросы.

Сущность полиграфического исследования заключается в том, что во время процедуры человек подвергается одновременному измерению нескольких физиологических функций, таких как пульс, артериальное давление, дыхание и электродермальная активность (изменение электрической проводимости кожи). Эти параметры подвергаются мониторингу и регистрируются во время проведения полиграфической сессии.

В течение полиграфического исследования испытуемый обычно отвечает на ряд вопросов, включая контрольные (относящиеся к знакомым событиям) и релевантные (относящиеся к расследуемому инциденту). Измерения физиологических показателей анализируются полиграфологом, который выявляет изменения, свидетельствующие о стрессе или попытке обмана со стороны испытуемого.

В советской психологии настоящим первопродцом в проблематике полиграфических исследований выступил доктор медицинских и педагогических наук Александр Романович Лурия (1902—1977). Он сформулировал основной принцип психофизиологических методов детекции лжи: «Единственная возможность изучить механику внутренних, „скрытых“ процессов сводится к тому, чтобы соединить эти скрытые процессы с каким-нибудь одновременно протекающим рядом доступных для непосредственного наблюдения процессов... в которых внутренние закономерности и соотношения находили бы свое отражение» [3, с. 329].

Отечественный полиграфолог Ю. И. Холодный, руководствуясь работами А. Р. Лурии, описал явление, определяющее основу процедуры проверки на полиграфе. Он сформулировал это явление как «психофизиологический феномен, который заключается в том, что внешний стимул (слово или предмет, фотография), несущий человеку значимую в конкретной ситуации информацию о событии, запечатленном в его памяти, устойчиво вызывает физиологическую реакцию, превышающую реакции на родственные (однородные) стимулы, предъявляемые в тех же условиях, но не связанные с упомянутым событием и не несущие человеку ситуационно значимой информации». Однако следует отметить, что полиграфическое исследование не является абсолютно надежным и однозначным методом выявления лжи [4, с. 160].

Участие в полиграфическом тестировании должно быть добровольным, так как полиграфические результаты не могут быть использованы в суде в качестве однозначных доказательств. В то же время положительные результаты полиграфа могут послужить поводом для дальнейшего расследования.

Перед проведением полиграфического тестирования проводится предварительная беседа с подозреваемым или свидетелем, чтобы объяснить процесс тестирования, задать вопросы и установить контекст. Это помогает создать более точные базовые данные для анализа результатов.

Непосредственно во время полиграфического тестирования опрашиваемый отвечает на вопросы, формулировка которых подразумевает контрольные вопросы (используемые для калибровки полиграфа) и вопросы, связанные с расследуемым преступлением. Результаты полиграфа обычно интерпретируются опытным полиграфологом, который анализирует физиологические показатели и изменения реакций в ответ на вопросы. Более высокие уровни физиологической активности могут указывать на недостоверные ответы или попытки сокрытия информации. Однако интерпретация результатов полиграфа не является абсолютной и требует профессионального опыта.

Результаты полиграфа могут быть использованы для сбора дополнительных доказательств или проведения дополнительных опросов. Полиграф может помочь органам правопорядка сужать круг подозреваемых или укрепить версию событий на основе полиграфических утверждений.

Алгоритм работы полиграфа состоит из нескольких этапов.

Этап первый. Подготовка и прием: прежде чем начать тестирование, полиграфолог проводит предварительную беседу с опрашиваемым для установления контекста и объяснения процесса тестирования. Во время этой беседы полиграфолог также осведомляет опрашиваемого о строго добровольной природе тестирования, а также о его правах и процедуре.

Этап второй. Приспособление к приборам: опрашиваемый приспособляется к приборам полиграфа, которые измеряют физиологические показатели, такие как пульс, артериальное давление, дыхание и сопротивляемость кожи. Это может включать крепление датчиков на пальцы для измерения электросопротивления кожи, манжеты на руку для измерения кровяного давления и приспособление других устройств, которые фиксируют физиологические показатели.

Этап третий. Калибровка аппарата: полиграфолог проводит процедуру калибровки для проверки и корректировки инструментов измерения. В этом этапе использованы контрольные вопросы, ответы на которые уже известны полиграфологу. На основе ответов на эти вопросы полиграф определяет базовые показатели физиологической активности опрашиваемого.

Этап четвертый. Запись базовых показателей: во время этого этапа опрашиваемый находится в состоянии покоя, и полиграф регистрирует базовые показатели физиологической активности для

их сравнения с реакциями на вопросы в следующих этапах.

Этап пятый. Формулирование вопросов: полиграфолог формулирует вопросы, которые будут заданы опрашиваемому. Вопросы могут быть разделены на «контрольные», связанные с предметом расследования, и «инцидентные», которые могут вызывать эмоциональную реакцию.

Этап шестой, основной. Тестирование: после формулирования вопросов, полиграфолог начинает процесс тестирования. Опрашиваемый отвечает на вопросы вслух или путем нажатия кнопок, а полиграф регистрирует и анализирует его физиологические показатели в реальном времени. Вопросы задаются в сериях, повторяющихся несколько раз.

Этап седьмой. Анализ результатов: после завершения тестирования полиграфолог анализирует полученные данные. Он сравнивает изменения физиологических показателей, таких как пульс или реакция кожи, с базовыми показателями, чтобы определить возможный обман или недостоверность ответов.

Способы искажения данных полиграфа могут включать попытки манипуляции физиологическими показателями, обман полиграфолога или использование техник контроля своих реакций.

Одним из способов искажения результатов полиграфа является осознанное управление дыханием. Некоторые опрашиваемые могут пытаться медленнее и плавнее дышать перед ответами на вопросы, чтобы снизить физиологическую активность, связанную с возможной ложной реакцией.

Другой способ — сознательно контролировать мышечное напряжение, чтобы подавить физиологические реакции, которые могут быть фиксированы полиграфом. Например, напрягать мышцы рук или живота, чтобы снизить изменение сопротивления кожи, которое полиграф регистрирует.

Человек (что естественно) может попытаться контролировать свои реакции, чтобы предотвратить сильный физиологический отклик на вопросы, связанные с преступлением. Это может включать использование техник самоконтроля или приемов визуализации для снижения возбуждения.

Иногда испытуемый может представлять себе разговор или диалог внутри своей головы, чтобы отвлечься от реальных вопросов и дать фальшивый ответ. Эта техника позволяет ему подавить естественный рефлекс организма на вопросы, которые могут вызывать эмоциональные или физиологические реакции.

Часто встречается и попытка физически манипулировать приборами полиграфа, такими как дат-

чики на пальцах или манжета на руке. Например, нажимать на датчики сильнее или слабее, намеренно изменять положение руки или двигаться таким образом, чтобы повлиять на показатели изменений.

Полиграфологи знают о таких способах искажения и проводят различные проверки и принимают контрмеры, чтобы снизить возможность манипуляции данными. Они также применяют различные техники для выявления подозрительных шаблонов ответов и обнаружения индикации обмана. Однако важно отметить, что полиграф не является абсолютно точным инструментом, и его результаты должны рассматриваться в контексте других доказательств и методов расследования.

Использование полиграфа может вызывать сомнения у общественности и судей относительно его объективности. Некоторые могут рассматривать полиграф скорее как средство психологического давления, чем научный инструмент.

Противники применения полиграфа при допросах и в ходе проведения психофизиологических экспертиз в уголовном процессе считают, что практика его использования должна быть законодательно запрещена.

«Теперь полиграф объявляется уже не просто оперативно-розыскным „средством ориентирующей информации“, а респектабельным „заключением психофизиологической экспертизы“, хотя суть технологии исследования осталась прежней» [5, с. 212].

В научном мире есть и те, кто поддерживает применение в доказывании результатов психофизиологических исследований с помощью полиграфа. Имеется целый ряд работ, в которых обосновывается возможность нормативного закрепления доказательственного значения полученных с помощью полиграфа результатов [6, с. 303; 7, с. 24].

При отсутствии чувства вины испытуемый человек чаще всего старается идти на сотрудничество с оператором [8, с. 30].

Когда невиновный человек проходит исследование на полиграфе, он может испытывать некоторую тревогу, обеспокоенный возможностью быть неправильно идентифицированным как лжец. Важно, чтобы полиграфолог был объективным и нейтральным, не предубежденным по отношению к невиновному опрашиваемому. Это включает способность задавать вопросы без предвзятости, выслушивать ответы и анализировать полученные данные тщательно. Полиграфолог должен следовать профессиональным стандартам и не искажать результаты в угоду конкретной гипотезе об исследуемом виновном в преступлении. Любому человеку должно

быть предложено консультирование или подготовительные сессии, чтобы помочь справиться с возможной тревогой и стрессом. Это может включать обсуждение ожиданий, использование техник релаксации и стратегий управления стрессом.

Невиновные опрашиваемые могут знать о своих физиологических реакциях и стремиться контролировать их. Это, вероятно, вызвано опасением, что естественные реакции могут быть неправильно истолкованы. Однако важно помнить, что попытка активно контролировать свои реакции также вызывает подозрения.

Получается, что полиграф не является абсолютно точным и надежным инструментом, и его результаты могут быть подвержены ошибочным и субъективным толкованиям. Существуют случаи, когда полиграф дает ложноположительные или ложноотрицательные результаты.

Известны случаи, когда суды первой инстанции принимали заключения экспертов-полиграфологов в качестве доказательств. Однако если в судах первой инстанции существует неоднозначное суждение о допустимости принятия в виде доказательства по делу полиграфических исследований, то апелляционные определения исключают эту неоднозначность. Это происходит вследствие того, что было высказано суждение о недопустимости признания заключения эксперта по результатам психофизиологического исследования в качестве надлежащего доказательства.

К сожалению, примеры судебно-следственной практики, подтверждающие эффективность применения полиграфа, не изменили позиции Верховного Суда Российской Федерации, который считает недопустимым использовать данные, полученные в результате применения полиграфа, доказательствами [9, с. 3].

Следующая проблема использования психофизиологической экспертизы — это контрмеры. Они представляют собой серьезную угрозу для тестирования на полиграфе. Все физиологические показатели, измеряемые полиграфом, могут быть изменены испытуемым сознательными когнитивными и физическими усилиями.

В прошлом столетии полиграф был встречен и наукой, и общественностью как уникальное явление,

способное отделить ложь от правды, и стал применяться достаточно широко, но это вызвало обратный эффект — множество преступников смогло уйти от ответственности: от шпионов до серийных убийц.

Ярким примером этому является серийный убийца Чарльз Каллен, который после первого убийства успешно прошел проверку на полиграфе, и в скором времени его жертвами стали еще почти сорок человек [10, с. 41].

Некоторые ученые сегодня являются сторонниками разработки и принятия на федеральном уровне закона об использовании полиграфа и подобных ему технологий в судопроизводстве [11, с. 133], что мы считаем сомнительным, но заслуживающим внимания решением.

Полиграфические исследования целесообразно назначать при наличии существенных противоречий между показаниями участников процесса, а именно подозреваемых и свидетелей, обвиняемых и потерпевших, и другими доказательствами по делу. Психофизиологическую экспертизу назначают и при отсутствии доказательств.

Отечественное право регулирует не использование технических средств, а общественные отношения. В настоящее время все изученные психофизиологические закономерности являются всего лишь вероятностными. На данный момент никто не может дать ответа на вопрос: «Насколько психофизиологические закономерности, процессы и явления, которые образуют основу вышеуказанного прикладного метода детекции лжи, могут предопределить его действенность, надежность и точность, обеспечивая с этой точки зрения защиту прав и законных интересов граждан?». Считаем, что пока ответ на него не будет получен, говорить о признании полиграфического исследования доказательством по уголовному делу преждевременно.

Итак, полиграфическое исследование является методом, используемым для оценки правдивости показаний человека на основе измерения и анализа физиологических показателей. Однако его точность и надежность могут быть сомнительны, поэтому требуются осторожность и критическое отношение при интерпретации результатов.

---

1. Драпкин Л. Я., Злоченко Я. М., Шуклин А. Е. О возможностях использования современных информационных технологий в расследовании преступлений // Вестник криминалистики. 2003. № 3 (7). С. 23—29.

---

1. Drapkin L. Ya., Zlochenko Ya. M., Shuklin A. Ye. On the possibilities to use modern information technologies in the investigation of crimes. Journal of Criminalistics, 23—29, 2003. (In Russ.).

2. Вологина Е. В. Применение полиграфа на предварительном следствии для регистрации психодиагностических реакций // Форум. 2022. № 1 (27). С. 187—190.

3. Лурия А. Р. Диагностика следов аффекта // Психология эмоций: Тексты. Москва: Изд-во МГУ, 1984. С. 228—234.

4. Холодный Ю. И. Некоторые прикладные аспекты производства судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа // Вестник криминалистики. 2014. № 2 (50). С. 27—36.

5. Машовец А. О. К вопросу о возможности формирования судебных доказательств с применением полиграфа // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 212—215.

6. Холодный Ю. И. Криминалистические диагностические исследования с применением полиграфа // Криминалистика / под ред. А. Ф. Волынского, В. П. Лаврова. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. С. 302—317.

7. Центров Е. Е. О некоторых психологических и криминалистических аспектах психофизиологических исследований на полиграфе. Память и ее значение (статья первая) // Вестник криминалистики. 2012. № 2 (42). С. 22—30.

8. Комиссарова Я. В. Об использовании полиграфа в уголовном процессе // Судья. 2014. № 5 (41). С. 30—33.

9. Даровских О. И. Использование полиграфа как способ обеспечения эффективности уголовного судопроизводства (сравнительный анализ законодательства России и зарубежных стран) // Международное уголовное право и международная юстиция. 2023. № 1. С. 2—4.

10. Грошева Е. А., Косарев С. Ю. Проблемы использования полиграфа в уголовном процессе // Актуальные проблемы науки и практики. 2022. № 2 (27). С. 39—46.

11. Митрофанова А. А., Мусюкова А. С., Рузавина О. Ю. К вопросу о доказательственном значении результатов судебной психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа // Журнал юридических исследований. 2023. Т. 8, № 2. С. 131—138.

2. Vologina Ye. V. Use of a polygraph during a preliminary investigation to register psycho-diagnostic reactions. Forum, 187—190, 2022. (In Russ.).

3. Luriya A. R. Diagnostics of affect marks. Psychology of emotions. Texts. Moscow: Moscow state university publishing house, 1984: 228—234 (In Russ.).

4. Kholodny Yu. I. Some applied aspects of the production of forensic psychophysiological examination using a polygraph. Bulletin of Criminology, 27—36, 2014. (In Russ.).

5. Mashovets A. O. On the issue of possibility to form forensic evidence by using a polygraph. Tomsk State University Journal, 212—215, 2015. (In Russ.).

6. Kholodny Yu. I. Criminalistic diagnostic examinations by using a polygraph. Criminalistics. Ed. by A. F. Volynsky, V. P. Lavrov. Moscow: UNITY-DANA; 2008: 302—317. (In Russ.).

7. Tsentrov Ye. Ye. On some psychological and criminalistic aspects of psycho-physiological examinations by using a polygraph. Memory and its meaning (Article one). Journal of criminalistics, 22—30, 2012. (In Russ.).

8. Komissarova Ya. V. On polygraph usage in criminal proceedings. Judge, 30—33, 2014. (In Russ.).

9. Darovskikh O. I. Polygraph usage as a way to ensure the effectiveness of criminal proceedings (a comparative analysis of the legislation of Russia and foreign countries). International criminal law and international justice, 2—4, 2023. (In Russ.).

10. Grosheva Ye. A., Kosarev S. Yu. Problems of polygraph usage in criminal proceedings. Topical problems of science and practice, 39—46, 2022. (In Russ.).

11. Mitrofanova A. A., Musyukova A. S., Ruza-vina O. Yu. On the issue of the evidentiary value of the results of a forensic psycho-physiological examination by using a polygraph. Journal of legal research, 131—138, 2023. (In Russ.).

Вологина Елена Вильгельмовна,
доцент кафедры
предварительного расследования
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
vologina-e@mail.ru

Голоманчук Эйда Владимировна,
доцент кафедры теории права
и государственно-правовых дисциплин
Волгоградского института управления —
филиала Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
кандидат юридических наук;
golomanchuk-ev@ranepa.ru

Солонникова Нина Валерьевна,
доцент кафедры криминалистики
Краснодарского университета МВД России,
кандидат юридических наук;
nina5846526@mail.ru

Vologina Yelena Vil'gelmovna,
associate professor at the department
of preliminary investigation
of the educational and scientific complex
for preliminary investigation in the Interior Bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
vologina-e@mail.ru

Golomanchuk Eida Vladimirovna,
associate professor at the department
of theory of law and state legal disciplines
of the Volgograd Institute of Management —
a branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration,
candidate of juridical sciences;
golomanchuk-ev@ranepa.ru

Solonnikova Nina Valerievna,
associate professor at the department
of criminalistics of the Krasnodar University
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
nina5846526@mail.ru

Статья поступила в редакцию 15.09.2023; одобрена после рецензирования 27.09.2023; принята к публикации 17.11.2023.

The article was submitted 15.09.2023; approved after reviewing 27.09.2023; accepted for publication 17.11.2023.

* * *

УДК 343.125
doi: 10.25724/VAMVD.A194

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛНЕНИЯ,
ИЗМЕНЕНИЯ И ОТМЕНЫ ДОМАШНЕГО АРЕСТА**

Инна Михайловна Горбатовых

Следственный департамент МВД России, Москва, Россия
gorbatih2018@yandex.ru

Аннотация. В статье дается определение и выделяются признаки домашнего ареста, рассматриваются актуальные вопросы его исполнения, изменения и отмены.

На основе изучения материалов уголовных дел и анкетирования практических работников констатируется факт, что ограничения, используемые при применении домашнего ареста, характеризуются различной степенью строгости. Уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации установлен судебный порядок избрания домашнего ареста с учетом возможности применения режима полной изоляции и строгих ограничений.

Полномочия по отмене домашнего ареста делегированы органам, осуществляющим предварительное расследование, в условиях ведомственного контроля и прокурорского надзора. Несудебный порядок отмены домашнего ареста, с одной стороны, способствует оптимизации уголовного судопроизводства, с другой — требует более взвешенного подхода к принятию такого решения.

Посредством изучения и анализа зарубежного законодательства, научной литературы, материалов уголовных дел и анкетирования сформулированы проблемные вопросы применения домашнего ареста и предложены изменения в законодательство.

В статье использована методология сравнительно-правового анализа и эмпирического исследования материалов уголовных дел, следственной и судебной практики применения домашнего ареста.

Ключевые слова: меры пресечения, судебный порядок избрания, домашний арест, применение домашнего ареста, отмена домашнего ареста, изменение условий и порядка применения домашнего ареста

Для цитирования: Горбатовых И. М. Актуальные вопросы исполнения, изменения и отмены домашнего ареста // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 4 (67). С. 72—80. doi: 10.25724/VAMVD.A194

**TOPICAL ISSUES OF HOME ARREST:
MAKING, MODIFICATION AND CANCELLATION**

Inna Mikhailovna Gorbatykh

Investigative Department of the Ministry of Interior of Russia, Moscow, Russia, gorbati2018@yandex.ru

Abstract. The article deals with the definition of the home arrest, identifies its specifics as well as considers topical issues of its making, cancellation and modification.

Based on the study of criminal cases and questionnaire survey of practitioners, the author states that the applied restrictions, while making a home arrest, are characterized by varying degrees of severity. The criminal procedural legislation of the Russian Federation establishes a judicial procedure (court order) to choose a home arrest, taking into account the possibility to impose complete isolation and strict restrictions.

Powers to cancel a home arrest are delegated to the preliminary investigation bodies under the conditions of institutional control and prosecutor's supervision. The non-judicial procedure to cancel a home arrest, on the one hand, contributes to optimization of criminal proceedings. On the other hand, it requires more balanced approach to take such decision.

By studying and analyzing the foreign legislation, research works, criminal cases documents and on the basis of questionnaire survey, the author forms issues to make a home arrest as well as proposes some amendments to the legislation.

The author uses methodology of comparative legal analysis and empirical examination of criminal cases documents, investigative and judicial practice to make a home arrest.

Keywords: measures of restraint, a judicial procedure (court order) to choose, home arrest, making a home arrest, cancellation of a home arrest, change of conditions to make a home arrest

For citation: Gorbatykh I. M. Topical issues of home arrest: making, modification and cancellation. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 72—80, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A194

Особое место в системе мер пресечения, установленных ст. 98 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ, Кодекс)¹, занимает домашний арест, особенности и процессуальный порядок применения которого определены в ст. 107 Кодекса.

Данная мера пресечения применяется с момента вступления в действие УПК РФ, отвечает требованиям международных стандартов², обеспечивающих права и свободы подозреваемых и обвиняемых, и считается прямым проявлением гуманизации уголовной политики [1, с. 19].

Суть домашнего ареста заключается в нахождении подозреваемого или обвиняемого в полной или частичной изоляции от общества в жилом помещении или строении, используемом для постоянного или временного проживания, в том числе специально нанятом или предоставленном третьей стороной, с возложением установленных законом запретов, ограничивающих конституционные права и свободы, и осуществлением соответствующего контроля в целях воспрепятствования продолжению преступной деятельности и уклонению от отбывания наказания, а также реализации назначения уголовного судопроизводства.

Исходя из сущности домашнего ареста, выделим его основные свойства:

1) регламентируется нормами уголовно-процессуального законодательства;

---

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с посл. изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

² См.: Всеобщая декларация прав человека // РГ. 1995. 5 апр.; Конвенция о защите прав человека и основных свобод // Бюллетень международных договоров. 2001. № 3; О гражданских и политических правах: междунар. пакт от 16 декабря 1966 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291; Об экономических, социальных и культурных правах: междунар. пакт от 16 декабря 1966 г. // Там же; Основные принципы, касающиеся роли юристов: приняты в Гаване 27 августа — 7 сентября 1990 г.: докл. 8-го конгр. ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Гавана, 1990. С. 131—136.

2) применяется по судебному решению при невозможности избрания иной, более мягкой, меры пресечения;

3) распространяется только на подозреваемого или обвиняемого;

4) предполагает полную или частичную изоляцию подозреваемого или обвиняемого от общества в жилом помещении или строении, используемом для постоянного или временного проживания, в том числе специально нанятом или предоставленном третьей стороной;

5) предусматривает запреты, ограничивающие конституционные права и свободы, и соответствующий контроль за их соблюдением;

6) назначается в целях воспрепятствования продолжению преступной деятельности и уклонению от отбывания наказания, а также реализации задач уголовного судопроизводства.

Изучением материалов уголовных дел³ установлено, что степень ограничения прав и свобод обвиняемого или подозреваемого в период домашнего ареста может быть различной: от согласования со следователем времени нахождения вне жилого помещения до полной изоляции от неограниченного круга лиц. Строгость домашнего ареста зависит от конкретных обстоятельств, послуживших основаниями и условиями его избрания, и устанавливается судом.

Вместе с тем полномочиями по отмене домашнего ареста наделены и другие должностные лица: дознаватель с согласия прокурора; следователь с согласия руководителя следственного органа, а также суд в порядке обжалования (чч. 2, 3 ст. 110 УПК РФ).

На наш взгляд, делегирование органам предварительного расследования полномочий по отмене домашнего ареста, с одной стороны, способствует оптимизации уголовно-процессуальной деятельно-

---

³ Изучено 102 уголовных дела, расследованных ГСУ (СУ) ГУ (У) МВД России по г. Москве, г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, Амурской, Белгородской, Воронежской, Орловской, Тверской, Тюменской областям.

сти и поддержано 53,3 %¹ практических работников, с другой — требует более взвешенного подхода к установлению правовых и фактических оснований для принятия такого решения.

Анализ судебной и следственной практики показал, что следователи и дознаватели нередко прибегают к отмене домашнего ареста, основываясь не на положениях уголовно-процессуального законодательства, а вследствие допущенной волокиты или нежелания обращаться в суд с ходатайством о продлении срока избранной меры пресечения.

Так, изучением постановлений об отмене домашнего ареста установлено, что ни одно из них не содержит конкретных сведений об изменении оснований и условий его избрания, предусмотренных ст. 97, 99 УПК РФ; 29,3 % проанкетированных практических работников указали на то, что наиболее частой причиной отмены домашнего ареста явились нарушения разумных сроков уголовного судопроизводства².

Например, по уголовному делу № 11801450116000571 в отношении Ибрагимова Э. У. О., обвиняемого в совершении вымогательства, следователем СУ УВД на Московском метрополитене ГУ МВД России по г. Москве избран домашний арест, который отменен органом предварительного расследования по истечении 9 месяцев его применения в связи с необоснованно длительным сроком следствия и нежеланием обращаться в суд с ходатайством о продлении срока избранной меры пресечения. При этом в постановлении об отмене домашнего ареста сведения об изменении оснований и условий его избрания отсутствовали. В итоге обвиняемый скрылся и объявлен в розыск³.

Следует отметить, что действующая редакция УПК РФ не содержит специальных требований к постановлению следователя или дознавателя об отмене меры пресечения, ограничиваясь лишь общим принципом законности (ч. 4 ст. 7 УПК РФ).

¹ Проанкетировано 150 сотрудников органов предварительного следствия и дознания ГУ (У) МВД России по Волгоградской, Ростовской, Тамбовской областям.

² Изучено 52 постановления об отмене домашнего ареста, вынесенных следователями ГСУ (СУ) ГУ (УМВД России по г. Москве, г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, Орловской, Тверской, Тамбовской областям.

³ Уголовное дело № 11801450116000571 // Архив СУ УВД на Московском метрополитене ГУ МВД России по г. Москве.

Полагаем, что законодательное закрепление требований к юридической форме соответствующих постановлений будет способствовать применению более взвешенного подхода к принятию решения об отмене меры пресечения. В этих целях предлагаем дополнить ч. 2.1 ст. 110 УПК РФ в следующей редакции: «В постановлении или определении об отмене меры пресечения должны содержаться конкретные сведения, указывающие на отсутствие обстоятельств, предусмотренных статьями 97 и 99 настоящего Кодекса, послуживших основаниями для ее избрания».

Проанализировав положения ст. 110 УПК РФ во взаимосвязи со ст. 24—28.1, 107, 109, можно выделить общие основания отмены меры пресечения:

- отсутствие дальнейшей необходимости в применении;
- изменение причин и условий избрания;
- незаконное или необоснованное применение меры пресечения, нарушение установленного порядка ее избрания;
- прекращение предварительного следствия или истечение срока действия избранной меры пресечения, отказ суда в ее продлении.

Кроме того, для некоторых мер пресечения законодателем предусмотрены специальные условия их отмены.

Например, решение об отмене заключения под стражу может быть принято при наличии у обвиняемого или подозреваемого тяжелого заболевания, препятствующего его содержанию под стражей (ч. 1.1 ст. 110 УК РФ).

Частными случаями отмены мер процессуального принуждения имущественного характера могут являться: смерть залогодателя (поручителя); оправдание обвиняемого, прекращение уголовного дела (преследования) по реабилитирующим основаниям, изменение имущественного положения залогодателя (поручителя) [2, с. 283]. Присмотр за несовершеннолетним обвиняемым отменяется при достижении им совершеннолетнего возраста, отдача под присмотр командования воинской части — при прекращении статуса военнослужащего. Домашний арест может быть отменен с заменой на более строгую меру пресечения в случае отказа от использования электронных средств мониторинга (ч. 14 ст. 107 УПК РФ). Вместе с тем законодателем оставлен без внимания ряд аспектов, связанных с изменением домашнего ареста и условий его исполнения.

Данный вопрос является актуальным: по 20 % из числа изученных уголовных дел домашний арест подвергался корректировке с момента его избрания, в том числе:

— по 12 % уголовных дел он изменен на более строгую меру пресечения по причине нарушений обвиняемыми возложенных на них запретов или совершения новых преступлений;

— по 5 % уголовных дел домашний арест изменен на менее строгую меру пресечения в связи с ухудшением состояния здоровья обвиняемого, появлением иждивенцев и необходимостью трудоустройства;

— по 3 % уголовных дел изменен порядок исполнения домашнего ареста (смена места жительства, корректировка запретов и ограничений).

Проведенным анкетированием и изучением материалов уголовных дел установлено, что в 98,3 % случаев причиной изменения домашнего ареста на более строгую меру пресечения (заключение под стражу) является игнорирование положений ст. 97, 99 УПК РФ при ее избрании.

Так, постановлением Мирнинского городского суда Архангельской области от 30 июня 2022 г. отказано в удовлетворении ходатайства начальника группы дознания ОМВД России по ЗАТО г. Мирный о заключении под стражу Сидорова М. М., подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 222 УК РФ. В отношении подозреваемого избрана мера пресечения в виде домашнего ареста. На это судебное решение прокуратурой внесено апелляционное представление с доводами об отмене, поскольку судом не представлена надлежащая оценка личности подозреваемого, который ранее судим и состоит под административным надзором, что дает основания полагать о продолжении им преступной деятельности. Указанное постановление суда от 30 июня 2022 г. по доводам апелляционного представления отменено, судом апелляционной инстанции подозреваемый Сидоров М. М. заключен под стражу¹.

Исследуя вопрос замены домашнего ареста на более строгую меру пресечения, нельзя не остановиться на проблемах, связанных с избыточным количеством содержащихся под стражей обвиняемых и подозреваемых. На протяжении последних лет Федеральная служба исполнения наказаний

(далее — ФСИН) констатирует ежегодный прирост таких лиц не менее чем на 3 %. При этом количество следственных изоляторов (далее — СИЗО) не увеличивается.

Самая сложная ситуация с размещением подготавливаемых и обвиняемых отмечается в СИЗО Республики Крым, где наполнение составляет 173,5 %, Московской области — 116,7 %, Ставропольского края — 113,9 %, Пензенской области — 113,6 %, Республики Татарстан — 105 %². В связи с вышесказанным руководством ФСИН высказано мнение о необходимости расширения практики избрания альтернативных мер пресечения, ведущее место среди которых занимает домашний арест.

Однако анализ складывающейся практики применения домашнего ареста за последние пять лет свидетельствует о том, что данная мера пресечения альтернативой заключению под стражу по-прежнему не является, ее удельный вес в числе мер пресечения, избранных судом, возрос незначительно: с 9,1 % в 2018 г. до 11 % в 2022 г. При этом удельный вес заключений под стражу сокращен на 1,2 %: с 90,4 % в 2018 г. до 89,2 % в 2022 г.

Аналогичным образом складывается практика избрания домашнего ареста в период нахождения дела в судебном производстве: удельный вес подготавливаемых, в отношении которых применена мера пресечения в виде заключения под стражу, сокращен с 93,6 % в 2018 г. до 92,4 % в 2022 г., а лиц, в отношении которых избран домашний арест, возрос с 6,3 до 7,5 %³ (табл. 1).

² Там же.

³ Отчеты о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2011—2022 гг. Форма № 1, разд. 2, 4: стат. обзор судеб. практики. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 20.10.2023).

¹ Письмо прокуратуры Архангельской области от 12 мая 2023 г. № 12-13-2-23/1563-23-20110003.

**Сравнительный анализ избрания мер пресечения
в виде заключения под стражу и домашнего ареста в 2018—2022 гг.**

Год	Заключение под стражу			Домашний арест		
	рассмотрено	удовлетворено	% от общего количества мер пресечения, примененных судом	рассмотрено	удовлетворено	% от общего количества мер пресечения, примененных судом
2018	114 300	102 205	90,4	7 170	6 329	5,6
					3 918 при отказе в заключении под стражу	
					всего 10 247	
2019	106 046	94 633	82,2	6 966	6 037	5,2
					3 504 при отказе в заключении под стражу	
					всего 9 541	
2020	96 663	84 917	86,4	8 060	6 948	7,4
					3 564 при отказе в заключении под стражу	
					всего 10512	
2021	99 298	87 905	90,0	7 879	6 828 по ходатайству органа	7,0
					3 549 при отказе в заключении под стражу	
					всего 10 377	
2022	98 481	87 687	89,2	8 544	7 407	7,5
					3 407 при отказе в заключении под стражу	
					всего 10 814	

Сведения об избрании мер пресечения судом в период нахождения уголовного дела в судебном производстве с 2018 по 2022 г.

Год	Заключение под стражу	Удельный вес от избранных судом мер пресечения, %	Освобождено из-под стражи в период судебного производства	Удельный вес от избранных судом мер пресечения, %	Избран домашний арест	Удельный вес от избранных судом мер пресечения, %	Избран залог	Удельный вес от избранных судом мер пресечения, %
2018	13 977	93,6	1 744	11,7	935	6,3	21	0,1
2019	14 573	93,3	2 162	13,8	1 037	6,6	13	0,1
2020	14 887	91,9	2 842	17,6	1 298	8,0	6	0,0
2021	17 537	92,6	4 322	22,8	1 379	7,3	22	0,1
2022	18 453	92,4	4 233	21,2	1 494	7,5	16	0,1

Выход из сложившейся ситуации мы видим в совершенствовании порядка применения домашнего ареста.

Так, в соответствии с Положением о Федеральной службе исполнения наказаний, утвержденным Указом Президента РФ от 13 октября 2004 г. № 1314, функции контроля за соблюдением режима домашнего ареста возложены на уголовно-исполнительные инспекции ФСИН (далее — инспекция). Порядок осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемыми или обвиняемыми, в отношении которых в качестве меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог, установлен совместным приказом Министерства юстиции РФ, МВД России, Следственного комитета и Федеральной службы безопасности от 31 августа 2020 г. № 189/603/87/371 (далее — Порядок).

Согласно пп. 19, 20 Порядка инспекция при получении информации о нарушении меры пресечения незамедлительно проводит проверку и в течение двух часов с момента установления данного факта информирует следователя о допущенном нарушении, а в его отсутствие — руководителя следственного органа. В течение 24 часов с момента установления факта нарушения направляет следователю письменное уведомление. Вместе с тем в большинстве регионов круглосуточный мониторинг технических средств сотрудниками инспекции фактически не осуществляется.

Например, по уголовному делу по обвинению А. А. Кошаковского в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, 4 декабря 2021 г. Курганским городским судом избрана мера пресечения в виде домашнего ареста с местом исполнения в собственной квартире обвиняемого. В этот же день к последнему применены контрольные дополнительные средства надзора в виде электронных браслетов. 8 декабря 2021 г. А. А. Кошаковский скрылся от контроля инспекции. При этом повреждение ремня браслета было зафиксировано на пульте мониторинга в 18 часов 15 минут в нерабочее время, когда контроль за пультом мониторинга фактически никем не осуществлялся. Следователь о нарушении меры пресечения был уведомлен только в 10 часов 15 минут следующих суток¹.

В Архангельской области аналогичная проблема стала предметом рассмотрения на координационном совещании руководителей правоохранительных органов региона 5 мая 2023 г., на котором принято решение о проработке вопроса круглосуточного мониторинга лиц, обвиняемых и подозреваемых в совершении преступления, в отношении которых установлен особый контроль².

¹ Представление начальнику УФСИН России по Курганской области от 3 августа 2022 г. № 4/6183, внесенное начальником СУ УМВД России по Курганской области по уголовному делу № 12101370019000423.

² См.: Вестник следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Архангельской области и Ненецкому автономному округу. 2023. № 4. С. 102—103.

Полагаем, сложившаяся ситуация обусловлена причинами правового и организационного характера.

Так, в соответствии с действующим УПК РФ следователь и дознаватель не уполномочены давать поручения федеральному органу исполнительной власти, осуществляющему функции по контролю и надзору в сфере исполнения наказаний, об осуществлении круглосуточного мониторинга за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте применения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением им наложенных судом запретов и (или) ограничений, а также о продолжении контроля при направлении уголовного дела прокурору для утверждения обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления.

Кроме того, в Порядке оставлены без внимания вопросы осуществления круглосуточного дежурства сотрудниками инспекции и оперативного реагирования при поступлении на пульт мониторинга сигнала о нарушении порядка применения домашнего ареста. Без должного законодательного регулирования остается вопрос организации межведомственного взаимодействия при нарушении меры пресечения.

В научной литературе высказывалось мнение о наделении сотрудников инспекции правом осуществлять проверки в ночное время суток [3, с. 13], а также необходимости принятия закона «О домашнем аресте подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», предполагающего возложение функций контроля за соблюдением режима домашнего ареста на специальные подразделения органов внутренних дел [4, с. 69].

На наш взгляд, в условиях дефицита штатной численности вести речь об издании вышеуказанного закона преждевременно. Полагаем, что в целях создания легитимного процессуально-правового механизма взаимодействия органов предварительного расследования и инспекции необходима корректировка положений ст. 38, 41 УПК РФ и межведомственных нормативных правовых актов, в связи с чем полагаем целесообразным:

— изложить п. 4.2 ч. 2 ст. 38 УПК РФ в следующей редакции: «давать контролирующему органу по месту применения мер пресечения, предусмотренных ст. 105.1, 106, 107 УПК РФ, обязательные для исполнения письменные поручения об осуществлении круглосуточного контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте применения меры пресечения и за соблюдением им наложенных судом запретов и (или) ограничений»;

— внести аналогичные дополнения в п. 1.1 ч. 3 ст. 41 УПК РФ;

— внести изменения в п. 20 Порядка, дополнив его положениями об обязательном круглосуточном дежурстве сотрудника инспекции в целях оперативного реагирования на сигналы о нарушении порядка контроля за соблюдением режима нахождения под домашним арестом, запретом определенных действий или залогом;

— разработать совместную инструкцию об организации взаимодействия органов предварительного расследования, дознания и ФСИН при поступлении сигнала о нарушении домашнего ареста, запрете определенных действий или залоге.

Еще одним вопросом, требующим совершенствования, является порядок изменения условий применения домашнего ареста, например, в связи с необходимостью смены места жительства обвиняемым, изменением его семейного положения, состояния здоровья и др.

С одной стороны, любое отклонение от указанных в постановлении об избрании домашнего ареста предписаний следует расценивать как неисполнение возложенных запретов и ограничений. С другой стороны, необходимость таких изменений может быть обусловлена объективными обстоятельствами, не связанными с противоправным поведением обвиняемого или подозреваемого.

Уголовно-процессуальным законодательством не урегулирован вопрос, каким образом должно действовать лицо, осуществляющее предварительное расследование, в случае необходимости изменения места жительства обвиняемым или подозреваемым, находящимся под домашним арестом. В результате органы предварительного расследования сталкиваются с проблемой: решение о применении домашнего ареста уже принято, а основания для повторного обращения с ходатайством законодателем не зафиксированы, в то же время суд в постановлении об избрании домашнего ареста указывает конкретное место, в котором должен находиться подозреваемый или обвиняемый (ч. 9 ст. 107 УПК РФ). Таким образом, исходя из смысла закона, сменив место жительства, обвиняемый или подозреваемый фактически нарушит избранную меру пресечения.

Изучением материалов уголовных дел установлено, что единообразная практика в данном вопросе при схожих обстоятельствах отсутствует.

Так, некоторыми судами Тюменской области органу предварительного расследования предоставлялись полномочия самостоятельно разре-

шать обвиняемому или подозреваемому менять место жительства, не изменяя меру пресечения.

Например, Ленинским районным судом г. Тюмени 5 мая 2022 г. избран домашний арест в отношении И. В. Шехриева, обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 228.1 УК РФ. В постановлении об избрании домашнего ареста судом запрещено обвиняемому менять место проживания без разрешения следователя или суда¹.

Аналогичные требования содержались в постановлении того же суда от 3 июня 2022 г. об избрании домашнего ареста по уголовному делу в отношении Т. А. О. Мустафаева, обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 159.5, ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 159.5 УК РФ².

В то же время в других регионах в подобных ситуациях орган предварительного расследования либо отменяет ранее избранную меру пресечения и повторно обращается в суд с ходатайством об избрании домашнего ареста, но уже по новому адресу, либо дожидается истечения срока домашнего ареста и в ходатайстве о его продлении указывает новое место жительства.

Например, 5 августа 2021 г. Никитским районным судом г. Москвы избран домашний арест в отношении В. Л. Зворыкина, обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного пп. «а», «б» ч. 2 ст. 172, ч. 2 ст. 187 УК РФ, с запретами: 1) покидать жилище, расположенное в Москве на Ленинском проспекте, д. 78, к. 1, кв. 2, без письменного разрешения следователя; 2) менять указанное место проживания без разрешения следователя; 3) общаться с участниками уголовного судопроизводства; 4) вести переговоры, в том числе с использованием сети Интернет, по обстоятельствам, касающимся уголовного дела; 5) отправлять и получать почтово-телеграфную корреспонденцию.

В марте 2022 г. возникла необходимость в изменении В. Л. Зворыкину места жительства в связи с продажей собственником квартиры, в которой он находился. В связи с тем что уголовно-процессуальным законодательством порядок изменения места жительства, по которому избран домашний арест, не урегулирован, следователь нашел только один выход из данной ситуации: по истечении срока домашнего ареста он обратился в суд с хода-

тайством о его продлении с одновременным изменением места применения домашнего ареста. В судебном заседании судьей приняты решения: 1) о продлении срока содержания под домашним арестом на один месяц; 2) об изменении места применения домашнего ареста по новому адресу; 3) об оставлении без изменений ранее наложенных запретов и ограничений³.

Проанализировав научную литературу, мы пришли к выводу, что данный вопрос до настоящего времени оставлен без внимания.

Полагаем, что законодательное возложение полномочий по принятию решения об изменении места исполнения домашнего ареста на лицо, ведущее предварительное расследование (следователя с согласия руководителя следственного органа или дознавателя с согласия прокурора), обеспечит единообразное применение уголовно-процессуального закона и будет способствовать оптимизации уголовного судопроизводства.

С учетом вышеизложенного предлагаем дополнить ст. 107 УПК РФ частью 11.1 следующего содержания: «Если у подозреваемого или обвиняемого, в отношении которого избран домашний арест, возникает необходимость в смене места жительства, решение об изменении места применения домашнего ареста принимается следователем с согласия руководителя следственного органа или дознавателем с согласия начальника органа дознания и прокурора», с внесением соответствующих дополнений в ст. 37—40.1 УПК РФ.

Таким образом, действующий порядок применения домашнего ареста требует совершенствования. Полагаем, что предложенные изменения будут способствовать повышению эффективности применения альтернативных мер пресечения, особое место среди которых занимает домашний арест.

¹ Уголовное дело № 12201710046000023 // Архив Ленинского районного суда г. Тюмени.

² Уголовное дело № 12201710048000167 // Архив Ленинского районного суда г. Тюмени.

³ Уголовное дело № 12101450007000979 // Архив Никулинского районного суда г. Москвы.

1. Колоколов Н. А. Залог, домашний арест: становление практики // Российский следователь. 2011. № 12. С. 19—21.

2. Тутынин И. Б. Процессуальное принуждение имущественного характера в уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2023. 505 с.

3. Андроник Н. А. Некоторые проблемы применения домашнего ареста и запрета определенных действий // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 2 (34). С. 10—14.

4. Есипов Д. И. Проблемы применения меры пресечения в виде домашнего ареста // Научный вестник Омской академии МВД России. 2010. № 4 (39). С. 66—70.

Горбатов Инна Михайловна,

старший следователь по особо важным делам
первого отдела (зонального контроля)
управления ведомственного
и процессуального контроля
Следственного департамента МВД России;
gorbatih2018@yandex.ru

1. Kolokolov N. A. Kolokolov N. A. Bail, home arrest: practice in process. Russian investigator, 19—21, 2011. (In Russ.).

2. Tutynin I. B. Procedural coercion of a property-related nature in criminal proceedings. Dissertation of doctor of juridical sciences. Moscow; 2023: 505. (In Russ.).

3. Andronik N. A. Some problems to make a home arrest and to prohibit certain actions. Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, 10—14, 2022. (In Russ.).

4. Yesipov D. I. Problems to impose a preventive measure in form of a home arrest. Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 66—70, 2010. (In Russ.).

Gorbatykh Inna Mikhailovna,

senior investigator for major cases / crimes
of the first division (zone control)
of the Office of the Institutional
and Procedural Control
of the Investigative Department
of the Ministry of Interior of Russia;
gorbatih2018@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 04.10.2023; одобрена после рецензирования 10.10.2023; принята к публикации 17.11.2023.

The article was submitted 04.10.2023; approved after reviewing 10.10.2023; accepted for publication 17.11.2023.

* * *

УДК 343.125
doi: 10.25724/VAMVD.A195

**ЗАЛОГ КАК МЕРА ПРЕСЕЧЕНИЯ:
АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ И ВОЗМОЖНОСТЕЙ ИХ РЕШЕНИЯ**

Елена Владимировна Горкина*, **Людмила Владимировна Попова****, **Елена Евгеньевна Колбасина*****

* Санкт-Петербургский университета МВД России, Санкт-Петербург, Россия, lengor43@rambler.ru

** Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, lygmila.2015@yandex.ru

*** Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, elena-kolbasina@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению залога как меры пресечения, его потенциала, проблемных аспектов и возможных путей их минимизации. Несмотря на то что залог по своему характеру является прогрессивной мерой, позволяющей избежать избыточного принуждения в отношении обвиняемых и подозреваемых, характер структуры преступности и социально-экономическая ситуация в Российской Федерации не позволяют избирать его в массовом порядке. Дополнение закона возможностью применять наряду с экономическим принуждением запретов, предусмотренных ч. 6 ст. 105.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации является эффективной и полезной комбинацией, однако формально привело к слиянию двух мер пресечения. Кроме того, применение данной меры пресечения по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях в «чистом виде» не является целесообразным, в связи с чем необходима корректировка закона. В статье рассматривается статистика правоохранительных органов, а также анализируются различные мнения ученых и правоприменителей, ряд из которых подтверждают позицию авторов о необходимости исключения из закона указания сроков, на которые избирается залог, поскольку эти нововведения излишни и лишь усложняют и без того трудоемкий процесс правоприменения.

Ключевые слова: залог, мера пресечения, меры процессуального принуждения, альтернатива заключению под стражу, запрет определённых действий

Для цитирования: Горкина Е. В., Попова Л. В., Колбасина Е. Е. Залог как мера пресечения: анализ проблем и возможностей их решения // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 4 (67). С. 81—87. doi: 10.25724/VAMVD.A195

**BAIL AS PRE-TRIAL RESTRICTION:
ANALYSIS OF PROBLEMS AND THEIR POSSIBLE SOLUTION**

Yelena Vladimirovna Gorkina*, **Liudmila Vladimirovna Popova****, **Yelena Yevgenievna Kolbasina*****

* Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, Saint Petersburg, Russia
lengor43@rambler.ru

** Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, lygmila.2015@yandex.ru

*** Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia
elena-kolbasina@mail.ru

Abstract. The article deals with bail as pre-trial restriction in terms of its potential, questioned issues and possible ways of their elimination. In spite of its progressive nature resulting in lesser coercion of suspects and the accused, current crime patterns and the social and economic situation in the Russian Federation hinder widespread bail application. Supplementing economic coercion with bans, provided for Part 6 Art.105.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, produced an effective and productive blend, yet in fact it led to the two pre-trial restrictions' merger. Moreover, application of this pre-trial restriction for grave crimes and "pure" crimes is pointless and leads to the law reconsideration. The article analyses law enforcement statistics and various lawyers' and law enforcement professionals' points of view, some of them supporting the authors' view on exclusion of the terms of bail from the law, as they are unnecessary and make the time-consuming process of law enforcement even more complicated.

Keywords: bail, pre-trial restriction, coercive procedural measures, alternatives to pre-trial detention, ban for certain actions

For citation: Gorkina Ye. V., Popova L. V., Kolbasina Ye. Ye. Bail as pre-trial restriction: analysis of problems and their possible solution. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 81—87, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A195

Меры процессуального принуждения, предусмотренные действующим уголовно-процессуальным законодательством, призваны решать целый ряд задач, направленных на обеспечение надлежащего порядка уголовного судопроизводства. Меры пресечения, включенные в круг мер процессуального принуждения, обладают всеми их признаками. Тем не менее присущие только им цели, основания и условия применения позволяют говорить об их особом значении в системе процессуального принуждения.

Основания применения мер пресечения носят целеполагающий характер. Любая из мер, указанных в ст. 98 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), может быть применена для того, чтобы предотвратить возможность обвиняемого скрыться от субъектов расследования и суда (п. 1 ч. 1 ст. 97 УПК РФ); не допустить дальнейшей преступной деятельности обвиняемого (п. 2 ч. 1 ст. 97 УПК РФ); предотвратить возможность угрожать участникам уголовного судопроизводства либо каким-либо другим образом препятствовать его нормальному порядку (п. 3 ч. 1 ст. 97 УПК РФ); обеспечить исполнение приговора суда по данному уголовному делу и возможную выдачу лица иностранному государству в порядке ст. 466 УПК РФ (ч. 2 ст. 97 УПК РФ).

Залог, как мера пресечения, также призван достигнуть данных общих целей, но имеет четко выраженные особенности избрания, значительно отличающие его от других мер.

На протяжении действия современного уголовно-процессуального законодательства не прекращаются научные споры, касающиеся различных аспектов залога, а также предпринимаются попытки усовершенствования правовой конструкции ст. 106 УПК РФ. Отдельные нормы, регламентирующие залог, претерпевали изменения в 2014, 2018 гг., а последние были внесены Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 7 октября 2022 г. № 383.

Однако то, насколько эти изменения продуктивны, и улучшают ли они ситуацию с практикой применения залога в ходе уголовного судопроизводства, — вопрос спорный. В последние годы залог является предметом пристального внимания

ученых, однако сегодня не существует единого мнения по поводу его эффективности и возможностей усовершенствования. Ряд исследователей считают данную меру необходимой и достаточно эффективной, но нуждающейся в определенных изменениях. Их оппоненты настроены категорично, называя залог «вымирающей мерой пресечения». Существует и третья группа ученых и практиков, которые уверены, что залог будет востребованным и эффективным только при кардинальном изменении его регламентации.

Несмотря на то что залог в качестве меры пресечения широко используется в мировой практике, в России он практически не применяется. Анализ данных Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за последние 10 лет показал, что хотя и наблюдается плавная тенденция к снижению числа заключений под стражу (в 2011 г. — 132 923, а в 2021 — 87 905 случаев), однако залог при этом также применяется все реже. Так, в 2021 г. данная мера пресечения судами Российской Федерации была применена всего 71 раз против 438 раз избрания в 2011 г., в 2022 году — 45 раз¹.

В связи с этим сомнительны утверждения авторов, оценивающих залог как эффективную меру пресечения, ссылаясь на качественный критерий эффективности, в соответствии с которым нарушается данная мера лишь в 6 % случаев. Руководствуясь этим показателем и указывая на то, что в последнее время наблюдается тенденция к снижению применения данной меры пресечения судами, А. И. Цыреторов и А. Г. Анисимов все же делают вывод, что залог может рассматриваться как альтернатива заключению под стражу и домашнему аресту [1, с. 63]. При соотнесении количественного и качественного критериев эффективности, по нашему мнению, указанные доводы не могут считаться состоятельными, учитывая огромную пропасть между числом избираемых залогов и иных мер пресечения.

¹ Сведения о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 28.04.2023).

Предыдущее уголовно-процессуальное законодательство по понятным причинам не предусматривало залога в арсенале мер пресечения. Возможно, данный факт накладывает отпечаток и является одним из оснований для столь низкого интереса правоприменителей к избранию залога на данный момент. Здесь мы согласимся с мнением исследователей о том, что залог является чуждым для отечественной правовой традиции [2, с. 201], однако данная мера пресечения не является новой для российского уголовно-процессуального законодательства в целом. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. (УУС), считающийся одним из образцов наиболее прогрессивных законодательных актов в сфере регулирования уголовно-процессуальных правоотношений, предусматривал меру, схожую с современным залогом. К числу мер принуждения, которые были призваны препятствовать обвиняемым уклоняться от следствия, относилось взятие залога. Интерес представляет то, что размер залога не был установлен УУС, назначался следователем соразмерно предусмотренному наказанию, но не должен был быть меньше ущерба, причиненного потерпевшему. Залог в случае уклонения обвиняемого от следствия и суда мог быть присужден потерпевшему.

Однако, учитывая колоссальный разрыв во времени с момента действия УУС и принципиально различные общественно-политическую и экономическую ситуации, складывавшиеся на территории России в XIX в. и в настоящий момент, правоприменитель более охотно воспринимает традиции законодательства, сформировавшегося в советский период. В связи с этим можно согласиться с предположением ученых о том, что «какой-то части населения, возможно значительной, претит мысль о том, что финансовое благополучие человека может сказываться на отношении к нему со стороны правосудия» [2, с. 202]. В подобном случае можно говорить о социальном расслоении и зависимости степени процессуального принуждения от материального положения обвиняемого, что при актуальной экономической ситуации и регламентации данной меры пресечения и имеет место.

Обосновывая целесообразность существования залога как меры пресечения, исследователи также ссылаются на то обстоятельство, что в структуре преступности Российской Федерации преобладают корыстные преступления, такие как кражи и мошенничества. Целесообразность избрания залога в подобных случаях объясняется ими тем, что корыстные мотивы данных преступлений аналогичны механизму воздействия залога на корыст-

ную мотивацию обвиняемого и тождественны по направленности тому вреду, который он причинил обществу [1, с. 62].

Информация о том, что абсолютное большинство преступлений, совершаемых на территории России, — корыстные, является бесспорной. Больше половины всех зарегистрированных преступлений в 2022 г. (54,6 %) составляют хищения чужого имущества, совершенные путем: кражи — 697,6 тыс., мошенничества — 343,1 тыс., грабежа — 29,2 тыс., разбоя — 4,0 тыс.¹ В структуре хищений чужого имущества кражи составляют 35,5 %, каждая шестая из них сопряжена с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище.

Таким образом, очевидно, что среди указанных преступлений преобладают кражи, часть из них совершены с проникновением в жилище, что относится к категории тяжких преступлений. Говоря о кражах, за совершение которых, по мнению ряда авторов, целесообразно избирать залог, необходимо рассмотреть криминологические и криминалистические аспекты данных преступлений. Причинами совершения краж на современном этапе жизни российского общества являются, по большей части, негативные экономические процессы, такие как стагнация экономического развития, инфляция, преобладание сырьевой направленности в экономике, санкционные меры и др. [3, с. 101] Указанные процессы влияют на доходы населения, снижают уровень жизни и потребительскую способность, детерминируя корыстное противоправное поведение. Кроме того, обуславливающим фактором для совершения краж является деформация досугово-бытовых интересов личности, приводящая к пьянству, употреблению наркотиков и т. д., что способствует ее всесторонней деградации [4, с. 291]. Криминалистический портрет вора подтверждает установленную тенденцию — это мужчина средних лет, как правило, без высшего образования, на момент совершения кражи не имеющий постоянного источника дохода [5, с. 100]. Следовательно, по уголовным делам о кражах, несмотря на выделенную исследователями взаимосвязь корыстной мотивации преступления и имущественного характера меры пресечения, залог вряд ли применим, исходя из характеристик личности субъекта данных преступлений и причин их совершения.

¹ Состояние преступности в России за январь — декабрь 2022 г. // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/35396677/> (дата обращения: 27.05.2023).

По своей сущности залог наиболее приемлем, реален и обоснован для применения за совершение экономических и так называемых предпринимательских преступлений, как альтернатива заключению под стражу. Законодатель дополнительно обусловил подобную возможность в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, указав на то, что заключение под стражу не может применяться за совершение ряда мошенничеств, совершенных индивидуальным предпринимателем в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, либо если эти преступления совершены членом органа управления коммерческой организации в связи с осуществлением им полномочий по управлению организацией, либо в связи с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской или иной экономической деятельности, а также других преступлений в сфере экономической деятельности. Однако до настоящего момента правоприменители порой игнорируют данную норму, руководствуясь собственным толкованием понятия «предпринимательская и иная экономическая деятельность», не принимая во внимание их определения, данные в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее — ГК РФ).

В связи с этим в декабре 2022 г. Правительством Российской Федерации в Государственную Думу Российской Федерации был внесен законопроект, в котором предлагался целый ряд мер по совершенствованию правового механизма избрания мер пресечения в отношении субъектов предпринимательской деятельности.

Статью 99 УПК РФ «Обстоятельства, учитываемые при избрании меры пресечения» предложено дополнить частью второй, согласно которой в случае избрания меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого, указанных в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, в обязательном порядке должна рассматриваться возможность избрания такой меры пресечения, которая позволит продолжить осуществление им предпринимательской деятельности.

Часть 1.1 ст. 108 УПК РФ предложено изложить с указанием исключительных обстоятельств, предусматривающих возможность избрания заключения под стражу, указанных в пп. 1—4 части первой рассматриваемой статьи, но за исключением п. 2 «его личность не установлена». Это, безусловно, логично, так как при расследовании определенного ч. 1.1 перечня преступлений, совершенных обсуждаемой категорией лиц, вопрос о неустановлении личности субъекта преступления не стоит.

Кроме того, внесено предложение о дополнении ст. 108 УПК РФ ч. 3.1, согласно которой постановление о возбуждении перед судом ходатайства о заключении под стражу и приложенные к нему материалы должны в обязательном порядке содержать информацию о том, что индивидуальный предприниматель совершил мошеннические действия, присвоение или растрату, причинил ущерб путем обмана или злоупотребления доверием, или использовал свои полномочия в целях извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц либо нанесения вреда другим лицам не в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности, что обосновывает невозможность избрания иной, более мягкой меры пресечения.

13 июня 2023 г. данные предложения были приняты законодателем и включены в УПК РФ¹.

На наш взгляд, указанные меры, с одной стороны, позволяют гарантированно применять более мягкие меры пресечения, в том числе залог, в отношении предпринимателей. Однако, с другой стороны, не все согласны с тем, что подобные изменения являются эффективными. Так, по мнению Бориса Титова, уполномоченного при Президенте России по защите прав предпринимателей, «формулировка „если преступления совершены в связи с осуществлением предпринимательской деятельности“ оставлена. А значит, у следствия остается возможность заявлять, что предприниматель — на самом деле не предприниматель. А мошенник. Как они делают это и сейчас»².

Кроме того, мы полагаем, что нецелесообразно применение залога в «чистом виде» при совершении тяжких и особо тяжких преступлений против жизни и здоровья, половой свободы и половой неприкосновенности, семьи и несовершеннолетних. Это обусловлено, во-первых, уже упомянутой правовой традицией, связанной с менталитетом большей части населения, во-вторых, характером объектов, на которые посягают указанные преступления. На наш взгляд, при совершении подобных тяжких преступлений принуждение должно носить не эконо-

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 2023 г. № 217-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.09.2023).

² Титов: адвокаты не должны выпрашивать залог для бизнесменов по экономическим преступлениям без отягощения // Федеральный бизнес-журнал: сетевое издание. URL: https://business-magazine.online/fn_1284805.html (дата обращения: 08.07.2023).

мический характер, либо не только экономический, а более существенно ограничивать свободу действий подозреваемых и обвиняемых, не позволять им, внося залог и находясь на свободе, продолжать жить привычной жизнью. Данное утверждение может касаться также и иных деяний, относящихся к категориям тяжких и особо тяжких преступлений, так как законодатель не устанавливает ограничений на применение тех или иных мер пресечения в рамках расследования преступлений различных видов и категорий, а отдает это на усмотрение правоприменителя.

Пункт 8.1 ст. 106 УПК РФ, введенный в закон в 2018 г.¹, предусматривает подобную возможность, дополняя экономическое принуждение правом суда на применение запретов, перечисленных в ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ.

Однако в проанализированных ранее случаях наряду с применением залога те или иные запреты, установленные ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, должны налагаться в обязательном порядке, а не когда суд сочтет это необходимым. В связи с этим считаем необходимым дополнить ч. 8.1 ст. 106 УПК РФ нормой следующего содержания: при избрании залога в качестве меры пресечения за совершение тяжких и особо тяжких преступлений суд возлагает на подозреваемого или обвиняемого обязанность по соблюдению запретов, предусмотренных частью шестой статьи 105.1 настоящего Кодекса.

В связи с предусмотренной в настоящее время законом возможностью применения залога в совокупности с запретами, налагаемыми ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, у исследователей закономерно возникают вопросы о возможности существования подобных юридических конструкций. Так, В. Ю. Стельмах, размышляя о проблемах залога как меры пресечения, говорит о полном слиянии двух мер. Учитывая, что законодатель позволяет в рамках залога применять все запреты, предусмотренные ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, то «невозможно установить, какая мера пресечения является основной, а какая применяется частично» [6, с. 33]. В то же время данный автор, мнение которого мы разделяем, справедливо считает, что возможность комбинирования указанных мер является достаточно эффек-

тивным инструментом регуляции поведения обвиняемого.

Вместе с тем необходимо упомянуть о недавней коррекции закона в части введения срока, на который может быть избрана изучаемая мера пресечения. Эти меры были приняты после рассмотрения Конституционным Судом Российской Федерации дела в связи с жалобой гражданина С. А. Филиппова и вынесения по нему соответствующего решения². Филиппов оспаривал конституционность ст. 106, 110 и 389.2 УПК РФ. В качестве причины обращения в Конституционный Суд С. А. Филиппов указывал то, что судебные инстанции неоднократно отказывали ему в изменении меры пресечения в виде залога на другую, несмотря на то что залоговая сумма в 8 млн рублей являлась кредитной и обвиняемый терпел большие расходы в связи с необходимостью уплаты процентов. Как основной довод обвиняемый приводил то обстоятельство, что законом не установлен срок, на который может избираться данная мера пресечения, что позволяет субъектам рассмотрения ходатайств отказывать в ее отмене либо изменении, не испытывая необходимости соотносить подобные решения с какими-либо сроками.

Конституционный Суд, проанализировав соответствующие нормы уголовно-процессуального законодательства и выявив их конституционно-правовой смысл, пришел к выводу, что существующий механизм отмены и изменения мер пресечения является достаточно действенным и не противоречащим конституции в части возможности отмены залога при существенном нарушении сроков предварительного следствия или его обременительных для залогодателя обстоятельствах.

Совершенно непонятно, почему законодатель учел доводы обвиняемого, а не правовую позицию конституционного суда, согласно которой отсутствие установленного срока применения залога не противоречит Конституции Российской Федерации.

Установление срока для действия данной меры пресечения является избыточной акцией и способствует лишь тому, что субъекты уголовного судопроизводства окажутся излишне загружены мероприятиями по продлению сроков и будут полностью избегать применять залог — и без того орга-

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста: федер. закон от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ (последняя редакция) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 06.08.2023).

² По делу о конституционности статей 106, 110 и 389.2 УПК РФ в связи с жалобой гражданина С. А. Филиппова: постановление Конституционного суда Российской Федерации от 17 июня 2021 г. № 29-П. Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 06.08.2023).

низационно громоздкую меру — в пользу иных мер пресечения, в том числе заключения под стражу. Об этом говорили ученые и практики еще на этапе рассмотрения соответствующего законопроекта [7, с. 65].

В данной статье мы рассмотрели лишь несколько проблемных аспектов залога как меры процессуального воздействия на обвиняемых и подозреваемых. Представляется, что залог в ближайшем будущем не сможет стать достойной альтернативой традиционным для российского правоприменителя мерам пресечения с учетом структуры российской преступности и социально-экономической ситуации и не станет конкурентом запрету определенных действий, несмотря на то что эти две меры фактически слились воедино. Однако при совершении отдельных категорий преступлений его применение остается достаточно действенным и необходимым

инструментом, хотя нормы, его регламентирующие, подлежат дальнейшей корректировке.

На наш взгляд, законодателю стоит пересмотреть свою позицию относительно нововведений, касающихся срочного характера избрания изучаемой меры пресечения. Данные правила могут стать буквально фатальными и оставить залог лишь номинальной мерой процессуального принуждения. Кроме того, при совершении тяжких и особо тяжких преступлений против жизни и здоровья, против половой свободы и половой неприкосновенности, против семьи и несовершеннолетних, а также и иных деяний, относящихся к категориям тяжких и особо тяжких преступлений, нецелесообразно применение залога в «чистом виде». В указанных случаях запреты, предусмотренные ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, должны налагаться на обвиняемого в обязательном порядке, что требует соответствующей корректировки законодательства.

---

1. Цыреторов А. И., Анисимов А. Г. Залог как мера пресечения: некоторые проблемы и пути повышения эффективности // Уголовная юстиция. 2021. № 17. С. 62—65.

2. Гапонова В. Н., Цыреторов А. И. Перспективы залога как меры пресечения в отечественном уголовном судопроизводстве // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2022. № 1 (21). С. 196—205.

3. Радченко К. Н. Причины и условия совершения краж в России на современном этапе // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2022. № 3 (33). С. 101—105.

4. Гитинова М. М., Абдулаев А. А. Криминологический анализ квалифицированных видов кражи и меры по их предупреждению // Современный ученый. 2020. № 2. С. 289—293.

5. Степанов И. В. Личность вора и особенности его преступного поведения // Оперативно-розыскное противодействие организованной преступности (посвящается памяти профессора Д. В. Ривмана): материалы региональной науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 27 ноября 2015 г.). Ч. 2. Санкт-Петербург: С.-Петерб. ун-т МВД России, 2015. С. 98—102.

6. Стельмах В. Ю. Современные проблемы применения залога как меры пресечения // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 3 (35). С. 29—34.

7. Бабенко А. А. К вопросу об установлении в УПК РФ срока, на который избирается мера пресечения в виде залога // Закон, государство,

---

1. Tsyretorov A. I., Anisimov A. G. Bail as pre-trial restriction: some problems and ways to improve effectiveness. Russian Journal of Criminal Law, 62—65, 2021. (In Russ.).

2. Gaponova V. N., Tsyretorov A. I. Prospects of bail as pre-trial restriction in domestic criminal proceedings. Criminalistics: yesterday, today, tomorrow, 196—205, 2022. (In Russ.).

3. Radchenko K. N. Causes and conditions of thefts in Russia at the present stage. Journal of the Moscow academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 101—105, 2022. (In Russ.).

4. Gitinova M. M., Abdulaev A. A. Criminological analysis of classified types of theft and measures for their prevention. Modern scientist, 289—293, 2020. (In Russ.).

5. Stepanov I. V. Thief personality and peculiarities of their behaviour. In: Operational-search counteraction to organised crime (in memory of professor D. V. Rivman). Materials of regional scientific practical conference, 27 November 2015, Saint Petersburg, Russia. Saint Petersburg: Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia; 2015: 98—102. (In Russ.).

6. Stelmakh V. Yu. Current problems of applying bail as pre-trial restriction. Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 29—34, 2022. (In Russ.).

7. Babenko A. A. To the issue of setting a bail term as pre-trial restriction in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. In: Law,

общество: актуальные вопросы, достижения и инновации: сб. ст. II Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 30 апреля 2022 г.). Пенза: Наука и Просвещение, 2022. С. 60—67.

Горкина Елена Владимировна,

доцент кафедры криминалистики
Санкт-Петербургского университета
МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
lengor43@rambler.ru

Попова Людмила Владимировна,

доцент кафедры уголовного процесса
учебно-научного комплекса по
предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
lygmila.2015@yandex.ru

Колбасина Елена Евгеньевна,

доцент кафедры криминологии
Московского университета МВД России
имени В. Я. Кикотя
кандидат юридических наук, доцент;
elena-kolbasina@mail.ru

state, society: current issues, improvements and innovations. Collection of articles of the 2nd international scientific practical conference, 30 April, Penza. Penza: Science and education; 2022: 60—67. (In Russ.).

Gorkina Yelena Vladimirovna,

associate professor at the department
of criminalistics of the Saint Petersburg University
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
lengor43@rambler.ru

Popova Liudmila Vladimirovna,

associate professor at the department
of criminal procedure of the educational
and scientific complex for preliminary investigation
in the interior bodies of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
candidate of juridical sciences;
lygmila.2015@yandex.ru

Kolbasina Yelena Yevgenievna,

associate professor at the department
of criminology of the Kikot Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
elena-kolbasina@mail.ru

Статья поступила в редакцию 29.09.2023; одобрена после рецензирования 11.10.2023; принята к публикации 17.11.2023.

The article was submitted 29.09.2023; approved after reviewing 11.10.2023; accepted for publication 17.11.2023.

* * *

УДК 341.4

doi: 10.25724/VAMVD.A196

**ЭКСТРАДИЦИОННОЕ ПРОИЗВОДСТВО
И ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ
ЕГО УЧАСТНИКОВ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ**

Оксана Сергеевна Колосович

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, 1019810198@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется регулирование правового положения выдаваемого лица на примере основополагающих правовых актов отдельных стран постсоветского пространства, отмечены их прогрессивные положения применительно к этапам экстрадиции. Проведенное исследование позволило выявить отдельные проблемы обеспечения прав и законных интересов участников экстрадиционного производства в российском уголовно-процессуальном законодательстве и пути их решения. Автор пришел к выводу о ненадлежащей регламентации российским уголовно-процессуальным законодательством правового положения экстрадируемого лица и его защитника, а также о необходимости регламентации правового положения обвиняемого, объявленного в международный розыск, и его защитника. Выделены факторы, препятствующие обеспечению прав и законных интересов экстрадируемого лица, в том числе обвиняемого, объявленного в международный розыск, и требующие оптимизации правового регулирования экстрадиционного производства. Решение обозначенных проблем окажет позитивное воздействие на правоприменительную практику в рассматриваемой сфере и обеспечение прав и законных интересов ее участников.

Ключевые слова: международное сотрудничество, уголовное судопроизводство, экстрадиционное производство, обеспечение прав и законных интересов, международный розыск

Для цитирования: Колосович О. С. Экстрадиционное производство и обеспечение прав и законных интересов его участников: сравнительно-правовой анализ // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 4 (67). С. 88—93. doi: 10.25724/VAMVD.A196

**EXTRADITION PROCEEDING AND OBSERVANCE OF THE RIGHTS
AND LEGITIMATE INTERESTS OF ITS PARTICIPANTS: LEGAL COMPARATIVE ANALYSIS**

Oksana Sergeevna Kolosovich

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, 1019810198@mail.ru

Abstract. The article analyzes the regulation of the extradited person's legal status as illustrated by a study of fundamental legal acts of a number of the post-Soviet countries, and notes their progressive provisions regarding to the extradition stages. The conducted research reveals specific problems of ensuring the rights and legitimate interests of participants in extradition proceedings in Russian criminal procedure legislation, and ways of their solving. The author came to the conclusion that Russian criminal procedural legislation improperly regulates the legal status of an extradited person and his (or her) defense attorney, as well as the legal status of an accused person put on the international wanted list and his (or her) defense attorney must be regulated. Some factors hindering the observance of the rights and legitimate interests of an extradited person, as well as an accused person put on the international wanted list, and requiring the improvement of the legal regulation of extradition proceedings are identified. Solving the revealed problems can contribute to law enforcement practices in the relevant sphere and the observance of the rights and legitimate interests of the participants of the extradition.

Keywords: international cooperation, criminal proceeding, extradition proceeding, observance of the rights and legitimate interests, international wanted list

For citation: Kolosovich O. S. Extradition proceeding and observance of the rights and legitimate interests of its participants: legal comparative analysis. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 88—93, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A196

Усилия нескольких государств в борьбе с преступностью стали обычной практикой при расследовании не только трансграничных преступлений (например, терроризм, организованная преступность, наркоторговля, коррупция, преступления в сфере информационных технологий), но и преступлений общеуголовной направленности. В связи с этим наблюдается тенденция увеличения активности в сфере международного сотрудничества по уголовным делам, в том числе в экстрадиционном производстве.

Только в 2020 г. Национальный центр бюро (НЦБ) Интерпола МВД России обеспечил информационное сопровождение около 40 тыс. уголовных дел и 4,4 тыс. дел оперативного учета; установил местонахождение 228 обвиняемых, всего было

задержано 166; осуществил проверку 56,4 млн объектов: физических лиц, автомашин, документов¹ (рис. 1). В последние годы отмечается увеличение запросов об экстрадиции, направленных в Россию² (рис. 2).

¹ Уточненный годовой отчет о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» за 2020 год. URL: <https://media.mvd.ru/files/embed/2126203> (дата обращения: 12.08.2023).

² Интервью Генерального прокурора Российской Федерации Игоря Краснова «Известиям». URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/search?article=84754075> (дата обращения: 12.08.2023).

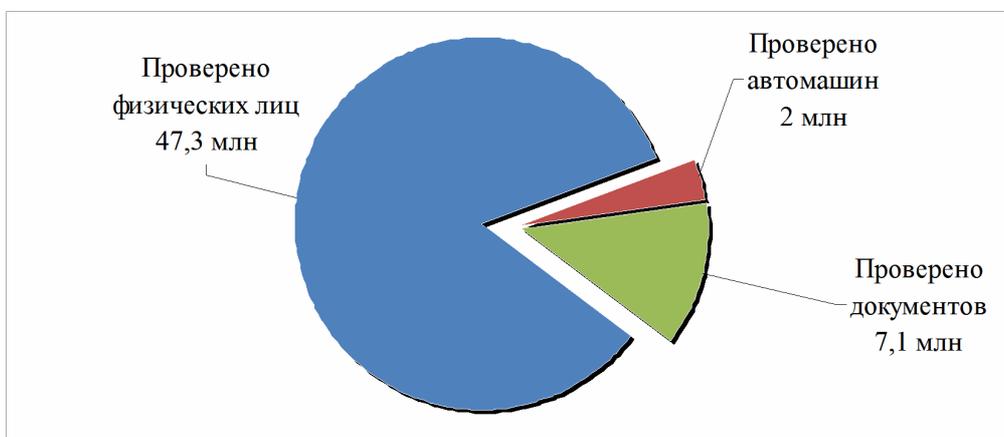

Рис. 1. Проверено НЦБ Интерпола МВД России в 2020 г.

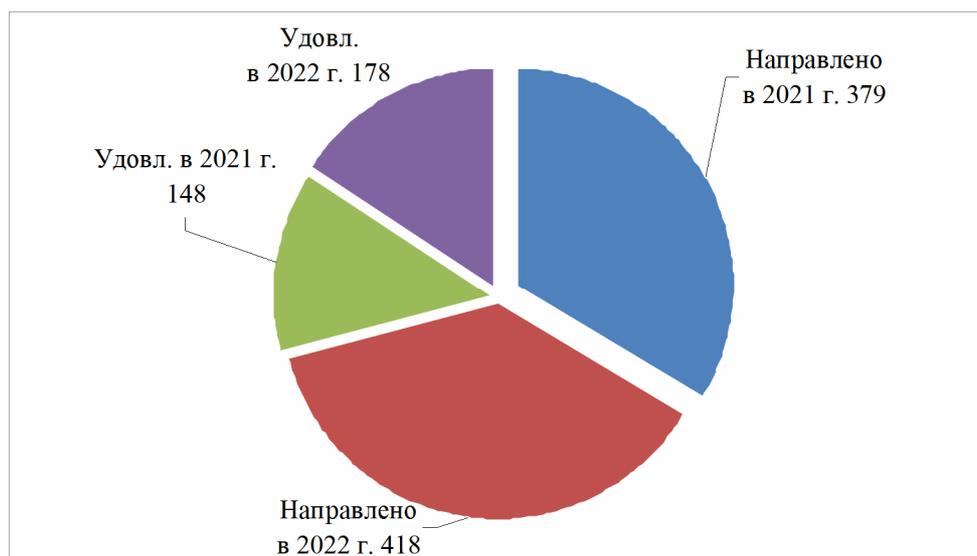

Рис. 2. Количество направленных в Россию запросов об экстрадиции и количество удовлетворенных Россией запросов об экстрадиции в 2021 и 2022 гг.

Экстрадиция играет решающую роль в международном сотрудничестве в области уголовного правосудия, позволяя странам осуществлять уголовное преследование и привлекать лицо к ответственности за предполагаемую преступную деятельность. Внимание со стороны ученых-правоведов к обеспечению прав и законных интересов участников уголовного процесса существовало всегда, однако, учитывая принудительный характер экстрадиционной деятельности, в современных условиях нам представляется закономерным интерес к правовому положению лица, подлежащего экстрадиции. Учеными уже говорилось о важности в экстрадиционной деятельности синхронизации двух направлений: борьбы с преступностью и обеспечения прав и законных интересов экстрадируемого лица (см., напр. [1, с. 193]). Считаем, что этому будет способствовать совершенствование правового положения лица, подлежащего экстрадиции. Для этого необходимо подвергнуть его исследованию.

В целом правовое положение лица, подлежащего экстрадиции, является сложным и многогранным вопросом, требующим учета множества факторов, включая международные договоры, законодательство страны, куда направлен запрос, и страны, выдавшей запрос на экстрадицию.

Правовое положение лица, подлежащего экстрадиции, формируется на двух уровнях: международном и национальном. На международном уровне правовое положение формируется на основе международных стандартов прав человека, международных конвенций, двухсторонних договоров, содержащих критерии и ограничения, в соответствии с которыми может быть осуществлена экстрадиция. Однако конкретные права экстрадируемого могут различаться в зависимости от страны, запрашивающей экстрадицию, и от положений конкретного договора об экстрадиции между двумя странами. В соответствии с международными нормами страны, которые сотрудничают в вопросах экстрадиции, обычно должны иметь взаимное соглашение или договор, регулирующий условия и процедуру экстрадиции.

Процесс экстрадиции требует от правоприменителя юридического анализа, учета договоренностей между странами и соблюдения прав и интересов всех участников. Поэтому при любых обстоятельствах международные положения выступают в качестве базовых, унифицированных для любой страны, вступившей в экстрадиционные отношения. Это, прежде всего, право на защиту, включая право на адвоката и конфиденциальное с ним общение, на справедливый судебный процесс; право на личную неприкосновенность, предусматривающее защиту от унижающего честь и достоинство обращения, жестокого обращения; право присутствия на всех судебных заседаниях; право на информацию о своих правах и обвинениях, причинах ареста; право на обжалование в суде, представление своей позиции, свидетелей и доказательств в свою защиту; право на консульские услуги со стороны государства, гражданином которого он является.

Процедуры выдачи и временного задержания относятся к прерогативе национального законодательства запрашиваемой страны (ст. 22 Европейской конвенции о выдаче¹). На национальном уровне каждая страна имеет собственную процедуру и критерии для рассмотрения экстрадиции, которые могут отличаться в зависимости от правовой системы и политики страны, от конкретно сложившейся ситуации. В итоге решение о предоставлении или отказе в предоставлении экстрадиции зависит от специфических обстоятельств самого экстрадиционного случая.

Различия уголовно-процессуального законодательства в вопросах международного сотрудничества раскрыты в работе Е. А. Зайцевой и Н. В. Сидоровой, в которой не только сравнивается нормативная регламентация отдельных стран постсоветского пространства, но и называется количество статей, посвященных этой деятельности. Так, в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Казахстан² (далее — УПК РК) содержится 55 статей, Уголовно-

¹ Европейская конвенция о выдаче (заключена в г. Париже 13.12.1957) // Справ.-правовая система «Консультант-Плюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.09.2023).

² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852 (дата обращения: 20.09.2023).

процессуальном кодексе Республики Беларусь¹ (далее — УПК РБ) — 52, Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации² (далее — УПК РФ) — 28, Уголовно-процессуальном кодексе Кыргызской Республики³ (далее — УПК КР) — 24, Уголовно-процессуальном кодексе Республики Узбекистан⁴ (далее — УПК РУ) — 18 [2, с. 87].

Несмотря на то что у названных стран общее «советское» прошлое и, соответственно, право, современное регулирование правового положения лица, в отношении которого осуществляется экстрадиционное производство, и примененная терминология имеют существенные различия.

Так, в гл. 54 УПК РФ применяются термины: «лицо, в отношении которого направлен запрос о выдаче», «лицо, выданное иностранным государством», «выданное лицо», «лицо, в отношении которого принято решение о выдаче», «лицо, подлежащее выдаче», «выдаваемое лицо». К примеру, в УПК РК — «лицо, выдача которого запрашивается»; «выданное (экстрадированное) лицо»; «лицо, разыскиваемое иностранным государством за совершение преступления»; «лицо, к которому применен экстрадиционный арест».

УПК РК отличается от УПК РФ не только терминологией, но и наличием статьи с указанием прав экстрадируемого лица (ст. 586). В указанную статью включены основные права: знать, по какому преступлению поступил запрос об экстрадиции, и знакомиться с запросом, право на защитника, на обжалование решения об экстрадиции, содержания под стражей, право выражать свое мнение об экстрадиции в суде, отдельные права в связи с задержанием.

Кроме того, гл. 60 УПК РК содержит порядок применения в отношении запрашиваемого лица задержания (ст. 587), временного содержания лица

под стражей (ст. 588), экстрадиционного ареста (ст. 589); правила исчисления сроков содержания под стражей (ст. 584). Иными словами, определен правовой режим применения мер принуждения к определенному виду участника уголовного процесса, что повышает способность лица, в отношении которого осуществляется экстрадиционное производство, понимать и последовательно реализовывать свои права, а правоприменителю обеспечивать их реализацию.

Еще одной особенностью казахстанского уголовно-процессуального законодательства следует назвать четко сформулированное основание отсрочки в выдаче из гуманных соображений: это когда «лицо, в отношении которого принято решение о выдаче (экстрадиции), страдает тяжелым заболеванием и по состоянию здоровья не может быть выдано (экстрадировано) без вреда его здоровью до его выздоровления» (подп. 2 п. 1 ст. 593 УПК РК).

Похожее основание может быть применено Российской Федерацией в случае отказа в экстрадиции: «(в) исходя из соображений гуманности, когда имеются основания полагать, что выдача лица может повлечь для него серьезные осложнения по причине его преклонного возраста или состояния здоровья»⁵. Однако здесь важен не только сам факт наличия «гуманных оснований», но и включение этого основания в статью, содержащую общий перечень прав лица, подлежащего экстрадиции.

Анализ положений гл. 60 УПК РК позволяет нам говорить о более тщательной регламентации экстрадиционной процедуры, что также влияет на обеспечение прав и законных интересов экстрадируемого лица.

Российскими учеными было обращено внимание на теоретическую возможность, но практическую сложность международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства на основании принципа взаимности [3, с. 12], что ограничивает возможности в борьбе с преступностью.

Следует отметить, что в Беларуси законодателем этот вопрос был решен. Согласно ст. 1 УПК РБ, если порядок оказания международной правовой помощи не определен международными договорами Республики Беларусь, соответствующая дея-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=hk9900295&q_id=9216182&goToSnippet=1 (дата обращения: 20.09.2023).

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.09.2023).

³ Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г. № 129. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36639004&pos=6;-106#pos=6;-106 (дата обращения: 10.09.2023).

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан (утв. Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2013-XII). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421101 (дата обращения: 20.09.2023).

⁵ О ратификации Европейской конвенции о выдаче, дополнительного Протокола и второго дополнительного Протокола к ней: федер. закон от 25 октября 1999 г. № 190-ФЗ. Ст. 1 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.09.2023).

тельность осуществляется на основе порядка, установленного УПК РБ, права и свободы человека и гражданина, содержащиеся в международных договорах Республики Беларусь, применяются наравне с УПК РБ.

Кроме того, раздел XV УПК РБ предусматривает процедуру международной правовой помощи, в том числе выдачи, осуществляемой на основе принципа взаимности. Остальные положения о выдаче размещены эпизодически по тексту кодекса применительно к определенным процессуальным действиям. К примеру, в ч. 4.1 ст. 127 УПК РБ установлены сроки содержания под стражей для окончания предварительного расследования в отношении выданного лица.

Логичным является повышенное внимание белорусского законодателя к правовому регулированию процессуального положения лица, объявленного в международный розыск, правам и обязанностям участника уголовного процесса при применении к нему мер процессуального принуждения в ходе международного сотрудничества.

Так, в гл. 55 УПК РБ указаны права и обязанности как задержанного, так и находящегося в розыске лица, к которому в целях выдачи применена мера пресечения, а также права и обязанности их защитников (ст. 507—509). Глава 56 УПК РБ регулирует основания, порядок и сроки содержания под стражей. Подобный подход вызывает только одобрение.

Однако нами неоднозначно воспринимается положение п. 13.1 ст. 6 УПК РБ: «Лицо, находящееся в международном розыске с целью выдачи, — лицо, в отношении которого по обвинению в совершении преступления на территории двух и более государств проводится комплекс оперативно-розыскных, информационно-справочных и иных мероприятий, направленных на установление его местонахождения, задержание и заключение под стражу с целью выдачи». С одной стороны, обращает на себя внимание негласный характер указанной деятельности, с другой — вызывает интерес и одобрение фиксация правового статуса лица, объявленного в международный розыск с целью выдачи и применения к нему задержания или меры пресечения.

Таким образом, на законодательном уровне УПК РБ регулируются отношения, возникающие в связи с применением мер процессуального принуждения к лицу, объявленному в международный розыск для выдачи; приняты беспрецедентные меры по обеспечению прав и законных интересов лица, объявленного в международный розыск

с целью выдачи. Кроме того, в отличие от УПК РК, четко изложены не только права, но и обязанности лица, подлежащего экстрадиции, а также в изложенных положениях Республика Беларусь в одном случае будет выступать как страна, запрашивающая экстрадицию, а в другом — как запрашиваемая.

Следует отметить, что в УПК РФ деятельность по объявлению подозреваемого и обвиняемого в розыск содержится в ст. 210. Что же касается международного розыска, соответствующий правовой статус объявленного в розыск лица законодатель не регулирует.

В целом формулировки оснований для выдачи, оснований для направления запроса о выдаче, его содержание и принятие соответствующего решения в УПК РБ и УПК РФ схожи. Вместе с тем ни в УПК РБ, ни в УПК РФ не урегулирован порядок проведения экстрадиционной проверки (в отличие, например, от УПК КР). Однако отличительной чертой следует назвать детальное правовое регулирование белорусским законодателем процедуры и правового положения лица в связи с применением к нему мер процессуального принуждения (задержание), мер пресечения, законодателем сформулировано понятие указанного лица, его права и обязанности, права его защитника.

УПК КР в исследуемом вопросе также обладает спецификой правового регулирования. В частности, кыргызским законодателем, по сравнению с другими, разработан понятийный аппарат института экстрадиции. В статье 5 указанного кодекса содержатся понятия «выдача лица» (п. 17), «временное содержание лица под стражей» (п. 18), «запрос о международной правовой помощи» (п. 30), «экстрадиционный арест» (п. 70). Это свидетельствует о пристальном внимании со стороны кыргызского законодателя к вопросам выдачи (экстрадиции). Так, установлены основания, порядок, сроки содержания под стражей, задержания лица применительно к экстрадиционной деятельности, порядок проведения экстрадиционной проверки (проводится следователем). Это также свидетельствует в пользу соблюдения прав и законных интересов экстрадируемого лица, так как устанавливает эти процедуры. В то же время отсутствует норма, содержащая перечень прав и обязанностей экстрадируемого лица.

Если говорить об УПК Республики Узбекистан, несмотря на то что международному сотрудничеству посвящено 18 статей, две из них содержат основания и порядок задержания, применения заключения под стражу в ходе экстрадиционной

деятельности, основания и порядок их отмены (ст. 605—606).

Сравнительный анализ положений УПК РФ с УПК Республики Казахстан, Республики Беларусь, Кыргызской Республики, Республики Узбекистан выявил, что в указанных странах достаточно подробно урегулированы основания, порядок, сроки содержания под стражей и их продление применительно к экстрадиционной деятельности.

Помимо этого, в Республике Казахстан права лица, подлежащего экстрадиции, выделены в отдельную статью. В УПК РБ в отдельной главе содержатся права и обязанности лица, задержанного либо к которому применена мера пресечения на основании решения об исполнении просьбы органа иностранного государства или в связи с нахождением в международном розыске с целью выдачи, и его защитника (гл. 55). Еще одним положительным опытом следует признать разработку белорусским законодателем процедуры выдачи, осуществляемой на основе принципа взаимности. Данный подход зарубежного законодателя пред-

ставляется правильным и способствующим обеспечению прав и законных интересов лица, в отношении которого проводится экстрадиционное производство.

Таким образом, в ходе исследования были выявлены факторы, влияющие на эффективность обеспечения прав и законных интересов лица, в отношении которого осуществляется экстрадиционное производство в России. Это отсутствие надлежащей правовой регламентации:

— процессуального положения лица, в отношении которого осуществляется экстрадиционное производство, и лица, объявленного в международный розыск, их защитника;

— экстрадиционной деятельности на каждом этапе производства, включая особенности задержания, применения мер пресечения;

— оснований и порядка объявления лица в международный розыск;

— детальной процедуры выдачи (экстрадиции) на основе принципа взаимности.

---

1. Насонов А. А. К вопросу о понятии реализации в уголовном судопроизводстве права на защиту лица при выдаче иностранному государству для уголовного преследования // Вестник Воронежского института МВД России. 2018. № 4. С. 192—198.

2. Зайцева Е. А., Сидорова Н. В. Регламентация международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства: международный и внутригосударственные аспекты // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 2 (49). С. 85—93.

3. Стельмах В. Ю., Гусев А. В. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства: учеб. пособие. Екатеринбург: Урал. юрид. ин-т МВД России, 2023. 139 с.

Колосович Оксана Сергеевна,
докторант научно-исследовательского отдела
Волгоградской академии МВД России,
1019810198@mail.ru

---

1. Nasonov A. A. On the issue of criminal proceedings implementation of the right to defense a person by extraditing to a foreign state for criminal prosecution. The Bulletin of Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 192—198, 2018. (In Russ.).

2. Zaitseva E. A., Sidorova N. V. Regulation of international cooperation in the field of criminal proceedings: international and internal aspects. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 85—93, 2019. (In Russ.).

3. Stelmakh V. Yu., Gusev A. V. International cooperation in the field of criminal proceedings. Textbook. Ekaterinburg: Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia; 2023: 139. (In Russ.).

Kolosovich Oksana Sergeyevna,
postdoctoral student at the research department
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
1019810198@mail.ru

Статья поступила в редакцию 02.10.2023; одобрена после рецензирования 11.10.2023; принята к публикации 17.11.2023.

The article was submitted 02.10.2023; approved after reviewing 11.10.2023; accepted for publication 17.11.2023.

* * *

УДК 343.13

doi: 10.25724/VAMVD.A197

**ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И ИНЫЕ СРЕДСТВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ
БЕЗОПАСНОСТИ ПОДОЗРЕВАЕМОГО, ОБВИНЯЕМОГО И ЛИЦА,
В ОТНОШЕНИИ КОТОРОГО УГОЛОВНОЕ ДЕЛО ВЫДЕЛЕНО
В ОТДЕЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО
В СВЯЗИ С ЗАКЛЮЧЕНИЕМ С НИМ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ
О СОТРУДНИЧЕСТВЕ**

Екатерина Андреевна Олейник

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, yekaterina.oleynik.96@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена краткому ретроспективному анализу изменений отечественного законодательства, регламентирующего деятельность по обеспечению безопасности подозреваемого, обвиняемого и лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве. Результатом проведенного исследования стал вывод о значительном развитии института обеспечения безопасности названных участников уголовного судопроизводства за последние несколько десятилетий, к сожалению не приведших к заметным изменениям эффективности осуществляемого расследования. Кроме того, отмечаются неудовлетворенность правоприменителя нововведениями, несовершенством комментируемых положений, взаимодействия между подразделениями правоохранительных органов разной ведомственной принадлежности и сомнения в возможности обеспечения безопасности подозреваемого, обвиняемого и лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве. Достоверность полученных выводов обусловлена изучением статистических данных МВД России и Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации с 1997 по 2022 г., а также результатами проведенного автором опроса следователей, дознавателей органов внутренних дел и их руководителей.

Ключевые слова: обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства; лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве

Для цитирования: Олейник Е. А. Процессуальные и иные средства обеспечения безопасности подозреваемого, обвиняемого и лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 4 (67). С. 94—102. doi: 10.25724/VAMVD.A197

**PROCEDURAL AND OTHER MEASURES TO PROVIDE SECURITY
FOR THE SUSPECT, THE ACCUSED AND THE PERSON
AGAINST WHOM THE CRIMINAL CASE
HAS BEEN IDENTIFIED AS A SEPARATE ONE
REGARDING A PRE-TRIAL COOPERATION AGREEMENT
WITH THE LATTER**

Yekaterina Andreyevna Oleinik

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, yekaterina.oleynik.96@mail.ru

Abstract. The article is devoted to a brief retrospective analysis of changes in national legislation regulating activities to provide the security for the suspect, the accused and the person against whom the criminal proceedings has been severed into a separate case in respect of a pre-trial cooperation agreement with him. The result of the conducted research is the conclusion about the significant improvement of the institution of security providing for

the criminal proceedings participants named above in the last few decades, what did not lead unfortunately to sensible changes of the investigating effectiveness. In addition, it is being noted that the law enforcement professionals are not satisfied with the innovations, the incompleteness of the commented provisions, the inconsistency of the interaction of law enforcement units of different departmental affiliation and give no credence to the possibility of security providing for the suspect, the accused and the person against whom the criminal case has been identified as a separate one regarding a pre-trial cooperation agreement with the latter.

The reliability of research conclusions is due to reviewing of statistical data of the Ministry of Internal Affairs of Russia and the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation over a period from 1997 to 2022, as well as the results of the survey conducted by the author of investigators, interrogators of Internal Affairs bodies and their chief officers.

Keywords: security providing for the criminal proceedings participants; a person against whom the criminal case has been identified as a separate one regarding a pre-trial cooperation agreement with the latter

For citation: Oleinik Ye. A. Procedural and other measures to provide security for the suspect, the accused and the person against whom the criminal case has been identified as a separate one regarding a pre-trial cooperation agreement with the latter. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 94—102, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A197

Государство, справедливо озаботившись вопросами безопасности участников уголовного судопроизводства, разработало несколько средств ее обеспечения. В 1995 г. вступил в действие федеральный закон о защите судей, других должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов¹. По сути, впервые в нашей стране законодатель разработал столь обстоятельный нормативный правовой акт, регламентирующий вопросы защиты от преступных посягательств, неправомерного воздействия криминалитета на должностных лиц, исполняющих свои обязанности в сфере уголовного судопроизводства («профессиональных» участников уголовного судопроизводства²). В качестве мер защиты были предусмотрены личная охрана, охрана жилища и имущества; выдача оружия, специальных средств индивидуальной защиты и оповещения об опасности; временное помещение в безопасное место; обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемых лицах и об их имуществе; перевод на другую работу (службу), изменение места работы (службы) или

учебы; переселение на другое место жительства; замена документов, изменение внешности (ст. 5 Федерального закона от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ).

Несмотря на то что столь долгожданный правовой институт наконец-то обрел свои очертания, необходимо отметить его несовершенство для сферы уголовного судопроизводства. Во-первых, данные положения не получили своего закрепления в действующем на тот момент УПК РСФСР³, при этом, по понятным причинам, не учитывали специфику деятельности по уголовному делу. Например, сомнительно сохранение анонимности персональных данных оперуполномоченного, задержавшего преступника и / или изъявшего наркотические средства или боеприпасы. В рамках осуществляемого производства должностное лицо дает показания в ходе следствия на допросе (очной ставке, опознании), а в судебном заседании (как правило, открытом) на перекрестном допросе в качестве свидетеля, который обязан давать *правдивые* показания (п. 2 ч. 6 и ч. 8 ст. 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ)), отвечая на вопросы не только следователя и судьи, но и подсудимого (его защитника), при этом оглашая свои персональные данные.

В связи с этим обоснованы сомнения в способности сохранения конфиденциальности названных данных при применении мер государственной защиты, а значит, справедливы и сомнения в их эффективности.

¹ О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов: федеральный закон от 20.04.1995 № 45-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.09.2023).

² То есть лица, участвующие в процессе исключительно в силу занимаемой должности, исполнения своих должностных обязанностей, не заинтересованные в исходе расследования и судебного разбирательства (например, следователь и прокурор, являющиеся стороной обвинения, или оперуполномоченный, выявивший преступление и давший показания в качестве свидетеля об обстоятельствах задержания преступника и изъятия у него наркотических средств, боеприпасов).

³ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.09.2023).

Во-вторых, комментируемый закон не регламентировал защиту иных участников уголовного судопроизводства, нуждающихся в ней не меньше, а возможно, и больше других — потерпевшие, свидетели, гражданские истцы, а также их представители и законные представители. В отличие от властных субъектов уголовного судопроизводства, участие названных лиц в расследовании и судебном разбирательстве не был их добровольным выбором.

Как правило, это лица, случайно оказавшиеся в сфере уголовно-процессуальных отношений (в отличие от «профессиональных» участников) и не готовые дать отпор агрессии со стороны криминала, поскольку не имеют соответствующей юридической и физической подготовки, опыта работы в силовых структурах, не присягнувшие службе отечеству в правоохранительных органах. Они не только не обязаны рисковать своей жизнью, здоровьем или имуществом во имя реализации целей и задач уголовного судопроизводства, а наоборот, государство гарантирует защиту их жизни и здоровья, других прав и свобод человека и гражданина (ст. 2, 7, 20, 45 Конституции РФ).

Отдельного внимания в свете рассматриваемого вопроса заслужили подозреваемые и обвиняемые, готовые сотрудничать с правоохранительными органами, однако справедливо опасющиеся возмездия со стороны криминалитета.

К сожалению, не спасло ситуацию закрепление в 1990 г.¹ в ст. 27.1 УПК РСФСР положений, регламентирующих обязанность органа дознания, следователя, прокурора и суда принять меры к охране жизни, здоровья, чести, достоинства и имущества потерпевшего, свидетеля и других участвующих в деле лиц, а также членов их семей или близких родственников, а также к установлению виновных и привлечению их к ответственности. Отсутствие механизмов реализации приведенных положений и соответствующих специализированных подразделений правоохранительных органов сделали их фактически нежизнеспособными и малоэффективными, не воспринимаемыми кем-либо всерьез.

Таким образом, в рассматриваемый период названные непроцессуальные и процессуальные меры были не способны в полной мере защитить

участников уголовного судопроизводства от неправомерного воздействия.

В условиях «работы» такого несовершеннолетнего законодательства понятно стремление некоторых лиц уклониться от дачи показаний, взаимодействия с правоохранительными органами и иного участия в уголовном судопроизводстве, что отрицательно сказывалось на раскрываемости преступлений и установлении места нахождения скрывшихся от следствия и суда виновных лиц.

Так, в 1997 г. в производстве отечественных правоохранительных органов всего находилось 2 713 671 уголовное дело, из которых 646 487 производств были приостановлены в связи с неустановлением места нахождения скрывшегося обвиняемого или лиц, подлежащих привлечению в качестве таковых (пп. 1 и 3 ст. 195 УПК РСФСР); в 1998 г. в производстве находилось 2 923 447 уголовных дел, приостановлено 631 902².

Несколько позже пробел был частично заполнен. В 2002 г. начал действовать УПК РФ, некоторые положения которого были посвящены обеспечению безопасности лиц. В частности, в ст. 11 УПК РФ законодатель разрешил сохранить анонимность потерпевшего, свидетеля и иных участников процесса (их близких родственников, родственников или близких лиц) в случаях угрозы их жизни и здоровью, а также уничтожения (повреждения) имущества. В целях сохранения анонимности производство некоторых следственных и других процессуальных действий осуществлялось в особом порядке (ч. 9 ст. 166, ч. 2 ст. 186, ч. 8 ст. 193, п. 4 ч. 2 ст. 241 и ч. 5 ст. 278 УПК РФ).

Безусловно, названные изменения это долгожданная и важная страница в уголовном судопроизводстве, однако «работа» новых положений самостоятельно, без взаимодействия с непроцессуальными мерами обеспечения безопасности лиц малоэффективна. Содержание комментируемых положений позволяет сделать вывод о том, что в основу успеха их реализации законодатель заложил отсутствие у лиц, противодействующих правосудию, информации об источнике полученных показаний. На наш взгляд, эта позиция утопична, поскольку источником данных о защищаемых лицах могут стать не только материалы уголовного дела. Процессуальные меры обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства бессильны

¹ О внесении изменений и дополнений в Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик: закон СССР от 12 июня 1990 г. № 1556-1 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.09.2023).

² Преступность и правопорядок в России. Статистический аспект. 2003 // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b03_64/Main.htm (дата обращения: 12.07.2023).

защитить, например, потерпевшего, личность которого была известна обвиняемому до совершения преступления (например, при вымогательстве, мошенничестве). Бессмысленно легендировать и данные соучастника преступления, поскольку для других обвиняемых из содержания показаний очевиден источник их происхождения.

Между тем возможность защиты подозреваемого и обвиняемого от преследования криминалистами стало новой страницей в уголовно-процессуальном законодательстве. Несмотря на то что доктрина уголовно-процессуального права справедливо не рассматривает признательные показания подозреваемого и обвиняемого в качестве определяющего источника доказательств, а ч. 2 ст. 77 УПК РФ требует подтверждение вины последнего только совокупностью доказательств, отрицать их значение бессмысленно. Бессмысленно отрицать и важность признательных показаний подозре-

ваемого и обвиняемого, изобличающих соучастников преступления, особенно организованной преступности.

Исходя из данных Федеральной службы государственной статистики, в 1995 г. организованной группой совершено 23,8 тыс. преступлений; в 1996 г. — 26,4; в 1997 г. — 28,5; в 1998 г. — 28,7; в 1999 г. — 32,9; в 2000 г. — 36; в 2001 г. — 33,5 (рис. 1)¹. В то же время данные всей преступности в России такие же значительные, однако рост названных показателей менее интенсивный. В 1995 г. всего зарегистрировано 2 755,7 тыс. преступлений; в 1996 г. — 2 625,1; в 1997 г. — 2 397,3; в 1998 г. — 2 581,9; в 1999 г. — 3 001,7; в 2000 г. — 2 952,4; в 2001 г. — 2 968,3 (рис. 2)².

¹ Преступность и правопорядок в России. Статистический аспект. 2003.

² Там же.

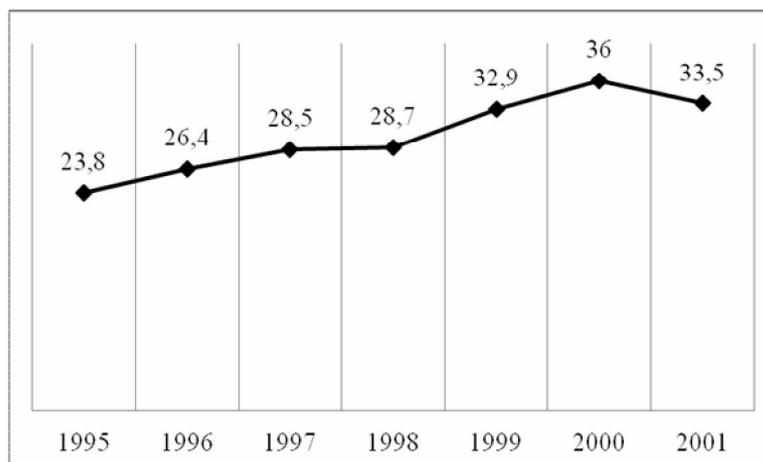

Рис. 1. Преступления, совершенные организованной группой в 1995—2001 гг., тыс.

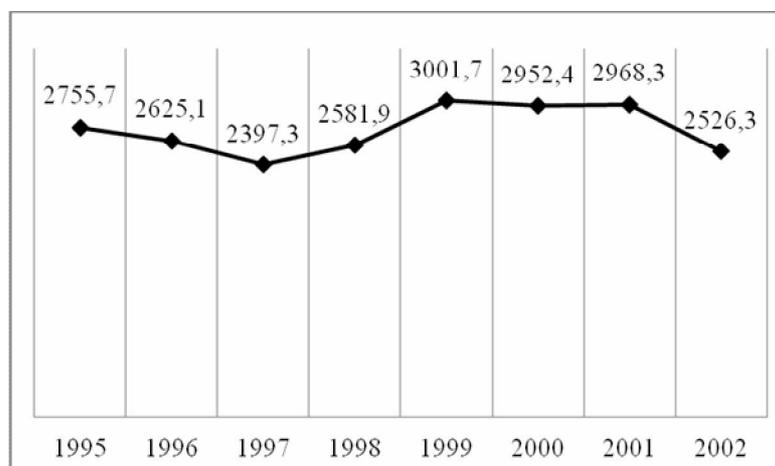

Рис. 2. Преступления, зарегистрированные в 1995—2001 гг., тыс.

В условиях роста в рассматриваемый период преступлений, совершенных организованной группой, а также приобретения организованной преступностью трансграничного характера, ее сращивания с коррупционной и киберпреступностью [1] значение признательных и обличающих показаний участников организованных преступных групп возросло многократно. К сожалению, многократно выросли и риски лиц, их дающих.

Отсутствие необходимых средств государственной защиты подозреваемых и обвиняемых, сотрудничающих с правоохранительными органами, не способствовало даже последними правдивых показаний.

Усугубило ситуацию и то обстоятельство, что названные участники наделены законодателем, по сути, правом на ложь, поскольку не предупреждаются об уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ за дачу заведомо ложных показаний. Вопрос об отсутствии уголовной ответственности для подозреваемых и обвиняемых по названной статье является предметом активной дискуссии научного сообщества. По мнению ученых [2—4], привлечение рассматриваемых участников уголовного судопроизводства за ложные показания правомерно, так как лжесвидетельство является одной из самых насущных проблем современной правоприменительной практики. Другие ученые [5] считают, что отказ государства от уголовного преследования лгущих подозреваемых и обвиняемых является дополнительной гарантией их прав, так как в настоящее время правомерный отказ от показаний трактуется неоспоримым доказательством вины. Невозможность дачи правдивых показаний и невозможность отказаться от дачи показаний без негативных последствий должна быть компенсирована возможностью давать ложные показания. Более того, по мнению ученых, необходимо законодательно закрепить за подозреваемым и обвиняемым право на ложь [6], поскольку это является способом защиты последних, а в рассматриваемом случае — возможностью существенного смягчения уголовного наказания.

Такой же позиции придерживается и Верховный Суд РФ¹, считающий, что обвиняемые лица вправе реализовывать свои интересы любыми не запрещенными законом способами, при этом они могут безнаказанно давать ложные показания.

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за второе полугодие 1997 года // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1998. № 4 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.09.2023).

Современная правовая политика государства создает условия, не только способствующие безнаказанности преступного элемента, но и подстрекающие его к этому. Обман преступника официально признан государством уголовно (и даже административно) не наказуемым способом защиты последнего, получения преференций.

Следователь должен фактически в одиночку оказывать противодействие потоку безнаказанной лжи, расходуя государственные средства налогоплательщика порою в тщетных потугах нейтрализовать наступившие в результате ложности показаний последствия массивным производством таких следственных действий, как допросы, очные ставки, экспертизы и т. д. Нельзя забывать и о правах и свободах лица, которые были ограничены вследствие дачи ложных показаний, а также последствий в виде предъявления подозрения (обвинения), применения мер пресечения и наступления уголовной ответственности.

Большой объем предпринятых мер по выявлению факта дачи ложных показаний, а позже — по нивелированию наступивших последствий, способствует увеличению сроков расследования, разрешению уголовного дела по существу, что в свою очередь препятствует выполнению такого назначения уголовного судопроизводства, как защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ).

Таким образом, государство поощряет противоправное поведение некоторых фигурантов предварительного расследования. Наделение подозреваемого и обвиняемого правом дачи показаний в отношении соучастников совершенного им преступления не предполагает возможности защиты своих интересов незаконными, а по сути, преступными средствами. Подозреваемый и обвиняемый вправе в целях своей защиты либо хранить молчание, либо давать показания таким образом, чтобы не нарушать права других лиц, не прибегать к запрещенным законом способам защиты.

При дефиците средств государственной защиты и стимулов к даче признательных и обличительных показаний подозреваемые и обвиняемые предпочитают хранить молчание. В итоге в 2003 г. совершены преступления 25 671 лицом из организованной группы или преступного сообщества, в 2004 г. — 28 161, в 2005 г. — 28 611 (рис. 3)².

² Состояние преступности: офиц. сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 14.07.2023).

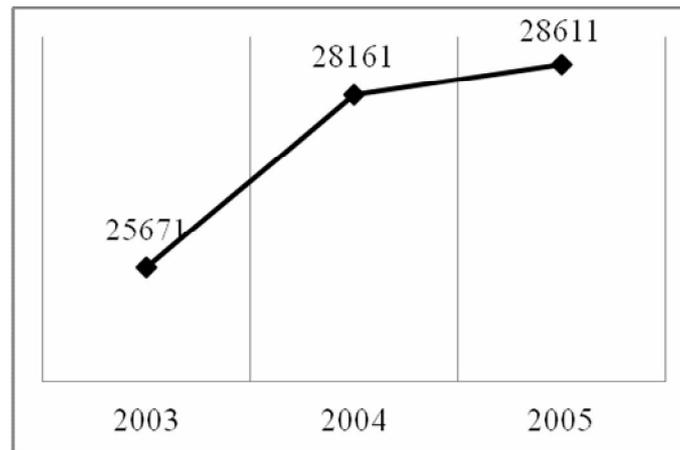

Рис. 3. Преступления, совершенные организованными преступными группами или преступными сообществами в 2003—2005 гг.

На основании приведенных данных вполне логично появление в 2004 г. федерального закона, регламентирующего деятельность уполномоченных органов по защите потерпевшего, частного обвинителя, подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, их защитника, осужденного, оправданного, гражданского истца, гражданского ответчика, их законного представителя, представителя, а также лица, в отношении которого уголовное дело либо уголовное преследование было прекращено, эксперта, специалиста, переводчика, понятого, педагога, психолога, свидетеля, заявителя, очевидца или жертвы преступления либо иных лиц, способствующих предупреждению или раскрытию преступления, от посягательств на их жизнь, здоровье и имущество в связи с участием в уголовном судопроизводстве. Защите также подлежат близкие родственники, родственники и близкие лица вышеуказанных участников (чч. 1—3 ст. 2 Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ¹).

К сожалению, перечисленные процессуальные и непроцессуальные средства обеспечения безопасности всех участников уголовного судопроизводства, действующие до сих пор, систематически подвергаются критике как учеными, так и правоприменителем. Проведенный учеными [7] опрос должностных лиц, наделенных правом производства предварительного расследования, показал их неудовлетворенность существующей регламен-

¹ О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: федер. закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.09.2023).

тацией рассматриваемой деятельности, сомнения в эффективности положений и, более того, в успешности их дальнейшей модернизации. Требовались кардинальные изменения уголовно-процессуального законодательства, создание нового инструментария обеспечения конституционно гарантированных прав и свобод человека и гражданина, одновременно способствующего получению доказательств по уголовному делу.

В связи с этим появление в 2009 г.² гл. 40.1 УПК РФ и в 2018 г.³ ст. 56.1 и 281.1 УПК РФ существенно обогатило механизмы обеспечения безопасности подозреваемого и обвиняемого, при этом стимулируя последних к сотрудничеству с правоохранительными органами, позволяя пополнить доказательственную базу в уголовном деле показаниями наиболее осведомленных о совершенном преступлении лиц. Появление лиц, обладающих особым процессуальным статусом в уголовном судопроизводстве, не повлекло ожидаемых изменений Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ, что, по нашему мнению, обусловлено характером нововведений, направленных на создание

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.09.2023).

³ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30 октября 2018 г. № 376-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.09.2023).

специфичной правовой среды, способствующей одновременно получению доказательств и обеспечению безопасности лиц, взаимодействующих с правоохранительными органами.

Между тем анализ данных статистики позволяет сделать вывод о недостаточной востребованности приведенных положений. Так, в 2011 г. в России было осуждено 806 728 человек, из которых с 2 630 было заключено досудебное соглашение (т. е. 0,33 %); в 2012 г. осуждено 764 263 человека, из которых досудебное соглашение было заключено с 2 099 (0,27 %); в 2013 г. из 755 755 человек соглашение заключили с 3 155 (0,42 %); в 2014 г. осуждено 746 248 человек, соглашение заключено с 3 875 (0,52 %); в 2015 г. осуждено 762 958 человек, соглашение заключено с 4 134 (0,54 %); в 2016 г. осуждено 767 960 человек, соглашение заключено с 3 794 (0,49 %); в 2017 г. осуждено 724 620 человек, соглашение заключено с 3 968 (0,55 %); в 2018 г. осуждено 681 769 человек, соглашение заключено с 3 613 (0,53 %)¹.

К сожалению, с появлением такого участника уголовного судопроизводства, как лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве (ст. 56.1 УПК РФ), ситуация существенно не изменилась. В 2019 г. было осуждено 620 054 человека, а заключено соглашений с 3 009 (0,49 %); в 2020 г. осуждено 562 963 человека, соглашение заключено с 2 763 (0,49 %); в 2021 г. осуждено 601 148 человек, соглашение заключено с 2 896 (0,49 %); в 2022 г. осуждено 614 726 человек, соглашение заключено с 2 983 (0,48 %).

С появлением нового правового института, стимулирующего к сотрудничеству с правоохранительными органами, показатели раскрываемости преступлений при появлении вышеназванного института также существенных изменений не претерпели (рис. 4)².

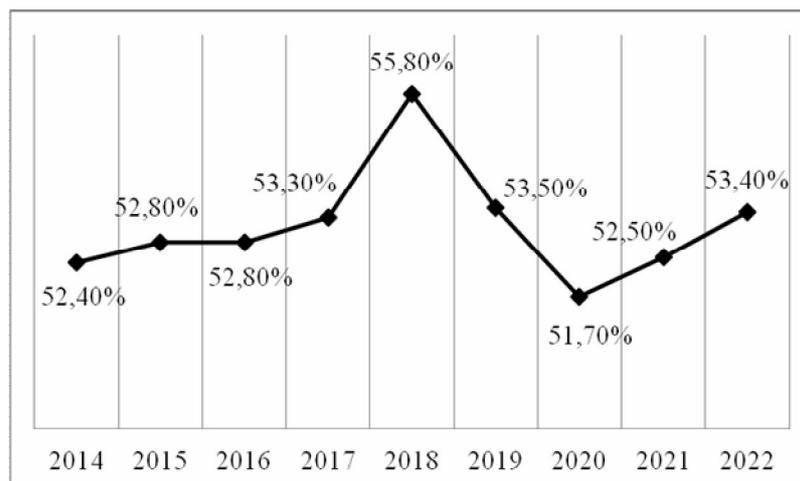

Рис. 4. Раскрываемость преступлений в 2014—2022 гг., %

Проведенный нами опрос следователей, дознавателей и их руководителей³ показал настороженное отношение властных участников уголовного судопроизводства к приведенным изменениям. Подавляющее число респондентов (89 %) указали,

что ими никогда не применялись положения о досудебном соглашении о сотрудничестве, а 100 % — указали на неприменение положения о лице, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве. На вопрос об эффективности и перспективности сравнительно новых правовых институтов респонденты проявили к ним недоверие (74 %), обусловленное их несовершенством (71 %), несогласованностью осуществляемого подразделениями право

¹ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2011—2022 гг.: офиц. сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 14.07.2023).

³ В опросе приняло участие 284 следователя, дознавателя ОВД и их руководителей из 18 субъектов Российской Федерации.

² Состояние преступности: офиц. сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 14.07.2023).

охранительных органов разной ведомственной принадлежности взаимодействия (84 %) и сомнениями в возможности обеспечения безопасности подозреваемого, обвиняемого и лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве (79 %).

На основании изложенного констатируем несовершенство современных средств обеспечения

безопасности лица, оказывающего содействие правоохранительным органам в выявлении, раскрытии и расследовании преступлений (подозреваемого, обвиняемого и лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве).

1. Поляков М. П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности. Нижний Новгород: Нижегородская правовая академия, 2001. 260 с.

2. Замылин Е. И., Намнясева В. В., Колосович М. С. Заведомо ложный донос и лжесвидетельство: проблемы квалификации и доказывания: монография. Волгоград: ВА МВД России, 2013. 296 с.

3. Колосович М. С. Конституционное право подозреваемого на ложь и разглашение данных предварительного расследования // Проблемы современной юриспруденции: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (15 февр. 2016 г.). Волгоград: Изд-во Поликарпов И. Л., 2016. С. 128—133.

4. Лобанова Л. В. Нужно ли подвергать обвиняемого уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний? // Мировой судья. 2012. № 3. С. 5—7.

5. Куссмауль Р. Право на ложь и право на молчание как элементы права на защиту // Российская юстиция. 2003. № 2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Терегулова А. А. Правовое положение подозреваемого в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2008. 238 с.

7. Колосович М. С., Колосович О. С., Смольяков П. П. Государственная защита участников уголовного судопроизводства как средство обеспечения их прав и законных интересов // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 10 (47). С. 2303—2309.

Олейник Екатерина Андреевна,
начальник кабинета кафедры информатики
и математики
Волгоградской академии МВД России
yekaterina.oleynik.96@mail.ru

1. Polyakov M. P. Criminal procedural interpretation of the results of investigative proceedings. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod legal academy; 2001: 260. (In Russ.).

2. Zamylin Ye. I., Namnyaseva V. V., Kolosovich M. S. Deliberately false denunciation and perjury: problems of determination of the nature and proving. Monograph. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2013: 296. (In Russ.).

3. Kolosovich M. S. The constitutional right of a suspect to lie and disclose the preliminary investigation data. In: Problems of modern jurisprudence. Collection of articles of the International scientific and practical conference. 15 February 2016. Volgograd: Publishing house Polikarpov I. L.; 2016: 128—133. (In Russ.).

4. Lobanova L. V. Is it necessary to subject the accused with criminal liability for giving deliberately false testimony? Justice of the Peace, 5—7, 2012. (In Russ.).

5. Kussmaul R. The right to lie and the right to silence as elements of the right to protection. Russian justice, 2003. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus". (In Russ.).

6. Teregulova A. A. The legal status of a suspect in the criminal process of Russia. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Chelyabinsk; 2008: 238. (In Russ.).

7. Kolosovich M. S., Kolosovich O. S., Smolyakov P. P. State protection of participants in criminal proceedings as a means of ensuring their rights and legitimate interests. Topical problems of Russian law, 2303—2309, 2014. (In Russ.).

Oleinik Yekaterina Andreyevna,
the chief of the cabinet of the department
of Informatics and mathematics
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
yekaterina.oleynik.96@mail.ru

Статья поступила в редакцию 19.09.2023; одобрена после рецензирования 29.09.2023; принята к публикации 17.11.2023.

The article was submitted 19.09.2023; approved after reviewing 29.09.2023; accepted for publication 17.11.2023.

* * *

УДК 343.123
doi: 10.25724/VAMVD.A198

**ВОЗБУЖДЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА
С «СУДЕБНОЙ ПЕРСПЕКТИВОЙ»:
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ**

Ярослава Петровна Ряполова, Яна Владимировна Черкасова
Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия
yarosslava@mail.ru

Аннотация. В работе освещаются проблемы, обусловленные стремлением практических работников обеспечивать благоприятную «судебную перспективу» каждому возбужденному ими уголовному делу, фактически ориентируясь при этом на достоверное установление обстоятельств происшествия, о противоправном характере которого поступает информация. Обобщены негативные тенденции правоприменительной практики, обусловленные неестественным переносом значительного объема доказательственной деятельности на этап доследственной проверки в угоду хорошей «судебной перспективы». При решении вопроса о возбуждении уголовного дела это чревато подменой понятий: достаточными данными, указывающими на признаки преступления, все чаще правоприменители признают такие, которые доподлинно свидетельствуют обо всех элементах состава преступления, в том числе о субъекте преступления или о реальной возможности его преследования в ходе предварительного расследования. Наоборот, неопределенная перспектива изобличения лица, совершившего преступление, приводит либо к отказу в принятии заявления, либо к неоднократным отказам в возбуждении уголовного дела с последующими отменами надзирающим прокурором, либо затягиванию сроков рассмотрения сообщения о преступлении, чем нарушается право гражданина на доступ к правосудию.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, судебная перспектива, основание для возбуждения уголовного дела, признаки преступления, проверка сообщения о преступлении

Для цитирования: Ряполова Я. П., Черкасова Я. В. Возбуждение уголовного дела с «судебной перспективой»: современные тенденции правоприменения // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 4 (67). С. 103—109. doi: 10.25724/VAMVD.A198

**INITIATING A CRIMINAL PROCEEDING
WITH A "JUDICIAL PERSPECTIVE":
CURRENT TRENDS IN LAW ENFORCEMENT**

Yaroslava Petrovna Ryapolova, Yana Vladimirovna Cherkasova
Southwest State University, Kursk, Russia, yarosslava@mail.ru

Abstract. The article renders upon the issues, that arise due to the practitioners' desire to ensure a positive "judicial perspective" to each initiated criminal case, while in fact taking into account the established circumstances of the unlawful act being reported. The paper summarises some negative aspects of law enforcement activity involving an unnatural transfer of a huge amount of evidentiary activity to the stage of preliminary investigation thus hoping to provide a positive "judicial perspective". On the stage of bringing a criminal case it might lead to the wrong term use: sufficient evidence necessary to identify a crime should in most cases corroborate all the elements of corpus delicti including subject of crime or actual chances of preliminary stage subject of crime prosecution. On the other hand, a vague perspective of a criminal's conviction might result either in reluctance to accept the written crime statement by police officials or numerous refusals to initiate a criminal proceeding followed by supervising prosecutor's withdrawal as well as delaying the crime statement processing therefore failing to observe the right of a person to justice.

© Ряполова Я. П., Черкасова Я. В., 2023

Исследование выполнено в рамках реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» (Соглашения № 075-15-2021-1155 и № 075-15-2021-1213).

Keywords: initiating a criminal proceeding, judicial perspective, grounds for bringing a criminal case, elements of crime, crime statement processing

For citation: Ryapolova Ya. P., Cherkasova Ya. V. Initiating a criminal proceeding with a "judicial perspective": current trends in law enforcement. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 103—109, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A198

Стадия возбуждения уголовного дела сконцентрировала в себе целый пласт трудноразрешимых проблем фундаментального и прикладного характера. Во многом они предопределены фрагментарностью правовой регламентации рассматриваемого института, сложностями в определении доказательственного значения результатов проверочных действий и процессуального статуса ключевых участников (заподозренное лицо, заявитель, опрашиваемое лицо и пр.), необеспеченностью гарантий своевременного участия защитника в ходе рассмотрения сообщения о преступлении. Отсюда проистекает непрекращающаяся дискуссия о роли и месте первоначальной стадии уголовного процесса в системе отечественного уголовного судопроизводства, о поэтапном реформировании досудебного производства, в котором спорная стадия будет вскоре упразднена. В настоящий момент акцент критики сместился в сторону недопустимого «раздувания» досудебного производства [1], неестественного переноса на данный этап значительного объема доказательственной деятельности, что свидетельствует о размывании границ между двумя стадиями досудебного производства.

За счет существенного расширения перечня следственных действий, допустимых при рассмотрении сообщений о преступлениях, сегодня субъект проверки ориентирован в первую очередь на решение задач в сфере уголовно-процессуального доказывания, роль собственных задач рассматриваемой стадии им недооценена [2]. Систему таких воззрений по многом предопределяет оценка «судебной перспективы» дела в ходе реализации уголовно-процессуальной деятельности в рамках досудебной проверки.

Интересно, что понятие «судебной перспективы», являясь расхожим выражением среди практикующих юристов, не имеет определения ни в нормативных источниках, ни в учебной литературе. Как справедливо замечает Ю. П. Гармаев, «максимально обоснованный и точный прогноз по поводу судебной перспективы, исходя из текущей оперативной, следственной, судебной ситуации по делу, — признак настоящего профессионала уголовного судопроизводства» [3, с. 178]. Автор определяет судебную перспективу как субъективную оценку профессиональных участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения (чаще в досудеб-

ных стадиях) вероятности направления в суд конкретного уголовного дела, в том числе прогноз итогового судебного решения. Такая оценка производится с точки зрения наличия (вероятности установления в будущем) состава преступления и доказательств, а также с учетом предполагаемого противодействия расследованию.

Необходимость оценки вероятности передачи дела в суд на этапе принятия решения о возбуждении уголовного дела обсуждается во многих публикациях специалистов в области криминалистической ситуалогии, среди процессуалистов отмечается также, что успех расследования и перспектива судебного рассмотрения дела во многом зависят от того, насколько полно и всесторонне будет проведена проверка сообщений и как быстро будет решен вопрос о возбуждении уголовного дела [4—6].

Определение судебной перспективы дела признается неотъемлемым элементом мыслительной деятельности и формирования внутреннего убеждения прокурора, основанным на анализе материалов проверки, т. е. непосредственно относится к сфере его профессиональных компетенций, проявляющихся в том числе в ходе осуществления надзорной деятельности в досудебном производстве [7]. Кроме того, как ориентирует В. Н. Исаенко, «при обнаружении признаков нарушения уголовного законодательства целесообразно оценить не только возможность направления материалов в орган предварительного расследования, но и судебную перспективу по уголовному делу, которое может быть возбуждено на основании постановления прокурора в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ» [8, с. 27].

В известной степени популяризация таких взглядов и установок в среде практикующих работников обусловлена появлением в системе отечественного уголовного судопроизводства института сокращенного дознания: изменения Федерального закона № 23-ФЗ от 4 марта 2013 г. закрепили возможность использовать результаты проверки сообщения о преступлении напрямую, т. е. без дополнительной проверки и дублирования проверочных действий на последующих этапах расследования. Процессуальная деятельность субъекта проверки предсказуемо стала нацеленной на получение сведений, подтверждающих причастность конкретного лица к совершению преступления, обеспечение

возможности использования полученных данных в качестве доказательств с учетом правил, толкуемых во взаимосвязи ч. 1.2 ст. 144 и ст. 226.5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) [9]. Устоявшийся механизм реализации гл. 32.1 УПК РФ отвел главенствующую роль в определении возможности производства дифференцированного дознания по материалам, имеющим перспективу проведения расследования в упрощенном порядке, в большей степени субъекту проверки сообщений о преступлении [10], нежели дознавателю, принявшему дело к своему производству.

Можно с уверенностью заключить, что сегодня возбуждение преимущественно «перспективных» уголовных дел — общепризнанный императив для правоприменителя, который ассоциируется с его профессионализмом, успешной реализацией принципа процессуальной экономии, соблюдением требования целесообразности применения мер уголовно-процессуальной репрессии при установлении определенного круга обстоятельств. Во всяком случае, такой тезис звучит в обсуждениях на самом высоком уровне.

Так, в недавно принятом законопроекте, касающемся введения процессуальных гарантий защиты лиц от необоснованного привлечения к уголовной ответственности за сбыт наркотических средств, Правительство РФ как субъект законодательной инициативы обстоятельно обосновало необходимость принятия адекватных мер по недопущению возбуждения уголовных дел по отдельным категориям преступлений в случае, если они не имеют судебных перспектив. Содержание ст. 140 УПК РФ дополнялось диспозицией о том, что уголовные дела по ст. 228.1 и 228.4 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) по факту незаконного сбыта наркотиков и психотропных веществ не могут возбуждаться при отсутствии сведений о передаче таких веществ другим лицам. В пояснительной записке приводились данные о том, что в 2019 г. из почти 26 тыс. уголовных дел, возбужденных в отношении неустановленных сбытчиков, в суд было направлено только 23 уголовных дела, причем по 3 делам обвиняемые были оправданы¹. Такое решение позволило исключить

¹ О внесении изменения в статью 140 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (в части обеспечения дополнительной защиты прав граждан от необоснованного преследования по уголовным делам о сбыте наркотических средств): законопроект № 916965-7. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/916965-7> (дата обращения: 01.08.2023).

практику возбуждения уголовных дел по факту обнаружения признаков наркотического опьянения у задержанного лица, когда наркотические вещества не идентифицировались и не изымались, а также когда невозможно было установить, как они попали в распоряжение задержанного.

Президент России В. В. Путин в своем выступлении 20 марта 2023 г. призвал не допускать возбуждения уголовных дел в отношении предпринимателей, когда нет судебных перспектив, это дестабилизирует работу целых трудовых коллективов и предприятий². Восприняв этот подход, как мы знаем, законодатель во многом пересмотрел процедуру привлечения к уголовной ответственности субъектов предпринимательской деятельности при совершении ими преступлений по «экономическим» статьям. Применительно к первоначальной стадии недавние изменения УПК РФ возвратили специальный повод для возбуждения уголовного дела о налоговых преступлениях³, а также закрепили новое основание для отказа в возбуждении уголовного дела по ряду преступлений в сфере налогообложения (ст. 198—199.1, 199.3, 199.4 УК РФ) при наличии данных о погашении недоимки по налогам и сборам, уплате штрафов и пеней⁴.

Однако у описанного судопроизводственного явления есть и обратная сторона. Установка на «судебную перспективу» с позитивным для стороны обвинения исходом автоматически расширяет предмет и пределы доследственной проверки, если следователь, установив достаточные данные, указывающие на признаки преступления, намерен собрать, сверх этого, дополнительный объем информации, раскрыть дополнительный эпизод преступной деятельности или круг соучастников, установить квалифицирующие признаки деяния, подстраховать результаты своей работы и пр. Верно прокомментировал эту ситуацию С. А. Шейфер: «Задачи стадии возбуждения уголовного дела нельзя сводить к бес-

² Расширенное заседание коллегии МВД от 20 марта 2023 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70744> (дата обращения: 01.08.2023).

³ О внесении изменений в статьи 140 и 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 9 марта 2022 г. № 51-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.09.2023).

⁴ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18 марта 2023 г. № 78-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.09.2023).

спорному установлению факта совершения преступления и выявлению на уровне достоверности всех субъективных и объективных элементов состава преступления, ибо это — задача последующей стадии — предварительного расследования» [11, с. 161].

Часто происходит подмена понятий: под достаточными данными, указывающими на признаки преступления, должностные лица понимают такие, которые достоверно свидетельствуют обо всех элементах состава преступления. Как отмечает О. И. Андреева, «речь идет не только о преступном деянии, что объясняется необходимостью квалификации деяния, но также и о лице, его совершившем, или о реальной возможности изобличения его в ходе предварительного расследования» [12, с. 111]. Практический работник, действуя от противного и предвосхищая события, при неясной перспективе судебного рассмотрения будущего уголовного дела в большей степени мотивирован на отказ в возбуждении уголовного дела, в отдельных случаях — отказ в принятии заявления, продлении срока проверки и пр.

Ожидаемым эффектом работы на «судебную перспективу» стало увеличение временных затрат на рассмотрение заявлений (сообщений) о преступлении, что фактически призвано восполнить известный дефицит времени в ходе расследования, особенно если идет речь об упрощенной форме дознания [13; 14]. Это постоянно побуждает правоприменителя расширять рамки доследственной проверки, в том числе посредством наработанных приемов следственной работы в «серой зоне» правоприменения (например, в случаях подготовки формально типовых отказных материалов при прогнозируемой отмене прокурором соответствующих постановлений¹, в случаях неоднократного перенаправления материалов по территориальной подследственности по подведомственности (террито-

риальности)² и др.), допускающих необоснованное «обнуление» сроков проверки и перерывы в процессуальной деятельности³.

Еще одной негативной тенденцией стремления обеспечить благоприятную «судебную перспективу» каждого возбужденного уголовного дела явилось ослабление значения конституционного требования допустимости доказательств [11]. Сказанное ярко иллюстрируют спорные случаи документирования различного рода «изъятий» предметов и документов в рамках проверочных мероприятий, проводимых, как мы знаем, в соответствии с законодательством в различных правовых режимах. Неправильное определение сотрудниками полиции или иного органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, своих функциональных обязанностей и, собственно, вида правоохранительной деятельности, в соответствии с которой они проводят подобные действия принудительного характера, впоследствии закономерно ставит вопрос о допустимости использования полученных результатов в качестве доказательств [15; 16].

Применительно к производству экспертиз в стадии возбуждения уголовного дела тоже идет своего рода упрощение процессуального порядка их назначения и проведения в силу того, что отдельные процессуальные действия, регламентированные гл. 27 УПК РФ, не проводятся в принципе (заявление дополнительных вопросов, отводов эксперту, получение согласия пострадавшего, опрашиваемого лица на производство в отношении них экспертизы, ознакомление участников проверки с постановлением о назначении экспертизы и ее результатами и пр.). Стоит признать, что правило, обеспечивающее сторону защиты в ст. 144 УПК РФ правомочие инициировать назначение дополнительной или повторной экспертизы (и в каждом случае такое ходатайство подлежит императивному

¹ Суд при рассмотрении иска о присуждении компенсации за нарушение права на уголовное судопроизводство в разумный срок установил, что органами предварительного следствия 12 раз выносились аналогичные постановления об отказе в возбуждении уголовного дела с последующей отменой их прокурором, общая продолжительность досудебного производства по уголовному делу, начиная со дня подачи заявления о преступлении до дня прекращения уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, по делу составила 8 лет 14 дней (см.: Апелляционное определение Свердловского областного суда от 24.07.2019 по делу № 33а-11487/2019 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.09.2023)).

² Суд при рассмотрении иска о присуждении компенсации за нарушение права на уголовное судопроизводство в разумный срок установил, что материал проверки заявления о преступлении перенаправлялся 6 раз в разные отделы полиции для принятия решения в порядке статей 144, 145 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (по территориальности) (см.: Решение Саратовского областного суда от 30.11.2017 по делу № 3а-94/2017 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.09.2023)).

³ Нечто против Российской Федерации (Nechto v. Russia): постановление Европейского суда от 21 января 2012 г., жалоба № 24893/05 // Российская хроника Европейского суда. 2013. № 3.

удовлетворению), оказалось на деле скорее декларацией, нежели руководством к действию, поскольку суды по-своему интерпретировали законодательные установления на этот счет. В судебных решениях основания для назначения повторных или дополнительных экспертиз в подобных случаях толкуются и учитываются во взаимосвязи с общими требованиями, закрепленными в ст. 207 УПК РФ¹. Это значит, что при желании обвиняемого оспорить подготовленное до возбуждения уголовного дела заключение эксперта либо провести новую экспертизу не являются достаточными основаниями ни позднее ознакомление с результатами исследования (иногда уже по окончании расследования), ни иные допущенные нарушения прав, предусмотренных ч. 3 ст. 195, ст. 198, 206 УПК РФ [17].

Немаловажную роль играют установленные на ведомственном уровне критерии оценки эффективности работы правоохранителей. В частности, высокий процент прекращения уголовных дел оценивается руководящим составом правоохранительных органов как брак в работе, а также имеет

¹ Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 16.06.2015 № 14-АПУ15-3сп // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.09.2023).

место поведенческая интерпретация закона в угоду статистике, чтобы «бесперспективное» преступление не подпортило последнюю [18].

Таким образом, реалии современной правоприменительной практики таковы, что наличие «судебной перспективы» в определенных случаях воспринимается как негласное основание для возбуждения уголовного дела, очевидные стремления следователя или дознавателя подстраховать результаты своей работы, установить виновного и предугадать исход уголовного дела на этапе проверки первичной информации о преступлении имеют свои причины и следствия как правового, так и неправового характера. Налицо трансформация правосознания правоприменителя: в случае неочевидного преступления и неопределенной судебной перспективы его раскрытия следователю предпочтительнее отсрочить принятие решения по поступившему поводу в силу «заложенных» в УПК РФ механизмов неоднократного продления сроков проверки либо отказать в возбуждении уголовного дела, нежели переходить в режим долгосрочного расследования или рисковать прекращением уголовного дела в будущем. В результате лицо, потерпевшее от преступления, не получает своевременного и обоснованного решения по своему обращению, ущемляется его право на доступ к правосудию.

1. Деришев Ю. В. Реликт социалистической законности мутирует // Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 6 (102). С. 71—76.

2. Муравьев К. В. «Пропась» между теорией и практикой возбуждения дел — результат уголовно-процессуальной политики // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 2 (34). С. 453—457.

3. Гармаев Ю. П. Концепция «Судебная перспектива по уголовному делу» и криминалистическая ситуалогия // Вестник Бурятского государственного университета. Серия «Философия». 2013. № 2. С. 177—181.

4. Румянцева М. О. Возбуждение уголовного дела: проблемы и перспективы: монография. Москва: Юстицинформ, 2019. 148 с.

5. Титенко Ю. Е. Судебная перспектива как негласное основание возбуждения уголовного дела // Евразийский юридический журнал. 2022. № 9 (172). С. 354—356.

6. Столповский Д. М. Причины и условия, влекущие прекращение уголовных дел, имеющих судебную перспективу // Научный портал МВД России. 2009. № 2. С. 22—29.

1. Derishev Yu. V. Relic of socialist legality is mutating. Russian law: education, practice, science, 71—76, 2017. (In Russ.).

2. Muravyov K.V. "The Gap" between theory and practice of initiating cases is the result of criminal procedure policy. Legal science and practice. Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Internal Affairs of Russia, 453—457, 2016. (In Russ.).

3. Garmayev Yu.P. The concept of "Judicial perspective on the criminal case" and forensic situalogy. Bulletin of Buryat State University. Philosophy, 177—181, 2013. (In Russ.).

4. Rummyantseva M. O. Institution of criminal proceedings: problems and prospects. Monograph. Moscow: Yustitsinform; 2019: 148. (In Russ.).

5. Titenko Yu. E. The Prospect of Litigation is the Specific Institution of Criminal Proceeding. Eurasian law journal, 354—356, 2022 (In Russ.).

6. Stolpovskiy D. M. Causes and conditions contributing to the suspension of criminal cases with judicial perspective. Scientific Portal of the Ministry of Interior of Russia, 22—29, 2009. (In Russ.).

7. Данилова Н. А., Николаева Т. Г. К вопросу о действии права в уголовном судопроизводстве // Криминалист. 2014. № 2. С. 34—41.

8. Исаенко В. Н. Возможности использования рекомендаций криминалистики и специальных знаний при осуществлении прокурорского надзора за исполнением законов // Законность. 2018. № 6. С. 25—29.

9. Никифорова Ю. Л. Особенности доказывания в сокращенной форме дознания: практический аспект // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12, № 4 (46). С. 610—615.

10. Плеснева Л. П., Соколова О. В. Особенности доказывания при производстве дознания в сокращенной форме // Право и государство: теория и практика. 2017. № 4. С. 122—125.

11. Шейфер С. А. Трансформация стадии возбуждения уголовного дела в связи с принятием ФЗ-23 от 4 марта 2013 года // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия «Юридические науки». 2014. № 2. С. 160—165.

12. Андреева О. И. О необходимости стадии возбуждения уголовного дела в современном уголовном процессе России // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 356. С. 109—112.

13. Панокин А. М. Дознание в сокращенной форме // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 5. С. 914—918.

14. Шпагина Ю. В. О современном состоянии сокращенной формы дознания // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 1. С. 112—123.

15. Александров А. И., Елагина Е. В., Хара-тишвили А. Г. Изъятие предметов, веществ и материалов до возбуждения уголовного дела: основания, проблемы и пути их решения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. Т. 11, № 4. С. 936—949.

16. Ряполова Я. П. Использование потенциала оперативно-разыскной деятельности в решении задач стадии возбуждения уголовного дела: проблемные вопросы теории и практики // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия «История и право». 2021. Т. 11, № 1. С. 38—50.

17. Ковтун Н. Н. Судебное толкование: фактор определенности российского уголовно-процессуального права // Уголовное судопроизводство. 2018. № 1. С. 20—26.

18. Трухин С. А. Значение и перспективы совершенствования стадии возбуждения уголовного дела // Российский судья. 2017. № 11. С. 28—32.

7. Danilova N. A., Nikolayeva T. G. On the issue of the operation of law in criminal proceedings. Criminalist, 34—41, 2014. (In Russ.).

8. Isayenko V. N. Possibilities to apply recommendations of criminalistics and special knowledge in the implementation of prosecutorial supervision over execution of laws. Legality, 25—29, 2018. (In Russ.).

9. Nikiforenko Yu. L. Specific of proving in the reduced form of inquiry: the practical aspect. Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 610—615, 2021. (In Russ.).

10. Plesneva L. P., Sokolova O. V. Specific of proving in inquiry process in the reduced form. Law and state: theory and practice, 122—125, 2017. (In Russ.).

11. Plesneva L. P., Sokolova O. V. Specific of proving in inquiry process in the reduced form of the Federal Law — 23 from March 4, 2013. Science Vector of the Togliatti State University. Series "Legal sciences", 160—165, 2014. (In Russ.).

12. Andreyeva O. I. On the necessity of criminal case initiating in present-day criminal proceedings in Russia. Tomsk State University Journal, 109—112, 2012. (In Russ.).

13. Panokin A. M. Reduced inquiry. Topical problems of Russian law, 914—918, 2014. (In Russ.).

14. Shpagina Y. V. On the current state of the reduced form of inquiry. Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 112—123, 2021. (In Russ.).

15. Aleksandrov A. I., Yelagina Ye. V., Kharatishvili A. G. Seizure of objects, substances and materials before the initiation of criminal proceedings: procedural grounds, problems and ways to solve them. Vestnik of Saint Petersburg University. Law, 936—949, 2020. (In Russ.).

16. Ryapolova Ya. P. Use of the potential of detective activities in solving problems of stages of initiation of a criminal case: issues of theory and practice. Proceedings of the Southwest State University. Series: History and law, 38—50, 2021. (In Russ.).

17. Kovtun N. N. Judicial interpretation: factor of certainty in Russian criminal procedural law. Criminal proceeding, 20—26, 2018. (In Russ.).

18. Trukhin S. A. Meaning and prospects of criminal case initiation stage improvement. Russian judge, 28—32, 2017. (In Russ.).

Ряполова Ярослава Петровна,
доцент кафедры уголовного процесса
и криминалистики
Юго-Западного государственного
университета,
кандидат юридических наук, доцент;
yaroslava@mail.ru

Ryapolova Yaroslava Petrovna,
associate professor at the department
of criminal procedure and criminalistics
of the Southwest State University,
candidate of juridical sciences, docent;
yaroslava@mail.ru

Черкасова Яна Владимировна,
лаборант кафедры уголовного процесса
и криминалистики
Юго-Западного государственного
университета;
yaroslava@mail.ru

Cherkasova Yana Vladimirovna,
laboratory assistant at the department
of criminal procedure and criminalistics
of Southwest State University;
yaroslava@mail.ru

Статья поступила в редакцию 30.08.2023; одобрена после рецензирования 08.09.2023; принята к публикации 17.11.2023.

The article was submitted 30.08.2023; approved after reviewing 08.09.2023; accepted for publication 17.11.2023.

* * *

УДК 343.123

doi: 10.25724/VAMVD.A199

**ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ
ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ПРОВЕРКИ
И ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ,
СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ЗАВЛАДЕНИЕМ
КУЛЬТУРНЫМИ ЦЕННОСТЯМИ**

Сергей Александрович Янин

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия

s.yanin1@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена специфике процессуальной проверки фактов, связанных с незаконным завладением культурными ценностями. Рассмотрены предназначение и структура проверочной деятельности следователя, ее объем и расставляемые акценты. Представлены виды важнейших обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовным делам о преступлениях рассматриваемой категории. Описаны особенности вектора проверочных мероприятий в случаях, когда похищенный предмет официально обладает статусом культурной ценности, и причины снижения их эффективности, когда он таковым не числится. Перечислены специфические обстоятельства, образующие в совокупности характер и степень причиненного преступлением вреда в случае тайного либо открытого хищения культурных ценностей, а также завладения археологическими предметами, указаны проблемы, характерные для обнаружения признаков незаконных раскопок. Охарактеризованы особенности установления противоправности действий, совершенных в отношении культурных ценностей: при хищении культурных ценностей; при незаконном поиске и изъятии археологических предметов из мест залегания. Отмечено влияние времени совершения преступления на содержание проверочных действий по горячим следам, а также способа совершения — на квалификацию преступления. Представлены также иные задачи процессуальной проверки данных фактов. Перечислены позиции, с которых следователю необходимо оценить собранный в рамках проверки материал в целях принятия законного и обоснованного решения в порядке ст. 145 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, раскрыто содержание относимости, допустимости и достаточности собранных данных.

Ключевые слова: преступление, проверочные действия, культурные ценности, возбуждение уголовного дела

Для цитирования: Янин С. А. Особенности проведения предварительной проверки и возбуждения уголовного дела о преступлениях, связанных с незаконным завладением культурными ценностями // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 4 (67). С. 110—116. doi: 10.25724/VAMVD.A199

**SPECIFICS TO CONDUCT A PRELIMINARY CHECK
AND INITIATE A CRIMINAL CASE FOR CRIMES
RELATED TO THE ILLEGAL TAKING POSSESSION
OF CULTURAL PROPERTY**

Sergey Alexandrovich Yanin

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, s.yanin1@yandex.ru

Abstract. The article deals with specifics to conduct the procedural check of facts related to the illegal taking possession of cultural property. The author:

- considers the purpose and structure of the investigator's check activity, its scope and accents made;
- analyzes the types of the most important circumstances to be proved in criminal cases for crimes of the mentioned category;

- describes specifics of the vector of check measures in cases when the stolen item has the status of cultural property officially, as well as the reasons to reduce their effectiveness when it is not stated as such one;
- lists the specific circumstances that taken together form the nature and degree of the harm caused by the crime, if the cultural property was stolen in a secret or open manner, as well as taking possession (of) archaeological objects;
- indicates problems specific to discover marks of illegal excavations;
- characterizes specifics to establish the illegal nature of actions committed in relation to cultural property: while stealing it or searching and seizing archaeological objects from places to be located.
- demonstrates the influence of both time the crime has been committed on the content of check actions "in hot pursuit", and the method of commission on the crime qualification.
- presents other tasks of procedural check of these facts.
- lists positions necessary for the investigator to evaluate data collected while checking in order to take a legitimate and reasonable decision in accordance with Article 145 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation;
- demonstrates the content of relevance, admissibility and sufficiency of the collected data.

Keywords: crime, check actions, cultural property, criminal case initiating

For citation: Yanin S. A. Specifics to conduct a preliminary check and initiate a criminal case for crimes related to the illegal taking possession of cultural property. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 110—116, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A199

Возбуждение уголовного дела в соответствии с российским уголовно-процессуальным законодательством возможно при наличии обозначенного в законе повода — источника, из которого правоохранительному органу становится известно о совершении преступления, и оснований — фактических данных, свидетельствующих о наличии признаков состава преступления в произошедшем событии.

Установить наличие таких признаков призвана предварительная (или процессуальная) проверка, заключающаяся в производстве неотложных следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий в целях установления и закрепления материальных следов возможного преступления, сбора максимального объема информации о нем от участников — потерпевших, очевидцев, иных свидетелей, лиц, совершивших проверяемые действия.

Как пишет М. В. Кардашевская, предназначением этапа проверки сообщения о преступлении является «сбор в ходе производства следственных действий и проверочных мероприятий сведений о том, что совершено преступление» [1, с. 17].

Необходимость производства такой проверки вызвана, по мнению А. Н. Калюжного, не только неполнотой данных, указывающих на элементы совершенных составов преступлений, но и объемом организационных, оперативных и процессуальных задач, решаемых на стадии возбуждения уголовного дела» [2, с. 60].

Структура процесса рассматриваемой проверочной деятельности состоит, как указывает В. П. Лавров, из следующих этапов:

«1) анализ сведений, изложенных в принятом и зарегистрированном сообщении, в целях выявления наличия в его содержании и прилагаемых к нему документах и предметах признаков, достаточных для возбуждения уголовного дела;

2) собирание (при необходимости) дополнительной информации о таких признаках с использованием средств и методов, предусмотренных ст. 144 УПК РФ;

3) анализ всех полученных в процессе приема, регистрации и проверки сообщения сведений с оценкой их совокупности, завершающийся принятием решения о возбуждении уголовного дела, об отказе в возбуждении уголовного дела либо о передаче сообщения по подследственности в соответствии со ст. 151 УПК РФ, а при наличии в сообщении признаков, необходимых для возбуждения уголовного дела частного обвинения, — в суд в соответствии с ч. 2 ст. 20 УПК РФ» [3, с. 113].

Очевидно, что объем проверочных действий, их направленность и специфика определяются особенностями проверяемого события. Так, акцент при проведении проверки по факту незаконного оборота наркотиков, оружия делается на установлении факта отнесения изъятого вещества (предмета) к запрещенным; по факту причинения вреда здоровью — на установлении степени его тяжести и т. п.

Преступления, связанные с завладением культурными ценностями, также детерминируют виды и содержание проводимых мероприятий в рамках предварительной проверки данных фактов. Эти противоправные действия направлены на незаконное

изъятие у собственника (как физических, так и юридических лиц, в том числе государства в целом) и обращение в свою пользу культурных ценностей — «движимых предметов материального мира независимо от времени их создания, имеющих историческое, художественное, научное или культурное значение»¹.

Опасность таких преступлений состоит не только в причинении имущественного вреда законному владельцу, но и нанесении существенного ущерба отечественной культуре, «обедняемой» подобными деликтами. Из всего комплекса преступлений, совершаемых в отношении культурного наследия народов России вообще и культурных ценностей в частности, мы относим к преступлениям, связанным непосредственно с завладением указанными предметами, следующие:

1) хищение предметов, имеющих особую ценность (ст. 164 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ));

2) незаконный поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания (ст. 243.2 УК РФ);

3) уклонение исполнителя земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных или иных работ либо археологических полевых работ, осуществляемых на основании разрешения (открытого листа), от обязательной передачи государству обнаруженных при проведении таких работ предметов, имеющих особую культурную ценность, или культурных ценностей в крупном размере (ст. 243.3 УК РФ).

Очевидно, что в связи со спецификой каждого из перечисленных видов преступлений разнятся и алгоритмы предварительной проверки данных фактов, а также их расследования. Тем не менее имеются и определенные концептуальные сходства, производные от особенностей предмета преступного посягательства — культурных ценностей. Так, в первом случае это, как правило, антиквариат — предметы декоративно-прикладного искусства, живописи, скульптуры и т. п., находящиеся в обороте (в собственности граждан, музеев, различных учреждений и организаций); во втором — археологические предметы, созданные свыше 100 лет назад и сокрытые в земле (под водой). Однако все перечисленные предметы являются культурными ценностями, имеющими определенное значение для отечественной и мировой истории, науки и культуры.

¹ О ввозе и вывозе культурных ценностей: закон Российской Федерации от 15 апреля 1993 г. № 4804-1 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.09.2023).

Общей задачей предварительной проверки данных фактов является установление двух видов важнейших обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу. Рассмотрим их подробнее.

1. Характер и размер вреда, причиненного преступлением

Конечно, данное обстоятельство в полном объеме может быть установлено только в результате полноценного расследования. Однако задачей предварительной проверки в этом контексте является установление факта отнесения предмета, на который совершено противоправное посягательство, к культурным ценностям. Этот факт является, безусловно, определяющим и для квалификации действий лица как противоправных в зависимости от вида предмета и способа совершения преступления, и для организации проверочных мероприятий и следственных действий на первоначальном этапе расследования.

В случае совершения преступления, предусмотренного ст. 164 УК РФ, действия правоохранительных органов в ходе предварительной проверки определяются отнесением похищенного предмета к имеющим особую ценность. Например, в случае хищения из музея либо иной организации, у частного лица учтенного и каталогизированного предмета, имеющего статус культурной ценности, одной из задач проверочных мероприятий является максимальное информирование о преступлении правоохранительных органов (включая таможенные), в том числе иностранных государств. Это происходит посредством постановки названного предмета на учет в качестве похищенного, как внутри страны (ИБД «Антиквариат»), так и в рамках деятельности международной организации уголовной полиции «Интерпол». Делается это для того, чтобы не допустить переправки похищенной ценности за границу Российской Федерации либо, если такое все-таки произошло, ее последующего сбыта.

Так, в 1976 г. из собрания музея-заповедника «Дмитровский кремль» г. Дмитров Московской области неустановленными лицами была похищена картина И. Айвазовского «Море». Благодаря постановке ее на учет как похищенной и тесному взаимодействию российских правоохранительных органов с Интерполом спустя свыше 40 лет после кражи — в сентябре 2017 г. — она была обнаружена на торгах аукционного дома в Швейцарии. Картина, оценочная стоимость которой составляет более 1 млн долларов, была снята

с торгов и возвращена в Российскую Федерацию¹.

Владение информацией о том, что похищенное имеет особый правовой статус, придает специфический вектор проверочным мероприятиям — работе с подучетным контингентом в данной сфере, необходимости проверки ломбардов, аукционов, антикварных магазинов; широкому информированию коллекционеров и торговых домов, специализирующихся на предметах искусства, о факте хищения и т. п.

Таким образом, в данном случае максимум усилий правоохранительных органов можно направить в определенном направлении, наиболее вероятном для успешного раскрытия и расследования преступления, что не может не отразиться на эффективности подобных «кумулятивных» мер.

Проблемой является случай, когда похищенный предмет не внесен в каталог Музейного фонда Российской Федерации. Соответственно, отсутствует информация не только об отнесении его к культурным ценностям, а порой и тщательное физическое описание, поэтому он является «простым» имуществом, и уголовное дело возбуждается по соответствующей статье УК РФ в зависимости от формы хищения — как кража, мошенничество, присвоение или растрата, грабеж, разбой.

В этом случае силы и средства правоохранительных органов в ходе проверки и последующего расследования «распыляются» по многим направлениям в соответствии с выдвинутыми версиями (касающимися отнюдь не только целенаправленного хищения предмета, обладающего культурной ценностью), что снижает быстроту, наступательность и эффективность деятельности по установлению лица, совершившего преступление, и места нахождения похищенного имущества.

Кроме имущественного вреда, причиненного собственнику, при совершении насильственного хищения (грабеж, разбой), также может быть причинен физический вред владельцу похищенного либо иным лицам, оказавшимся случайными свидетелями, охранниками и т. п. Поэтому в ходе проверки необходимо выяснить степень причиненного вреда здоровью таких лиц.

При совершении преступлений, предусмотренных ст. 243.2 и 243.3 УК РФ, в случае задержания

преступников с поличным на месте происшествия задачей проверки также является отнесение обнаруженных у задержанного лица предметов к археологическим — т. е. являющимся культурными ценностями — и находящимся поэтому исключительно в государственной собственности.

Проблемы при проверке возникают в случаях, когда имеет место обнаружение лишь признаков незаконных раскопок в отсутствие подозреваемого лица. Само по себе выявление правоохранительными органами следов незаконных раскопок не предусматривает наличия информации о том, какие именно предметы были обнаружены и незаконно изъяты нелегальными поисковиками, относятся ли они к археологическим, поэтому процесс проверки заключается в закреплении факта противоправных поисковых земляных работ на определенной территории (объекта культурного или археологического наследия), приобщении документов, подтверждающих ее особый охранный статус и проведении оперативно-разыскных мероприятий, направленных на установление интересующей следствия информации.

При обнаружении предполагаемых незаконных раскопок необходимо установление фактов производства земляных (подводных) работ, направленных на обнаружение и изъятие археологических предметов, обязательным результатом которых явилось повреждение или уничтожение культурного слоя, т. е. причинение вреда культурному наследию народов России.

2. Противоправность предпринятых в отношении культурных ценностей действий, увязанных с местом и способом их совершения

В случае предполагаемого хищения ценностей (в рамках как ст. 164 УК РФ, так и иных — ст. 158—162 УК РФ) необходимо установить, действительно ли они были похищены, а не взяты / перемещены родственниками, иными лицами по какой-либо причине, не имеет ли место инсценировка преступления, подтверждается ли вообще чем-либо факт нахождения ценностей у заявителя.

При выявлении незаконных раскопок подлежат выяснению:

— правовой статус местности, где они проводились (является ли она объектом культурного либо археологического наследия);

— факт отсутствия у фигуранта разрешения (открытого листа) на проведение археологических полевых работ (в противном случае, при наличии такого разрешения на производство работ в конкретной местности, его действия являются правомерными и не содержат состава преступления;

¹ См. подробнее: Похищенную картину Айвазовского нашли на аукционе в Швейцарии // Известия: сайт. URL: <https://iz.ru/652003/2017-09-29/pokhishchennuiu-kartinu-ayvazovskogo-nashli-na-auktcione-v-shveitsarii> (дата обращения: 10.09.2023).

возможны лишь признаки административных правонарушений, связанные с нарушением порядка проведения указанных работ);

— использование в ходе незаконных раскопок поисковых технических средств (металлоискателей), землеройной техники.

Так, 17 сентября 2013 г. Ю. В. Мишуков в период примерно с 11 часов 30 минут по 16 часов 30 минут, находясь на территории «Городища „Арба“», умышленно, при помощи лопат, металлического лома и металлоискателя MINELAB производил раскопки в границах земельного участка и на территории «Городища „Арба“». В ходе поисков Ю. В. Мишуковым были обнаружены и изъяты из земли археологические предметы — два амулета в виде двух concentрических кругов с шарообразными утолщениями и семью лучами, браслет в один оборот с несомкнутыми концами, являющиеся аланской археологической культурой Северного — Западного Кавказа (VIII—X вв. н. э.). В результате этого был уничтожен культурный слой памятника археологии — «Городище „Арба“» на площади 10 кв. м.

В ходе проверочных мероприятий по данному факту было установлено, что названный участок являлся, согласно закону Краснодарского края, памятником археологии, объектом культурного, археологического наследия народов Российской Федерации. Кроме того, действовал Ю. В. Мишуков незаконно, не имея на то специального разрешения (открытого листа) Министрства культуры Российской Федерации¹.

Время совершения преступления (а по сути, конкретный срок, прошедший с момента его совершения) влияет лишь на содержание проверочных действий в целях раскрытия преступления по горячим следам. Место его совершения при этом имеет важное значение в силу того, что определяет дальнейшую квалификацию содеянного.

Например, хищение с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище образует квалифицированные составы соответствующих преступлений (например, п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ, п. «в» ч. 2 ст. 161 УК РФ и т. п.).

Незаконные раскопки, проводимые в целях обнаружения и изъятия археологических предметов в границах территории объекта культурного наследия, включенного в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации,

или выявленного объекта культурного наследия, образуют квалифицированный состав преступления, предусмотренный ч. 2 ст. 243.2 УК РФ.

Иные обстоятельства, предусмотренные ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) (виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы и др.), могут быть установлены только в ходе последующего расследования, поэтому речи о них в ходе предварительной проверки, как правило, не идет (за исключением, пожалуй, обстоятельств, исключаяющих преступность и наказуемость деяния, таких как, например, недостижение лицом, совершившим преступление, возраста привлечения к уголовной ответственности, если данный факт становится известным на стадии проверки).

Кроме перечисленных выше, задачей проверки является также установление других значимых для дела обстоятельств (свидетелей и очевидцев произошедшего, иных лиц, которые могут предоставить интересующую следствие информацию, и т. п.).

Таким образом, предварительная проверка является, по сути, «мини-расследованием», призванным установить достаточную минимальную совокупность обстоятельств, свидетельствующих о наличии признаков преступления в отношении культурных ценностей в изучаемом событии. Особенности ее детерминированы предметом преступного посяательства и способом совершения преступления.

Перед принятием решения в порядке ст. 145 УПК РФ следователю необходимо оценить все собранные материалы с позиций относимости, допустимости и достаточности, т. е. по критериям, применяющимся к оценке доказательств в уголовном судопроизводстве. Такая необходимость диктуется как ответственностью следователя за принятое им процессуальное решение о возбуждении уголовного дела (либо отказе в таковом или направлении по подследственности), так и предписанием подп. 1.2 п. 1 ст. 144 УПК РФ, который предусматривает возможность использования сведений, полученных в ходе проверки, только при соблюдении положений ст. 75 и 89 УПК РФ.

В то же время относимость сведений в материалах проверки должна означать их непосредственную связь с обстоятельствами, подлежащими доказыванию в ходе расследования (касающимися отнесения похищенного к культурным ценностям, установления способа совершения преступления, применения обнаруженных следов для установления личности преступника и т. п.).

Допустимость — важнейшее «процессуальное» свойство оцениваемых следователем сведений,

¹ Уголовное дело № 1-35/2014 // Архив Отрядненского районного суда Краснодарского края.

в силу которого они должны быть получены путем, предусмотренным законодательными и ведомственными нормативными актами (как правило, в таких случаях имеется ввиду соответствие требованиям законодательства материалов оперативно-разыскной деятельности, чтобы они впоследствии могли быть использованы как доказательства по уголовному делу). Следователю необходимо обратить внимание как на формальные признаки представленных материалов (наличие необходимых реквизитов, дат, подписей и т. п.), так и на их содержание, которое должно не противоречить закону.

Достаточность собранных в ходе проверки материалов предусматривает такую их совокупность, которая дает основание следователю принять законное и обоснованное решение по материалу проверки. С учетом особенностей анализируемых преступлений «достаточность» подразумевает наличие достоверной информации о правовом статусе похищенного имущества (в случае совершения преступлений, предусмотренных ст. 164, 158—162 УК РФ), степени причиненного преступлением вреда (в том числе физического), правовом статусе участка местности, на котором производились незаконные раскопки и т. п. Если проводились оперативно-разыскные мероприятия, надлежит проверить комплектность и полноту составленных при этом документов.

Например, материал проверки по факту совершения преступления, предусмотренного ст. 243.2 УК РФ, могут составлять, в числе прочих, следующие документы: протокол осмотра места происшествия; паспорт объекта культурного наследия; объяснения очевидцев, сотрудников органов охраны культурного наследия; справка специалиста об отнесении обнаруженных предметов к археологическим и т. п. [4; 5].

В случае если проводилось такое оперативно-разыскное мероприятие, как проверочная закупка (например, археологических предметов либо иных похищенных культурных ценностей), в составе материалов оперативно-разыскной деятельности должны присутствовать не только объяснения

участников мероприятия, задержанного лица, заказчика, но постановления о проведении мероприятия, рассекречивании материалов оперативно-разыскной деятельности, передаче материалов оперативно-разыскной деятельности следователю в соответствии с требованиями «Инструкции о порядке представления результатов оперативно-разыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд»¹ и т. д. К сожалению, как показывает практика, не все сотрудники органа дознания владеют информацией о том, как надлежащим образом установить, проверить и закрепить перечисленные выше факты, в связи с чем часто возникает необходимость в доработке представляемых в следственное подразделение материалов проверки.

Только после этого, проанализировав собранные сведения относительно факта произошедшего события, следователю можно будет возбудить уголовное дело и приступить к производству всего предусмотренного УПК РФ комплекса следственных действий (либо, что бывает реже, отказать в возбуждении уголовного дела или направить материалы по подследственности).

Представляется, что соблюдение следователем перечисленных рекомендаций в рамках изучения материалов предварительной проверки фактов незаконного завладения культурными ценностями будет способствовать принятию обоснованного решения в порядке ст. 145 УПК РФ, что, в свою очередь, положительно повлияет на эффективность деятельности органов внутренних дел по борьбе с посягательствами на культурное достояние народов России.

¹ Об утверждении Инструкции о порядке предоставления результатов оперативно-разыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: приказ МВД России, МО России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, СК России от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 // Справ.-правовая система «Консультант-Плюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.09.2023).

1. Кардашевская М. В. Периодизация расследования преступлений как основа для формирования криминалистических методик // Российский следователь. 2020. № 5. С. 17—20.

2. Калужный А. Н. Предварительная проверка сообщений о преступлениях: понятие и этапы производства // Юридическая наука. 2013. № 1. С. 60—62.

1. Kardashevskaya M. V. Periodization of crime investigation as a basis to form criminalistics techniques. *Russian Investigator*, 17—20, 2020. (In Russ.).

2. Kalyuzhny A. N. Preliminary check of crime reports: the concept and stages. *Legal Science*, 60—62, 2013. (In Russ.).

3. Lavrov V. P. Problems of preliminary check of crime reports under modern Russian conditions.

3. Лавров В. П. Проблемы предварительной проверки сообщений о преступлениях в современных российских условиях // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 4 (44). С. 111—114.

4. Янин С. А. Специфика процессуальной проверки сведений о совершении преступлений, предусмотренных ст. 243.2 и 243.3 УК РФ // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2021. № 1 (91). С. 150—157.

5. Янин С. А., Янина Т. Н., Горелов М. Г. Расследование преступлений, предусмотренных статьями 243.2 и 243.3 Уголовного кодекса Российской Федерации. Волгоград: ВА МВД России, 2022. 92 с.

Янин Сергей Александрович,
профессор кафедры
организации следственной работы
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
s.yanin1@yandex.ru

Research works of the Academy of Management of the Ministry of Interior of Russia, 111—114, 2017. (In Russ.).

4. Yanin S. A. Specifics of procedural check of information related to the commission of crimes provided by Art. 243.2 and 243.3 of the Criminal Code of the Russian Federation. Bulletin of Ufa Law Institute of MIA of Russia, 150—157, 2021. (In Russ.).

5. Yanin S. A., Yanina T. N., Gorelov M. G. Investigation of crimes provided by Articles 243.2 and 243.3 of the Criminal Code of the Russian Federation. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia; 2022: 92. (In Russ.).

Yanin Sergey Alexandrovich,
professor at the department
of organization of investigative work
of the educational and scientific complex
on the preliminary investigation
in the Internal Affairs Bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
s.yanin1@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 27.09.2023; одобрена после рецензирования 06.10.2023; принята к публикации 17.11.2023.

The article was submitted 27.09.2023; approved after reviewing 06.10.2023; accepted for publication 17.11.2023.

* * *

УДК 343.985.7:343.34
doi: 10.25724/VAMVD.A200

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В КИБЕРСРЕДЕ

Святослав Юрьевич Бирюков*, Алексей Викторович Трубчанинов**

* Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия, Bir.slav@yandex.ru

** Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, trav34rus@mail.ru

Аннотация. Информационные технологии прочно вошли в жизнь современного общества, где индивидуум уже не мыслит себя, свою жизнь без мобильного устройства либо без информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Однако данные технологии, являясь неоспоримым благом, приобрели и характер источника угроз для комфортного существования общества: появились новые виды преступлений, вид, их изощренность и количество растут быстрыми темпами. В связи с этим стало очевидно (и данные официальной статистики это подтверждают), что правоохранительные органы не в полной мере эффективно противодействуют такого рода угрозам. Тому есть множество причин, одной из которых является недостаточная осведомленность субъектов расследования о возможностях, предоставляемых им так называемыми открытыми интернет-ресурсами, а вместе с тем владение информацией о возможностях подобных интернет-платформ во многом могли бы способствовать увеличению информационной составляющей процесса расследования преступлений в сфере информационных и телекоммуникационных технологий, что, в свою очередь, оказало бы положительное влияние на эффективность противодействия таким видам преступлений и правонарушений.

Ключевые слова: расследование, противодействие, киберсреда, преступность, информационные технологии, телекоммуникационные технологии, мобильные устройства, Интернет, провайдер

Для цитирования: Бирюков С. Ю., Трубчанинов А. В. Отдельные аспекты информационного обеспечения противодействия преступности в киберсреде // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 4 (67). С. 117—123. doi: 10.25724/VAMVD.A200

SOME ASPECTS OF INFORMATION SUPPORT TO COUNTERACT CYBERCRIME

Svyatoslav Yurievich Biryukov*, Alexey Victorovich Trubchaninov**

* Volgograd State University, Volgograd, Russia, Bir.slav@yandex.ru

** Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, trav34rus@mail.ru

Abstract. Information and telecommunication technologies have drastically transformed modern society becoming its existential part with an individual getting more and more addicted to the Internet or mobile devices. In spite of being a considerable advantage new technological capabilities have become a major threat to adequate society existence promoting new sophisticated types of crimes the number of which is constantly growing. As a result, it has become obvious (proven by the registered statistical data) that law enforcement bodies fail to eliminate the threat. There are several reasons to it, one of them is lack of awareness among the subjects of investigation in terms of open internet resources' capabilities whereas possible information support might contribute to cybercrime investigation via increased investigative data supply, and therefore result in successful cybercrime counteracting.

Keywords: investigation, counteraction, cybercrime, crime, information technologies, telecommunication technologies, mobile devices, the Internet, provider

For citation: Biryukov S. Yu., Trubchaninov A. V. Some aspects of information support to counteract cybercrime. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 117—123, 2023. doi: 10.25724/VAMVD.A200

Относительно недавнее появление в нашей жизни информационных и телекоммуникационных технологий, их лавинообразное развитие привело к тому, что современное общество уже не мыслит себя без соответствующих электронных устройств. Высокие технологии прочно вошли в нашу жизнь, они повсюду, во всех сферах человеческой жизнедеятельности. Однако наряду с теми положительными процессами и явлениями, которые опосредуются данного рода технологиями в обществе, последние также являются факторами, являющимися источниками угроз для комфортного существования современного социума.

Высокие технологии используются не только во благо общества, но и для совершения различного рода преступлений, в подавляющем своем большинстве характеризующихся корыстным мотивом. Имеющиеся нормативные правовые акты, регламентирующие те или иные аспекты использования и применения современных информационных и телекоммуникационных технологий, явно несовершенны, отличаются большим количеством пробелов и коллизий, а сами соответствующие правовые отраслевые институты фактически находятся в стадии апробации, становления.

Данное обстоятельство привело к формированию огромного сегмента в структуре современной преступности, который характеризуется использованием современных достижений в сфере вышеуказанных технологий. Кражи, мошенничества, вымогательства совершенные с использованием информационных и телекоммуникационных технологий, уверенно выходят на лидирующие позиции в уголовной статистике.

Так, по данным МВД России за шесть месяцев 2023 г. количество преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, выросло на 27,9 %. Сохраняются тенденции роста числа IT-мошенничеств на 12 %¹.

Очевидно, что вышеуказанные обстоятельства свидетельствуют о необходимости разработки и внедрения иных, более эффективных методов борьбы с такого рода преступлениями, суть которых заключается в первую очередь в оперативном обеспечении компетентных органов необходимой криминалистически значимой информацией в достаточном объеме, что давало бы возможность последним, не теряя оперативности, осуществлять

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — май 2023 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/40116049/?ysclid=lm7w7gvz6581405385> (дата обращения: 04.09.2023).

деятельность по выявлению, фиксации и изъятию следов преступной деятельности соответствующих лиц.

В различного рода научных работах, посвященных преступлениям, совершенным в сфере информационных и телекоммуникационных технологий, авторами освещены различные способы совершения хищений: например, через СМС-просьбу; платный код для разблокировки интернет-устройства; ошибочный перевод средств; вишинг, просьба о помощи родственнику, попавшему в затруднительное положение; создание сайтов-клонов; розыгрыш призов²; фишинг; штрафные санкции оператора³ и пр. Многообразие способов совершения преступлений рассматриваемого рода подтверждается также и данными НЦБ Интерпола МВД России⁴.

Конечно, вопросы организации раскрытия и расследования преступлений, совершаемых в сфере информационных и телекоммуникационных технологий, в настоящее время активно исследуются учеными и практиками в области криминалистики, оперативно-разыскной деятельности, информационной безопасности. Указанные специалисты в своих работах выделяли различные аспекты правового, организационного, информационного характера, которые в той или иной степени оказывают негативное влияние на эффективность борьбы с данным рода правонарушениями [1; 2].

В первую очередь специалистами отмечается недостаточный квалификационный уровень, который не позволяет им эффективно выполнять свои обязанности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений заявленной категории; данное обстоятельство напрямую связано с недостаточной теоретической подготовкой сотрудников правоохранительных органов и отсутствием у последних должного уровня навыков проведения соответствующих процессуальных либо оперативно-разыскных мероприятий [3].

Указанный фактор является «базовым» и опосредует иные, не менее значимые обстоятельства, оказывающие отрицательное влияние на борьбу с рассматриваемыми видами преступлений.

² Киберпреступления — проблема XXI века. URL: <https://blog.studyliu.ru/kiberprestuplenija-problema-21-veka/?ysclid=lm87i19qo51516255> (дата обращения: 04.09.2023).

³ Интернет-мошенничество: как не стать жертвой и можно ли вернуть деньги. URL: <https://ria.ru/20220118/internet-moshennichestvo-1768431202.html?ysclid=lm8at11ro534060807> (дата обращения: 04.09.2023).

⁴ Интернет-мошенничество: памятка для граждан. URL: <https://мвд.рф/document/1910260?ysclid=lm8d2tvda29535425> (дата обращения: 04.09.2023).

Итак, следующей проблемой является недостаточное техническое обеспечение специальных подразделений правоохранительных органов нашей страны, основной задачей которых как раз и является борьба с так называемой киберпреступностью, а также небольшая их численность, которая явно неадекватна объему стоящих перед ними задач [4].

Еще одним фактором выступает ставшая уже классической проблема борьбы с преступностью вообще и в сфере информационных и телекоммуникационных технологий в частности — проблема организации взаимодействия между различными субъектами расследования. Но если она более или менее успешно решается на внутриведомственном уровне, то на уровне взаимодействия между правоохранительными органами и организациями и учреждениями, которые вовлечены в преступную деятельность, остается очень острой [1].

Здесь можно выделить и еще одну проблему большого временного фактора, связанного со своевременностью либо оперативностью получения необходимой информации субъектами расследования, которая опосредована значительным количеством и видом существующих и, следовательно, используемых преступниками интернет-провайдеров, регистраторов доменных имен, платежных систем и пр. [3]

Все сказанное в конечном итоге обуславливает еще один фактор, также негативно влияющий на борьбу с киберпреступностью, — это отсутствие устоявшейся судебной практики рассмотрения такого рода уголовных дел.

Конечно, приведенные выше факторы не отражают всех имеющихся проблем процесса борьбы с преступлениями в сфере информационных и телекоммуникационных технологий, но очевидно, что основополагающей детерминантой в этой ситуации является недостаточная специальная подготовка соответствующих сотрудников правоохранительных органов, в первую очередь следственных и оперативно-разыскных подразделений.

Анализ имеющихся методик расследования преступлений в сфере информационных и телекоммуникационных технологий, а также следственной практики по делам о преступлениях указанной категории дает основания утверждать, что сотрудники правоохранительных органов, занимающиеся их выявлением, раскрытием и расследованием, должны в полной мере знать и понимать:

— значение соответствующей специальной терминологии, характерной для сферы информацион-

ных и телекоммуникационных технологий: MAC-адрес, IP-адрес, IMEI, VPN (Virtual Private Network), домен, 2FA, или двухфакторная аутентификация, SSL (криптографический протокол), хостинг, FIDO и ряда других;

— возможности в сфере современных высоких технологий (как на аппаратном, так и программном уровнях), которые могут быть использованы в преступной деятельности;

— характер располагаемой информации и возможности по ее предоставлению различными организациями и учреждениями, которые вовлечены в преступную деятельность опосредованно.

Сотрудники правоохранительных органов должны знать и понимать типовые алгоритмы выявления и правильного документирования криминалистически значимой информации на различных этапах совершения и расследования разного рода правонарушений, совершаемых в киберсреде, которые разработаны специалистами в сфере криминалистики и оперативно-разыскной деятельности на основе анализа соответствующей оперативной и следственной практики; также очевидно, что субъекты расследования должны уметь реализовывать эти алгоритмы.

Учитывая специфику рассматриваемого нами вида преступной деятельности, основными источниками криминалистически значимой информации здесь являются: участники уголовного процесса — потерпевшие и свидетели, а также сведения, которые предоставляются различными организациями и учреждениями, опосредованно вовлеченными в расследуемую противоправную деятельность, — провайдеры, финансово-кредитные организации и пр. Однако в любом случае приоритетным источником выступают именно первые, так как они обладают той совокупностью данных о расследуемом факте, без обладания которой субъект расследования в большинстве случаев не в состоянии затребовать иную интересующую его информацию от второй группы источников. Очевидно, что своевременность и полнота получения «устных» сообщений от потерпевших и (или) свидетелей определяет оперативность получения информации от соответствующих организаций и учреждений.

Вместе с тем хочется указать на отдельные возможности, предоставляемые современными информационными и телекоммуникационными технологиями, которые могут способствовать получению субъектами расследования важной для них информации.

Так, используя мобильные средства связи для осуществления своей противоправной деятельности: отправка различного рода SMS- или MMS-сообщений, звонки своим потенциальным жертвам, подключение к мобильному банкингу и пр., — преступники используют различные абонентские номера. Для получения такого номера лицу необходимо заключить с соответствующим оператором мобильной связи абонентский договор, указав в нем свои паспортные данные. С момента начала предоставления услуг мобильной связи у оператора начинают отображаться и накапливаться данные, связанные с использованием конкретным абонентом соответствующими предоставляемыми услугами: номер SIM-карты, IMEI используемого мобильного устройства, номер ID-соты, время включения или выключения устройства, время и номер абонентов всех совершенных вызовов и сообщений, время и адреса посещаемых интернет-ресурсов, время дистанционно совершаемых платежей, местонахождение используемого мобильного устройства и пр. Данная информация, предоставляемая оператором мобильной связи, важна для субъекта расследования. И здесь для установления принадлежности интересующего правоохранительные органы номера конкретному оператору субъект расследования может воспользоваться ресурсами, размещенными в свободном доступе в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (например, Сервис Минкомсвязи России: RegionOperator.ru — <https://regionoperator.ru/>; НИИ Радио — <https://www.niir.ru/>, SMSЦЕНТР — <https://smc.ru/testhlr/>).

Далее, установив, какой именно оператор мобильной связи обслуживает интересующий абонентский номер, субъект расследования может направить ему запрос и получить информацию не только о паспортных данных владельца номера, но и о его передвижениях, возможных наиболее частых контактах и пр.

Сведения о владельце конкретного номера, которыми располагает оператор мобильной связи, трудно переоценить. С их помощью в короткие сроки возможно установление достаточно большого количества информации, если не о самом владельце SIM-карты, то о владельце мобильного устройства точно.

Такого рода информация будет способствовать более эффективному планированию производства оперативно-разыскных мероприятий и процессуальных действий, а также их содержательному наполнению. Так, на основе данных оператора мобильной связи субъект расследования может

путем осуществления установленных законом действий оперативно установить особенности личности подозреваемого (интересы, хобби, распорядок дня, отдельные черты характера), состав его семьи, круг общения, в том числе сведения о возможных соучастниках, дополнительных свидетелях его противоправной деятельности, о смене SIM-карт в мобильном устройстве, местонахождении добытого в результате противоправной деятельности имущества и пр.

Представляется целесообразным подробнее остановиться на возможностях установления места нахождения мобильного устройства. Надо понимать, что мобильное устройство связи, каковым является и мобильный телефон, в ходе своего функционирования отправляет и принимает сигнал другого аналогичного устройства, который, как правило, в зависимости от дистанции между абонентами, передается (ретранслируется) базовыми станциями с соответствующими номерами, основная задача которых — обеспечение качества предоставляемых абонентам услуг связи вне зависимости от их расположения. Оператор сотовой связи, в свою очередь, осуществляет постоянный, непрерывный сбор необходимой информации об использовании абонентом предоставляемых услуг, ее обработку и тарификацию услуг, кроме прочего, фиксирует номер базовой станции.

Зная местонахождение конкретных базовых станций, передававших сигналы с или на конкретное, интересующее правоохранительные органы мобильное устройство, субъекту расследования необходимо определить их зону покрытия, для чего можно обратиться к имеющимся в свободном доступе сервисам OpenCellId, Xinit или ряду иных, и сектор действия конкретной станции. Стоит отметить, что имеющиеся сервисы Минкомсвязи России таких данных не предоставляют.

Более информативен для целей расследования мониторинг и последующий анализ информации, относящейся к сеансам контактов подозреваемого с другими абонентами посредством мобильного устройства. Это может обеспечить установление не только маршрутов его передвижения с привязкой к конкретному астрономическому времени, но и (в отдельных случаях) личностей его контактов и другие сопутствующие сведения о них. Например, продолжительность разговоров, локация и т. д. Однако необходимо иметь в виду, что такого рода метод установления географического местонахождения интересующего правоохранительные органы лица не в полной мере точен, так как на его результативность оказывают влияние различные факторы

(помехи от строений или рельеф местности). Тем не менее им не стоит пренебрегать, поскольку его эффективность достаточно высока.

Если в распоряжении субъекта расследования имеется информация о IMEI мобильного устройства, с помощью которого осуществляется противоправная деятельность, то, обратившись к соответствующему интернет-ресурсу, можно установить модель и основные характеристики мобильного устройства независимо от того, какая SIM-карта в нем находится. Сделать это можно посредством сервисов imei.info, SNDDeepInfo.

В современных условиях преступления в сфере информационных и телекоммуникационных технологий часто приобретают транснациональный или международный характер. Не секрет, что достаточно большая часть преступлений рассматриваемой категории, например так называемые телефонные мошенничества, совершаются с территории Украины, Польши, стран Прибалтики. Данное обстоятельство повышает актуальность использования правоохранительными органами возможностей соответствующих интернет-ресурсов, которые предоставляют пользователям информацию о местонахождении мобильного устройства в мировых масштабах. Для указанных целей можно использовать такие ресурсы информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», как Mobile-Location.net, Alfatele.com и ряд других.

Получив сведения о местонахождении мобильного устройства — инструмента противоправных действий, субъект расследования может использовать возможности НЦБ Интерпола для производства иных действий, направленных, в частности, на установление личности, и допроса лица, им владеющего, либо лица, у которого данное устройство находится в пользовании, а также для решения ряда сопутствующих задач.

Освещая возможности использования «открытых» интернет-ресурсов в деятельности правоохранительных органов по выявлению и расследованию преступлений, совершаемых в сфере информационных и телекоммуникационных технологий, нельзя не упомянуть IP-телефонию. Она представляет собой определенную альтернативную сотовую и «классическую» проводную связь, дающую возможность своим абонентам совершать коммуникации с другими абонентами по всему миру.

В технологии IP-телефонии функции АТС выполняют серверы фирм-провайдеров, предоставляющие услуги такого вида связи. Для коммуникации между двумя абонентами используется имеющаяся проводная либо мобильная сеть, которая соеди-

няет серверы разных так называемых SIP-провайдеров посредством интернет-портала.

Для того чтобы пользоваться услугами рассматриваемого вида связи, лицо должно выбрать провайдера, предоставляющего данный вид услуг. В Российской Федерации таких организаций достаточно много. Наиболее крупными среди них являются Mango Office, «Мегафон», Beeline, «Телфин» и «МТС». Далее, как и в случае с мобильной связью, с провайдером необходимо заключить абонентский договор, для чего предоставить провайдеру свои паспортные данные, а также адрес электронной почты и номер мобильного устройства. После этого абоненту присваивается уникальный IP-адрес, который позволяет идентифицировать его техническое устройство, с помощью которого и осуществляется связь с другими абонентами.

Деятельность компетентных органов по выявлению и расследованию преступлений, совершаемых в сфере информационных и телекоммуникационных технологий, часто включает в себя необходимость установления IP-адреса соответствующего технического устройства, с которого осуществлялись противоправные действия, и в первую очередь провайдера. Данную информацию можно получить, используя, например, такой интернет-ресурс, как Reg.ru.

Как и в случае с мобильной связью, сведения о провайдере дают возможность субъекту расследования направить ему соответствующий запрос и истребовать интересующие субъекта сведения, а они, в свою очередь, позволят установить местонахождение соответствующего технического устройства, которое использовалось для осуществления противоправных действий, а также и само лицо, непосредственно осуществлявшее вышеназванные действия.

Вместе с тем преступниками активно используется технологии VPN, повышающий скрытность используемого технического средства, с которого осуществляется выход в информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет». Указанная технология основана, как правило, на нескольких сетевых соединениях, осуществляемых как бы поверх основного сетевого подключения. Такие технологии были разработаны изначально для благих целей — защиты персональных данных и обеспечения конфиденциальности при, например, совершении покупок на виртуальных торговых площадках. Однако впоследствии стали востребованы и другие возможности VPN — виртуализация местоположения, разблокировка доступа к отдельным интернет-ресурсам и т. д., в числе которых и сокрытие

цифровых следов совершенного противоправного деяния в киберпространстве.

Следственная практика показывает, что лица, занимающиеся противоправной деятельностью в сфере информационных и телекоммуникационных технологий, используют сервер третьего лица, который расположен на территории так называемых недружественных России стран и откуда получить интересующую правоохранительные органы информацию в целях установления обстоятельств совершенного на территории нашей страны преступления чаще всего очень сложно.

Еще один способ совершения противоправных действий в сфере информационных и телекоммуникационных технологий — использование фейковых сайтов интернет-магазинов преступниками в целях хищения денежных средств. Здесь субъект расследования должен иметь представление о том, какова схема работы сайта, на котором происходит регистрация «доменного имени», и условия хостинга.

В нашей стране существует большое количество такого рода провайдеров. К ним относятся: Veget, Timeweb, Spaseweb, «Спринтхост», Reg.ru и др. Они предоставляют в аренду определенный объем памяти на своих серверах, подключенных к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», который используется для хранения определенной информации. В целях аренды какого-либо объема памяти на таком сервере субъекту необходимо заключить соответствующий договор с хостинг-провайдером. Оплата за аренду сервера в подавляющем большинстве случаев осуществляется с помощью различных международных платежных систем, в том числе «ЯндексДеньги», WebMoney, Qiwi-кошелек и др.

В этой ситуации субъекту расследования также целесообразно использовать вышеуказанные интернет-ресурсы для установления IP-адреса и хостинг-провайдера, откуда затем и истребовать необходимую правоохранительным органам информацию о лице (физическом или юридическом), которое

заключило договор аренды хостинга и осуществляет оплату провайдеру предоставляемых услуг, что, очевидно, будет способствовать установлению местонахождения указанного лица, а также иных обстоятельств, подлежащих доказыванию.

В рамках настоящего исследования представляется целесообразным осветить вопрос выбора «доменного имени» сайта. Такие названия (имена) продаются на специальных виртуальных торговых площадках, где предварительно проводится проверка на совпадение выбранного имени с уже имеющимися в информационно-телекоммуникационной сети. Выбранное имя подлежит регистрации в специальных организациях, что предполагает взимание абонентской платы с его владельца в интересах регистратора доменного имени.

Информация о владельце доменного имени вводится в ходе регистрации и предполагает для физических лиц паспортные данные с указанием индивидуального налогового номера, а для юридических — организационно-правовую форму, наименование, юридический адрес, индивидуальный налоговый номер и код причины постановки на учет.

Подводя итог, отметим, что сотрудники правоохранительных органов, специализирующиеся на борьбе с преступностью в сфере информационных и телекоммуникационных технологий, должны проходить профильные курсы повышения квалификации или переподготовки и в любом случае знать и ориентироваться в возможностях, которые предоставляют общедоступные интернет-ресурсы. Это нужно для того, чтобы иметь возможность оперативно и грамотно выявлять, документально оформлять и использовать следы преступлений, а также организовывать эффективное взаимодействие в целях расследования со специализированными службами, учреждениями и организациями, обладающими той или иной криминалистически значимой информацией.

---

1. Яджин Н. В., Егоров В. А. Организационно-правовое и информационное обеспечение расследования преступлений, совершаемых с использованием средств мобильной связи // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 4 (34). С. 163—169.

2. Осяк В. В., Ковалева А. В., Фролова Е. Ю. «Мобильные» мошенничества: способы совершения и алгоритмизация расследования // Юрист-Правоведъ. 2020. № 3 (94) С. 145—150.

---

1. Yadzhin N. V., Yegorov V. A. Organizational, legal and information support of investigation of crimes committed with the use of mobile communication. Legal science and law enforcement practice, 163—169, 2015. (In Russ.).

2. Osyak V. V., Kovaleva A. V., Frolova E. Yu. Mobile fraud: methods of committing and algorithmization of the investigation. Jurist-Pravoved, 145—150, 2020. (In Russ.).

3. Grigoriev A.N., Titov Ye. V. Problems of detection, solution and investigation of Internet fraud.

3. Григорьев А. Н., Титов Е. В. Проблемы выявления, раскрытия и расследования интернет-мошенничества // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 2 (52). С. 11—14.

4. Иванова А. А. Методика расследования незаконного изготовления, распространения и оборота порнографических материалов или предметов: дис. ... канд. юрид. наук. Псков: ПЮИ ФСИН России, 2011. 301 с.

Бирюков Святослав Юрьевич,

доцент кафедры процессуального права и криминалистики
Волгоградского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент;
Bir.slav@yandex.ru

Трубчанинов Алексей Викторович,

старший преподаватель кафедры предварительного расследования учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России;
trav34rus@mail.ru

Bulletin of the Kaliningrad branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 11—14, 2018. (In Russ.).

4. Ivanova A.A. Methods for investigating illegal pornography item manufacture, distribution and trafficking. Dissertation of a candidate of juridical sciences. Pskov: PLI of the FPS of Russia; 2011: 301. (In Russ.).

Biryukov Svyatoslav Yurievich,

associate professor at the department of criminal procedure and criminalistics of the Volgograd State University, candidate of juridical sciences, docent;
Bir.slav@yandex.ru

Trubchaninov Alexey Victorovich,

senior lecturer at the department of preliminary investigation of the educational and scientific complex for preliminary investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia;
trav34rus@mail.ru

Статья поступила в редакцию 11.10.2023; одобрена после рецензирования 19.10.2023; принята к публикации 17.11.2023.

The article was submitted 11.10.2023; approved after reviewing 19.10.2023; accepted for publication 17.11.2023.

* * *

УДК 343.985.7:343.34
doi 10.25724/VAMVD.A210

**ПРИМЕНЕНИЕ НЕЙРОСЕТЕВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
В РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ
НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ**

Светлана Михайловна Голятина

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, sgoliatina@mvd.ru

Аннотация. В статье рассматриваются возможности применения технологий искусственного интеллекта, в частности нейронных сетей, в выявлении, пресечении и раскрытии преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств. Представлено описание программных продуктов, разработанных российскими исследователями и программистами, призванных идентифицировать путем поиска и анализа ключевых слов в коммуникационной сети Интернет сайты (в зоне .ru), содержащие рекламу наркотических средств, в том числе завуалированную, или торгующих ими. Выражено авторское мнение о том, как данные программные продукты могут использоваться в рамках правоохранительной деятельности. Уделено внимание некоторым возможностям применения нейросетей в следственной практике. Так, отмечается, что технологии искусственного интеллекта могут использоваться при осмотре мобильных телефонов, компьютеров, планшетов для обнаружения виртуальных следов (следов посещения сайтов, рекламирующих наркотики или торгующих ими), а также в целях совершенствования тактики производства отдельных следственных действий.

Ключевые слова: незаконный оборот наркотических средств, искусственный интеллект, нейронные сети, раскрытие и расследование преступлений

Для цитирования: Голятина С. М. Применение нейросетевых технологий в раскрытии и расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 4 (67). С. 124—129. 10.25724/VAMVD.A210

**APPLYING NEURAL NETWORK TECHNOLOGIES
WHILE SOLVING AND INVESTIGATING CRIMES
RELATED TO ILLEGAL DRUG TRAFFICKING**

Svetlana Mikhailovna Golyatina

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, sgoliatina@mvd.ru

Abstract. The given article deals with possibilities to apply artificial intelligence technologies in particular neural networks while identifying, suppressing and solving crimes related to illegal drug trafficking. The author of the article gives the description of software products that are developed by Russian researchers and programmers and designed to identify sites in the Internet communication network (in ru-zone) containing advertising of narcotic drugs (including latent one) or selling them. The author of the article examines how these software products can be used in the sphere of law enforcement activity. The author also pays attention to some possibilities of using neural networks in the investigative activity. It is noted that artificial intelligence based on an analysis of the psychotypes of those involved in a criminal case can give recommendations on the use of tactical techniques related to carrying out individual investigative actions. The author notes that artificial intelligence technologies can be used when examining mobile phones, computers, tablets to detect virtual traces (traces of visiting sites that advertise drugs or sell them), as well as in order to improve the tactics of individual investigative actions.

Keywords: illegal drug trafficking, artificial intelligence, neural networks, solving and investigating crimes

For citation: Golyatina S. M. Applying neural network technologies while detecting and investigating crimes related to illegal drug trafficking. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 124—129, 2023. doi: 10.25724/VAMVD.A210

Согласно данным официальной статистики, в 2022 г. в Российской Федерации зарегистрировано 177 741 преступление, связанное с незаконным оборотом наркотических средств¹. Жертвами осложнений, вызванных употреблением наркотиков, ежедневно становились примерно 80 человек. Большинство наркозависимых отдавали предпочтение синтетическим «дизайнерским» наркотикам и курительным смесям по причине их доступности и относительно низкой стоимости. Средний возраст наркозависимых находился в пределах от 10 до 30 лет (из них 20 % — 9—14 лет, более 60 % — 16 лет — 24 года, менее 20 % — 25—30 лет)². Таким образом, как бы банально это ни звучало, вновь приходится констатировать, что наркомания является болезнью молодых. Именно они в настоящее время становятся жертвами мефедрона, спайсов, так называемых «наркотиков подскока» — гашиша, марихуаны — и т. д. Особую тревогу вызывает тот факт, что сегодня каналы распространения наркотических средств сосредоточены преимущественно в даркнете и дипвебе³, ресурсы же, рекламирующие наркотики в зоне .ru, используют шифрование, соответственно, их обнаружение и блокировка сопровождаются рядом трудностей. С учетом сказанного сотрудники правоохранительных органов вынуждены искать новые пути борьбы с наркопреступлениями.

Выразим солидарность с точкой зрения А. С. Шаталова, согласно которой главная криминалистическая особенность уголовно наказуемых деяний, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», в том числе в сфере незаконного оборота наркотических средств, состоит в том, что их предотвращение, выявление, раскрытие и расследование невозможны без использования современных информационных технологий [1, с. 10]. Примерно об этом же говорил Президент Российской Федерации В. В. Путин на расширенном заседании коллегии МВД России 20 марта 2023 г.: «Важно и дальше здесь действовать системно и наступательно, не только бороться с „верхушкой“ проблемы — наркодилерами и мел-

кими торговцами этой отравой, но прежде всего уничтожать финансовую и другую инфраструктуру, выявлять крупных организаторов, тех, кто стоит за наркобизнесом, пресекать трансграничные каналы поставок и деятельность подпольных нарколабораторий, в целом искать *более эффективные методы и технические решения в борьбе с наркоугрозой* (курсив наш. — С. Г.)...»⁴. Одним из подобных перспективных решений, на наш взгляд, может стать применение технологий, основанных на искусственном интеллекте, в частности нейронных сетей.

В настоящее время слово «нейросеть» употребляется применительно ко многим сферам деятельности человека. Под ним понимают математическую модель, которая работает по принципу нервной системы живых организмов. Нейронные сети могут за довольно короткий период обрабатывать большие массивы информации, в том числе изображения, фонограммы и тексты, выполнять сложные вычисления, учиться и исправлять ошибки, делая выводы из предыдущего опыта, без необходимости программирования, что, безусловно, является их достоинствами. Они помогают писать тексты, анимировать видео, создавать иллюстрации и т. д. Эксперты отмечают, что это тренд, игнорировать который — значит упускать возможности⁵. В. С. Овчинский в выступлении в феврале 2020 г. на семинаре «Современные проблемы искусственного интеллекта и цифровизации» подчеркнул: «...технологии, ворвавшиеся в нашу жизнь в XXI веке, во многом изменили подход ко многим научным и практическим задачам. Сейчас стало возможным собирать колоссальные массивы информации и обрабатывать эти данные с помощью специальных программ. И обработка этих данных о сотнях тысяч преступников вполне может вывести ученых на наличие определенных закономерностей. Кроме того, широкие возможности предоставляет Интернет, где каждый человек, даже если он этого не хочет, оставляет определенные цифровые следы»⁶.

⁴ Расширенное заседание коллегии МВД. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/70744> (дата обращения: 22.09.2023).

⁵ См.: Преимущества нейросетей: почему не использовать их — большая ошибка в 2023 году. URL: <https://vc.ru/u/1923407-neyroseti-i-novye-professii/739194-preimushchestva-neyrosetey-pochemu-ne-ispolzovat-ih-bolshaya-oshibka-v-2023-godu> (дата обращения: 22.09.2023).

⁶ Человеческий ум — это Вселенная — Владимир Овчинский. URL: <https://proofiok.com/news/detail.php?ID=11067#xzz6KBiE8wqf> (дата обращения: 22.10.2023).

¹ См.: Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru/offenses_table (дата обращения: 22.10.2023).

² См.: Статистика смертности от наркотиков. URL: <https://forum-nonarko.ru/ams/statistika-smertnosti-ot-narkotikov.85/> (дата обращения: 22.10.2023).

³ Дословно «глубокая сеть» — подмножество сайтов, содержащих сайты, которые не могут быть найдены поисковыми системами.

В рамках правоохранительной деятельности нейросети используются для распознавания лиц и вербальной информации. Применительно к теме данной статьи отметим, что в настоящее время существуют интеллектуальные системы видеонаблюдения, установленные в аэропортах, на вокзалах, т. е. в точках возможного пересечения государственных границ, способные выявлять лиц, осуществляющих перевозку наркотических средств и выделяющихся из толпы особым поведением.

Скажем несколько слов и о применении нейросетей для распознавания текстов. В соответствии с п. «б» ч. 5 ст. 15.1 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (далее — ФЗ № 149) информация о способах, методах разработки, изготовления и использования наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, новых потенциально опасных психоактивных веществ, местах их приобретения, способах и местах культивирования наркосодержащих растений подлежит занесению в Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети Интернет и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети Интернет, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено. Естественно, большинство сайтов, торгующих наркотическими средствами, базируется в даркнете, однако «„путеводные нити“ на такие площадки сегодня находятся в клирнете¹. СММ-менеджеры наркорынка атакуют потенциального потребителя в легальных сетях, в частности в Telegram. Именно на таких каналах новички получают инструкцию, как попасть в даркнет, чтобы купить что-то запрещенное². Приведем пример: некий магазин объявляет открытыми вакансии курьеров и граффитчиков. Последним гарантирует достойную оплату, в том числе *весом*. Из контекста (с учетом значения слова «вес» — тяжесть какого-либо предмета, определяемая взвешиванием) становится понятно, что речь, вероятнее всего, идет о распространении наркотических средств.

Сегодня реклама наркотиков содержится в новостных лентах, мем-сообществах, стриминговых площадках на YouTube³ и т. д. Выявление подобных

интернет-ресурсов сопровождается рядом трудностей, обусловленных в том числе шифрованием информации: слова «наркотик», «соль», «гашиш», «героин», «марихуана» и т. д. и однокоренные здесь, как правило, не употребляются, а способ передачи сообщения является имплицитным, т. е. формально невыраженным, характеризующимся наличием таких черт, как вариативность, рематичность и ограниченность рамками микроконтекста [2]. Вместо указанных лексем для обозначения наркотического средства используется наркосленг: слова «кристалл», «порох», «фен», «маруся», «дым», «пулька», «метла», «кактус», «гертруда», «слон», «султан», «гречка», «молоко» и иные. Блокировать сайты, на которых имеются данные слова, без анализа контекста не имеет никакого смысла, ибо количество таких сайтов будет исчисляться сотнями, если не тысячами, при этом значительная их часть не будет содержать ничего запрещенного. Здесь нужны особые алгоритмы.

Эффективность в идентификации зашифрованной информации сегодня как раз демонстрируют нейронные сети. Так, для выявления сайтов, рекламирующих наркотические средства, в декабре 2019 г. сотрудники лаборатории искусственного интеллекта Института систем информатики имени А. П. Ершова СО РАН представили метод, способный с точностью 86 % распознавать запрещенное содержание интернет-ресурсов, даже если оно завуалировано. Его основу составляет комбинация искусственных нейронных сетей и экспертных знаний лингвистов и специалистов в сфере машинного обучения. Нейросеть ищет контент по словам, присваивая им весовые коэффициенты и определяя вероятность того, что конкретный сайт содержит запрещенную информацию⁴.

Аналогичную программу разработала российская IT-компания Statoperator. Программистами были проанализированы сайты из Единого реестра доменных имен, указателей страниц сайтов в сети Интернет и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети Интернет, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено, и составлен словарь упоминающихся на них слов. На основе этого словаря была создана программа, сканирующая все домены в зоне .ru по ключевым словам. Во время тестирования она обнаружила порядка 5 000 сайтов,

¹ Дословно «чистая сеть» — обычно данный термин относится к публично доступному Интернету.

² Петров И. Синтетический разбор: как опознать сайт с рекламой наркотиков. URL: <https://iz-ru/turbopages.org/iz-ru/s/1501156/ivan-petrov-sinteticheskii-razbor-kak-opoznat-sait-s-reklamoi-narkotikov> (дата обращения: 22.09.2023).

³ РКН: сайт нарушает закон Российской Федерации.

⁴ См.: Сибирские ученые придумали, как бороться с наркотиками в Интернете. URL: <https://sib.fm/news/2019/12/25/sibirskie-uchenye-privdumali-kak-borotsya-s-narkotikami-v-internete> (дата обращения: 23.09.2023).

которые вели торговлю наркотическими средствами вне теневого сегмента Интернета¹.

По нашему мнению, несмотря на то что названные программные продукты в первую очередь предназначены для провайдеров, они могут с успехом применяться Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзором), призванной принимать меры к ограничению доступа к информационным ресурсам в пределах компетенции, установленной ФЗ № 149, правоохранными органами для выявления преступлений, предусмотренных ст. 228, 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также экспертами в рамках производства лингвистической экспертизы, когда требуется декодирование смысла печатного текста, голосового сообщения, телефонного разговора. Пример последнего приводит М. А. Балаш:

«<...>

М1 — Половинку за пятьсот надо.

Ж1 — Ну, ага.

М1 — И, надо, чек. Ну чек сделаем на двести рублей, а я за него двести пятьдесят отдам. Ага? Только, ...заберу.

<...>

Ж1 — Ну в скольких половинку?

М1 — В троих.

Ж1 — В троих?

М1 — Ну.

Ж1 — Ну я не знаю, нам в двоих нормально.

М1 — Ну так.

Ж1 — Ну побольше маленько может. Я тебе говорю, я последний вот тебе отдала, потому что все большие выбрали»².

В представленном фрагменте некое наркотическое средство именуется чеком, а его доза — половинкой. Чтобы выявить скрытый смысл в таких текстах, необходимо их лингво-семантическое исследование. Полагаем, что программные продукты, ориентированные на распознавание наркосленга, могут выделять в материале слова, требую-

щие смысловой оценки, а специалист осуществлять их контекстный анализ.

Отметим, что в рамках правоохранительной деятельности искусственный интеллект, в частности упомянутые ранее программы, разработанные Институтом систем информатики имени А. П. Ершова СО РАН и российской IT-компанией Statorator, могут применяться при осмотре мобильных телефонов, компьютеров, планшетов, поскольку в процессе данного следственного действия могут быть обнаружены как материальные, так и, что не менее важно, виртуальные следы (следы посещения сайтов, рекламирующих наркотики или торгующих ими).

Кроме того, в настоящее время искусственный интеллект используется для планирования расследования и выбора тактики производства того или иного следственного действия. Например, с учетом имеющихся данных о следственной ситуации и психотипах фигурантов уголовного дела (подстрекатели (не употребляют наркотики, но проявляют к ним интерес), лица, эпизодически употребляющие наркотики, лица, систематически употребляющие наркотики, но еще не ставшие наркоманами, лица, больные наркоманией и пребывающие в состоянии либо наркотического опьянения, либо наркотической абстиненции, и т. д. [3]) искусственный интеллект может предложить следователю наиболее подходящие тактические приемы допроса, «подсказать», каких выражений нужно избегать, сколько времени выделить на производство следственного действия и др. Адвокат О. Матюнин отмечает, что «искусственный интеллект может стать не только помощником следователя, но и раскрыться как универсальный диагност его успешности. В перспективе, изучив работу следователя, его провалы и победы, сколько и на что тот тратит время, как решает тактические задачи, искусственный интеллект выдаст соответствующие рекомендации, в которых укажет все ошибки и недоработки»³.

На конференции «Путешествие в мир искусственного интеллекта» Президент Российской Федерации В. В. Путин отметил: «...с внедрением искусственного интеллекта в науку, в образование, в здравоохранение — да во все сферы нашей жизни, человечество начинает новую главу своего сущест-

¹ См.: Наркнет: как запрещенные вещества рекламируют в обычном Интернете. URL: <https://www.protivnarko.ru/narknrt-kak-zapreshhennyie-vashhestva-reklamiruyut-v-obychnom-internete> (дата обращения: 23.10.2023).

² Балаш М. А. Лингвистическая экспертиза по уголовному делу, связанному с незаконным оборотом наркотиков // Юрислингвистика. 2006. URL: <https://cyberlenenka.ru/article/n/lingvisticheskaya-ekspertiza-po-ugolovnomu-delu-svyazannomu-s-nezakonnym-oborotom-narkotikov-1> (дата обращения: 24.10.2023).

³ Светунькова А. Нейронное дело: как ИИ помогает в борьбе с преступностью. URL: <https://iz-ru.turbopages.org/iz.ru/s/1569903/alena-svetunkova/neironnoe-delo-kak-ii-pomogaet-v-borbe-s-prestupnosti> (дата обращения: 24.10.2023).

вования»¹. Полагаем, новую главу начинает и правоохранительная деятельность, которая должна своевременно и адекватно отвечать на угрозы безопасности личности, общества и государства, поступающие из криминального мира. Вместе с тем технологии искусственного интеллекта, ликвидация отставания по вопросам применения которого входит в число задач Ведомственной про-

граммы цифровой трансформации МВД России на 2021—2023 гг.², как бы совершенны они ни были, не могут заменить собой человека — следователя, оперативного сотрудника, специалиста, — а должны помочь ему в достижении целей его деятельности — выявлении, пресечении и раскрытии преступлений, поиске и исследовании следов, установлении истины по делу.

---

¹ Конференция «Путешествие с мир искусственного интеллекта». URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/72811> (дата обращения: 25.11.2023).

---

² См.: Об утверждении Ведомственной программы цифровой трансформации МВД России на 2021—2023 годы: распоряжение МВД России от 29 декабря 2020 г. № 1/15065. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

---

1. Шаталов А. С. Разработка методических основ расследования преступлений, совершаемых с помощью компьютерных и сетевых технологий: проблемы, перспективы и тенденции // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 3 (32). С. 7—14.

2. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: сб. ст. М.: Флинта, 2019. С. 83—97.

3. Курындина А. Н. Криминологическая классификация и типология личности лиц, совершающих преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2008. № 3 (6). С. 82—88.

---

1. Shatalov A. S. Development of methodological foundations for investigating crimes committed by means of computer and network technologies: problems, prospects and trends. Vestnik of Siberian Law Institute of the MIA of Russia, 7—14, 2018. (In Russ.).

2. Arnold I. V. Semantics. Stylistics. Intertextuality. Collection of articles. Moscow: Flinta; 2019: 83—97. (In Russ.).

3. Kuryndina A. N. Criminological classification and personality typology of the men committing crimes related to illegal drug trafficking. Legal science and law enforcement practice, 82—88, 2008. (In Russ.).

Голятина Светлана Михайловна,
старший преподаватель
кафедры криминалистики
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
sgoliatina@mvd.ru

Golyatina Svetlana Mikhailovna,
senior lecturer at the department
of criminalistics of the educational
and scientific complex
on preliminary investigation
in the Internal Affairs Bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
sgoliatina@mvd.ru

Статья поступила в редакцию 11.10.2023; одобрена после рецензирования 22.10.2023; принята к публикации 17.11.2023.

The article was submitted 11.10.2023; approved after reviewing 22.10.2023; accepted for publication 17.11.2023.

* * *

УДК 343.985.7:343.34
doi: 10.25724/VAMVD.A201

**СОДЕРЖАНИЕ СТРУКТУРНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ
ВИДОВОЙ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ
СТАТЬЯМИ 230.1 И 230.2 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Светлана Дмитриевна Гусева

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, G08081981@yandex.ru

Аннотация. Актуальность проблемы использования профессиональными спортсменами запрещенных в спорте субстанций и (или) методов в последнее десятилетие несомненна, поскольку значительное количество титулованных атлетов было лишено полученных наград либо отстранено от участия в соревнованиях всероссийского и международного масштаба.

Вместе с тем анализ резонансных фактов нарушений антидопингового законодательства позволил установить, что значительная часть отечественных спортсменов не были осведомлены об употреблении ими запрещенных веществ ввиду сокрытия данных фактов тренерами и врачами по спортивной медицине. В ряде случаев имело место оказание психологического давления на спортсменов со стороны специалистов в области физической культуры и спорта, ставшего причиной использования запрещенных субстанций и методов.

Правоприменительная практика свидетельствует о малом количестве выявленных и зарегистрированных преступлений, а также уголовных дел, возбужденных по статьям 230.1 и 230.2 Уголовного кодекса Российской Федерации. Во многом это обусловлено недостаточным пониманием органами предварительного расследования механизма и способов совершения данных преступлений, отсутствием структурированной информации о личности потенциального преступника и иных элементов, составляющих содержание криминалистической характеристики указанных деяний. В статье проведен структурный и функциональный анализ криминалистической характеристики ранее совершенных деяний, предусмотренных статьями 230.1 и 230.2 Уголовного кодекса Российской Федерации, результатом которого является уточнение и дополнение основных элементов рассматриваемой научной категории.

Ключевые слова: запрещенные в спорте субстанции и (или) методы, допинг, криминалистическая характеристика преступлений, физическая культура, спорт, спортивная медицина

Для цитирования: Гусева С. Д. Содержание структурных элементов видовой криминалистической характеристики преступлений, предусмотренных статьями 230.1 и 230.2 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 4 (67). С. 130—136. doi: 10.25724/VAMVD.A201

**THE CONTENT OF STRUCTURAL ELEMENTS
OF TYPICAL CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF CRIMES
TO BE PROVIDED BY ARTICLE 230.1 AND ARTICLE 230.2
OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Svetlana Dmitriyevna Guseva

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, G08081981@yandex.ru

Abstract. The problem of using substances and (or) methods to be prohibited in sport by professional athletes is a topical one at present as a great number of award-winning athletes were deprived of their awards or from their participating in competitions of a national and international level.

At the same time an analysis of facts of cruel violations of the anti-doping legislation made it possible to consider that a significant part of domestic athletes were not aware of their using prohibited substances because

coaches and sports medicine doctors concealed it. In a number of cases psychological pressure was made on the athletes by the specialists in the sphere of physical culture and sport and this fact became the very reason to use prohibited substances and methods.

Law enforcement practice determines small number of identified and registered crimes as well as criminal cases initiated under Articles 230.1 and 230.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. This situation exists because the preliminary investigation authorities' consider insufficiently mechanism and methods of committing such crimes, lack of structured information about the identity of the potential criminal and other elements that make up the content of the criminalistic characteristics of the acts mentioned above. The article deals with structural and functional analysis of the criminalistic characteristics of committed acts provided by Articles 230.1 and 230.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. The result of this analysis is clarification and addition of the main elements of the given scientific category.

Keywords: substances and (or) methods prohibited in sport, doping, criminalistic characteristics of crimes, physical education, sport, sports medicine

For citation: Guseva S. D. The content of structural elements of typical criminalistic characteristics of crimes to be provided by Article 230.1 and Article 230.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 130—136, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A201

Прикладная значимость криминалистической характеристики преступлений для их раскрытия и расследования достаточно высока, поскольку обобщенные, типизированные и систематизированные сведения об устойчивых закономерностях, сопровождающих подготовку, совершение и сокрытие отдельных видов преступлений, способствуют выдвижению на первоначальном этапе расследования обоснованной следственной версии, определению необходимого спектра процессуальных действий и оперативно-разыскных мероприятий, а также выбору оптимальных тактических подходов к их проведению.

Начиная со второй половины XX в. структура криминалистической характеристики преступлений как научной абстракции, основанной на анализе следственной, оперативно-разыскной и судебно-экспертной практики выявления, раскрытия, расследования и предупреждения противоправных деяний, является предметом дискуссии среди отечественных криминалистов.

Л. А. Сергеев в структуру видовой криминалистической характеристики включал способ совершения преступления, условия и особенности обстановки, объект преступной деятельности и связь преступления с иными противоправными деяниями [1].

С. П. Митричевым в содержание рассматриваемой криминалистической категории были включены особенности совершения преступления и совокупность формируемых в ходе противоправных действий следов [2].

А. П. Резван и М. В. Субботина содержание криминалистической характеристики преступлений представляют как совокупность информации о способе и условиях совершения деяния, механизме слепообразования, предмете преступного посяга-

тельства, личности преступника и потерпевшего, а также криминалистически значимых связей между указанными элементами [3].

Путем структурного и функционального анализа указанных научно-практических подходов к содержанию криминалистической характеристики преступлений, а также взглядов и позиций современных ученых-криминалистов в рассматриваемой области знания, выявлено, что исследуемая научная абстракция является динамической практико-ориентированной структурой, содержание которой коррелирует с развитием способов подготовки, совершения и сокрытия преступления, а также непрерывно изменяется по мере накопления практического опыта и совершенствования подходов к раскрытию и расследованию преступлений. В связи с этим, с учетом задачи нашего исследования, заключающейся в установлении особенностей и исчерпывающего содержания криминалистической характеристики преступлений (ст. 230.1 и 230.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ)), нами была определена следующая оптимальная структура взаимосвязанных элементов: предмет преступного посягательства; средства и методы совершения преступления; личность преступника и сведения о личности потерпевшего; способ совершения преступления; обстановка совершения преступления и механизм слепообразования.

Предмет преступного посягательства. Исходя из диспозиции ст. 230.1 и 230.2 УК РФ, а также проведенного анализа умысла лиц, которые осуществляли противоправные действия, подпадающие под указанные нормы, и последствий, связанных с употреблением спортсменом запрещенных в спорте субстанций и (или) применением

запрещенных в спорте методов, основным предметом преступного посягательства является жизнь и здоровье спортсмена, дополнительным — деловая репутация потерпевшего.

Стоит обратить внимание, что к предмету преступного посягательства данных преступлений не относятся наркотические средства, психотропные вещества, их аналоги и прекурсоры, поскольку в диспозиции ст. 230.1 УК РФ указано следующее: «Склонение спортсмена... к использованию субстанций... за исключением случаев, предусмотренных ст. 230¹ настоящего кодекса», а в диспозиции ст. 230.2 УК РФ отмечено, что «действие настоящей статьи не распространяется на случаи, предусмотренные ст. 228—228.4 и 234² настоящего кодекса». Вместе с тем полагаем, что используемые при совершении данных преступлений запрещенные в спорте субстанции и методы являются частным проявлением допинга и выступают в качестве средств и методов совершения преступления.

Средства и методы совершения преступления. На основании анализа Всемирного антидопингового кодекса³, приказа Министерства спорта Российской Федерации «Об утверждении Общероссийских антидопинговых правил» от 24 июня 2021 г. № 464⁴, а также результатов, полученных в ходе изучения и обобщения информации о распространенных средствах, повышающих спортивные результаты, нами было установлено, что значительное количество запрещенных в профессиональном спорте субстанций представлено рецептурными и безрецептурными лекарственными препаратами, например анаболическими стероидами, эритропоэтином и т. п., обладающими свойствами, временно улучшающими физические способности человека. К допинговым средствам также относятся некоторые пищевые продукты, например этанол, содержащийся в алкогольных напитках. Учитывая особенности юридической регламентации реализации лекарственных препаратов на территории

Российской Федерации, а также отсутствие уголовной ответственности за употребление лекарственных препаратов и пищевых продуктов, таких как этиловый спирт, отметим, что установление уголовной ответственности за оборот допинговых средств (за исключением некоторых категорий лекарственных препаратов, подлежащих контролю за оборотом на территории России) в настоящее время не имеет целесообразности. Кроме того, положения Всемирного антидопингового кодекса регламентируют, что лекарственные препараты могут быть разрешены для употребления атлетами одного вида спорта и запрещены спортсменам другого, что также обуславливает бессмысленность контроля за оборотом допинговых средств в принципе.

Анализируя методы совершения рассматриваемых видов преступлений, следует раскрыть наиболее распространенные: переливание крови (трансфузия) и внутривенное введение лекарственных препаратов в объеме более 100 мл в течение 12-часового периода.

Трансфузия в основном предполагает переливание спортсмену собственной ранее забранной крови, в результате чего наблюдается выраженный иммуностимулирующий эффект и насыщение крови кислородом. Факты применения донорской крови отмечаются достаточно редко, поскольку при подобном методе переливания крови имеется вероятность посттрансфузионных осложнений, выраженных в виде аллергических реакций, цитратного бактериологического шока, заражения гемоконтактными инфекциями и т. д.

Внутривенное введение лекарственных препаратов, как метод совершения преступлений, предусмотренных ст. 230.1 и 230.2 УК РФ, предполагает выполнение спортсмену инъекций при отсутствии официального разрешения антидопинговой организации на использование конкретного вида препаратов в лечебных целях.

Личность преступника и сведения о личности потерпевшего. В ходе изучения материалов уголовных дел, возбужденных по признакам совершения преступлений по ст. 230.1 и 230.2 УК РФ, а также перечня вспомогательного персонала спортсмена, дисквалифицированного за нарушение антидопинговых правил⁵, нами было установлено, что чаще всего лицами, осуществляющими действия

¹ Статья 230 УК РФ «Склонение к употреблению наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов».

² Статьи 228—228.4 УК РФ регламентируют ответственность за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров, ст. 234 УК РФ «Незаконный оборот сильнодействующих или ядовитых веществ в целях сбыта».

³ Всемирный антидопинговый кодекс. URL: <http://rusada.ru/documents/wada-code-and-other-international-standards/> (дата обращения: 14.09.2023).

⁴ Приказ Министерства спорта. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401407914/> (дата обращения: 14.09.2023).

⁵ Список персонала спортсмена, отбывающего дисквалификацию на данный момент по решению общероссийских федераций и международных федераций по видам спорта. URL: <https://rusada.ru/disqualifications/> (дата обращения: 18.09.2023).

по склонению спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, либо направленных на их использование спортсменом независимо от его согласия, являются ранее не судимые мужчины, среднего возраста, с высшим образованием, официально трудоустроенные в спортивных организациях и заинтересованные в высоких успехах спортсмена, поскольку достижения атлета потенциально могут обеспечить реализацию собственных карьерных и финансовых амбиций.

Учитывая табуированность употребления профессиональными атлетами субстанций и методов, повышающих их спортивные результаты, лица, причастные к совершению деяний, предусмотренных ст. 230.1 и 230.2 УК РФ, в основном действуют единолично. Рассматривая особенности механизма совершения и уголовно-правовой квалификации указанных преступлений, полагаем, что потенциальных преступников целесообразно дифференцировать на следующие группы профессиональной деятельности: тренер, специалист по спортивной медицине и иной специалист в области физической культуры и спорта.

Тренером, как правило, является официально трудоустроенное лицо, осуществляющее общее либо индивидуальное руководство тренировочными мероприятиями спортсмена (спортсменов) с целью достижения им (ими) высоких спортивных результатов.

Специалист по спортивной медицине — лицо, имеющее высшее образование по специальности «Лечебное дело» или «Педиатрия», послевузовское образование по специальности «Лечебная физкультура и спортивная медицина» или прошедшее профессиональную подготовку по специальности «Лечебная физкультура и спортивная медицина», официально трудоустроенное в спортивной организации, в должностные обязанности которого входит комплексное медицинское обследование, врачебное наблюдение, определение работоспособности и оценка физического состояния спортсмена¹.

К иным специалистам в области физической культуры и спорта, согласно Перечню, утвержденному приказом Минспорта России от 19 октября

2022 г. № 838² (далее — Перечень), относятся администраторы и аналитики тренировочного процесса, дежурные по залу, заведующие спортивной организацией и их заместители, переводчики, лица, осуществляющие ремонт спортивного инвентаря и техники, видеозапись тренировочного и соревновательного процесса, а также медицинское обслуживание тренировок и соревнований.

В то же время согласно анализу материалов уголовных дел, а также перечню вспомогательного персонала спортсменов, дисквалифицированного за нарушение антидопинговых правил, лицами, причастными к склонению атлета к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для применения в спорте либо направленных на их использование спортсменом независимо от его согласия, нередко выступают субъекты, официально трудоустроенные по профессии, не предполагающие возложение профессиональных обязанностей специальных субъектов ст. 230.1 и 230.2 УК РФ, но фактически выполняющие функции тренера, специалиста по спортивной медицине или лиц, включенных в Перечень [4], что, по нашему мнению, обуславливает целесообразность представления диспозиции рассматриваемых статей УК РФ в следующем виде: «...тренером, специалистом по спортивной медицине, иным специалистом в области физической культуры и спорта *либо лицом, фактически выполняющим их функции...*». Полагаем, что сформулированное предложение по дополнению текста ст. 230.1 и 230.2 УК РФ будет способствовать осуществлению более точной уголовно-правовой оценки конкретных деяний, связанных со склонением к использованию либо использованием в отношении спортсмена субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте.

В процессе изучения материалов уголовных дел, возбужденных по признакам совершения преступлений, предусмотренных ст. 230.1 и 230.2 УК РФ, а также перечня спортсменов, дисквалифицированных за нарушение антидопинговых правил³, мы уточнили криминалистическую характеристику личности потенциальных жертв. Так, жертвами противоправных деяний, склонными к использованию

¹ Квалификационные характеристики должностей работников в сфере здравоохранения. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_104261/607a43f47c9067aa1359e59b45d215bd9dbb1565/ (дата обращения: 14.09.2023).

² Перечень иных специалистов в области физической культуры и спорта в Российской Федерации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211230006?index=2> (дата обращения: 14.09.2023).

³ Список спортсменов, отбывающих дисквалификацию на данный момент по решению ПАА «РусАДА» (в ред. от 27.01.2023). URL: <https://rusada.ru/disqualifications/> (дата обращения 18.09.2023).

субстанций и (или) методов, запрещенных к использованию в спорте, чаще всего являются мужчины молодежной возрастной группы (от 18 до 29 лет), имеющие среднее профессиональное или высшее образование и являющиеся профессиональными спортсменами. Видом спорта, в котором наблюдается большее, по сравнению иными спортивными направлениями, количество зарегистрированных фактов употребления запрещенных субстанций и (или) методов, является легкая атлетика.

Способ совершения преступления. Структурное исследование механизма совершения противоправных действий, предусмотренных ст. 230.1 и 230.2 УК РФ, а также особенностей содержания механизма использования спортсменами субстанций и (или) методов, запрещенных для применения в спорте, произведенное с учетом результатов опроса специалистов в области физической культуры и спорта, позволило установить, что способ совершения рассматриваемых деяний можно условно разделить на три основных этапа: подготовка, совершение и сокрытие неправомерных деяний. Подготовка к склонению спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, либо их использованию в отношении спортсмена независимо от его согласия, характеризуется детальным изучением тренером, специалистом по спортивной медицине или иным специалистом в области физической культуры и спорта личности потенциальной жертвы, выявлением ее психологических особенностей, определением времени, места, средств и методов совершения неправомерных действий, приобретением необходимых лекарственных препаратов либо медицинского оборудования.

Осуществление данных действий производится максимально скрытно, поскольку использование в профессиональном спорте запрещенных субстанций или методов, повышающих результаты атлетов, является нарушением антидопинговых правил, норм уголовного законодательства и влечет за собой временную либо бессрочную дисквалификацию спортсмена и отстранение от участия в соревнованиях, а также лишение полученных наград и титулов.

Сведения, выявленные в ходе подготовки к совершению рассматриваемой группы преступлений, включающие информацию о личности потенциальной жертвы и ее психологических особенностей, во многом обуславливают способ совершения рассматриваемых деяний, заключающийся в побуждении спортсмена к использованию запрещенных в спорте субстанций и методов либо осу-

ществлении действий, направленных на их использование в отношении спортсмена.

Наиболее типичными способами совершения деяний, предусмотренных ст. 230.1 и 230.2 УК РФ, являются следующие:

— демонстрация чужого примера, осуществляемая путем систематического сообщения спортсмену информации о непрерывном прогрессе его противников, слабом контроле за нарушением антидопинговых правил, наличии действенных методов сокрытия следов применения запрещенных субстанций и (или) методов, а также невозможности достижения высоких спортивных результатов без использования указанных субстанций и (или) методов;

— психологическое давление на спортсмена, заключающееся в предоставлении выбора радикальных позиций: либо согласие на применение запрещенных в спорте субстанций и (или) методов, т. е. нарушение антидопинговых правил, либо отстранение от тренировочного процесса, увольнение из сборной команды;

— шантаж, проявляемый в угрозе распространения компрометирующих спортсмена сведений либо заведомо ложной информации в целях склонения последнего к использованию запрещенных в спорте субстанций и (или) методов;

— обман (подлог), заключающийся в предоставлении недостоверных сведений о свойствах и составе веществ, чаще всего спортивного питания, добавок и витаминов, содержащих запрещенные в спорте субстанции и (или) вещества.

От выбора способа совершения преступления, согласно анализу материалов уголовных дел и полученной в результате опроса специалистов в области физической культуры и спорта информации, зависят способы сокрытия неправомерных деяний, которые условно можно разделить на социальные и механические.

К социальным, как представляется, относятся методы, направленные на сокрытие от общественности информации об использовании спортсменом запрещенных субстанций и (или) методов путем создания легенды об использовании новых методов и подходов к тренировочному процессу, генетической предрасположенности спортсмена к занятию определенным видом спорта, сокрытие факта тесных связей между преступником и жертвой либо личной заинтересованности в успехах атлета.

К механическим способам сокрытия совершения рассматриваемых действий следует относить подмену допинг-проб, полученных от спортсмена, а также использование специальных лекарственных

препаратов и методов, направленных на ускорение выведения из организма следов применения запрещенных в спорте субстанций и (или) методов.

Как правило, в ходе совершения противоправных действий, предусмотренных ст. 230.1 и 230.2 УК РФ, социальные и механические способы сокрытия следов неправомерных деяний реализуются в комплексе.

Обстановка совершения преступления и механизм слеодообразования. Механизм слеодообразования и обстановка совершения рассматриваемых видов преступлений во многом обусловлены выбором способа подготовки, совершения и сокрытия следов неправомерных действий. Следовой комплекс при этом часто представлен идеальными и материальными, в том числе цифровыми, следами.

Идеальные следы достаточно часто выражены в виде показаний потерпевших, участников спортивной организации, медицинского персонала, иных специалистов в области физкультуры и спорта, родственников потерпевшего, содержащих сведения о месте реализации и использования запрещенных субстанций и (или) методов, лицах, осуществляющих склонение спортсмена к их употреблению, способах подготовки и сокрытия следов преступления, а также иную криминалистически значимую и ориентирующую информацию.

Материальные следы в основном представлены:

— субстанциональными следами, т. е. непосредственно веществами, запрещенными к использованию в спорте;

— следами-предметами — медицинскими инструментами, необходимыми для использования субстанций и реализации методов, запрещенных в спорте (шприцы, капельницы и т. д.), поддельными медицинскими рецептами на приобретение лекарственных препаратов, упаковкой запрещенных в спорте веществ и т. п.;

— следами-отображениями в виде следов рук субъектов, причастных к совершению противоправных деяний, транспортных средств, используемых

для перемещения запрещенных в спорте субстанций и медицинского оборудования, а также иных следов контактного происхождения, сопровождающих совершение противоправного деяния;

— микроследами запрещенных в спорте веществ (например, кардионата, милдроксина) и субстанций, происходящих от потерпевшего (например, микроколичества крови), на объектах вещной обстановки;

— цифровыми следами, содержащимися в электронном оборудовании и цифровых носителях информации (смартфонах, ноутбуках, флеш-накопителях), и сохраняющими ценную криминалистически значимую информацию о поставщиках запрещенных в спорте субстанций, месте использования запрещенных веществ, методах их введения, способах конспирации и т. д.

Обстановкой совершения деяний, предусмотренных ст. 230.1 и 230.2 УК РФ, согласно анализу материалов уголовных дел, а также источников научно-практического характера [5—7], в 50 % случаев являются спортивные залы, раздевалки и кабинеты тренеров, в 30 % — медицинские кабинеты, в 20 % — места жительства спортсмена, тренера, специалиста по спортивной медицине и иных специалистов в области физической культуры и спорта, а также транспортные средства, принадлежащие указанным лицам.

Подводя итог анализу уточненных и дополненных элементов видовой криминалистической характеристики рассматриваемых преступлений, отметим, что полученные данные не только обеспечивают системность и глубину познания субъектом расследования конкретного противоправного деяния в целях выбора оптимальной тактики проведения первоначальных следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий, но и способствуют формированию новых социально-правовых подходов к профилактике деяний, направленных на склонение спортсмена к использованию запрещенных в спорте субстанций и (или) методов, а также на их использование в отношении атлетов.

1. Сергеев Л. А. Расследование и предупреждение хищений, совершаемых при производстве строительных работ: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1966. 415 с.

2. Митричев С. П. Теоретические основы советской криминалистики (Введение в науку): учеб. пособие для студентов ВЮЗИ. Москва: РИО ВЮЗИ, 1965. 92 с.

3. Криминалистика: тактика, организация и методика расследования преступлений: учебник /

1. Sergeyev L. A. Investigation and prevention of thefts committed while realizing construction work. Dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 1966: 415. (In Russ.).

2. Mitrichev S. P. Theoretical foundations of the Soviet criminology (introduction to science). Textbook for students for All-Russian Law Correspondence Institute. Moscow: Publishing office of All-Russian Law Correspondence Institute; 1965: 92. (In Russ.).

под ред. А. П. Резвана, М. В. Субботиной, Ю. В. Харченко. Волгоград: ВА МВД России, 2000. 142 с.

4. Власов П. Е., Машугина Е. В. Допинг в спорте: проблемы определения субъектов административных правонарушений и преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2021. № 2(97). С. 235—244.

5. Кулямина О. С., Тарасова М. И., Бронникова Е. М. Отношение спортсменов высокого класса к допингу в спорте и мерам противодействия ему // Социальная политика и социология. 2021. Т. 20, № 2 (139). С. 134—143.

6. Досова А. М., Рустамзода З. Р. Материальные следы преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, и их классификация // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2019. № 2 (42). С. 28 015135.

7. Алексеева А. П. Преступления в сфере спорта: криминалистическое исследование: монография. Волгоград: Перископ-Волга, 2018. 312 с.

3. Criminalistics: Tactics, organization and methods of crime investigation. Textbook. Ed. by A. P. Rezvan, M. V. Subbotin, Yu. V. Kharchenko. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2000: 142. (In Russ.).

4. Vlasov P. Ye. Mashugina Ye. V. Doping in sports: problems of determining the subjects of administrative offenses and crimes. Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 235—244, 2021. (In Russ.).

5. Kulyamina O. S., Tarasova M. I., Bronnikova Ye. M. Attitude of high-qualified athletes to doping in sport and measures to face it. Social politics and sociology, 134—143, 2021. (In Russ.).

6. Dosova A. M., Rustamzoda Z. R. Physical traces of crimes related to illicit trafficking narcotic drugs, psychotropic substances and their classification. Scientific Works of the Academy of the Ministry of Interior of the Republic of Tajikistan, 28—35, 2019. (In Russ.).

7. Alexeyeva A. P. Crimes related to sports sphere. Criminalistic research. Monograph. Volgograd: Periscope-Volga; 2018: 312. (In Russ.).

Гусева Светлана Дмитриевна,
преподаватель кафедры
административной деятельности
и охраны общественного порядка
Волгоградской академии МВД России;
G08081981@yandex.ru

Guseva Svetlana Dmitrievna,
lecturer at the department
of administrative activities
and public order protection
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
G08081981@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 13.10.2023; одобрена после рецензирования 23.10.2023; принята к публикации 17.11.2023.

The article was submitted 13.10.2023; approved after reviewing 23.10.2023; accepted for publication 17.11.2023.

* * *

УДК 343.985.7:343.34
doi: 10.25724/VAMVD.A202

**ВОЗМОЖНОСТИ ПОЛУЧЕНИЯ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ
В ХОДЕ ОСМОТРА МОБИЛЬНОГО УСТРОЙСТВА
ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СВЯЗАННЫМ
С НЕЗАКОННЫМ СБЫТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
СОВЕРШЕННЫМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СЕТИ
«ИНТЕРНЕТ»**

Алена Николаевна Еремеева*, **Александр Владимирович Золотарев****

* Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск, Россия, alena.ermeeva91@mail.ru

** ЭКЦ ГУ МВД России по Красноярскому краю, Красноярск, Россия, Zolotarev_av@inbox.ru

Аннотация. В статье исследуются возможности обнаружения виртуальных следов в ходе осмотра мобильного устройства, выступающего средством совершения незаконного сбыта наркотических средств с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Анализируются позиции отечественных ученых, обращавшихся к изучению механизмов совершения преступлений с использованием средств мобильной связи и сети Интернет.

По результатам проведенного исследования обосновывается возможность осмотра мобильного устройства без привлечения специалиста. Авторы обращают внимание на тот факт, что сложность производства следственного осмотра указанных устройств заключается в недостаточных навыках и умениях следователей самостоятельного обнаружения и изъятия данных, находящихся в их памяти.

В целях повышения качества осмотра мобильных устройств в рамках расследования преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотических средств, совершенным с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», предложен его детальный алгоритм, что позволит следователям получить криминалистически значимую информацию без помощи специалиста и (или) вне производства компьютерной экспертизы.

Ключевые слова: сбыт наркотических средств, осмотр, мобильное устройство, виртуальные следы, электронные следы, компьютерная информация

Для цитирования: Еремеева А. Н., Золотарев А. В. Возможности получения криминалистически значимой информации в ходе осмотра мобильного устройства по преступлениям, связанным с незаконным сбытом наркотических средств, совершенным с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 4 (67). С. 137—149. doi: 10.25724/VAMVD.A202

**METHODS TO OBTAIN SIGNIFICANT
CRIMINALISTIC INFORMATION
WHILE INSPECTING MOBILE DEVICES
FOR CRIMES RELATED TO ILLEGAL DRUG SALE
AND COMMITTED BY USING INFORMATION
AND TELECOMMUNICATION NETWORK "INTERNET"**

Alena Nikolayevna Yermeeva*, **Aleksandr Vladimirovich Zolotarev****

* Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk, Russia, alena.ermeeva91@mail.ru

** Forensic Science Centre of the Main Directorate of the Ministry of the Interior of Russia for the Krasnoyarsk Region, Krasnoyarsk, Russia, Zolotarev_av@inbox.ru

Abstract. The article deals with methods for detecting virtual traces by the inspection of a mobile device as a means of committing drug traffic related offences with the use of the data and telecommunications network

"Internet". The viewpoints of the national scientists studying mechanisms of crimes committed by using means of mobile communications and the network "Internet" are analyzed.

Based on the results of the research work, the possibility of inspecting a mobile device without involving a specialist is substantiated. The authors draw attention to the fact that the complexity of conducting an investigative inspection of the above-noted devices consists in the insufficient skills and abilities of investigators to detect and retrieve data out of storage space units.

In order to improve the quality of the inspection of mobile devices as a part of investigating drug traffic related offences committed with the use of the data and telecommunications network "Internet" a specified algorithm is proposed. It will make investigators able to obtain investigative significant information without specialized assistance and (or) computer forensic analysis.

Keywords: drug sale, inspection, a mobile device, virtual traces, electronic traces, computerized information

For citation: Yermeeva A. N., Zolotarev A. V. Methods to obtain significant criminalistic information while inspecting mobile devices for crimes related to illegal drug sale and committed by using information and telecommunications network "Internet". Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 137—149, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A202

Современное состояние преступности в сфере незаконного оборота наркотиков на территории Российской Федерации характеризуется расширением масштабов противоправной деятельности. За 2022 г. в Российской Федерации зарегистрировано 177 741 преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств. Данный показатель снизился на 1,1 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, однако в некоторых субъектах Российской Федерации обстановка остается напряженной (прирост данных преступлений в Ямало-Ненецком Автономном Округе составил 59,6 %, в Новосибирской области — 51,8 %)¹.

Кроме того, снизились показатели по выявлению лиц, совершивших преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, как в Российской Федерации в целом (–6,4 %), так и по территориальным формированиям (Красноярский край — –4 %, Волгоградская область — –5,6 %, республика Бурятия — –17,1 %)².

Отмечается удельный рост зарегистрированных преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, совершенных с применением информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», — в 2021 г. их число составило порядка 59 000, что в полтора раза больше аналогичного периода прошлого года³.

Среди преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, наибольшую опасность представляет сбыт наркотиков, который, с одной стороны, подрывает здоровье населения, а с другой — дестабилизирует экономическое состояние страны за счет легализации денежных средств, полученных от противоправной деятельности.

В результате анализа следственной и судебной практики можно сделать вывод о том, что в настоящее время сбыт наркотических средств совершается организованными преступными группами с использованием интернет-магазинов, осуществляющих свою противоправную деятельность через размещенные в сети Интернет сайты, а также через интернет-каналы в кросс-платформенной системе мгновенного обмена сообщениями Telegram, доступ к которым в большинстве случаев осуществляется с помощью мобильного устройства⁴.

По данным исследования, проводимого интернет-порталом об информационных технологиях и информационной безопасности Global Report Digital, количество уникальных пользователей мобильных устройств за 2022 г. достигло 5,31 млрд человек, что составляет более 67 % мирового населения⁵.

Под мобильным устройством понимается устройство со специализированными, универсальными функциями, работающее автономно от источника питания, имеющее небольшие габаритные

¹ Состояние преступности в России за январь — декабрь 2022 г. // Генеральная Прокуратура Российской Федерации: офиц. сайт. Москва. URL: <https://genproc.gov.ru> (дата обращения: 30.01.2022).

² Там же.

³ Выступление Министра внутренних дел Российской Федерации генерала полиции В. А. Колокольцева на заседании Государственного антинаркотического комитета 17 декабря 2021 г. // МВД России: офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф/news> (дата обращения: 17.12.2022).

⁴ В рамках исследования было изучено 15 уголовных дел, находящихся в производстве следователей ГСУ МВД России по Красноярскому краю, 7 апелляционных приговоров Верховного Суда Российской Федерации.

⁵ Отчет Digital 2022 Global Overview. URL: <https://vc.ru/marketing> (дата обращения: 10.04.2023).

размеры (мобильные телефоны, планшеты, электронные книги и пр.) [1].

В результате анализа криминалистической литературы, а также правоприменительной практики можно констатировать, что в настоящее время данные устройства выступают средством совершения преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств [2; 3]. Указанное обстоятельство обуславливает необходимость проведения следственных осмотров мобильных устройств, находящихся в пользовании у лиц, совершающих сбыт наркотических средств с использованием сети Интернет, поскольку значимость информации, которая может быть при этом получена, трудно переоценить.

В процессе осмотра мобильного устройства следователем могут быть обнаружены как следы-отображения (материальные следы, например следы рук), так и виртуальные следы, расположенные в самом электронном устройстве (фотографии и адреса «закладок» с наркотическим средством, переписка членов преступной группы и пр.). Указанные следы несут в себе криминалистически значимую информацию для расследования, которая может способствовать формированию доказательственной базы, а также изобличить не только пользователя мобильного устройства, но и других лиц, причастных к совершению сбыта наркотических средств с использованием сети Интернет.

Несмотря на очевидность существования и необходимость изъятия виртуальных следов, в науке криминалистике до настоящего времени существует дискуссия относительно их сущности и наименования.

А. Ф. Волынский, В. П. Лавров, О. А. Решняк определяют такие следы как компьютерные и раскрывают их сущность через компьютерную информацию, связанную с событием преступления, отражающую свойства материальных объектов, результат взаимодействия пользователя с вычислительной техникой, либо сведения о процессе ввода, обработки и получения информации, содержащиеся на машинных носителях [4; 5].

Противоположной точки зрения придерживаются В. Б. Вехов, Б. П. Смагоринский и С. А. Ковалев, которые считают, что такие следы являются электронными, так как они передаются с помощью изменения напряженности электрического поля и магнитной индукции (электромагнитных колебаний) и остаются в компьютерных устройствах, на носителях электронной информации [6].

В. А. Мещеряков, С. И. Земцова, Д. В. Ким, А. В. Климачков, А. В. Шебалин определяют такие

следы как виртуальные и раскрывают их сущность через изменение состояния информационной системы, вызванное совершением преступления и зафиксированное в виде компьютерной информации [7—9]. Указанный подход к сущности и наименованию рассматриваемых следов кажется авторам наиболее подходящим. Преступники, совершая бесконтактный сбыт наркотических средств с использованием сети Интернет, формируют следы, которые отражают событие преступления в виртуальном пространстве и могут быть зафиксированы в компьютерной системе или на материальном носителе. Поэтому при расследовании незаконного сбыта наркотических средств, совершенного с использованием сети Интернет, необходимо производить действия, направленные на поиск и фиксацию информации, расположенной, в том числе, в мобильном устройстве, находящемся в пользовании у каждого участника преступной группы.

Сложность производства следственного осмотра мобильного устройства обусловлена недостаточным наличием у следователей навыков и умений по самостоятельному обнаружению и изъятию криминалистически значимой информации.

Вместе с тем, планируя проведение указанного следственного действия, следователь может принять следующие решения:

- 1) о целесообразности назначения компьютерной экспертизы;
- 2) проведении осмотра предмета с участием специалиста;
- 3) проведении следственного осмотра следователем (дознавателем) самостоятельно, без участия специалиста.

Принятие следователем последнего решения обусловлено несколькими факторами. Во-первых, осмотр мобильного устройства с участием специалиста и производство компьютерной экспертизы актуально в тех ситуациях, когда у следователя на основании данных предварительного расследования имеются предположения о том, что информация, содержащаяся на устройстве, располагается в удаленном виде, а сам предмет осмотра имеет парольную защиту. Во-вторых, рост объема изымаемых электронных устройств приводит к увеличению средней продолжительности производства компьютерной экспертизы, а также к ограничению возможности привлечения специалистов к осмотрам указанных предметов.

В случаях, когда осмотр устройства не связан с применением специализированных технических средств и аппаратно-программных комплексов, апробированных и внедренных для обеспечения

судебно-экспертной деятельности¹, следователь может самостоятельно, без помощи специалиста произвести осмотр указанного предмета.

Для реализации возможности самостоятельного осмотра мобильного устройства следователя необходимо обеспечить детально разработанным алгоритмом производства указанного следственного действия.

В результате анализа следственной и судебной практики было установлено, что самым распространенным средством совершения незаконного сбыта наркотических средств, совершенного с использованием сети Интернет, из числа мобильных устройств выступает мобильный телефон².

Авторы статьи предлагают рекомендации следователям по производству осмотра мобильного устройства без помощи специалиста на примере мобильного телефона. Следует отметить, что любое мобильное устройство имеет типовую структуру хранения информации, что позволяет применять указанный алгоритм ко всем устройствам.

Тактика производства осмотра мобильного телефона включает в себя три этапа: подготовительный, рабочий и заключительный. Подготовительный этап, как правило, не представляет никакой сложности и заключается в выполнении ряда действий (определение места и времени производства следственного действия, выполнение процессуальных требований). Рассматриваемый этап также предполагает получение судебного решения на осмотр телефона в случаях, когда в деле имеется информация о том, что указанное следственное действие будет связано с изучением и фиксацией переписок пользователя устройства с иными лицами. Данный вопрос более подробно рассматривается авторами далее при описании алгоритма изучения кросс-платформенной системы мгновенного обмена сообщениями Telegram.

После окончания подготовительного этапа осмотра телефона начинается рабочий этап, кото-

рый состоит из двух стадий — статической и динамической.

Содержание статической стадии рабочего этапа указанного следственного действия заключается в изучении внешнего вида предмета с перечислением общих (наименование, марка телефона, размер, цвет, конструкция и пр.) и частных (потертости, царапины, сколы на корпусе и дисплее и др.) признаков, которые также необходимо зафиксировать в протоколе следственного осмотра. Алгоритм дальнейших действий будет обуславливаться состоянием самого телефона. Так, А. В. Пупцева советует не включать мобильное устройство, если оно находится в выключенном состоянии: «Следователь должен предполагать, что на телефоне может стоять какая-либо защитная программа („Антивор“, „Чужак“), и при включении аппарата иным лицом (не пользователем устройства) может быть удалена важная информация, подтверждающая преступное деяние, либо телефон может полностью заблокироваться» [10, с. 146].

При выключенном телефоне следователем может быть принято одно из решений:

1) о продолжении следственного осмотра с участием специалиста, так как возникла необходимость в применении специализированных средств и аппаратно-программных комплексов, апробированных и внедренных для обеспечения судебно-экспертной деятельности;

2) окончании следственного действия и необходимости назначения компьютерной экспертизы, при этом описательная часть протокола осмотра предмета будет ограничиваться лишь описанием его внешнего вида с перечислением общих и частных признаков, его состояния.

Мобильный телефон, находящийся во включенном состоянии, следует перевести в автономный режим работы (авиарежим). Такой режим позволяет отключить на устройстве мобильную связь, тогда как другие возможности, не требующие доступа к Интернету, могут быть использованы. Активация автономного режима работы необходима для сохранения заряда батареи, а также для предупреждения удаленного доступа к информации, хранящейся на устройстве других лиц, в ходе которого существует возможность уничтожения данной информации, блокировки мобильного устройства, а также сброса до заводских настроек.

Внешние признаки осматриваемого предмета, его состояние, действия следователя, выполняемые по переводу устройства в автономный режим работы, должны быть отражены в протоколе следственного действия.

¹ К таким можно отнести разработки российских компаний МКО «Системы» («Мобильный криминалист Эксперт Плюс»), ООО «Элкомсофт» (Elcomsoft Premium Forensic Bundle), ООО НПП «АСЕ» (программно-аппаратный комплекс PC-3000 Mobile), израильской компании Cellebrite (Cellebrite UFED), американской компании Passware Inc. (Passware kit mobile), шведской компании MSAB (XRY).

² При исследовании именно этого вопроса было изучено 10 уголовных дел, находящихся в производстве следователей ГСУ МВД России по Красноярскому краю, 8 апелляционных приговоров Верховного Суда Российской Федерации.

Далее следователь может перейти к динамической стадии рабочего этапа следственного осмотра мобильного устройства. Комплекс действий, выполняемых на данной стадии, условно можно разделить на осмотр аппаратного и программного обеспечения телефона.

Осмотр аппаратного обеспечения указанного предмета включает в себя установление таких элементов, как пользовательский интерфейс (дисплей, клавиатура, фотовидеокамера и пр.), установление IMEI — уникального числа для каждого аппарата, которое присваивается мобильному устройству в процессе изготовления на заводе [8]. Как правило, IMEI можно обнаружить под аккумуляторной батареей, на задней крышке, на металлической рамке-держателе SIM-карты либо с помощью набора следующих символов на клавиатуре устройства *#06#. Установленные элементы с их буквенно-цифровыми символами фиксируются в протоколе осмотра предмета.

После завершения данной стадии следователь переходит к изучению программного обеспечения телефона.

Анализ правоприменительной деятельности позволяет сделать вывод о том, что по делам о незаконном сбыте наркотических средств, совершенном с использованием сети Интернет, виртуальные следы, расположенные в мобильном устройстве, чаще всего содержатся в памяти телефона, в графических файлах, кросс-платформенной системе мгновенного обмена сообщениями Telegram, в программах для поиска и просмотра информации из сети Интернет — браузерах (Google, Chrome, Android Browser, Opera и др.), приложениях, построенных на основе картографического сервиса (Google карты, «Яндекс навигатор» и т. п.) и во втором пространстве (Second space). Алгоритм осмотра указанных элементов будет заключаться в следующем.

1. Изучение графических файлов.

Графические файлы располагаются в памяти мобильного устройства в виде снимков экрана, фотографий, скачанных изображений и т. д. В данных файлах может содержаться информация о местах расположения «закладок» с наркотическим средством.

Особое внимание в ходе осмотра мобильного устройства необходимо уделить удаленным графическим файлам, которые содержатся в специальных альбомах ограниченное время (как правило, 30 дней). В разных моделях мобильных устройств эти альбомы имеют различное название, например

«Недавно удаленные», «Корзина» и т. п. Для сохранения графических файлов в памяти мобильного устройства необходимо восстановить их из указанных альбомов (рис. 1—2) путем выбора действия («Восстановить», «Восстановить все»). Каждое действие следвателя должно быть отражено в протоколе следственного действия (к примеру: «...В ходе осмотра фотоальбома под названием „Недавно удаленные“, расположенного на мобильном устройстве, было установлено десять фотографий, которые с помощью команды „Восстановить“ были перенесены в общий альбом...»). В ходе обнаружения графических файлов, имеющих криминалистически значимую информацию, следователь описывает указанные файлы в протоколе осмотра предмета. Кроме того, данные файлы могут быть зафиксированы при помощи фотосъемки экрана мобильного устройства, после чего следователь может скопировать файлы с помощью подключения телефона к персональному компьютеру через USB-порт. Скопированные файлы записываются на дисковый носитель (прилагаемый к протоколу следственного действия).

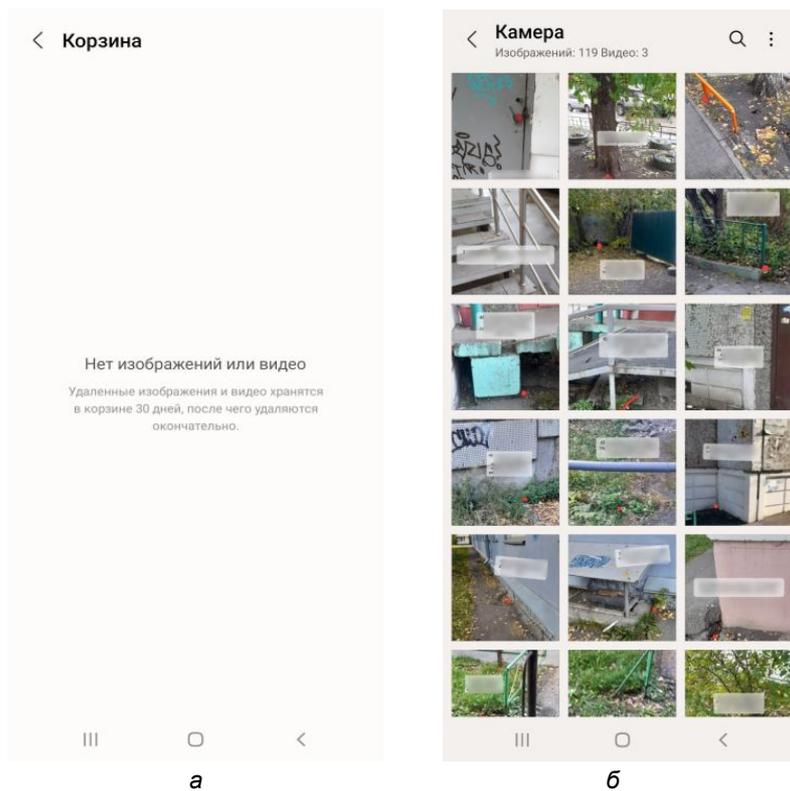
В ходе осмотра мобильного устройства также может быть осуществлена видеосъемка, о применении которой следователь делает соответствующую запись в протоколе следственного осмотра.

II. Изучение кросс-платформенной системы мгновенного обмена сообщениями Telegram, в ходе которого можно получить следующую криминалистически значимую информацию.

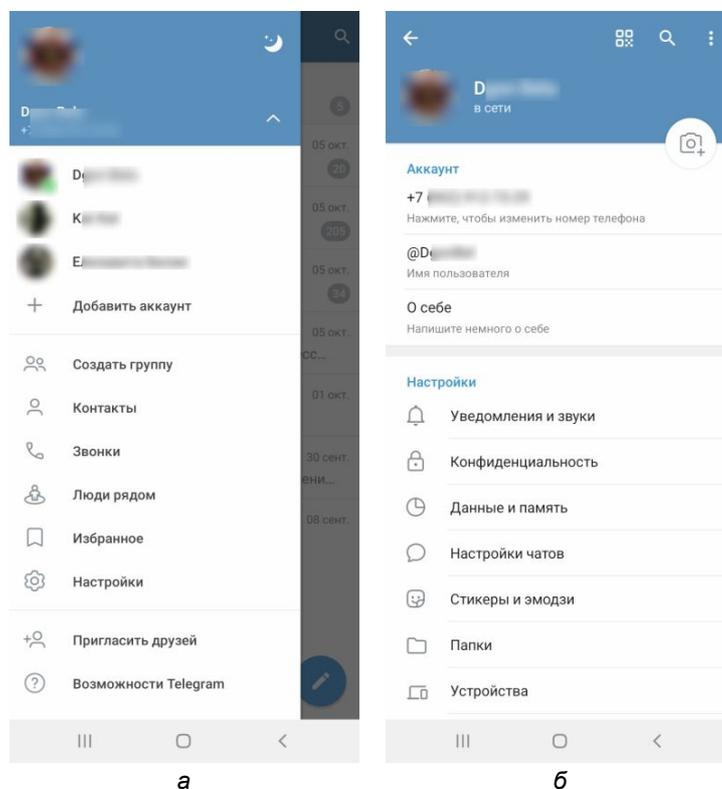
1. Об абонентском номере пользователя Telegram, зарегистрированном в данной системе, и абонентских номерах других лиц, расположенных в «Контактах» (телефонная книга).

Указанную информацию можно обнаружить путем входа в систему Telegram, через приложение, расположенное в мобильном телефоне. При переходе на вкладку «Настройки», находящуюся в интерфейсе Telegram, следователь может получить информацию об абонентском номере, привязанном к системе Telegram, о недавних звонках, совершенных внутри системы между абонентами, и др.

При переходе к вкладке «Контакты» следователь может осмотреть аккаунты с абонентскими номерами, сохраненные у пользователя мобильного устройства, зарегистрированного в системе Telegram (рис. 2). Указанная информация должна быть описана следвателем в протоколе следственного действия. Возможна также фиксация осматриваемых файлов при помощи фотосъемки экрана мобильного устройства.

Рис. 1. Восстановленные из «Корзины» (а) в ходе осмотра мобильного устройства графические файлы (б)

Рис. 2. Информация, обнаруженная в ходе осмотра мобильного устройства, о количестве аккаунтов (а) и их регистрационных данных (б) в Telegram

2. О содержании переписки между участниками преступной группы (места «закладок» с наркотическим средством, способы оплаты, сведения о функциональных обязанностях каждого участника, графические файлы и т. д.).

Осмотр переписки, расположенной в телефоне, до сих пор остается дискуссионным с точки зрения необходимости получения судебного решения. Часть авторов считают, что сведения, которые хранятся в электронных сообщениях на мобильном устройстве, могут быть получены только на основании судебного решения [11; 12]. Другие российские процессуалисты полагают, что между осмотром телефона и осмотром любого другого предмета нет принципиальной разницы, вследствие чего правоохранительным органам не требуется получение судебного решения [13].

Анализ судебной практики показал, что представители следственных подразделений в большинстве случаев проводят осмотр личных переписок, находящихся в памяти устройства, без такового решения¹. Сторона защиты при этом неоднократно оспаривала указанные действия в судебных инстанциях, где в одних случаях суды поддерживали правоприменителей², в других — признавали такие осмотры недопустимыми доказательствами по уголовному делу³.

Оставив рассмотрение полярных подходов за рамками данной статьи, авторы придерживаются позиции о необходимости получения судебного решения в случае, если имеется необходимость в просмотре сообщений, хранящихся в памяти мобильного аппарата, по следующим основаниям:

— ст. 23 Конституции Российской Федерации гласит, что каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну,

защиту своей чести и доброго имени, а также на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничение этого права допускается только на основании судебного решения⁴;

— дополнительным аргументом в пользу получения судебного решения можно считать положение ч. 7 ст. 185 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), которое гласит, что «при наличии достаточных оснований полагать, что сведения, имеющие значение для уголовного дела, могут содержаться в электронных сообщениях или иных передаваемых по сетям электросвязи сообщениях, следователем по решению суда могут быть проведены их осмотр и выемка»⁵.

Осматриваемые сообщения, содержащие криминалистически значимую информацию, в рамках расследования преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотических средств, совершенных с использованием сети Интернет, фиксируются дословно в протоколе осмотра предмета. Кроме того, можно использовать фотосъемку экрана осматриваемого устройства.

В ходе изучения содержания переписки, которая может располагаться в чатах Telegram, как между единичными абонентами (членами преступной группы), так и в специально созданной группе также могут быть обнаружены текстовые документы, видеофайлы и графические файлы, отражающие отдельные этапы преступной деятельности. При открытии каждого чата, расположенного в системе Telegram, следователь может получить доступ к графическим и видеофайлам, которые когда-либо были отправлены участниками данного чата, а также получить иную криминалистически значимую информацию (рис. 3, 4). Указанные файлы описываются в протоколе следственного действия и при необходимости фиксируются с использованием фотосъемки.

¹ При исследовании именно этого вопроса было изучено 5 апелляционных приговоров Верховного Суда Российской Федерации.

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Прозоровского Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 176, 177 и 195 УПК РФ: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 января 2018 г. №189-О // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.09.2023).

³ Приговор Курганского городского суда (Курганская область) от 25 июня 2014 г. по делу № 1-230/2014. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/JSenR8sWkgdu/> (дата обращения: 12.09.2023).

⁴ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями на 4 октября 2022 года). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 17.02.2023, с изм. от 18.07.2022). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

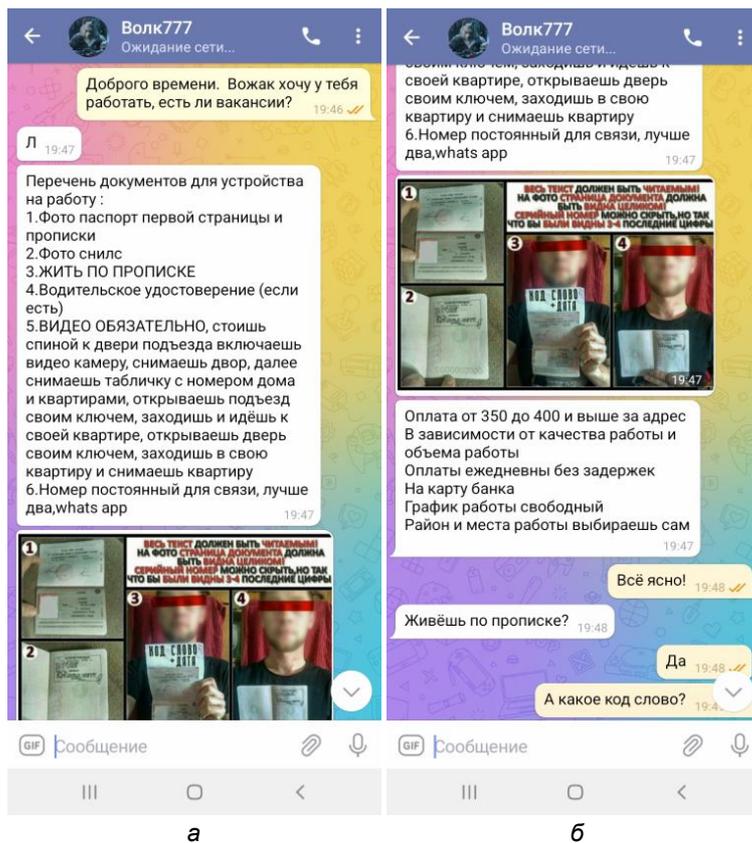

Рис. 3. Информация (дата начала преступной деятельности), обнаруженная в ходе изучения переписки пользователей одного из чатов системы Telegram, зафиксированная в ходе осмотра мобильного устройства

Рис. 4. Графический файл «закладки» с наркотическим средством, обнаруженный в ходе изучения переписки пользователей одного из чатов системы Telegram

Активное использование Telegram в противоправной деятельности преступных групп по сбыту наркотических средств, совершенных с использованием сети Интернет, в частности, обусловлено встроенной функцией «Архивные чаты», которые невозможно обнаружить при обычном осмотре

всех имеющихся переписок. Такие каталоги можно найти путем перелистывания вниз списка всех сообщений, расположенных в приложении Telegram (рис. 5). Указанное действие должно находить свое отражение в протоколе следственного осмотра. При необходимости производится фотосъемка.

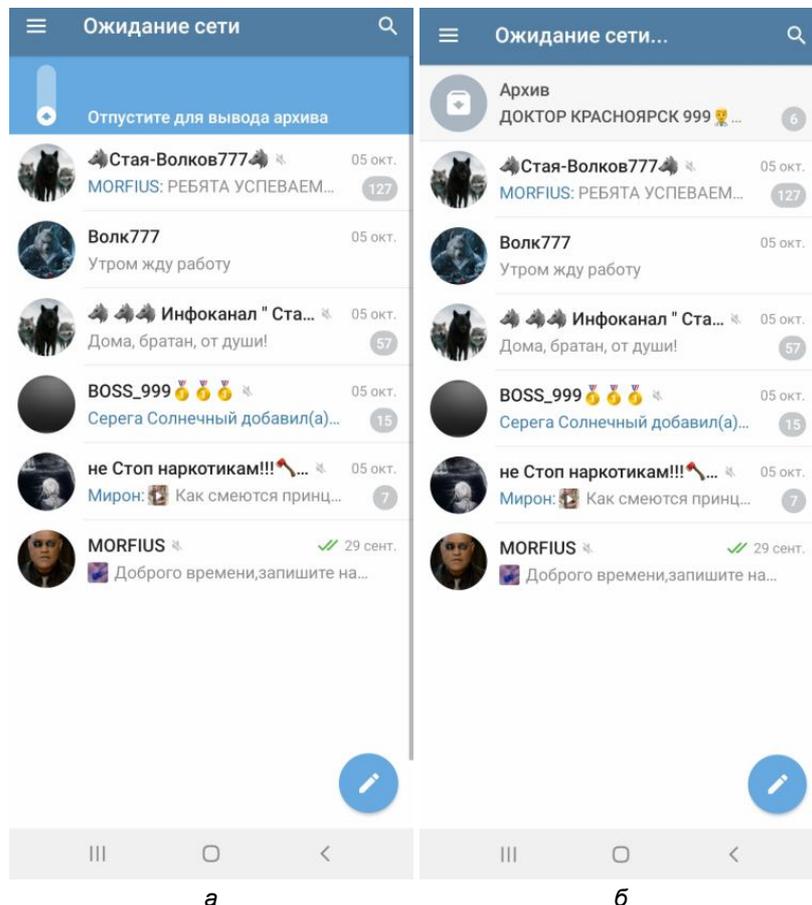

Рис. 5. Скрытый каталог «Архив», обнаруженный в системе Telegram, в ходе осмотра мобильного устройства

Если в ходе осмотра мобильного устройства не удастся обнаружить приложение Telegram, необходимо проверить внутреннюю память осматриваемого предмета на наличие каталогов — «Фотоальбом», «Музыка», «Документы». Внутреннюю память телефона можно обнаружить через приложение «Файлы» (в зависимости от оболочки операционной системы мобильного устройства указанное приложение может именоваться «Мои файлы», Files, «Проводник», File manager и т. п.). Во внутренней памяти могут располагаться каталоги Telegram Images, Telegram Video, Telegram Audio, Telegram Documents, Telegram Files, в которых сохранена графическая, видео- и аудио-, а также

документальная информация, скачанные и просмотренные файлы, даже если само приложение Telegram было удалено. Эти файлы могут быть осмотрены без их восстановления внутри указанных каталогов по алгоритму, приведенному авторами ранее.

III. Изучение программ для поиска и просмотра информации из сети Интернет — браузеров (Google, Chrome, Android Browser, Opera и др.), установленных на мобильном телефоне.

Криминалистически значимую информацию в рамках расследования сбыта наркотических средств, совершенного с использованием сети Интернет, можно получить при ознакомлении

с историей просмотра веб-страниц и закладок указанных браузеров (форумы, на которых члены преступной группы могли общаться между собой, сведения о химических реагентах, инструкции по созданию новых психоактивных веществ, анонимные фотохостинги¹ и др.).

Историю просмотра веб-страниц браузеров можно осмотреть путем перехода на вкладку «Настройки». Указанная вкладка в зависимости от используемого браузера может располагаться в разных местах. Например, в браузере Chrome вкладка «Настройки» располагается в правом верхнем углу телефона в виде трех точек. В браузере «Яндекс» вкладка «Настройки» располагается снизу экрана в виде квадрата с цифрой (цифра — количество открытых вкладок). При переходе на данную вкладку на экране телефона появится значок в виде часов, при выборе которого откроется «История» посещения веб-страниц. В браузере Opera необходимо перейти в профиль пользователя, который обозначается в виде круга с силуэтом человека внутри, после чего осуществить вход во вкладку под именем «История».

При переходе на вкладку «История» на экране мобильного устройства отобразится информация обо всех веб-страницах с адресами электронных ресурсов (URL-адреса), на которые владельцем телефона осуществлялся переход. Указанные страницы располагаются по дате посещения пользователем самой последней веб-страницы (самая верхняя в строке) до самой первой.

Закладки указанных браузеров возможно осмотреть также путем перехода на вкладку «Закладки» через вкладку «Настройки». В «Закладках» отобразятся URL-адреса всех веб-страниц, сохраненных пользователем специально.

URL-адреса веб-страниц, расположенные в истории просмотра и закладках браузеров, должны быть зафиксированы в протоколе следственного осмотра предмета. В последующем указанные адреса должны быть осмотрены следователем с использованием персонального компьютера с выходом в сеть Интернет в ходе производства осмотра электронного документа [8].

Все вышеперечисленные действия следователя должны быть отражены в протоколе следственного осмотра предмета с возможностью осуществления фотосъемки.

¹ Цифровой сервис, который позволяет публиковать изображения в Интернете без регистрации личных данных.

IV. Кроме того, осмотру должны быть подвергнуты приложения, построенные на основе картографического сервиса (Google карты, «Яндекс навигатор» и т. п.), расположенные на мобильном устройстве. В истории поиска данных сервисов могут отражаться различные места с адресами, которые вводились туда пользователем телефона.

Доступ к истории поиска в сервисе Google карты можно получить путем однократного нажатия на строку поиска. В результате этого следователем могут быть обнаружены различные адреса от самого последнего введенного адреса пользователем (самый верхний в строке) до самого первого.

В «Яндекс навигаторе» история поиска может быть обнаружена через кнопку поиска (значок лупы). При нажатии на строку поиска отобразится список адресов от самого последнего введенного пользователем адреса (самый верхний в строке) до самого первого. Данные адреса могут как выступать местом совершения незаконного сбыта наркотических средств, совершенного с использованием сети Интернет, так и свидетельствовать о нахождении владельца мобильного устройства в определенном месте в определенное время.

Все вышеперечисленные действия следователя должны быть отражены в протоколе следственного осмотра. Обнаруженные адреса подлежат фиксации в протоколе в отобразившейся последовательности. При необходимости может быть осуществлена фотосъемка.

V. *Изучение второго пространства (Second space).*

Second space — опция, доступная некоторым моделям мобильных устройств (Huawei, Honor, Xiaomi), благодаря которой устройство может быть разделено на две рабочие зоны. В ходе такого разделения владельцем телефона может быть создан клон основной системы. Данный клон можно настраивать отдельно от основного, добавлять контакты, делать фотографии, хранить файлы, при этом пространства не синхронизируются между собой. Проверить наличие второго пространства на устройстве можно путем перехода в папку «Настройки» — «Особые возможности (Конфиденциальность)» — «Private Space» (второе пространство). Вместе с тем если на телефоне отсутствует второе пространство, то при переходе на строку «Private Space» на экране осматриваемого мобильного устройства отобразится окно с предложением создать или включить данное пространство. В случае наличия указанной функции мобильным устройством будет осуществлен переход в клон основной

системы, если отсутствует парольная защита. Поиск информации на втором пространстве будет осуществляться следователем по вышепредставленному алгоритму.

В ситуации, когда второе пространство защищено паролем, следователю потребуется помощь специалиста, связанная с использованием последним специализированных средств и аппаратно-программных комплексов для обхода парольной защиты. При невозможности привлечения специалиста к следственному осмотру следователем может быть принято решение о назначении компьютерной экспертизы.

После рабочего этапа осмотра телефона следователь переходит к финальному этапу указанного следственного действия, который заключается в выполнении ряда действий: упаковка осмотренного предмета, запись диска с информацией, если осуществлялось ее копирование, изготовление фотографических изображений, полученных в ходе фотосъемки. Кроме того, следователем после завершения данного следственного действия должно быть принято решение о приобщении данного предмета в качестве вещественного доказательства к уголовному делу и о месте его хранения.

В настоящее время с ростом использования мобильных устройств в качестве средств соверше-

ния незаконного сбыта наркотиков с использованием сети Интернет перед следователями возникает необходимость в самостоятельном осмотре данных предметов.

Освоение и использование в профессиональной деятельности следователя предложенного алгоритма следственного осмотра мобильного телефона по делам о незаконном сбыте наркотических средств, совершенном с использованием сети Интернет, позволит получить криминалистически значимую информацию без помощи специалиста и (или) вне производства компьютерной экспертизы.

Кроме того, для формирования компетенций у следователей по осмотру таких устройств представителям экспертно-криминалистических центров необходимо проводить научно-практические занятия в рамках служебной подготовки, семинары для указанных лиц, направленные на изучение отдельных аспектов следственного осмотра по делам рассматриваемой категории.

Перечисленные мероприятия, по нашему мнению, смогут существенно повысить качество проводимых следователями осмотров мобильных устройств в случаях, не требующих участия специалиста.

1. Воронкова Д. К., Манучарян А. К. Осмотр и судебная экспертиза мобильного устройства в рамках расследования по уголовным делам // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 7-2. С. 119—120.

2. Решняк О. А., Алексеева А. П. Использование IT-технологий в раскрытии и расследовании незаконного сбыта наркотических средств, совершаемого современными способами // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2021. № 4 (59). С. 125—130.

3. Пупцева А. В., Трубчанинов А. В. Проблемные вопросы, возникающие при организации расследования преступлений, совершенных с использованием средств мобильной связи // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2016. № 10 (6). С. 141—144.

4. Криминалистика: учеб. для студентов вузов / под ред. А. Ф. Воынского, В. П. Лаврова. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2013. 943 с.

5. Решняк О. А. Использование компьютерных технологий при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота опасных психоак-

1. Voronkova D. K., Manucharyan A. K. Inspection and forensic examination of a mobile device as part of a criminal investigation. International journal of the humanities and natural sciences, 119—120, 2019. (In Russ.).

2. Reshnyak O. A., Alekseeva A. P. The use of information technologies by solving and investigating drug traffic related offences committed by the application of modern methods. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 125—130, 2021. (In Russ.).

3. Puptseva A. V., Trubchaninov A. V. Topical issues concerning the organizing of the investigation of crimes committed with the use of mobile communications devices. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 141—144, 2016. (In Russ.).

4. Criminalistics. Textbook for university students. Ed. by A. F. Volynsky, V. P. Lavrov. The 2nd ed., rev. and add. Moscow: UNITY-DANA: Law and Legislation; 2013: 943. (In Russ.).

5. Reshnyak O. A. The use of computer technologies by crime investigating in the sphere of illicit traffic of dangerous psychoactive substances.

тивных веществ: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2019. 220 с.

6. Вехов В. Б., Смагоринский Б. П., Ковалев С. А. Электронные следы в системе криминалистики // Судебная экспертиза. 2016. № 2 (46). С. 10—19.

7. Мещеряков В. А. Преступления в сфере компьютерной информации: правовой и криминалистический анализ. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2001. 408 с.

8. Земцова С. И., Суров О. А., Галушин П. В. Методика расследования незаконного сбыта наркотических средств, совершенного с использованием интернет-технологий: учеб. пособие. Москва: Юрлитинформ, 2019. 208 с.

9. Ким Д. В., Klimachkov A. V., Shebalin A. V. Некоторые вопросы организации расследования незаконного сбыта наркотических средств, совершенного с использованием сети «Интернет» // Современные технологии и подходы в юридической науке и образовании: сб. материалов междунар. науч.-практ. форума. Калининград, 2021. С. 240—247.

10. Пупцева А. В. Некоторые особенности выявления, раскрытия и расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, совершенных с помощью сети «Интернет» бесконтактным способом // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 3 (46). С. 146—151.

11. Бычков В. В. Соблюдение прав граждан на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений при проверке сообщений о преступлениях и в ходе их расследования // Российский следователь. 2013. № 24. С. 10—13.

12. Даниленко И. А., Васильев Н. В. Соблюдение конституционных прав личности на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, тайну переписки, почтовых, телеграфных и иных сообщений при осмотре мобильного устройства (российский и зарубежный опыт) // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 10. С. 150—157.

13. Гаас Н. Н. Осмотр изъятого мобильного устройства: проблемы правоприменения // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 4. С. 28—32.

Dissertation of candidate of juridical sciences. Volgograd; 2019: 220. (In Russ.)

6. Vekhov V. B., Smagorinsky B. P., Kovalev S. A. Electronic traces in the forensic system. Forensic examination, 10—19, 2016. (In Russ).

7. Meshcheryakov V. A. Crimes in the field of computerized information: legal and forensic analysis. Voronezh: Voronezh state university; 2001: 408. (In Russ.).

8. Zemtsova S. I., Surov O. A., Galushin P. V. Methods of investigating the drug traffic related offences committed by using Internet technologies. Textbook. Moscow: YurLitinform; 2019: 208. (In Russ).

9. Kim D. V., Klimachkov A. V., Shebalin A. V. Some issues of organizing an investigation of drug traffic related offences committed by using the Internet. In: Modern technologies and approaches in legal science and education. Collection of materials of the international scientific and practical forum. Kaliningrad; 2021: 240—247. (In Russ.).

10. Puptseva A. V. Some features of detecting, solving and investigating crimes in the field of drug traffic related offences committed by using the Internet in a non-contact way. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 146—151, 2018. (In Russ.).

11. Bychkov V. V. Observance of the rights of citizens to privacy, personal and family secrets, privacy of correspondence, telephone conversations, postal, telegraph and other messages when checking reports of crimes and during their investigation. Russian investigator, 10—13, 2013. (In Russ.).

12. Danilenko I. A., Vasiliev N. V. Observance of the constitutional rights of the individual to privacy, personal and family secrets, privacy of correspondence, postal, telegraph and other messages when inspecting a mobile device (Russian and foreign experience). Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 150—157, 2020. (In Russ.).

13. Gaas N. N. Inspection of a seized mobile device: problems of law enforcement. Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 28—32, 2019. (In Russ.).

Еремеева Алена Николаевна,
преподаватель кафедры криминалистики
Сибирского юридического института
МВД России;
alena.eremeeva 91@ mail.ru

Yeremeeva Alena Nickolayevna,
lecturer at the department of criminalistics
of the Siberian Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
alena.eremeeva 91@ mail.ru

Золотарев Александр Владимирович,
старший эксперт 6 отдела
ЭКЦ ГУ МВД России по Красноярскому краю;
Zolotarev_av@inbox.ru

Zolotarev Aleksandr Vladimirovich,
senior forensic expert at the department № 6
of the Forensic Science Centre
of the Main Directorate
of the Ministry of the Interior of Russia
for the Krasnoyarsk Region;
Zolotarev_av@inbox.ru

Статья поступила в редакцию 16.10.2023; одобрена после рецензирования 25.10.2023; принята к публикации 17.11.2023.

The article was submitted 16.10.2023; approved after reviewing 25.10.2023; accepted for publication 17.11.2023.

* * *

УДК 343.985.7:343.7

doi: 10.25724/VAMVD.A203

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
ОТДЕЛЬНЫХ ПРИЗНАКОВ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ NFT-ТОКЕНОВ
В ПРЕСТУПНЫХ ЦЕЛЯХ**

Оксана Александровна Науменко

Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия, kseny1010@mail.ru

Аннотация. Статья состоит из трех частей. В первой части исследованы вопросы законодательного регулирования цифровых финансовых активов, цифровых прав. Проанализированы нормы Гражданского кодекса Российской Федерации, Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ, Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ, постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» от 7 июля 2015 г. № 32. Обращается внимание на недостаточность правового регулирования криптовалютного рынка, отмечается продолжение законодательной работы в данном направлении путем внесения изменений в существующие акты (законопроекты № 237585-8, № 126586-8).

Вторая часть статьи представляет собой итог исследования, в ней выделены применение преступниками трехфазовой модели легализации преступных доходов путем криптовалютных транзакций, криминалистические признаки рассматриваемой легализации: использование «миксеров» при выводе криптовалюты на различные счета; дробление целевой транзакции на минимальные части для конвертации полученных целевых средств посредством их обмена на рубли, р2р-бирж, телеграм-ботов, криптоматов для обналаживания криптовалюты и придания легального вида полученной прибыли якобы от изменения курса на интернет-ресурсах и др. Автор приводит примеры раскрытия преступных схем легализации зарученными правоохранителями.

Третья часть посвящена сущности Non Fungible Tokens (NFT) — невзаимозаменяемым токенам, являющимся уникальными и неделимыми; предлагается криминалистический анализ признаков их использования в схемах легализации (отмывания) денежных средств, добытых преступным путем. Обращается внимание на законодательный пробел в регулировании такого криптоактива, проблемы его оценки в рамках уголовного судопроизводства и высокой скорости транзакций с токеном, сложность доказывания из-за возможной анонимности транзакций, достигаемой различными схемами. Автор выделяет три криминалистических признака, указывающих на легализацию преступных доходов через криптовалютные транзакции с NFT, предлагая некоторые пути решения обозначенных проблем.

Ключевые слова: расследование, криптовалюта, блокчейн, легализация преступных доходов, токен, криптобиржа, следователь, закон, верификация, цифровой актив, цифровое право

Для цитирования: Науменко О. А. Криминалистический анализ отдельных признаков использования NFT-токенов в преступных целях // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 4 (67). С. 150—156. doi: 10.25724/VAMVD.A203

**CRIMINALISTIC ANALYSIS OF SPECIFIC FEATURES
WHILE USING NFT TOKENS FOR CRIMINAL PURPOSES****Oksana Alexandrovna Naumenko**

Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia, Krasnodar, Russia, kseny1010@mail.ru

Abstract. The given article consists of three parts. The first part deals with the issues related to legislative regulation of digital financial assets and digital rights. The author analyzed the norms of the Civil Code of the Russian Federation, the Federal Law "On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" dated 31 July 2020 No. 259-FZ, the Federal Law "On Combating the Legalization (Laundering) of Income obtained by a criminal way and financing terrorism" dated 7 August 2001 No. 115-FZ, resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation "On judicial practice in cases of legalization (laundering) of funds or other property obtained by a criminal way and acquisition or sale of property to be obtained by a criminal way" dated 7 July 2015 No. 32. The author pays attention to insufficiency of legal regulation of cryptocurrency market and noted continuation of legislative work in this direction by amending existing legal acts (draft statutes No. 237585-8, No. 126586-8).

The second part of the article is said to be the result of the study and deals with issued related to criminal using a three-phase model of legalization of criminal income through cryptocurrency transactions; forensic signs of the mentioned legalization: using "mixers" when withdrawing cryptocurrency to various accounts; splitting the target transaction into minimal parts to convert the received target funds by exchanging them for rubles, p2p exchanges, telegram bots, cryptomats for cashing out cryptocurrency and giving a legal appearance to the profit allegedly from changes in the exchange rate on Internet resources, etc.

The author gives examples of disclosure of criminal schemes of legalization by foreign law enforcement officers.

The third part of the article deals with definition of the essence of Non Fungible Tokens (NFTs) — non-fungible tokens that are unique and indivisible ones. The author makes forensic analysis of features of their using in the schemes for legalization (laundering) of funds to be obtained by a criminal way. The author also pays attention to the legislative gap in the regulation of such crypto-asset, the problems of its assessment in the criminal proceedings and high speed of transactions with a token as well as difficulty of proof due to the possible anonymity of transactions achieved by various schemes. The author determines three forensic features defining laundering of criminal income through cryptocurrency transactions with NFTs and offers some ways to solve such problems.

Keywords: investigation, cryptocurrency, blockchain, money laundering, token, crypto exchange house, an investigator, law, verification, digital asset, digital law

For citation: Naumenko O. A. Criminalistic analysis of specific features while using NFT tokens for criminal purposes. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 150—156, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A203

В последние пять лет в мировом сообществе наблюдается стремительный рост криптовалютного рынка, причем его регулирование в мире неоднозначно: одни страны закрепляют правовой режим оборота цифровых валют (криптовалют) вплоть до выплат ими заработных плат (например, Новая Зеландия, Аргентина), а другие вводят полный запрет оборота криптовалют (Алжир, Бангладеш, Китай, Египет, Ирак, Марокко, Непал, Катар и Тунис) [1]. Полагаем, что такая общемировая тенденция порождает развитие теневого оборота криптоактивов. Что касается Российской Федерации, мы находимся в начале пути правового регулирования рынка криптовалют.

Так, в 2019 г. в Гражданский кодекс Российской Федерации (далее — ГК РФ) введена ст. 114.1 «Цифровые права», а также внесены изменения

в ст. 128 ГК РФ «Объекты гражданских прав»¹. В 2020 г. принят Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ, сделана попытка законодательного закрепления и регулирования криптовалютных транзакций, финансовых активов, создаваемых и / или выпускаемых с использованием цифровых финансовых технологий, к которым закон относит

¹ О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2023)// Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.05.2023).

распределенный реестр цифровых транзакций, а также создание правовых условий для привлечения российскими юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями инвестиций путем выпуска токенов, являющихся одним из видов цифровых финансовых активов¹.

По данным Forbes, Российская Федерация является основной площадкой обмена и торговли криптовалютами с низким уровнем верификации, доля теневых криптоопераций уже в 2021 г. составляла более 40 % [2]. Данное обстоятельство влечет усиление контроля со стороны правоохранительных органов в сфере крипторынка. Криптовалюта с 2020 г. контролируется Федеральным законом «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ, кредитные организации уполномочены требовать от клиентов подтверждения законности переводов и доказательства происхождения денег, блокируя счет, на который поступили деньги с продажи криптовалюты. И Росфинмониторинг, и Банк России, осуществляя контрольные функции, систематически разрабатывают и обновляют требования внутреннего и внешнего контроля в целях выявления подозрительных операций, сделок. Кроме того, в расследовании уголовных дел, согласно постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» от 7 июля 2015 г. № 32, криптовалюта может быть предметом преступлений, связанных с легализацией (отмыванием) денежных средств.

Даже при перечислении указанных нормативных правовых актов понятно, что четкого законодательного регулирования криптовалюты в Российской Федерации на данный момент нет. Неоднозначное понимание в уголовном и гражданском законах влечет и различное правоприменение при рассмотрении исков граждан, в том числе в сфере уголовного судопроизводства. Кроме того, сегодня на рассмотрении уже находятся законопроекты, содержащие предложения в принятые федеральные законы, нами упоминавшиеся (например, законопроект № 237585-8 «О внесении изменений в Феде-

ральный закон „О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации“» — в части установления правового регулирования деятельности по майнингу; законопроект № 126586-8 «О внесении изменений в статью 1225 части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» — в части расширения перечня охраняемых результатов интеллектуальной деятельности в виде невзаимозаменяемых токенов).

Проведенное эмпирическое исследование подтвердило тезис о том, что криптовалюты часто используются в схемах легализации преступных доходов: преступники получают криптовалюту как средство расчета по преступлениям (чаще всего — в сфере незаконного сбыта наркотических средств, коррупционных преступлениях), после чего, применяя трехфазовую модель легализации (размещение, расслоение, интеграция), обналачивают полученные денежные средства². В правоприменительной практике уже обращают внимание на такие криминалистические признаки легализации преступных доходов с использованием криптовалют, как использование «миксеров» при выводе криптовалюты на различные счета; дробление целевой транзакции на минимальные части для конвертации полученных целевых средств посредством их обмена на рубли, использование «дропов» (неосведомленных о транзакциях и переводах лиц, на которых легально оформлены счета, банковские карты, сим-карты), дополнительные транзакции по переводу конвертированных денежных средств на электронные кошельки, дробление сумм при получении наличных денег через банкомат или зачислении на счета, выбор криптобирж без процедуры идентификации (KYC), р2р-бирж, телеграм-ботов, криптоматов для обналачивания криптовалюты и придания легального вида полученной прибыли якобы от изменения курса на интернет-ресурсах криптовалюты.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с изм. и доп.) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.05.2023).

² Приговор № 1-117/2020 от 13 июля 2020 г. по делу № 1-117/2020 // Железнодорожный районный суд г. Пензы (Пензенская область). URL: <https://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения: 01.07.2023); Приговор № 1-211/2020 от 12 мая 2020 г. по делу № 1-211/2020 // Октябрьский районный суд г. Ставрополя (Ставропольский край). URL: <https://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения: 01.07.2023); Приговор № 1-134/2019 от 12 ноября 2019 г. по делу № 1-134/2019 // Советский районный суд г. Тулы (Тульская область). URL: <https://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения: 01.07.2023).

Мировой опыт борьбы с легализацией преступных доходов путем криптовалютных транзакций свидетельствует о том, что, несмотря на проблемы законодательного регулирования, правоохранительные органы могут использовать современные технологии и методы, чтобы пресечь преступления. Например, в 2019 г. США осудили австралийского гражданина Росса Ульбрихта за создание и управление веб-сайтом Silk Road в целях использования торговли незаконными товарами, включая наркотики, и убийства наемников и использование биткоина для легализации преступных доходов¹. В 2018 г. в Южной Корее был задержан глава крупной международной банды наркоторговцев, который использовал криптовалюту DarkCoin для легализации доходов от продажи наркотиков².

В 2021 г. группа хакеров мирового уровня была обнаружена и арестована в Турции за кражу более двух миллионов долларов незаконных фондов с учетных записей Binance. Потоки были легализованы через множество криптовалютных кошельков, но при проведении расследования удалось документально установить перемещения средств и задержать злоумышленников³.

Говоря о сущности криптоактивов, отметим, что цифровые финансовые активы могут выражаться не только в криптовалютах, но и в электронных деньгах, стейблкоинах и токенизированных активах, всего в мире насчитывают более 1 000 различных видов криптовалют. Однако наиболее распространенными до настоящего времени являются Биткоин (Bitcoin, BTC), Эфириум (Ethereum, ETH), Биткоин Кеш (Bitcoin Cash, BCH), Рипл (Ripple, XRP), Лайткоин (Litecoin, LTC), так как их уровень капитализации самый высокий. Данный факт создает предпосылки для появления новых видов криптовалют — токенизированных активов — криптоактивов, которые могут применяться в целях закрепления за их владельцем определенных прав, они могут выступать как аналоги долговых ценных бумаг, аналоги акций (подтверждение участия

в капитале организации, подтверждение права на получение определенного товара или услуги).

Рассматривая Non Fungible Tokens (далее — NFT) — невзаимозаменяемые токены, являющиеся уникальными и неделимыми (например, токены на предметы искусства, активы, используемые в компьютерных играх, и т. д.), мы убеждаемся в применении их преступниками в схемах легализации преступных доходов.

NFT-токены с 2017 г. стали популярными в сфере искусства и развлечений, где использовались для создания и продажи уникальных цифровых произведений и коллекционных предметов, таких как видеоигры, фотографии, видео, музыка, анимация и другие цифровые контентные (например, криптовалютный стартап CryptoKitties).

NFT-токены представляют собой уникальный и неоднозначный актив, который может быть продан, куплен и обменян на криптовалюту. Они не могут быть заменены на другой токен, как это происходит с обычными криптовалютами, такими как Биткоин или Ethereum, которые являются взаимозаменяемыми. Эта характеристика делает NFT особенно полезными для ценных предметов и искусства, где каждый актив является уникальным и имеет свою ценность.

Например, в 2021 г. самым дорогим NFT-токеном стала картина Crystal Skeleton авторства молодого американского художника Майка Винкельманна, известного как Beeple (продана на аукционе Christies в марте 2021 г. за 69,3 млн долларов).

Фактически NFT в российском законодательстве нельзя отнести к цифровым деньгам или криптовалютам, при покупке NFT покупатель получает нечто виртуальное или цифровой сертификат на какой-то реальный объект. Однако данное обстоятельство — возможность покупки NFT за криптовалюту — не урегулировано в Федеральном законе от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ, так как закон запрещает использование криптовалют в качестве платежа за купленные товары, работы, услуги (не совсем ясно, как законодательно определить покупку NFT-токена в таком случае). Упомянутый нами выше законопроект № 126586-8 подразумевает отнесение такого токена к ст. 1225 ГК РФ «Охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации» и направлен на защиту прав авторов NFT.

Проводя криминалистический анализ при установлении признаков использования NFT-токенов в преступных целях, мы пришли к выводу о том, что сущность NFT-токенов позволяет преступникам избегать любых схем дробления, «запутывания»

¹ Создатель Silk Road приговорен к пожизненному заключению. URL: <https://habr.com/ru/articles/356762/> (дата обращения: 20.05.2023).

² WHATTONNEWS.RU. URL: <https://whattonews.ru/juzhnokorejskie-narkotorgovcy-ispolzovali-kriptovaljutu-darkcoin-dlja-sdelok-v-temnom-internete/> (дата обращения: 20.02.2023).

³ В Турции арестована группа хакеров, занимавшаяся взломом крипто-кошельков. URL: <https://rucoins.info/news/crypto/v-turcii-arestovana-gruppa-hakerov-zanimavshayasya-vzломom-kripto-koshelkov/> (дата обращения: 20.02.2023).

криптовалютных транзакций при осуществлении легализации (отмывания) преступного дохода путем реализации рассматриваемого уникального цифрового сертификата.

С 2021 г. в средствах массовой информации появляются публикации с выступлениями специалистов в области искусства на тему использования преступниками NFT-токенов в легализации преступных доходов аналогично тому, как это происходит с физическим искусством. Кэт Граффэм, профессор факультета искусства и дизайна Университета Ласелла, считает, что «NFT уже используются для таких целей, и по сравнению с обычными физическими произведениями искусства, NFT дают больше преимущества преступникам, так как приобретенные объекты цифрового искусства привязаны к децентрализованной валюте и нет физических произведений искусства, которые нужно было бы транспортировать или хранить на складах оффшорных налоговых убежищ» [3].

Мы проанализировали существующие мнения и источники и пришли к выводу, что легализация через NFT возможна следующим путем:

- 1) создание цифрового объекта (например, картинка, фото);
- 2) размещение цифрового объекта на криптобирже для продажи (путем выставления на аукцион или продажу с фиксированной ценой);
- 3) продажа NFT-токена;
- 4) обмен полученной криптовалютой от продажи токена на фиатные денежные единицы.

Покупка NFT-токена обеспечивает владельцу криптоактива якобы полученные от продажи токены, но в реальности он может продать токен сам себе или через подставных лиц. Для получения реальных денежных средств покупателю достаточно совершить криптовалютную транзакцию по переводу в фиатные деньги. Автор, продающий свои произведения посредством NFT, получает доход и даже может задекларировать по году полученную сумму, заплатив в бюджет НДФЛ — на первый взгляд отсутствуют признаки криминальных схем легализации преступного дохода. Однако так ли это — попробуем разобраться.

Во-первых, с проблемой отнесения NFT к криптовалюте существует и проблема его оценки, что, по нашему мнению, влияет на квалификацию преступления (например, по ст. 174, 174.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, когда может возникнуть вопрос, является ли приобретенный токен предметом искусства или роскоши или объектом интеллектуальной собственности). До сих пор нет общепризнанного механизма, регулирующего

законность прав на выпуск и владение токеном, нет общепризнанных критериев оценки их уникальности и стоимости. В России, например, законодательство прямо не предусматривает обязанностей по отчетности для арт-бизнеса с точки зрения борьбы с отмыванием денег. В то же время ряд нормативных актов и разъяснений Верховного Суда Российской Федерации давно определяет деятельность, связанную с реализацией предметов искусства, как подверженную высокому риску отмывания доходов¹. Именно технология блокчейна позволяет рассматривать NFT-токен как объект интернет-искусства, не подверженный традиционному контролю.

Д. Джеффрис отмечает следующую схему отмывания преступных доходов в США: «Пользователь покупает NFT за \$1 млн, а через два дня продает его за \$800 тыс. — такая потеря стоимости является сигналом того, что здесь активно идет отмывание денег», т. е. механизм получения убытка в целях уклонения от налоговых обязательств². В США декларирование наличия криптовалюты не является обязательным, но налоговая служба страны считает, что продажу невзаимозаменяемого токена все же необходимо квалифицировать как налогооблагаемое событие, «кроме федерального налога, инвесторы могут столкнуться и с необходимостью уплаты местных налогов. Все зависит от законов отдельных штатов»³.

Мы полагаем, что существующие признаки, указывающие на легализацию преступных доходов через криптовалютные транзакции, возможно учитывать и при создании и реализации в этих целях NFT:

- 1) немедленный перевод полученной криптовалюты в результате продажи токена нескольким провайдерам виртуальных услуг, зарегистрированных в разных юрисдикциях;

¹ О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 г. № 32 (ред. от 26.02.2019) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.05.2023).

² Главный финансовый аналитик CipherTrace Джон Джеффрис. URL: https://maff.io/media/illegal_nft/ (дата обращения: 20.02.2023).

³ NFT-объекты в России: будут ли их владельцы платить налоги? URL: <https://vc.ru/u/931438-garantex-russia/430024-nft-obekty-v-rossii-budut-li-ih-vladelcy-platit-nalogi> (дата обращения: 20.02.2023).

2) операция по покупке токена на крупную сумму в первый же день открытия криптовалюты;

3) снятие всей суммы депозита на следующий день после продажи токена.

В средствах массовой информации уже есть упоминания о финансовой «поддержке» различных медийных личностей, блогеров (чаще всего лиц, банковские счета которых заблокированы, или лиц, признанных иноагентами в Российской Федерации) через продажу / покупку токенов. Например, работа российской феминистской панк-рок-группы Pussy Riot (признана иноагентом) была продана на NFT-аукционе Foundation за 187,340 долл. в виде незаменимого токена в блокчейне Ethereum¹. Российский рэпер Дмитрий Кузнецов, выступающий под творческим псевдонимом Хаски, продал на аукционе собственное NFT-видео, а покупателем выступил единственный участник аукциона — группа Pussy Riot (3 020 долл.), а блогер И. Варламов (включен Министерством юстиции Российской Федерации в список иноагентов) продал свой шестисекундный ролик за 14 000 долл. на маркетплейсе токенов Rarible [4]. Очевидно, что особой ценностью NFT-токены вряд ли обладали, как и не являлись предметом искусства, объективно оценивать такие сделки весьма затруднительно.

На наш взгляд, в выявлении преступлений по легализации (отмыванию) преступных доходов путем использования NFT-токенов существует ряд проблем, так как это новая область, которая требует развития новых методов и инструментов для их анализа. Например, владельцы NFT-токенов могут оставаться анонимными, что затрудняет определение личности участника операции и усложняет идентификацию преступника. Несмотря на то что многие известные криптобиржи применяют процедуры KYC (Know Your Customer — знай своего клиента), до настоящего времени остаются проблемы в данных процедурах и их применении. Онлайн-рынок NFT-токенов позволяет быстро и просто передавать объекты интеллектуальной собственности, что может затруднить определение непо-

живание преступной деятельности. В ситуации прогнозирования блокировки или наложения ареста на NFT-токен в ходе расследования уголовного дела из-за отсутствия надлежащего регулирования могут возникнуть проблемы с реализацией арестованных активов, потому что NFT-токен может стать невостребованным, покупателя невозможно будет найти.

В целом перечисленные нами проблемы требуют новых взглядов, компетенций и совместной работы со стороны правоохранительных органов, отраслевых экспертов и технических специалистов, чтобы разработать новые методы и инструменты, которые будут широко использоваться в борьбе с легализацией преступных доходов с использованием NFT-токенов.

Мы считаем, что решение проблемы анонимности путем добавления базовых мер для криптобирж и площадок для размещения токенов поможет найти выход из рассматриваемой ситуации, так как покупатели и продавцы будут идентифицироваться по реальным именам и документам, а источник их средств будет известен до того, как произойдет транзакция. Кроме того, площадки торговли NFT необходимо обязать проводить комплексную проверку клиентов в целях отслеживания источников поступающих денег и места назначения средств, уходящих с их платформ. Что касается законодательного регулирования, то принятие законопроекта № 126586-8 (отнесение токена к ст. 1225 ГК РФ «Охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации») будет способствовать решению проблемы в совокупности с разъяснениями Верховного Суда в вопросах квалификации и некоторых вопросах расследования преступлений в сфере легализации преступных доходов путем криптовалютных транзакций, в том числе путем создания и реализации NFT-токенов.

¹ Работа Pussy Riot была продана за \$187,000. URL: <https://vc.ru/crypto/220321-rabota-pussy-riot-by-la-prodana-za-187-000> (дата обращения: 20.02.2023).

средственного владельца преступно полученных NFT-токенов. Проблемной остается и упомянутая нами оценка стоимости NFT, что затрудняет контроль над перемещением денежных средств в рамках преступной сети. С ростом интереса к NFT появляются новые проблемы отслеживаемости при большом потоке информации, это усложняет отсле-

1. Титова И. Защита от инфляции и бонус для миллениала: кто и где платит зарплату в криптовалюте. URL: <https://www.forbes.ru/finansy/468199-zasita-ot-inflacii-i-bonus-dla-milleniata-kto-i-gde-platit-zarplatu-v-kriptovalute> (дата обращения: 20.05.2023).

2. Злобин А. Доля России на рынке теневых криптоопераций превысила 40 %. URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/finansy-i-investicii/425747-dolya-rossii-na-rynke-tenevyh-kriptooperaciy-prevysila-40> (дата обращения: 20.05.2023).

3. Орда Л. Большая стирка: как NFT усугубят проблему отмывания денег в искусстве. 28.07.2021. URL: https://maff.io/media/illegal_nft/ (дата обращения: 11.05.2023).

4. Шляховский А. «Каша из топора»: рэпер Хаски продал NFT-видео на аукционе. URL: <https://rb.ru/news/haski-narubil-kashki/> (дата обращения: 20.02.2023).

Науменко Оксана Александровна,
профессор кафедры криминалистики
Краснодарского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
kseny1010@mail.ru

1. Titova I. Inflation protection and a bonus for millennials: who and where pays salaries in cryptocurrency. Available from: <https://www.forbes.ru/finansy/468199-zasita-ot-inflacii-i-bonus-dla-milleniata-kto-i-gde-platit-zarplatu-v-kriptovalute>. Accessed: 20 May 2023.

2. Zlobin A. Russia's share in the market of shadow crypto-operations exceeded 40 %. Available from: <https://www.forbes.ru/newsroom/finansy-i-investicii/425747-dolya-rossii-na-rynke-tenevyh-kriptooperaciy-prevysila-40>. Accessed: 20 May 2023.

3. Orda L. Big washing: how NFTs will worsen the problem of money laundering in art. 28.07.2021. Available from: https://maff.io/media/illegal_nft/. Accessed: 11 May 2023.

4. Shlyakhovskiy A. "Porridge made of an axe": rapper Husky sold an NFT video at auction. Available from: <https://rb.ru/news/haski-narubil-kashki/>. Accessed: 20 February 2023.

Naumenko Oksana Alexandrovna,
professor at the department of criminalistics
of the Krasnodar University
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
kseny1010@mail.ru

Статья поступила в редакцию 06.10.2023; одобрена после рецензирования 16.10.2023; принята к публикации 17.11.2023.

The article was submitted 06.10.2023; approved after reviewing 16.10.2023; accepted for publication 17.11.2023.

* * *

УДК 343.102
doi: 10.25724/VAMVD.A205

ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАК ОСНОВНАЯ ЦЕЛЬ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Александр Иванович Мелихов*, **Александр Викторович Харченко****,
Геннадий Святославович Працко***

* Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, M-13913@ya.ru;

** stl13913@gmail.com;

*** Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия, M-13913@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается международное сотрудничество в сфере оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел как один из видов деятельности по обеспечению национальной безопасности согласно ст. 3 Федерального закона «О безопасности». По мнению авторов, роль международного сотрудничества в обеспечении национальной безопасности — это использование сил и средств окружающего мира для выживания народа России. Отмечается, что проблемой международного сотрудничества является неопределенность ее цели: обеспечение национальной или международной безопасности. Данный вопрос представляется авторам важным в силу современной тенденции злоупотребления проблемами безопасности международного сообщества в интересах отдельных политических групп западных стран, не приемлющих многополярную модель мироустройства. Авторы, настаивая на приоритетности обеспечения национальной безопасности при международном сотрудничестве в сфере оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел, предлагают определение международного сотрудничества в сфере оперативно-разыскной деятельности для обеспечения национальной безопасности как деятельности, обращенной на предупреждение преступных посягательств, подготавливаемых за пределами России и направленных на причинение вреда охраняемым российским уголовным законом интересам, а также осуществление оперативно-разыскной деятельности в России в интересах иной стороны сотрудничества, если это не противоречит интересам национальной безопасности нашей страны посредством добывания и обмена информацией, розыска и идентификации лиц и трупов.

Ключевые слова: национальная безопасность, оперативно-разыскная деятельность, органы внутренних дел, международное сотрудничество, приграничное сотрудничество

Для цитирования: Мелихов А. И., Харченко А. В., Працко Г. С. Обеспечение национальной безопасности как основная цель международного сотрудничества в сфере оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 4 (67). С. 157—164. doi: 10.25724/VAMVD.A205

NATIONAL SECURITY AS THE MAIN PURPOSE OF INTERNATIONAL COOPERATION OF THE INTERIOR BODIES IN DETECTIVE ACTIVITIES

Alexander Ivanovich Melikhov*, **Alexander Victorovich Kharchenko****, **Gennady Svyatoslavovich Pratsko*****

* Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, M-13913@ya.ru

** stl13913@gmail.com;

*** Don State Technical University, Rostov-on Don, Russia, M-13913@ya.ru

Abstract. The paper is concerned with international cooperation of the interior bodies in the sphere of detective activities as one of types of activities to ensure national security according to Article 3 of the Federal Law "On Security". In authors' opinion, the role of international cooperation to ensure national security is to use the

forces and means of the world around for the survival of the people of Russia. It is noted that the problem of international cooperation lies in the uncertainty of its purpose: ensuring national or international security. For the authors this issue seems to be an important one because of the current tendency to abuse the security concerns of the international community in the interests of certain political groups of Western governments that do not accept the multi-polar model of the world order. The authors insist on the priority to ensure national security within the framework of international cooperation and propose a definition of international cooperation in the sphere of detective activities to ensure national security. It is defined both as activities aimed to prevent criminal attacks prepared outside of Russia and harmful to the interests protected by the Criminal Law of Russia and as detective activities within Russia in the interests of another cooperating party through obtaining and exchanging information, searching and identifying persons and corpses, if this does not contradict the interests of the national security of our country.

Keywords: national security, detective activities, interior bodies, international cooperation, cross-border cooperation

For citation: Melikhov A. I., Kharchenko A. V., Pratsko G. S. National security as the main purpose of international cooperation of the interior bodies in detective activities. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 157—164, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A205

Эффективное обеспечение национальной безопасности Российской Федерации возможно только в геополитическом, а не в изоляционном контексте, поскольку на характер преступных посягательств внутри страны в настоящее время во многом влияют геополитическая обстановка и деятельность недружественных государств. В связи с этим международное информационное обеспечение и взаимодействие на порядок повышают результативность оперативно-разыскной деятельности (далее — ОРД) органов внутренних дел (далее — ОВД) России. В логике предложенного нами ранее определения национальной безопасности [1, с. 79] *международное сотрудничество* следует трактовать как деятельность уполномоченных государством субъектов, направленную на применение особенностей народов, государств и их объединений, окружающего мира в целом для совместного использования антропогенных и природных процессов и явлений в целях расширения и укрепления имеющихся или приобретения новых возможностей многонационального народа России по удовлетворению потребностей в самосохранении, самоподдержании и самовоспроизводстве. Однако в ходе данной деятельности не должно происходить подмены «международной безопасности» как объекта обеспечения безопасности «обеспечением безопасности международного сообщества» как нового субъекта безопасности, паразитирующего на использовании сил и средств других субъектов международной безопасности.

Согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (далее — Стратегия), утвержденной Указом Президента России «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 02.07.2021 № 400, международное сотрудничество не является задачей по обеспечению государственной и общественной безопас-

ности (ст. 47 Стратегии), однако в соответствии с п. 25 ст. 101 Стратегии достижение целей внешней политики Российской Федерации осуществляется в том числе путем решения задач по развитию международного сотрудничества в области противодействия терроризму, экстремизму, коррупции, незаконному производству и обороту наркотических средств и психотропных веществ, нелегальной миграции, трансграничной преступности. МВД России и его оперативные подразделения не являются субъектами внешней политики, но осуществляют отдельные полномочия по международному сотрудничеству в интересах обеспечения национальной и международной безопасности, исходя из документов стратегического планирования Президента России как лица, уполномоченного Конституцией Российской Федерации (п. «а», ст. 87) осуществлять руководство внешней политикой.

Представители теории ОРД всегда признавали наличие международного сотрудничества как одного из направлений ОРД. Здесь вся дискуссия, на наш взгляд, строится вокруг установление объекта и субъектов международного сотрудничества, а также объема и направления деятельности.

А. Ю. Шумилов давал универсальное определение международного сотрудничества в области профессионального сыска (применительно к Российской Федерации): «Участие России и (или) ее представителей в совместной с другими заинтересованными субъектами международного права работе, состоящей в решении на обоюдодоприемлемых условиях задач борьбы с международными и некоторыми другими преступлениями (включая розыск лиц, их совершивших) посредством использования оперативно-розыскных возможностей» [2, с. 339].

И. Э. Никитина значительно расширила объект сотрудничества, конкретизировала субъектов и их полномочия: «...совокупность отношений между

государствами и созданными ими интеграционными и межправительственными объединениями, основанная на общепризнанных принципах и нормах международного права, международных договорах и других правовых актах, направленных на международное объединение усилий по предотвращению и профилактике преступлений, а также их раскрытию и расследованию, включая деятельность по созданию объединенных органов расследования и проведению совместных операций; обеспечение международного правопорядка, деятельности органов международной юстиции; защиту личности, общества и государства посредством осуществления международного судопроизводства» [3, с. 17].

Дальнейшее расширение международной деятельности в сфере ОРД привело к тому, что А. Э. Ондар, рассматривая сущность приграничного сотрудничества территориальных органов МВД России с компетентными органами иностранных государств в сфере ОРД, называет их «субъектами международно-правовых отношений, наделенных полномочиями по осуществлению оперативно-разыскной деятельности», что является попыткой размывания суверенитета России и говорит о процессе «суверенизации» отдельных государственных органов как о серьезной угрозе национальной безопасности. Здесь следует упомянуть преамбулу Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности», где особо отмечается, что данный закон определяет содержание ОРД, осуществляемой на территории Российской Федерации, а это является важнейшим ее отличием от контрразведывательной и разведывательной деятельности, проводимой в том числе на территориях иных государств.

Другой проблемой международного сотрудничества в сфере ОРД ОВД выступает неопределенность ее цели: обеспечение национальной или международной безопасности. Рассматривая международное сотрудничество в сфере ОРД, большинство авторов исходило из задач обеспечения мировой, межгосударственной безопасности, что было справедливо обосновано позитивными ожиданиями от глобализации.

Один из ключевых футурологов XX в. А. Азимов на заре XXI столетия оптимистично утверждал: «Если действовать рационально и по-человечески, если спокойно подойти к проблемам, стоящим перед лицом всего рода людского, и не вдаваться в эмоции по поводу таких вопросов девятнадцатого века, как национальная безопасность и местнический патриотизм, если мы поймем, что нашими врагами являются совсем не соседи, а нищета, невежество

и холодное безразличие к законам природы, все стоящие перед нами проблемы можно решить. Можно обдуманно сделать выбор и в итоге избежать катастроф. И если мы сделаем этот выбор в двадцать первом столетии, мы можем распространиться в космосе и утратить свою уязвимость. Мы больше не будем зависеть от одной планеты или от одной звезды. И тогда человечество или его разумные потомки и их союзники смогут существовать и после прекращения существования Земли, после прекращения существования Солнца, после (кто знает?) прекращения существования нашей Вселенной» [4, с. 506]. Нахождение данной разумной концепции «всеземной» безопасности, рецепта всемирного благоденствия направило научную мысль на исследование «глобальной», «интегральной», «мировой» безопасности, отодвинув на второй план изучение первичной задачи — самосохранения нации и сделав нашу страну средством достижения глобализации, а не ее субъектом. В связи со сказанным интерес «глобальной безопасности», пропагандируемые международными организациями, ангажированными западным миром, подменены интересами безопасности стран — участниц НАТО и именно поэтому в последнее время входят в неразрешимое противоречие с интересами национальной безопасности суверенных стран.

На наш взгляд, цель международного сотрудничества МВД России состоит в обеспечении национальной, а не глобальной, международной или межгосударственной безопасности (за исключением случаев, когда по решению Президента Российской Федерации сотрудники полиции могут участвовать в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности (п. 2 ст. 2 Федерального закона «О полиции»), но здесь необходимо учесть, что ОРД — это правовой инструмент, действующий на территории России).

В настоящее время в ОРД ОВД можно выделить следующие направления международного сотрудничества по обеспечению национальной безопасности:

- международное сотрудничество в рамках международных организаций (Интерпол, Европол);
- сотрудничество в рамках международных договоров о сотрудничестве и приграничном сотрудничестве.

Первое можно раскрыть посредством п. 2 Положения о Национальном центральном бюро Интерпола МВД России (приложение к приказу МВД России от 31.03.2012 № 305), согласно которому бюро

выполняет следующие функции головного оперативного подразделения МВД России в области взаимодействия с Интерполом и Европолом в сфере противодействия преступлениям, за исключением уголовно наказуемых деяний политического, военного, религиозного или расового характера:

— международный обмен информацией о преступлениях;

— обеспечение содействия в выполнении запросов правоохранительных органов иностранных государств об осуществлении розыска;

— задержание и выдача лиц, обвиняемых в совершении преступлений;

— розыск и арест перемещенных за границу доходов от преступной деятельности, похищенных предметов и документов.

Осуществление международного обмена информацией о преступлениях конкретизируется в совместном приказе МВД России «Об утверждении Инструкции по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола» № 786, Минюста России № 310, ФСБ РФ № 470, ФСО РФ № 454, ФСКН РФ № 333, ФТС РФ № 971 от 06.10.2006, включая информационное обеспечение задач ОРД.

В рамках сотрудничества на основании международных договоров можно выделить приграничное сотрудничество территориальных органов МВД России с компетентными органами иностранных государств в сфере ОРД, рассмотренное в работах А. Э. Ондара [5], В. Г. Маматова [6], а также международное сотрудничество при оперативно-разыском сопровождении ОВД внешнеэкономической деятельности.

Под приграничным сотрудничеством территориальных органов МВД России с компетентными органами иностранных государств в сфере ОРД следует понимать «основанную на международных и национальных нормативных правовых актах деятельность государственных органов, уполномоченных осуществлять оперативно-разыскную деятельность в системе МВД России и наделенных правом на взаимодействие с государственными органами иностранных государств, выполняющих аналогичные функции и задачи, территории обслуживания которых имеют общие государственные границы» [5, с. 9].

Правовую основу для приграничного сотрудничества создает п. 9 ст. 12 Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации, согласно которому МВД России правомочно «взаимодействовать в соответствии с международными договорами и законодательством Российской Федерации с компетентными органами иностран-

ных государств и международными организациями по вопросам, относящимся к сфере внутренних дел». В подпункте 10.6. Положения об Управлении международного сотрудничества Министерства внутренних дел Российской Федерации упоминается функция «координации и организации приграничного международного сотрудничества органов внутренних дел». Однако должностные лица данного управления, согласно приказу МВД России «О некоторых вопросах организации оперативно-розыскной деятельности в системе МВД России» от 19 июня 2012 г. № 608, к ОРД не допускаются по должности. Очевидно, что координация и организация приграничного международного сотрудничества в сфере ОРД ОВД будут осуществляться не на должном уровне, поэтому целесообразно данную функцию закрепить в положениях о структурных подразделениях МВД России, регламентирующих деятельность оперативных подразделений. Приграничное сотрудничество широко применяется со странами — участницами СНГ и странами Азии, наименее с государствами Евросоюза.

Содержание приграничного сотрудничества раскрывается в международных договорах, заключенных практически со всеми странами, имеющими сухопутную границу с Россией, и совместных протоколах к ним. Так, по результатам поиска в специализированной территориально-распределенной автоматизированной системе (СТРАС) «Юрист» приграничное сотрудничество упоминается в 264 документах, что создает значительную нормативную базу, требующую внимательного изучения. В частности, формами сотрудничества являются формирование банков данных оперативно-разыскной информации с учетом интересов сотрудничающих сторон, проведение международных контролируемых поставок (с участием пограничных и таможенных органов), иные мероприятия¹.

Несомненно, унификация ОРД и расширение доступа правоохранительных органов к оперативной информации на межгосударственном уровне целесообразны как с позиции эффективности борьбы с транснациональной преступностью, так и с экономической точки зрения. Однако следует иметь в виду, что международное законодательство в последнее время используется нашими

¹ См., напр.: Соглашение о сотрудничестве между Министерством внутренних дел Российской Федерации и Министерством внутренних дел Республики Казахстан (Омск, 09.01.1993). URL: <https://www.garant.ru> (дата обращения: 11.08.2023).

геополитическими оппонентами для обеспечения собственной безопасности. Так, показательно, что в ранее названной фундаментальной работе по международному сотрудничеству в сфере ОРД термин «национальная безопасность» не упоминается ни разу, как и сама Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, а проведенный в ней анализ документов говорит об использовании России в международном сотрудничестве как о средстве обеспечения европейской безопасности от транснациональных, миграционных и иных негативных тенденций.

В рамках глобализации, явно приобретающей колониальный характер со стороны западных проамериканских государств и контролируемых ими международных организаций (ст. 7 Стратегии), отмечаются ослабление влияния международных институтов и снижение эффективности системы глобальной безопасности, происходит правовая экспансия [7; 8 с. 398—411] в отношении суверенных государств. Особенную угрозу для обеспечения национальной безопасности представляет правовая экспансия в сфере государственного негласного контроля и добывания информации (ОРД, контрразведывательной и разведывательной деятельности). Так, Россией не была подписана Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS № 185 (Будапешт, 23.11.2001), поскольку на основании ст. 32 данного документа одна сторона может иметь трансграничный доступ к хранящимся компьютерным данным, в том числе без согласия другой стороны, а это «может нанести ущерб суверенитету и национальной безопасности государств-участников, правам и законным интересам их граждан и юридических лиц»¹. В связи с этим справедливо подметил А. Г. Волеводз: такая норма фактически регламентирует «не что иное, как обыск в компьютерных сетях (или в среде для хранения компьютерных данных) за рубежом с целью обнаружения и изъятия искомой компьютерной информации» [9, с. 17—25].

Указанные нормативные акты направлены на перехват контроля за государственными органами, их «суверенизацию» от национального госу-

дарства и включение в параллельную государственную систему удаленного колониального управления, в том числе посредством учреждения «наднационального» органа, принимающего обязательные решения в сфере ОРД [3, с. 242]. Так, Шенгенская конвенция, ставшая затем основной для Евросоюза, включала в себя раздел III «Полиция и безопасность», регламентирующий, по сути, аналог ОРД. В статьях 39—91 были определены возможные варианты осуществления «наблюдения», в том числе с проникновением «в жилые помещения и места, закрытые для доступа публики», а также проводимое с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, раскрыты вопросы взаимодействия соответствующих правоохранительных органов². В связи с этим показательно, что одностороннее прекращение членства России в различных международных организациях по причине проведения специальной военной операции по защите Донбасса не затронуло Интерпол³, поскольку наши геополитические оппоненты заинтересованы в международном сотрудничестве как канале оперативной и разведывательной информации о внутригосударственных процессах, важнейший из которых энтропийная преступность. Напомним, что Интерпол осуществляет свою деятельность исключительно в сфере борьбы с общеуголовной преступностью, не затрагивая преступлений, носящих политический, военный, религиозный и расовый характер. Таким образом, на современном этапе международное сотрудничество в области общеуголовной преступности, несмотря на множество положительных аспектов, может являться каналом утечки оперативной информации о тенденциях и состоянии энтропийных процессов, принявших форму преступности в России. С этой же целью искусственно усиливаются тенденции обособления органов местного самоуправления (особенно на приграничных территориях), сепаратизма в субъектах Федерации и придания им собственных полицейских сил, а также делаются выводы о необходимости разделения полицейских органов на федеральные и региональные [10, с. 144].

¹ О подписании Конвенции о киберпреступности: распоряжение Президента Российской Федерации от 15.11.2005 № 557-рп // СЗ РФ. 2005. № 47. Ст. 4929; О признании утратившим силу Распоряжения Президента Российской Федерации от 15.11.2005 № 557-рп «О подписании Конвенции о киберпреступности»: распоряжение Президента Российской Федерации от 22.03.2008 № 144-рп // СЗ РФ. 2008. № 13. Ст. 1295.

² См.: Конвенция о применении Шенгенского соглашения от 14.06.1985 между правительствами государств Экономического союза Бенилюкс, Федеративной Республики Германия и Французской Республики о постепенной отмене проверок на общих границах. URL: <http://eur-lex.europa.eu/> (дата обращения: 22.03.2021).

³ См.: Интерпол решил не исключать Россию из организации. URL: <https://www.rbc.ru/politics/11/03/2022/622a58609a794796f4c3dbe1> (дата обращения: 12.01.2023).

В настоящее время в связи с активной позицией России по обеспечению своей национальной безопасности в геополитической сфере международное сотрудничество переходит в рамки Содружества Независимых Государств, Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) с образованием единого межгосударственного пространства безопасности не только от военных угроз, но и от преступных посягательств. Названные организации были созданы для отражения военной агрессии, ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, а также для проведения специальных операций по борьбе с международным терроризмом и экстремизмом, транснациональной организованной преступностью, наркотрафиком, что подразумевает активное проведение оперативно-разыскных мероприятий в пространстве участников этих объединений.

Многие аспекты международного сотрудничества в сфере ОРД отражены в работах ученых стран ближнего и дальнего зарубежья [11—14]. Полагаем, что целями такого сотрудничества должны быть взаимовыгодное обеспечение национальной безопасности стран, расширение сферы действия принципа неотвратимости наказания и предупреждение преступных посягательств.

Вопросы обеспечения безопасности межгосударственных объединений не должны входить в полномочия МВД России по причине действия сдержек и противовесов в системе государственной власти и управления. МВД России не должно становиться самостоятельным участником международного сотрудничества с недружественными государствами в условиях создавшейся геополитической обстановки. Необходимо пересмотреть ряд межведомственных договоров о сотрудничестве, а также исключить непосредственное сотрудничество территориальных органов МВД России приграничных субъектов Федерации с компетентными органами недружественных сопредельных государств в сфере ОРД.

Таким образом, международное сотрудничество в сфере ОРД ОВД в целях обеспечения национальной безопасности представляет собой деятельность, направленную на предупреждение преступных посягательств, подготавливаемых за пределами России и направленных на причинение вреда охраняемым российским уголовным законом интересам, а также осуществление ОРД в России в интересах иной стороны сотрудничества, если это не противоречит интересам национальной безопасности нашей страны, посредством добывания и обмена информацией, розыска и идентификации лиц и трупов.

Международное сотрудничество в целях обеспечения национальной безопасности — это деятельность уполномоченных государством субъектов, направленная на использование особенностей народов, государств и их объединений, а также совместное использование антропогенных и природных процессов и явлений для расширения или приобретения новых возможностей многонационального народа России по удовлетворению потребностей в самосохранении, самоподдержании и самовоспроизводстве.

Отдельно можно выделить международное сотрудничество в сфере ОРД ОВД в целях поддержания или восстановления международного мира и безопасности (п. 2 ст. 2 Федерального закона «О полиции»), осуществляемое по решению Президента России.

Согласно Стратегии в настоящее время угрозу национальной безопасности Российской Федерации представляет не столько транснациональная (международная) преступность, сколько наши геополитические противники — страны Запада и транснациональные корпорации, порождающие данную преступность в целях ограничения роли государств как основного гаранта стабильности и безопасности и дальнейшую колонизацию России посредством перехвата управления контролируемые ими наднациональными международными и корпоративными управленческими структурами. В связи с этим международное сотрудничество МВД России должно производиться исключительно в целях обеспечения национальной безопасности с дружественными странами. Заключение договоров территориальными органами МВД России с иностранными правоохранительными органами и специальными службами, выступление их как «субъектов международного права» является посягательством на суверенные права России¹. Представляется, что приграничное сотрудничество в сфере ОРД ОВД должны осуществлять не территориальные органы МВД России, а созданные в качестве структурных единиц МВД России и территориальных органов МВД России на уровне субъектов Федерации оперативные подразделения по обеспечению безопасности в сфере миграции. Объем международного сотрудничества МВД России в сфере ОРД должен

¹ Напр.: Протокол о взаимодействии между ГУВД Восточно-Казахстанской, УВД Павлодарской областей Республики Казахстан и ГУВД Алтайского края Российской Федерации по вопросам дальнейшего укрепления сотрудничества органов внутренних дел в борьбе с преступностью (Усть-Каменогорск, 23 мая 2005 г.)

меняться согласно действующей Стратегии и иным нормативным актам Президента Российской Федерации как лица, определяющего внешнюю политику и осуществляющего руководство МВД России. На научном и нормативном уровне необходимо конкретизировать объект и субъектов международного сотрудничества в сфере ОРД, объем их полномочий исходя из обеспечения нацио-

нальной безопасности как основной цели данной деятельности. При этом следует помнить о том, что международное сотрудничество в борьбе с преступностью является прежде всего подотраслью международного права [15, с. 9—13], к тому же сегодня в системе МВД России выстраивается целеполагание, не всегда в полной мере отражающееся в документах стратегического планирования.

1. Мелихов А. И. Национальная безопасность в свете органической теории государства // Вопросы безопасности. 2022. № 3. С. 79—92.

2. Шумилов А. Ю. Курс основ оперативно-розыскной деятельности: учебник. 3-е изд., доп. и перераб. Москва: Изд. дом Шумиловой И. И., 2008. 391 с.

3. Никитина И. Э. Сотрудничество европейских государств в сфере экспертно-криминалистической и оперативно-розыскной деятельности в рамках интеграционных и межправительственных объединений: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2017. 390 с.

4. Азимов А. Выбор катастроф: От гибели вселенной до энергетического кризиса. Санкт-Петербург: Амфора, 2000. 509 с.

5. Ондар А. Э. Приграничное сотрудничество территориальных органов МВД России с компетентными органами иностранных государств в сфере оперативно-розыскной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2018. 28 с.

6. Маматов В. Г. Правовые и организационные проблемы взаимодействия в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел стран ЕАЭС // Оперативник (сыщик). 2016. № 2 (47). С. 64—67.

7. Сокольская Л. В. Правовая экспансия как историческая форма правовой аккультурации. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-ekspansiya-kak-istoricheskaya-forma-pravovoy-akkulturatsii> (дата обращения: 26.08.2022).

8. Теория государства и права: учебник / отв. ред. Н. И. Грачев. Москва: Зерцало-М, 2018. 876 с.

9. Волеводз А. Г. Конвенция о киберпреступности: новации правового регулирования // Правовые вопросы связи. 2007. № 2. С. 17—25.

10. Диагностика работы правоохранительных органов по охране общественного порядка и перспективы создания муниципальной милиции в России / В. Волков, А. Дмитриева, К. Титаев [и др.]. Санкт-Петербург: ИПП ЕУСПб, 2015. 144 с.

11. Хабибов С. А. Некоторые теоретические аспекты организации взаимодействия органов

1. Melikhov A. I. National security in the view of the organic theory of state. Security Issues, 79—92, 2022. (In Russ.).

2. Shumilov A. Yu. Course of the basis of detective activities. Textbook. 3rd ed., suppl. and rev. Moscow: Izd. dom Shumilova I. I.; 2008: 391. (In Russ.).

3. Nikitina I. E. Cooperation of European states in the sphere of forensic and detective activities within the framework of integration and intergovernmental associations. Dissertation of doctor of juridical sciences. Moscow; 2017: 390. (In Russ.).

4. Azimov A. Choice of disasters: from the death of the universe to the energy crisis. Saint Petersburg: Amphora; 2000: 509. (In Russ.).

5. Ondar A. E. Cross-border cooperation of territorial bodies of the Ministry of Interior of Russia with the competent authorities of foreign states in the sphere of detective activities. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2018: 28. (In Russ.).

6. Mamatov V. G. Legal and organizational problems of cooperation in the detective activities of interior bodies of the EAEU countries. Detective, 64—67, 2016. (In Russ.).

7. Sokolskaya L. V. Legal Expansion as a historical form of legal acculturation. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-ekspansiya-kak-istoricheskaya-forma-pravovoy-akkulturatsii>. Accessed: 26 August 2022. (In Russ.).

8. Theory of state and law. Textbook. Ed. by N. I. Grachev. Moscow: Zertsalo-M; 2018: 876. (In Russ.).

9. Volevodz A. G. Convention on cybercrime: innovations in legal regulation. Legal issues of communications, 17—25, 2007. (In Russ.).

10. Volkov V., Dmitrieva A., Titaev K. (et al.) Diagnostic of work to maintain public order by law enforcement bodies and perspectives to form municipal police in Russia. Saint Petersburg: IPP EUSPb; 2015: 144. (In Russ.).

11. Khabibov S. A. Some theoretical aspects to organize cooperation among the Interior Bodies of the Republic of Tajikistan and the Russian Federation in the sphere of detective activities to combat

внутренних дел Республики Таджикистан и Российской Федерации в сфере оперативно-розыскной деятельности по борьбе с преступлениями террористического характера // Государственная служба и кадры. 2017. № 3. С. 133—136.

12. Шейшеев А. Д. Правовые и организационные аспекты оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Кыргызской Республики в борьбе с организованной преступностью и коррупцией: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2014. 26 с.

13. Токалов Т. Б. Теоретические, правовые и организационно-управленческие проблемы оперативно-розыскной деятельности ОВД Республики Казахстан в борьбе с преступностью: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2007. 53 с.

14. Севумян Г. С. Правовая основа, организация и тактика оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел РФ по раскрытию преступлений, связанных с незаконным трансграничным оборотом наркотиков в странах СНГ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2000. 24 с.

15. Иващук В. К. О предмете и субъектах международного сотрудничества органов внутренних дел в борьбе с преступностью // Труды Академии управления МВД России. 2010. № 1 (13). С. 9—13.

Мелихов Александр Иванович,

доцент кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент; M-13913@ya.ru

Харченко Александр Викторович,

кандидат юридических наук, доцент; stl13913@gmail.com

Працко Геннадий Святославович,

профессор кафедры коммерческого и предпринимательского права Донского государственного технического университета, доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор; M-13913@yandex.ru

crimes of a terrorism-related nature. State service and personnel, 133—136, 2017. (In Russ.).

12. Sheysheyev A. D. Legal and organizational aspects of detective activities of the Interior Bodies of Kyrgyz Republic to combat organized crime and corruption. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2014: 26. (In Russ.).

13. Tokalov T. B. Theoretical, legal and organizational and administrative problems of detective activities of the Interior Bodies of the Republic of Kazakhstan to combat crime. Dissertation of doctor of juridical sciences. Moscow; 2007: 53. (In Russ.).

14. Sevumyan G. S. Legal basis, organization and tactics of detective activities of the Interior Bodies of the Russian Federation to solve crimes related to illegal transnational drug trafficking in the CIS countries. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2000: 24. (In Russ.).

15. Ivashchuk V. K. On the matter and actors of international cooperation of the interior bodies to combat crime. Research works of the Academy of Management of the Ministry of Interior of Russia, 9—13, 2010. (In Russ.).

Melikhov Alexander Ivanovich,

associate professor at the department of constitutional and administrative law of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; candidate of juridical sciences, docent; M-13913@ya.ru

Kharchenko Alexander Victorovich,

candidate of juridical sciences, docent; stl13913@gmail.com

Pratsko Gennady Svyatoslavovich,

professor at the department of commercial and business law of the Don State Technical University, doctor of juridical sciences, doctor of philosophical sciences, professor; M-13913@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 02.10.2023; одобрена после рецензирования 11.10.2023; принята к публикации 17.11.2023.

The article was submitted 02.10.2023; approved after reviewing 11.10.2023; accepted for publication 17.11.2023.

* * *

УДК 343.102
doi: 10.25724/VAMVD.A204

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЦИФРОВОЙ СФЕРЕ (ЧАСТЬ 2)

Василий Владимирович Семенчук*, **Владимир Батоевич Батоев****

* Дальневосточный юридический институт МВД России, Хабаровск, Россия, semenchuk_ord@mail.ru

** ФКУ НПО «СТИС» МВД России, Москва, Россия, vbatoev@mail.ru

Аннотация. Цифровизация всех сфер общественных отношений обусловила резкий рост числа преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Становление и развитие отечественной цифровой экономики предписывает субъектам оперативно-разыскной деятельности обеспечение должного уровня безопасности, в том числе с помощью поиска эффективных средств и методов решения оперативно-разыскных задач. Подобное утверждение подразумевает скоординированную работу оперативно-разыскных субъектов в концептуальных рамках той или иной стратегии развития оперативно-разыскной деятельности в цифровой среде. Изучение юридической литературы показывает, что данным вопросам уделяется недостаточно внимания.

Во второй части настоящей статьи, посвященной рассмотрению вопросов формирования концепции развития оперативно-разыскной деятельности в условиях тотальной и неизбежной цифровизации общественных процессов, авторы представили конкретные меры правового, информационно-аналитического, материально-технического и кадрового характера, реализация которых позволит впоследствии оценить состояние цифрового развития и использования современных информационных технологий в оперативно-разыскной деятельности, эффективность и результативность ее цифровой трансформации в целом.

Ключевые слова: концепция, оперативно-разыскная деятельность, цифровизация, цифровая среда, преступность

Для цитирования: Семенчук В. В., Батоев В. Б. Предпосылки формирования концепции развития оперативно-разыскной деятельности в цифровой сфере (часть 2) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 4 (67). С. 165—174. doi: 10.25724/VAMVD.A204

PREREQUISITES FOR THE FORMATION OF THE CONCEPT OF DEVELOPMENT OF OPERATIONAL-INVESTIGATIVE ACTIVITY IN THE DIGITAL SPHERE (PART 2)

Vasily Vladimirovich Semenchuk*, **Vladimir Batoyevich Batoyev****

* Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia, Khabarovsk, Russia, semenchuk_ord@mail.ru

** FGI SPA SET of the MIA RF, Moscow, Russia, vbatoev@mail.ru

Abstract. Digitalization of all spheres of public relations has led to a sharp increase in the number of crimes committed using information and telecommunication technologies. The formation and development of the domestic digital economy requires the detective activities actors to ensure the proper level of security, including the search for effective means and methods of solving detective tasks. Such a statement implies coordinated work of detective actors within the conceptual framework of one or another strategy for the development of detective activities in the digital environment. The study of legal works shows insufficient attention to these issues.

The second part of this article is devoted to the formation of a concept for the development of detective activities in the conditions of total and inevitable digitalization of social processes. The authors presented specific measures of a legal, information-analytical, material, technical and personnel nature, the implementation of which will subsequently make it possible to assess the state of digital development and the use of modern information technologies in detective activities, the efficiency and effectiveness of its digital transformation as a whole.

Keywords: concept, detective activity, digitalization, digital environment, crime

For citation: Semenchuk V. V., Batoyev V. B. Prerequisites for the formation of the concept of development of operational-investigative activity in the digital sphere (part 2). Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 165—174, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A204

При рассмотрении различных аспектов формирования концепции развития оперативно-разыскной деятельности (далее — ОРД) в цифровой среде в первой части данной статьи нами были предложены объект и принципы формирования искомой концепции, которые с учетом научно-практического обсуждения могут быть включены в понятийно-категориальный аппарат оперативно-разыскной науки как основа последующей цифровой трансформации ОРД в целом.

В рамках данной статьи нами запланировано рассмотрение конкретных вопросов, разрешение которых позволит обеспечить выход теории, практики и науки ОРД на качественно иной уровень развития в условиях происходящей цифровизации общества.

Содержание предлагаемой Концепции включает в себя совокупность мер по совершенствованию правовых основ, информационно-аналитического, материально-технического и кадрового обеспечения ОРД в цифровой сфере. С учетом изложенного предлагаем разделить Концепцию на следующие блоки:

Блок 1. Совершенствование правовых основ ОРД

I. Совершенствование регламентации оперативно-разыскных мероприятий (далее — ОРМ).

Согласно определению понятия «оперативно-разыскной деятельности» данный вид правоохранительной деятельности осуществляется посредством проведения ОРМ (ст. 1 Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности» (далее — ФЗ «Об ОРД»)). Стоит согласиться с мнением авторов [1; 2, с. 69], в соответствии с которым ОРД не сводится только к проведению ОРМ. Однако вместе с этим ОРМ являются основным средством сбора сведений и формирования результатов ОРД. Качество правовой регламентации ОРМ влияет на информационный потенциал ОРД и возможности последующего использования их результатов в уголовном судопроизводстве, т. е. обеспечения достижения целей и задач ОРД. В связи с этим предлагаем рассмотреть данный вопрос в следующих направлениях.

А. Регламентация оснований для проведения инициативных ОРМ.

Действующий перечень оснований не допускает возможности проведения ОРМ с целью инициативного установления признаков преступления. Если подготовка преступления тщательно маскируется либо оно совершено в условиях неочевид-

ности, то сведения, выступающие основаниями для проведения ОРМ, могут поступать несвоевременно, что непременно препятствует проведению инициативных ОРМ.

Данная общая проблема имеет специфические проявления в цифровой сфере. Так, без конкретных сведений о признаках подготавливаемых или совершаемых преступлений либо иных оснований для проведения ОРМ отсутствует возможность инициативного сбора оперативно значимой информации:

а) посредством проведения анализа сетевой активности лиц (например, изучения поисковых запросов в браузере, активности в социальных сетях и др.), от которых можно ожидать совершения преступления. В настоящее время анализом информации об активности пользователей в коммерческих целях занимаются в том числе IT-компании. Адаптивная поведенческая аналитика нацелена на формирование индивидуальных потребительских профилей, позволяющих принимать решения на основе фактического поведения клиентов [3, с. 226], но возникает вопрос относительно отсутствия для этого правовых условий у органов, осуществляющих ОРД;

б) применения алгоритмов обезличенного автоматизированного отбора информации о преступной деятельности на каналах связи с использованием ключевых слов (тегов).

Считаем, что для активизации осуществления ОРД в данном направлении необходимо на законодательном уровне разрешить субъектам ОРД проведение инициативных ОРМ, предусмотрев для них специальные условия проведения. Данное предложение разграничим по следующим группам ОРМ:

1. Инициативные ОРМ, нацеленные на предупреждение подготавливаемых преступлений.

В законе следует закрепить конкретные объекты, подлежащие оперативно-разыскному контролю. Высокий уровень рецидива преступлений указывает на необходимость отнесения к таковым лиц, в отношении которых осуществляется административный надзор (далее — поднадзорное лицо)¹.

Принятие законодательных и ведомственных актов, регламентирующих отношения, связанные с осуществлением административного надзора, также создало правовые предпосылки для выде-

¹ Сводный отчет по России о результатах работы территориальных органов МВД России по осуществлению административного надзора за январь — декабрь 2021 года. М.: ГИАЦ МВД России, 2022.

ления поднадзорных лиц в качестве объектов оперативно-разыскного контроля. Важно при этом иметь в виду, что статус поднадзорного лица сам по себе не является основанием для проведения ОРМ.

С учетом изложенного, следует дополнить ч. 1 ст. 7 ФЗ «Об ОРД» положением, закрепляющим в качестве основания для проведения ОРМ решение суда об установлении административного надзора.

Расширяя перечень оснований для проведения ОРМ, необходимо затронуть вопрос условий их проведения.

Для ОРМ, не ограничивающих конституционные права граждан, в данном случае не требуется установление специальных условий их проведения. Исключения составляют ОРМ «проверочная закупка» и «оперативный эксперимент», для которых статус поднадзорного лица не может быть признан достаточным основанием для их проведения, так как для исключения аспектов провокации перед их проведением потребуется установление умысла лица на совершение преступления.

Полагаем, что в отношении поднадзорных лиц все же может быть допущено проведение ОРМ, ограничивающих конституционные права. В текущей регламентации сам по себе статус поднадзорного лица уже подразумевает ограничение конституционных прав на свободу передвижения и неприкосновенность жилища, что вытекает из содержания административных ограничений и запретов, устанавливаемых при административном надзоре, и обязанностей поднадзорного лица по их соблюдению.

Обеспечение возможности проведения подобных ОРМ в сложившихся условиях является вынужденной мерой, направленной на предупреждение преступлений, защиту государственных и общественных интересов. Результаты их проведения могут обогатить оперативно-разыскные данные относительно образа жизни объекта оперативной заинтересованности, выявить на ранней стадии преступные намерения, в том числе посредством анализа сетевой активности, изучения цифровых следов в киберпространстве и др.

Считаем целесообразным предусмотреть в положениях ФЗ «Об ОРД» такие условия проведения ОРМ в отношении поднадзорных лиц, ограничивающих конституционные права человека и гражданина, как наличие судебного решения, срок проведения ОРМ до 6 месяцев с возможностью продления при наличии должного обоснования, предоставление права органу, санкционировавшему ОРМ, осуществлять текущий контроль за их проведением путем истребования отчетов о полученных результатах и возможности их досрочного прекра-

щения, так как участие поднадзорных лиц в преступной деятельности носит предположительный характер, что в свою очередь предполагает усиление судебного контроля за проведением обозначенных видов ОРМ.

2. Инициативные ОРМ по выявлению признаков преступлений в рамках организации ОРД по линиям оперативного обслуживания.

Законодательная регламентация инициативных ОРМ в рамках оперативного поиска может быть осуществлена путем дополнения ч. 1 ст. 7 ФЗ «Об ОРД» пунктом следующего содержания: «С учетом требований, предусмотренных частью... статьи 8 настоящего закона, допускается проведение оперативно-разыскных мероприятий, направленных на выявление признаков преступлений и лиц, их совершающих».

Ввиду негласного характера ОРД, высокой степени вмешательства в сферу неприкосновенности частной жизни расширение полномочий субъектов ОРД потребует установления условий их проведения. В статье 8 ФЗ «Об ОРД» проведение ОРМ по рассматриваемому основанию может быть допущено для следующих категорий: ОРМ, традиционно осуществляемых в ходе личного сыска (опрос, наблюдение, отождествление личности) и ОРМ «наведение справок» в сети Интернет, не предполагающих ограничение конституционных прав граждан; ОРМ, хотя и относящихся к категории ограничивающих конституционные права граждан (прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи, получение компьютерной информации), но допускающих возможность обезличенного системного сбора информации на каналах связи.

Обращает на себя внимание, что на операторов связи и организаторов распространения информации в сети Интернет законодательством о противодействии терроризму возложены обязанности по хранению на территории РФ информации о действиях пользователей, в том числе в течение шести месяцев с момента совершения операций (текстовых сообщений пользователей, голосовой информации, изображений, звуков, видео-, иных сообщений пользователей); сформированы правовые основы для получения этих сведений в рамках ОРМ «получение компьютерной информации» [4, с. 119; 5].

Проведение ПКИ также предполагает наличие конкретных оснований для проведения ОРМ, т. е. сведений о конкретных преступных действиях. В такой ситуации хранение сведений в течение шести месяцев осуществляется как бы «про запас». Считаем, что более рациональным было бы допустить проведение обезличенного анализа собранных

массивов данных с использованием метода обработки по ключевым словам. По этому поводу отметим, что в ряде стран уже имеется опыт проведения такого рода ОРМ в рамках стратегического мониторинга оперативно значимой информации (Великобритания, Германия и Швеция) (см. подробнее: [6]). Высокая познавательная ценность стратегического сбора информации отмечалась в отчете Европейской комиссии за демократию через право в 2015 г., когда система массового перехвата информации позволила службам безопасности внедрить проактивный подход посредством выявления ранее неизвестных фактов¹.

В случае внедрения возможности проведения подобных ОРМ в отечественной оперативно-разыскной практике в качестве специальных условий необходимо предусмотреть возможность их проведения по обезличенным поисковым признакам на основании судебного решения в связи с необходимостью выявления преступлений; установление процедур отбора, анализа, использования и уничтожения добытых данных, а также требований к учету проведенных ОРМ (в случае выявления лиц, представляющих оперативный интерес, дальнейшее проведение ОРМ должно осуществляться с соблюдением общих условий); установление за судом обязанности по осуществлению контроля за вышеперечисленными процедурами.

Б. Адаптация перечня ОРМ к современным условиям организации общественных процессов.

В настоящее время ФЗ «Об ОРД» предусматривает дробление ОРМ, имеющих близкое отношение друг к другу по своему содержанию (прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи, контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений). В некоторых случаях различия между совершаемыми действиями носят преимущественно правовой, а не содержательный характер. Так, по содержанию получаемой информации и степени вмешательства в сферу прав личности отсутствуют ли существенные отличия между перехватом сути телефонного разговора и перехватом соединения при помощи мессенджера, если оба осуществляются с использованием мобильных устройств? Данный пример указывает на отставание норм закона, который был принят во время действия иных технологий. В отличие от отечественной пере-

довые зарубежные практики свидетельствуют о наличии упрощенных вариантов — деление ОРМ на перехват самого содержания сообщения и получение информации о соединениях и сведений об абонентах.

В отечественном оперативно-разыском законодательстве возможно осуществить консолидацию ОРМ, близких по содержанию (ПТП, СИТКС, КПО), разграничив их на получение содержания сообщений и получение данных о связи (информации о сообщениях и абонентах) [7, с. 43]. С учетом того, что перехват сообщений предполагает высокую степень вмешательства в неприкосновенность частной жизни, условия его проведения должны предполагать необходимость получения судебного разрешения при наличии сведений о преступлениях средней тяжести, тяжких и особо тяжких преступлениях. В связи с тем что при проведении ОРМ «получение компьютерной информации» возможен доступ к содержанию сообщений пользователя, то условия его проведения должны быть аналогичными за исключением проведения ОРМ без цели получения содержания сообщений.

Условия получения данных о связи, не имеющей отношения к перехвату сообщений, должны регулироваться исходя из степени вмешательства в частную жизнь граждан. Санкционирование получения ограниченных сведений, например детализации соединений, целесообразно осуществлять на уровне руководителя, уполномоченного на осуществление ОРД по любым категориям преступлений.

Предлагаемые изменения нашли поддержку среди оперативных сотрудников ОВД. Так, на вопрос: «Согласны ли Вы с целесообразностью разграничения схожих по содержанию ОРМ (прослушивание телефонных переговоров, контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, снятие информации с технических каналов связи, получение компьютерной информации) на два ОРМ с установлением разных подходов к условиям их проведения: „перехват содержания пересылаемых сообщений“ (телефонных, почтовых, телеграфных, электронных и иных) — на основании судебного решения по преступлениям средней тяжести, тяжким или особо тяжким преступлениям либо с целью выявления угроз безопасности РФ; „получение данных о связи“ (детализация соединений, установление местонахождения абонента и пр.) — по любой категории преступлений на основании постановления руководителя органа, осуществляющего ОРД?» положительно ответили 63,6 % респондентов².

² В 2021 г. проведено анкетирование 465 сотрудников оперативных подразделений МВД России (Управление на транспорте МВД России по Дальневосточному феде-

¹ Report on the democratic oversight of signals intelligence agencies (adopted by the Venice Commission at its 102nd Plenary Session. Venice, 20—21 March 2015) // European commission for democracy through law (Venice Commission). URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2015\)011-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2015)011-e) (date of access: 18.01.2023).

В. Корректировка признака территориальности по вопросам проведения ОРМ на каналах связи.

В современном мире любое лицо в ходе осуществления преступной деятельности имеет возможность производить трансграничные коммуникации (ресурсы сети Интернет, облачные хранилища, зарубежные серверы и др.). Однако в соответствии с преамбулой ФЗ «Об ОРД» данная деятельность осуществляется только на территории РФ. Справедливо возникает вопрос о соблюдении принципа территориальности, когда носитель информации располагается за рубежом.

В данном случае считаем приоритетным осуществление международного взаимодействия в целях получения таких сведений. Но здесь есть ряд препятствий, в том числе в силу напряженной геополитической ситуации в мире. Специализированным международным договором в данной сфере является Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации (2001 г.), которая не была ратифицирована РФ по ряду причин, представляющих угрозу безопасности государства. Тем не менее предложенный РФ проект концепции по борьбе с киберпреступностью остался без внимания у мировой общественности в силу различных причин.

Выходом в такой ситуации может послужить получение компьютерной информации из-за рубежа только на основании двухсторонних международных соглашений РФ. Такого рода соглашения заключены далеко не со всеми странами, в которых размещается искомая информация, а их реализация зависит от особенностей законодательства государства-партнера. Кроме того, в условиях международной напряженности и разрыва соглашений между правоохранительными органами разных стран вероятность получения искомой информации уменьшается, а риск раскрытия проводимых ОРМ увеличивается.

Вместе с тем современные информационные технологии все же позволяют осуществлять ОРМ «получение компьютерной информации» в отношении носителей, расположенных за пределами РФ. Опыт подобного сбора информации имеется у правоохранительных органов США¹. Перво-

начально получение информации с носителей, расположенных за рубежом, предполагало взаимодействие правоохранительных органов США с коллегами из других государств. Это, в частности, отмечалось в руководстве, посвященном дистанционному обследованию компьютеров, разработанном под эгидой Департамента юстиции США².

Однако в 2016 г. были внесены изменения в ст. 41 Федеральных правил уголовного судопроизводства³. В ряде случаев судья имеет право выдать ордер на использование удаленного доступа для поиска электронных носителей информации, а также на изъятие или копирование хранящейся в электронном виде информации, расположенной в пределах или за пределами его округа. В качестве обоснования в том числе может быть указано, что местоположение компьютера или мобильного устройства было скрыто с помощью технических средств (например, анонимайзеров, VPN-сервисов и др.). Как показывает практика, такой подход применяется при проведении мероприятий не только на территории США, но и других стран⁴.

Ранее мы критиковали такой подход к организации правоохранительной деятельности в силу явного вмешательства в пределы цифрового суверенитета других государств [8], однако современные реалии геополитической ситуации вынуждают скорректировать свою позицию по данному вопросу. Полагаем, что в целях обеспечения безопасности человека, общества и государства при отсутствии каких-либо соглашений о сотрудничестве либо в случае отказа от сотрудничества органы, осуществляющие ОРД, обязаны иметь необходимую правовую основу для получения оперативно значимой цифровой информации в одностороннем порядке.

По этому поводу интересна позиция В. Ф. Луговика, который в нормах разработанного им проекта Оперативно-разыскного кодекса РФ допускал возможность осуществления ОРД за пределами РФ по решению главы государства [9].

В рассматриваемом контексте ограничение принципа территориальности может иметь более точечный характер. Для этого в преамбуле ФЗ «Об ОРД»

ральному округу, территориальные ОВД республик Бурятия, Саха (Якутия), Алтайского, Камчатского, Красноярского и Хабаровского краев, Иркутской, Магаданской и Сахалинской областей, оперативные сотрудники из числа слушателей, проходивших обучение по программам повышения квалификации в ДВЮИ МВД России).

¹ ФБР в рамках глобальной кибероперации взломало компьютеры в России, Китае и Иране // Парламентская газета. URL: <https://www.pnp.ru/social/fbr-v-ramkakh-kiBER-operacii-vzlomalo-kompyutery-v-rossii-kitae-i-irane.html> (дата обращения: 02.09.2023).

² Searching and seizing computers and obtaining electronic evidence in criminal investigations // U. S. Department of Justice. URL: <https://www.justice.gov/file/442111/download> (date of access: 03.09.2023).

³ Federal Rules of Criminal Procedure // Cornell Law School. URL: https://www.law.cornell.edu/rules/frcrmp/rule_41 (date of access: 03.09.2023).

⁴ ФБР взломало 8 тыс. компьютеров в 120 странах на основании одного ордера // Информационный портал SecurityLab.ru. URL: <https://www.securitylab.ru/news/484535.php> (дата обращения: 03.09.2023).

достаточно исключить словосочетание «осуществляемой на территории Российской Федерации». С учетом того, что вопросы международного сотрудничества, как правило, не относятся к компетенции субъектов ОРД на региональном уровне, полагаем, что проведение ОРМ за пределами РФ целесообразно отнести к компетенции субъектов ОРД на федеральном уровне.

II. Совершенствование правовых основ содействия граждан органам, осуществляющим ОРД.

В рамках выявления и раскрытия преступлений содействие граждан может заключаться не только в негласном освещении преступной деятельности конкретных лиц, но и в привлечении специалистов в различных сферах жизнедеятельности. В цифровой среде источником для привлечения IT-специалистов должны быть негосударственные IT-компании. Важно при этом обеспечить соответствующие условия, так как в государственных органах высококвалифицированный специалист-аналитик, программист и др. не обеспечен должным уровнем финансового обеспечения, в отличие от IT-компаний, где уровень оплаты труда в разы выше. Данная проблема существует и в других странах [10], поэтому важно разрешить этот вопрос с учетом изложенного аспекта. В качестве стимулирующего фактора следует разработать механизмы освобождения «хакеров» и других категорий лиц от уголовной ответственности либо смягчения уголовного наказания посредством корреляции норм оперативно-разыскного и уголовного законодательства.

Блок 2. Информационно-аналитическое и материально-техническое обеспечение ОРД в цифровой сфере

I. Использование искусственного интеллекта в информационном обеспечении ОРД.

Сотрудник оперативного подразделения не имеет глубоких познаний в вопросах обработки огромного объема цифровых данных, получаемых в ходе изучения сетевой активности объектов оперативной заинтересованности, проведения мониторинга сети Интернет. В данный момент важно, чтобы субъект ОРД был обеспечен оперативно значимой информацией, полученной в результате анализа больших объемов неструктурированной разнородной информации.

В теории и практике ОРД крайне важно осуществлять деятельность по развитию правовых основ перехвата информации, средств ее обработки и хранения. В настоящее время до конца не решен вопрос становления и развития аналитики в ОРД, так как большие данные обрабатываются не в полном объеме, что приводит к утрате ценной информации. Вместе с тем перспективы использования искусственного интеллекта активно обсуждаются

в различных научных исследованиях и отмечены в концепции научного обеспечения деятельности МВД России на период до 2030 г., а также в сводном перечне проблем деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, требующих научного разрешения.

С учетом этого предлагаем примерный перечень приоритетных направлений проведения фундаментальных исследований в сфере искусственного интеллекта в целях совершенствования информационного обеспечения ОРД:

A. Совершенствование методов компьютерной лингвистики.

Использование искусственного интеллекта может осуществляться в целях поиска речевых и текстовых данных, имеющих отношение к преступной деятельности. В качестве объекта анализа могут использоваться массивы данных, генерируемых операторами связи и организаторами распространения информации в сети Интернет.

B. Разработка программных комплексов, позволяющих устанавливать фактическое местонахождение объектов оперативной заинтересованности посредством изучения метаданных пользователей сети Интернет, сотовой связи и др.

II. Развитие информационных сервисов обеспечения оперативно-служебной деятельности.

На текущий момент субъектами ОРД и другими правоохранительными органами [11] проводится активная работа в части совершенствования организации оперативно-служебной деятельности. Ярким примером является единая система информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России, использование которой позволяет получать доступ к различным информационным источникам и проводить некоторые ОРМ (наведение справок, отождествление личности). Перспективу развития в данном направлении составляет расширение информационных источников данного сервиса за счет интеграции с информационными массивами государственных и коммерческих структур. На уровне МВД России таким примером является возможность удаленного доступа к Единому государственному реестру юридических лиц и Единому государственному реестру индивидуальных предпринимателей.

Обращает на себя внимание наличие приоритетности по таким вопросам, где из всех субъектов ОРД только оперативные подразделения ФСБ России (ст. 15 Федерального закона от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности») и СВР России (ст. 6 Федерального закона от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ «О внешней разведке») имеют право на осуществление удаленного доступа к информационным системам и (или) базам данных

государственных органов и государственных внебюджетных фондов. В связи с этим полагаем, что, основываясь на принципе межведомственной координации научно-технического развития ОРД, предложенного в данной Концепции, важно выработать единые подходы к получению доступа всеми субъектами ОРД к информационным системам и (или) базам данных государственных органов и государственных внебюджетных фондов, опять же, с учетом координирующей роли подразделений ФСБ России.

III. Совершенствование организационных основ содействия граждан в условиях цифровизации.

Развитие технологий поиска оперативно значимой информации в цифровой сфере ни в коем случае не умаляет эффективность использования содействия лиц органам, осуществляющим ОРД.

В первую очередь важно организовать работу по вопросам использования конфиденентов, однако представляется затруднительным изучение данного вопроса в рамках открытой работы.

Вместе с тем стоит отметить, что работа в данном направлении может вестись в контексте расширения сферы анонимного содействия. В науке уже указывалось на необходимость скорейшего формирования устоявшейся в оперативно-разыскной среде научно-практической позиции об эффективности конфиденциального сотрудничества, направленного на борьбу с цифровой преступностью, основанного на принципе анонимности [12].

С этой целью уже сформированы различные каналы приема сообщений о противоправной деятельности в электронной форме. Справедливости ради отметим, что такой подход хотя и облегчает возможность получения оперативно значимой информации, но может вызвать опасение у лиц, располагающих ценной информацией, быть раскрытыми для третьих лиц. В такой ситуации интересен подход оперативных подразделений службы внешней разведки по вопросам организации поступления анонимной информации, когда ими на своем сайте на русском и английском языке размещено объявление, согласно которому лица, находящиеся за пределами Российской Федерации, могут предоставить важную информацию об угрозах ее государственной безопасности. При этом гражданам предложена инструкция с разъяснениями об использовании анонимайзеров в целях обеспечения их анонимности.

Полагаем, что такой подход должен получить применение и в деятельности иных субъектов ОРД в целях решения задач борьбы с преступностью на территории РФ. Важно при этом проработать вопрос по предупреждению фактов направления заведомо ложных сведений о преступлениях, кото-

рое может повлечь наступление предусмотренной законом ответственности. В данном случае необходимо уведомить лиц, предоставляющих информацию о том, что полученные от них сведения сами по себе не являются поводом и основанием для решения вопроса о возбуждении уголовного дела и могут рассматриваться только в качестве оснований для осуществления ОРМ.

IV. Совершенствование подходов к проверке цифровых результатов ОРД в рамках их использования в уголовном судопроизводстве.

Идеология отечественного уголовного судопроизводства предусматривает, что для формирования доказательств на основании результатов ОРД последние должны быть проверены уголовно-процессуальным путем, т. е. путем проведения соответствующих процессуальных действий.

Цифровизация результатов ОРД постепенно приводит к тому, что классические способы проверки и восприятия информации становятся неинформативными. Как справедливо отмечалось учеными, осмотр предметов и документов в данном случае предполагает только перенос информации с цифровой формы в письменную [13, с. 429]. В такой ситуации составление протокола осмотра имеет только одну цель — подвести результаты ОРД под стандарт доказывания.

Вместе с тем на фоне развития цифровых технологий, а также с появлением возможностей по искажению информации аспекты проверки цифровых результатов ОРД приобрели особое значение.

Для проверки результатов ОРД, представленных в виде фотоизображений, аудио-, видеозаписей, на практике проводятся фототехническая, фоноскопическая или видеотехническая экспертизы. Хотя на практике выработан определенный опыт и методики их проведения, в современных условиях вызывает интерес выявление синтетических медиа в виде поддельных фото-, видеоизображений и аудиосообщений, так называемых дипфейков (от англ. deepfake). Дипфейки, как показывает мировая практика, постепенно начинают пользоваться спросом при решении криминальных задач, в частности могут быть использованы для дезинформирования населения, правоохранительных органов, фальсификации цифровых доказательств и пр. Выявление подобного поддельного медиа не вызывает существенных затруднений, однако с учетом бурного развития технологии дипфейков в ближайшей перспективе для этого важно совершенствовать соответствующие экспертные методики.

Установление авторства машинописного текста возможно с помощью проведения автороведческой экспертизы. Однако интернет-коммуникации (краткость текста, отличия от классической формы обще-

ния) не всегда позволяют однозначно говорить о возможной принадлежности авторства тому или иному лицу. Использование же методов компьютерной лингвистики может вызвать проблему в объяснении достоверности результатов экспертизы для суда [14].

Другой вопрос связан с тем, что методы удаленного получения цифровой информации, не имеющей персонифицированного характера, представленной в виде файлов, программного кода и др., должны позволять в последующем проводить компьютерно-технические экспертизы (см. подробнее: [15]). В особенности это представляется актуальным в случаях отсутствия возможности фактического изъятия носителя информации.

В целом подобные обстоятельства указывают на необходимость совершенствования методик экспертиз результатов ОРД, представленных в цифровой форме.

Блок 3. Кадровое обеспечение ОРД в цифровой сфере

Реализация блоков 1 и 2 невозможна без привлечения специалистов, способных разрабатывать, внедрять и применять новые технологии обработки информации и применять их при проведении ОРМ.

В ряде образовательных организаций системы МВД России (Московский и Краснодарский университеты, Нижегородская академия, Воронежский институт) реализуются основные профессиональные образовательные программы высшего образования в сфере подготовки специалистов, задействованных в выявлении и раскрытии преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий.

В то же время такого рода узкие специализации были введены относительно недавно и основаны преимущественно на классических подходах к раскрытию преступлений. Для совершенствования подготовки кадров требуется дополнительное развитие научно-педагогических кадров и материально-техническое обеспечение образовательного процесса.

Концепция может дополняться другими мероприятиями. Некоторые из направлений, представляющих интерес, не были включены в Концепцию в связи с негласным характером информации. Кроме того, существует ряд направлений развития ОРД в цифровой сфере, которые вызывают спорные вопросы и могут дополнить Концепцию в случае их успешной апробации.

Вызывает интерес инициатива ФТС России в части ведения электронных дел оперативного учета. Согласно документам¹ к декабрю 2024 г.

планируется реализация мероприятий по цифровизации документирования результатов ОРД (создание информационного массива и шаблонов электронных документов, электронных дел оперативного учета). Предполагается реализовать возможность обработки информации для систем цифровизации документирования ОРД в закрытых сегментах локальных вычислительных сетей в Главном управлении по борьбе с контрабандой ФТС России, оперативных таможнях, региональных таможенных управлениях и таможнях, непосредственно подчиненных ФТС России. Думается, что в случае положительных результатов подобный опыт также может быть использован другими субъектами ОРД. Отсюда возникает необходимость приведения к единообразию вопросов развития теории и практики ОРД в цифровой среде.

Другим предложением, представленным в научной литературе, является создание банка судебных решений о проведении ОРМ, которые при соблюдении требований безопасности всегда могли бы обеспечить проверку законности и обоснованности принимаемых решений в оптимально короткий срок [16]. Считаем, что реализация данного предложения весьма затруднительна в силу угрозы утечки информации, а также ввиду отсутствия в судах первой инстанции секретного делопроизводства [17].

Подводя итог, отметим, что трансформацию подходов к организации ОРД в условиях цифровой среды необходимо рассматривать в качестве закономерного перехода к следующей стадии развития ОРД как системы научных знаний. Теоретические положения о необходимости совершенствования правовой основы и организации ОРД на всех уровнях в условиях цифровой среды можно рассматривать в качестве Концепции развития теории и практики ОРД, которая имеет научное и практическое значение. Предложенная нами Концепция может стать предметом научного обсуждения, дополняться новыми перспективными направлениями. Положения Концепции имеют целью объединение научных положений об ОРД в условиях цифровизации в единую систему научных знаний, в процессе получения которых происходит выявление ранее не изученных проблемных вопросов с их дальнейшим разрешением.

тельства РФ от 23.05.2020 № 1388-п) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.09.2023); План деятельности Федеральной таможенной службы на 2022 год и плановый период 2023—2027 гг.: утв. Минфином России от 30 марта 2022 г. // Там же; Об утверждении ведомственной программы цифровой трансформации Федеральной таможенной службы на 2022—2024 гг.: приказ ФТС России от 13 января 2022 г. № 7 // Там же.

---

¹ Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года (утв. распоряжением Прави-

1. Бобров В. Г. О некоторых вопросах законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности // Полицейское право. 2005. № 2 (2). С. 75—83.

2. Гусев В. А., Луговик В. Ф. Теория оперативно-розыскных процедур: монография. Москва: Проспект, 2019. 336 с.

3. Овчинский А. С., Кондратьев В. Д., Борзун К. К. Информационно-аналитическое сопровождение ОРД в цифровом мире // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 5. С. 222—226.

4. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / под ред. проф. А. Е. Чечетина. Барнаул: Барнаул. юрид. ин-т МВД России, 2022. 304 с.

5. Соколов Ю. Н. Наложение ареста на электронные сообщения, их осмотр и выемка // Российский следователь. 2020. № 10. С. 38—41.

6. Батоев В. Б., Семенчук В. В. Предиктивная аналитика в оперативно-розыскной деятельности: международный и отечественный опыт проведения оперативно-розыскного мониторинга информационно-телекоммуникационных сетей и систем // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2020. № 1 (47). С. 60—67.

7. Осипенко А. Л. Оперативно-розыскная деятельность в информационном обществе: адаптация к условиям цифровой реальности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2019. № 4 (75). С. 38—46.

8. Семенчук В. В. Проблемы международного взаимодействия в рамках проведения оперативно-розыскного мероприятия «получение компьютерной информации» // Актуальные проблемы науки и практики: сб. науч. тр. Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2018. URL: https://mvd.ru/upload/site134/folder_page/012/627/311/Aktualnye_problemy_nauki_i_praktiki_ENI_Sbornik_nauchnykh_trudov.pdf (дата обращения: 03.09.2023).

9. Луговик В. Ф. Проект Оперативно-розыскного кодекса Российской Федерации. Омск, 2014. С. 3.

10. Vorndran Bryan A. Oversight of the FBI Cyber Division: Statement for the record // Federal Bureau of Investigation. URL: <https://www.fbi.gov/news/testimony/oversight-of-the-fbi-cyber-division-032922> (date of access: 03.09.2023).

11. Себякин А. Г. Искусственный интеллект в криминалистике: система поддержки принятия решений // Baikal Research Journal: электрон. науч. журн. Байкал. гос. ун-та. 2019. Т. 10, № 4. 2019. С. 21.

12. Железняк И. Н. Проблемы цифровизации негласного сотрудничества граждан с органами,

1. Bobrov V. G. On some issues of legislative regulation of intelligence-gathering activities. *Politseiskoe pravo = Police Law*, 75—83, 2005. (In Russ.).

2. Gusev V. A., Lugovik V. F. *Teoriya operativno-rozysknykh protsedur: monografiya* [Theory of operational search procedures. Monograph]. Moscow: Prospekt; 2019: 336. (In Russ.).

3. Ovchinskiy A. S., Kondratiev V. D., Borzunov K. K. Information-analytical support of the ORD in the digital world. *Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 222—226, 2018. (In Russ.).

4. Scientific and practical commentary on the Federal Law "On Operational Investigative Activities". Ed. by prof. A. E. Chechetin. Barnaul: Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2022: 304. (In Russ.).

5. Sokolov Ju. N. Arrest, examination and seizure of electronic messages. *Russian Investigator*, 38—41, 2020. (In Russ.).

6. Batoev V. B., Semenchuk V. V. Predictive analytics in operational search activity: international experience and domestic in conducting operational search monitoring of information and telecommunication network and system. *Bulletin of Krasnodar University of Russian MIA*, 60—67, 2020. (In Russ.).

7. Osipenko A.L. Crime Detection in an Information Society: Adaptation to the Conditions of Digital Reality. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*, 38—46, 2019. (In Russ.).

8. Semenchuk V. V. Problems of international interaction within the framework of the detective activity "obtaining computer information". In: *Current problems of science and practice. Collection of scientific papers*. Khabarovsk: Far Eastern Law Institute of the Ministry of the internal affairs of the Russia; 2018. Available from: https://mvd.ru/upload/site134/folder_page/012/627/311/Aktualnye_problem_y_nauki_i_praktiki_ENI_Sbornik_nauchnykh_trudov.pdf. Accessed: 3 September 2023. (In Russ.).

9. Lugovik V. F. Draft of the Operational-Investigation Code of the Russian Federation. Omsk; 2014: 3. (In Russ.).

10. Vorndran Bryan A. Oversight of the FBI Cyber Division: Statement for the record. In: *Federal Bureau of Investigation*. Available from: <https://www.fbi.gov/news/testimony/oversight-of-the-fbi-cyber-division-032922>. Accessed: 3 September 2023. (In Eng.).

11. Sebyakin A. G. Artificial intelligence in criminalistics: system of decision-making support. *Baikal Research Journal. Scientific journal of Baikal State University*, 21, 2019. (In Russ.).

12. Zheleznyak I. N. The problems of digitalization of the tacit cooperation of citizens with the

осуществляющими оперативно-розыскную деятельность // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 2 (101). С. 181—192.

13. Лучинкин Ф. М. Использование результатов ОРД в виде цифровой информации в уголовно-процессуальном доказывании // Технологии XXI века в юриспруденции: материалы Третьей междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 21 мая 2021 г.) / отв. ред. Д. В. Бахтеев. Екатеринбург: Урал. гос. юрид. ун-т, 2021. С. 427—432.

14. Grant T. The idea of progress in forensic authorship analysis (elements in forensic linguistics). Cambridge: Cambridge University Press, 2022.

15. Драпезо Р. Г., Шелестюков В. Н. Особенности использования результатов оперативно-розыскного мероприятия «получение компьютерной информации» // Российский следователь. 2018. № 9. С. 65—72.

16. Антонович Е. К. Использование в доказывании результатов прослушивания телефонных переговоров в условиях развития информационных технологий (сравнительно-правовой анализ законодательства Российской Федерации и законодательства некоторых иностранных государств) // Lex russica. 2019. № 7. С. 160—171.

17. Семенчук В. В. Судебный контроль за оперативно-розыскной деятельностью — альтернатива прокурорскому надзору // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2020. № 4. С. 130—141.

Семенчук Василий Владимирович,
заместитель начальника кафедры
оперативно-розыскной деятельности
органов внутренних дел Дальневосточного
юридического института МВД России,
кандидат экономических наук, доцент;
semenchuk_ord@mail.ru

Батоев Владимир Батоевич,
старший научный сотрудник
ФКУ НПО «СТИС» МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
vbatoev@mail.ru

bodies carrying out operational investigative activities. Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 181—192, 2022. (In Russ.).

13. Luchinkin F.M. M. Use of ORD results in the form of digital information in criminal procedural proof. In: Technologies of the 21st century in jurisprudence. Materials of the Third International scientific-practical conference, 21 May 2021, Ekaterinburg, Russia. Ed. by D. V. Bakhteev. Yekaterinburg: Ural State Law University; 2021: 427—432. (In Russ.).

14. Grant T. The idea of progress in forensic authorship analysis (elements in forensic linguistics). Cambridge: Cambridge University Press, 2022. (In Eng.).

15. Drapezo R. G., Shelestyukov V. N. Peculiarities of using the results of the operational-search activity "obtaining computer information". Russian Investigator, 65—72, 2018. (In Russ.).

16. Antonovich E. K. The use of wiretapping results in establishing of evidence in conditions of developing information technologies (comparative legal analysis of the Russian Federation legislation and some foreign countries legislation. Lex russica, 160—171, 2019. (In Russ.).

17. Semenchuk V. V. Judicial control over investigative operations as an alternative to the prosecutorial oversight. Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, 130—141, 2020. (In Russ.).

Semenchuk Vasily Vladimirovich,
deputy head at the department
of the detective activities of the interior bodies
of the Far Eastern Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of the Russia,
candidate of economic sciences, docent;
semenchuk_ord@mail.ru

Batoyev Vladimir Batoyevich,
senior research officer of the FGI SPA SET
of the MIA RF,
candidate of juridical sciences, docent;
vbatoev@mail.ru

Статья поступила в редакцию 17.10.2023; одобрена после рецензирования 24.10.2023; принята к публикации 17.11.2023.

The article was submitted 17.10.2023; approved after reviewing 24.10.2023; accepted for publication 17.11.2023.

* * *

УДК 343.985.7:343.346
doi: 10.25724/VAMVD.A206

**ПРИМЕНЕНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ
РАЗНОПРОФИЛЬНЫМИ СПЕЦИАЛИСТАМИ
ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ
ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ, СВЯЗАННЫМ
С ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ**

Максим Мустакимович Алиев

Академия управления МВД России, Москва, Россия, aliev.alievso@yandex.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы применения специальных знаний разнопрофильными специалистами при производстве следственных действий по уголовным делам, связанным с дорожно-транспортными преступлениями. Деятельность указанных специалистов способствует получению криминалистически значимой информации, зафиксированной в электронных блоках транспортных средств, участвовавших в дорожно-транспортном преступлении, и необходимой для последующего назначения комплексных судебных экспертиз по уголовным делам данной категории.

Речь идет о малоизученной проблеме, которая нуждается в глубоком и разностороннем исследовании. Проанализированы следственная практика и заключения комплексных судебных экспертиз. Приведен и проанализирован пример уголовного дела по факту дорожно-транспортного преступления с привлечением специалиста — работника сервисного центра по обслуживанию и ремонту автомобилей для получения данных, зафиксированных в электронном блоке транспортного средства.

В связи с тем что техническое оснащение автомобилей с каждым днем развивается, статья охватывает только один из аспектов проблемы. Мы считаем, что исследования в данном направлении должны быть продолжены.

Ключевые слова: специалист, транспортное средство, параметры, судебный эксперт, скорость, траектория движения.

Для цитирования: Алиев М. М. Применение специальных знаний разнопрофильными специалистами при производстве следственных действий по уголовным делам, связанным с дорожно-транспортными преступлениями // Вестник Волгоградской Академии МВД России. 2023. № 4 (67). С. 175—179. doi: 10.25724/VAMVD.A206

**APPLICATION OF SPECIAL KNOWLEDGE
BY DIFFERENT SPECIALISTS
WHILE INVESTIGATING CRIMES
RELATED TO TRAFFIC OFFENCES**

Maxim Mustakimovich Aliev

Management Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Moscow, Russia, aliev.alievso@yandex.ru

Abstract. This article considers the application of special knowledge by different specialists in the crime investigation related to the traffic offences. The activities of these specialists contribute to the receipt of significant criminalistic information recorded in electronic blocks of vehicles involved in road traffic crime, and necessary for the follow-up comprehensive forensic examinations in criminal cases of this category.

In the article this understudied problem is noticed, it should be deeply and comprehensively examined. Investigative practice and expert testimonies of comprehensive forensic examinations have been studied. An example of the actual criminal case of a traffic crime was given and analyzed, for which an a service technician for servicing and repairing cars was involved to obtain data recorded in the electronic unit of the vehicle.

Due to the constantly evolving technical vehicle equipment, the article stresses only one of the many aspects of the problem. From our point of view, research in this direction should be continued.

Keywords: specialist, vehicle, parameters, forensic expert, speed, trajectory

For citation: Aliev M. M. Application of special knowledge by different specialists while investigating crimes related to traffic offences. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 175—179, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A206

В настоящее время увеличивается темп появления современных автомобилей, которые планомерно заменяют своих «предшественников» на дорогах России. Новые модели транспортных средств оснащены более современным электронным оборудованием. Исключительно разнопрофильный специалист, обладающий специальными знаниями и умеющий пользоваться необходимым техническим оборудованием, может считать информацию с электронного блока транспортного средства, участвовавшего в дорожно-транспортном преступлении (ДТП).

Отметим, что следователи «общей практики», а иногда и следователи специализированного отдела по расследованию ДТП не обладают специальными знаниями в данной области. Следователи привлекают к участию в следственных действиях разнопрофильных специалистов либо назначают комплексную компьютерную, видеотехническую, автотехническую судебную экспертизу, в рамках которой судебные эксперты истребуют необходимые параметры автомобиля на момент ДТП.

Анализ 130 уголовных дел, связанных с дорожно-транспортными преступлениями, 22 комплексных судебных экспертиз, выполненных разными судебными экспертами (автотехник и видеотехник; автотехник, трасолог и фототехник; автотехник и судебный медик; трасолог и судебный медик), и 45 судебных экспертиз, выполненных одним экспертом, обладающим специальными знаниями в смежных областях (трасология и автотехника), показывает, что органы предварительного расследования не всегда привлекают к участию в следственных действиях разнопрофильных специалистов, обладающих специальными знаниями по извлечению информации с электронных блоков транспортных средств, участвовавших в ДТП. Доля участия подобных специалистов при производстве следственных действий составляет 2—3 % от общего количества. Их привлечение связано с общественным резонансом, большим количеством транспортных средств, участвовавших в ДТП, и погибших (раненых).

Следует отметить, что существуют иные способы получения криминалистически значимой информации:

1) путем проведения следователями следственных экспериментов и проверки показаний на месте с привлечением участников ДТП и разнопрофильных специалистов при условии применения последними контрольно-измерительных приборов и различных специальных комплексов;

2) путем получения информации из видеоизображения (при наличии соответствующих ракурсов съемки) с привлечением специалиста-видеотехника, обладающего специальными знаниями и соответствующим оборудованием;

3) путем получения информации разнопрофильными специалистами из данных, содержащихся в электронных блоках транспортных средств, участвовавших в дорожно-транспортном преступлении.

В работе рассматривается способ получения криминалистически значимой информации, содержащейся в электронных блоках транспортных средств, участвовавших в дорожно-транспортном преступлении, с привлечением к участию в следственных действиях разнопрофильных специалистов, обладающих специальными знаниями. Данный способ является актуальным, поскольку транспортные средства постоянно совершенствуются.

Цель настоящей статьи — раскрыть значение применения специальных знаний разнопрофильными специалистами при производстве следственных действий по уголовным делам, связанным с ДТП.

Необходимо подчеркнуть, что криминалистически значимая информация, представляющая интерес для расследования дорожно-транспортного преступления, может содержаться не только в электронных блоках системы EDR (обнаружение и реагирование конечных точек) транспортных средств, но и иных устройствах: автомобильном видеорегистраторе, автомобильном тахографе (цифровом или аналоговом), модуле управления подушками безопасности, автомобильном навигаторе, модуле памяти навигационных систем и оборудования на базе ГЛОНАСС / GPS.

При участии в дорожно-транспортном преступлении автомобилей после 2000 г. выпуска следователи назначают комплексную компьютерную, видеотехническую и автотехническую судебную экспертизу. При назначении данного вида экспер-

тизы одними из основных являются параметры, используемые судебными экспертами для определения остановочного пути транспортного средства, его удаления, технической возможности предотвращения наезда или столкновения, параметров маневра (например, скорость и замедление) и т. п.

В большинстве дорожно-транспортных преступлений отсутствуют объективные данные о следах, скорости, траектории и режиме движения транспортного средства, воздействии водителя на органы управления, результатах экспериментов и т. п., характеризующие параметры движения транспортных средств.

Стоит согласиться с мнением А. В. Головчанского: «Весьма актуальным, на наш взгляд, в современных условиях представляется использование для установления скорости движения транспортного средства на момент ДТП при расследовании дорожно-транспортных преступлений информации, зафиксированной электронным блоком управления... или модулями памяти пассивной системы безопасности...» [1, с. 37].

Нельзя не заметить, что при кажущейся многоаспектности и обширности исследований еще многие свойства и механизмы получения криминалистически значимой информации с электронных блоков транспортных средств с привлечением к участию в следственных действиях разнопрофильных специалистов недостаточно изучены и требуют дополнительного рассмотрения.

Одним из примеров привлечения в качестве специалиста (работника сервисного центра по обслуживанию и ремонту автомобилей) по извлечению данных с электронного блока транспортного средства является уголовное дело по факту «наезда автомобиля Lexus RT 200 под управлением водителя гр. Б. на припаркованный автомобиль «Лада-Приора», который отбросило на пешехода гр. К. Далее автомобиль Lexus RT 200 совершил наезд на другие припаркованные автомобили. В результате ДТП пешеход гр. К. от полученных телесных повреждений скончался в медицинском учреждении»¹.

Следователем специализированного отдела по расследованию ДТП принято решение о проведении осмотра автомобиля Lexus RT 200 с привлечением в качестве специалиста работника сервисного центра по обслуживанию и ремонту автомобилей, обладающего специальными знаниями в сфере

устройства автомобиля, автомобильной диагностики, методов диагностики.

В ходе проведенного осмотра транспортного средства установлено, что «автомобиль Lexus RT 200 находится в технически исправном состоянии»². Далее при помощи программного обеспечения, установленного на аппаратном комплексе «Тойота Техстрим», была извлечена информация с электронного блока управления тормозами — «в последнем ездовом цикле зафиксировано срабатывание системы ABS на скорости 98 км/ч»³.

Кроме того, из блока управления пассивной безопасности SPS автомобиля Lexus RT 200 специалистом была извлечена криминалистически значимая информация — «на пробеге 86 985 км, при котором зафиксировано срабатывание курсовой устойчивости VSC при скорости движения 85 км/ч, в последнем ездовом цикле автомобиль разогнался от скорости 85 км/ч до скорости 103 км/ч, при этом педаль акселератора газа выжата водителем на 100 %, обороты двигателя составили 5 800 об/мин, после чего педаль акселератора газа отпущена и нажата педаль тормоза. Рулевое колесо при скорости 103 км/ч от положения 0 градусов начинает поворачиваться в правую сторону максимально на 90 градусов»⁴.

Следует обратить внимание, что в электронном блоке управления [2] автомобиля имеется функция записей возникших неисправностей (так называемых ошибок). При считывании перечня имеющихся «ошибок» у поврежденного в ДТП автомобиля («ошибки», соответствующие неисправностям систем, влияющих непосредственно на безопасность движения — неисправность ABS, рулевого управления и т. п.) в условиях, при которых возникла данная неисправность (так называемом «стоп-кадре», «frame»), может быть зафиксировано, например, значение скорости движения данного автомобиля в момент возникновения «ошибки». Иными словами, при возникновении неисправности в момент рассматриваемого дорожно-транспортного преступления данное значение скорости движения будет соответствовать скорости движения автомобиля в момент контактирования (взаимодействия и получения повреждений) в процессе ДТП. Там же могут содержаться и иные параметры, характеризующие состояние систем управления автомобилем в этот момент времени (например, угол поворота рулевого

¹ Приговор Наримановского районного суда Астраханской области. Дело № 1-137/2023. URL: <http://narimanovsky.ast/sudrf.ru> (дата обращения: 04.10.2023).

² Приговор Наримановского районного суда Астраханской области. Дело № 1-137/2023.

³ Там же.

⁴ Там же.

колеса, положение дроссельной заслонки и т. п.). Все сказанное выше в части точности и соответствия действительности полученной информации относится и к данным параметрам.

Таким образом, анализируя положительный пример проведенного следователем следственного действия (осмотра транспортного средства) с привлечением в качестве специалиста работника сервисного центра по обслуживанию и ремонту автомобилей, мы приходим к выводу об обоснованности применения специальных знаний разнопрофильными специалистами по извлечению данных с электронных блоков транспортного средства. Следователем установлены параметры автомобиля на момент ДТП (техническое состояние, превышение допустимой скорости движения (от 85 км/ч до 103 км/ч), траектория движения автомобиля), которые могут быть использованы им в качестве исходных данных при назначении автотехнической судебной экспертизы по данному уголовному делу.

Отметим, что привлечение к участию в следственных действиях разнопрофильных специалистов находится в компетенции следователя, расследующего уголовное дело данной категории. Выбор того или иного специалиста, мы полагаем, происходит в зависимости от марки и модели транспортного средства, участвовавшего в ДТП, поскольку специальное оборудование (мультибрендовый сканер и соответствующее программное обеспечение), который, как правило, имеется в распоряжении экспертов экспертно-криминалистических подразделений МВД России и большинства станций технического обслуживания транспортных средств, не во всех случаях позволяет считывать информацию. В подобных ситуациях следователям «общей практики» и следователям специализированных отделов по расследованию ДТП рекомендуется назначать комплексную компьютерную, видеотехническую и автотехническую экспертизу по уголовным делам данной категории с привлечением разнопрофильных экспертов.

В зависимости от считанной информации с электронных блоков транспортных средств и иных устройств для правильной оценки соответствия записей реальности (моменту первоначального контакта в процессе ДТП) необходимо учитывать всю последовательность событий в процессе рассматриваемого ДТП, что без информации, содержащейся в материалах уголовного дела (протоколах и схемах осмотра места ДТП, показаний участников ДТП,

фотоизображений осмотра мест ДТП и транспортных средств, протоколов осмотра транспортных средств и т. п.), невозможно. При производстве судебных экспертиз по уголовным делам данной категории применяется стандартная методика расчета скорости автомобилей по оставленным следам торможения [3] либо по видеозаписи. Использование данных с электронных блоков транспортных средств носит единичный характер.

Мы предлагаем более подробно рассмотреть способ получения криминалистически значимой информации с электронных блоков транспортных средств путем привлечения к участию в следственных действиях разнопрофильных специалистов. Считаем целесообразным при подготовке судебных экспертов в вузах МВД России организовать спецкурс по освоению основ современных технических комплексов и программного обеспечения по извлечению данных с электронных блоков транспортных средств.

В этом контексте представляется весьма актуальным достигнуть соглашения с различными организациями, занимающимися созданием специального технического оборудования и программного обеспечения, которое позволит наглядно продемонстрировать их достижения в образовательных учреждениях системы МВД России. Кроме того, разработки данных организаций необходимо внедрить в практическую деятельность экспертно-криминалистических подразделений ЭКЦ МВД России, занимающихся производством судебных экспертиз по уголовным делам о дорожно-транспортных преступлениях либо принимающих участие в производстве следственных действий, связанных с извлечением информации с электронных блоков транспортных средств.

Подводя итог, отметим актуальность привлечения к исследованию обстоятельств дорожно-транспортного преступления разнопрофильных специалистов при производстве следственных действий. Важно исключить ошибочную оценку информации, содержащейся в электронных блоках транспортных средств, и неверное ее применение при производстве судебных экспертиз. Аналогичные исследования могут быть проведены в рамках производства судебных экспертиз, в том числе проводимых на комплексной основе. Данный вопрос требует отдельного теоретико-методологического рассмотрения.

1. Головчанский А. В. Установление скорости движения транспортного средства на момент дорожно-транспортного происшествия // Научный портал МВД России. 2014. № 1 (25). С. 32—39.

2. Беляев М. В., Четвергов М. А. Электронный блок управления транспортного средства как источник криминалистически значимой информации // Современное развитие криминалистики и судебной экспертизы как реализация идей Р. С. Белкина: материалы Междунар. науч.-практ. конф. «К 95-летию со дня рождения ученого, педагога, публициста» (Москва, 22—23 ноября 2017 г.). Москва: Проспект, 2018. С. 84—88.

3. Судебная автотехническая экспертиза. Ч. 1, 2. Москва: ВНИИСЭ, 1980. 163 с.

Алиев Максим Мустакимович,

адъюнкт Академии управления МВД России;
aliev.alievso@yandex.ru

1. Golovchansky A. V. Establishing the speed of the vehicle at the time of a traffic accident. Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 32—39, 2014. (In Russ.).

2. Belyaev M. V., Chetvergov M. A. The electronic control unit of the vehicle as a source of criminalistically significant information. In: The modern development of criminalistics and forensic expertise as the implementation of the ideas of R. S. Belkin. Materials of International scientific-practical conference "On the 95th anniversary of the birth of a scientist, teacher, publicist", 22—23 November 2017, Moscow, Russia. Moscow: Prospect; 2018: 84—88. (In Russ.).

3. Automotive forensic examination. Part 1, 2. Moscow: VNIISE; 1980: 163. (In Russ.).

Aliev Maxim Mustakimovich,

associate adjunct of the Management Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation;
aliev.alievso@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 18.10.2023; одобрена после рецензирования 24.10.2023; принята к публикации 17.11.2023.

The article was submitted 18.10.2023; approved after reviewing 24.10.2023; accepted for publication 17.11.2023.

* * *

УДК 343.985.7:343.3
doi: 10.25724/VAMVD.A207

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ
ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
В СФЕРЕ НАРУШЕНИЯ
МИГРАЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

Анастасия Анатольевна Бондарева

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, anastasiya.bondareva2906@gmail.com

Аннотация. В настоящей статье автором на основе научных исследований и анализа судебно-следственной практики рассмотрены основные вопросы организации взаимодействия правоохранительных органов при расследовании преступлений в сфере нарушения миграционного законодательства. Уделено внимание особенностям внутриведомственного, межведомственного и международного сотрудничества. Исследована специфика взаимодействия между следователем (дознавателем), сотрудником, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, экспертом, специалистом, должностным лицом территориального подразделения по вопросам миграции. Отмечается важность взаимодействия с вышеперечисленными уполномоченными лицами в целях эффективного расследования преступлений в сфере нарушения миграционного законодательства. Автором также приведены типовые нарушения, встречающиеся в практической деятельности правоохранительных органов при осуществлении сотрудничества. Анализируется особенность взаимодействия и с правоохранительными органами иностранных государств путем направления запросов о правовой помощи. Приведены практические ситуации, с которыми сталкивается лицо, осуществляющее предварительное расследование, при направлении поручений в компетентные органы иностранных государств.

Ключевые слова: взаимодействие, предварительное расследование, правоохранительные органы, преступления в сфере нарушения миграционного законодательства, иностранный гражданин

Для цитирования: Бондарева А. А. Взаимодействие правоохранительных органов при расследовании преступлений в сфере нарушения миграционного законодательства // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 4 (67). С. 180—185. doi: 10.25724/VAMVD.A207

**LAW ENFORCEMENT COOPERATION
WHILE INVESTIGATING CRIMES IN THE SPHERE
OF IMMIGRATION LEGISLATION VIOLATION**

Anastasiya Anatoliyevna Bondareva

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia
anastasiya.bondareva2906@gmail.com

Abstract. In this article the author, on the basis of scientific researches and analysis of judicial and investigative practice, considers the specific and key questions of cooperation among the law enforcement bodies in the crime investigation in the sphere of immigration legislation violation: among the investigator (inquirer), detective, expert, specialist, authorised representative of the migration territorial subdivision. The peculiarities of intradepartmental, interdepartmental and international cooperation are considered. It is noted the importance of cooperation with the above-mentioned authorized representatives in order to investigate crimes effectively in the sphere of immigration legislation violations. The author also describes standard violations in the practice of law enforcement agencies in the context of cooperation. The peculiarity of cooperation with foreign law enforcement bodies by sending requests for legal assistance is studied. The practical situations faced by a person conducting a preliminary investigation when sending instructions to the competent authorities of the foreign states are given.

Keywords: cooperation, preliminary investigation, law enforcement agencies, crimes in the sphere of immigration legislation violation, foreign citizen

For citation: Bondareva A. A. Law enforcement cooperation while investigating crimes in the sphere of immigration legislation violation. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 180—185, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A207

Хорошо налаженное взаимодействие органов предварительного расследования с сотрудниками, осуществляющими оперативно-разыскную, экспертно-криминалистическую деятельность, выполняющими задачи в соответствии со своими полномочиями, обеспечивает эффективное раскрытие и расследование преступлений в сфере нарушения миграционного законодательства, имеющих определенную специфику. Прежде всего это связано с участием иностранного гражданина в досудебном производстве (его правовым статусом, процессуальным положением, языковым барьером, сроком пребывания в стране), в связи с чем уполномоченному должностному лицу, проводящему расследование данной категории преступлений, на должном уровне необходимо обеспечивать взаимодействие и с территориальными подразделениями по вопросам миграции, и с компетентными органами иностранных государств.

Многие ученые-криминалисты занимались вопросами организации взаимодействия между должностными лицами, участвующими в расследовании преступлений. Так, сущность взаимодействия определяется как «основанное на правовых актах взаимное оказание помощи в целях решения задач уголовного судопроизводства, заключающееся в согласованной совместной деятельности уполномоченных лиц на стадии возбуждения уголовного дела и расследования преступления, с четким разграничением полномочий и учетом руководящей роли следователя» [1, с. 109].

Исследуя вопросы внутриведомственного взаимодействия, в том числе обзоры судебно-следственной практики расследования преступлений в сфере миграции, следует отметить, что не во всех территориальных отделах полиции должным образом уделяется внимание сотрудничеству подразделений при выявлении, раскрытии и расследовании преступлений (работники правоохранительных органов проводят доследственные проверки без выполнения всех необходимых проверочных мероприятий, связанных с получением объяснений и направленных на установление местонахождения заподозренного лица). Установление соответствующих данных осуществляется поверхностно, что в последующем препятствует принятию обоснованного решения о возбуждении уголовного дела и прове-

дению дальнейшего качественного расследования. В материалах проверки по делам указанной категории отсутствуют регистрационные документы на иностранных граждан и их объяснения обстоятельств постановки на миграционный учет, объяснения юридических лиц, трудоустроивших иностранных граждан, и т. д.¹ Данные обстоятельства приводят к принятию незаконных процессуальных решений по результатам рассмотрения сообщений о преступлениях.

Так, в отделе полиции № 2 «Железнодорожный» УМВД России по г. Новосибирску участковым уполномоченным полиции по результатам рассмотрения материала предварительной проверки по факту фиктивной постановки на учет иностранных граждан принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с невозможностью установления местонахождения гражданина М., являющегося принимающей стороной. Однако прокуратурой Железнодорожного района г. Новосибирска постановление об отказе в возбуждении уголовного дела отменено, в связи с тем что в действиях М. усматриваются признаки состава преступления, предусмотренного ст. 322³ УК РФ, и дано указание, направленное на устранение нарушений уголовно-процессуального законодательства и возбуждение уголовного дела².

Взаимодействие между лицом, проводящим предварительное расследование, и оперативным сотрудником осуществляется на всех этапах расследования и характеризуется согласованной и упорядоченной работой. Распространенной на практике формой процессуального взаимодействия считается направление следователем в орган дознания письменных поручений, обязательных для исполнения. «Возможность сокращения промежутка времени между моментом совершения преступления и привлечением виновного лица к уголовной

¹ Обзор судебно-следственной практики расследования уголовных дел о преступлениях в сфере миграции для использования в практической деятельности сотрудников, осуществляющих выявление, раскрытие и расследование обозначенной категории преступлений: письмо УОД МВД России от 30 октября 2019 г. № 90/2111.

² Дело № 1-145/22 // Архив Железнодорожного районного суда г. Новосибирска.

ответственности посредством разграничения деятельности между следователем и иными сотрудниками правоохранительных органов» является основной целью поручения [2, с. 148]. Как правило, по указанной категории преступлений следователь направляет поручение оперативному сотруднику:

— для установления лица, подозреваемого в совершении преступления, иных фактов его преступной деятельности, дополнительных свидетелей и очевидцев, располагающих сведениями о совершенном преступлении (в частности, собственников помещений, где фиктивно проживают иностранные граждане);

— проведения опроса установленных свидетелей и очевидцев по вопросам незаконного въезда и пребывания иностранных граждан в России;

— направления письменных материалов на иностранных граждан (сведения из базы данных прикладного программного обеспечения «Территория» о постановке иностранных граждан на миграционный учет, об осуществлении ими трудовой деятельности и т. д.).

Мы считаем справедливым мнение А. В. Варданяна, что оперативно-разыскная деятельность «должна быть в первую очередь нацелена на получение и фиксацию таких данных, которые в соответствии с Законом об оперативно-розыскной деятельности могли бы быть использованы для обеспечения процесса доказывания, подготовки и проведения соответствующих следственных и судебных действий» [3, с. 8].

Приведем пример из правоприменительной практики, показывающий успешное проведение оперативно-разыскного мероприятия в целях документирования противоправной деятельности лиц, занимающихся организацией незаконной миграции. Так, сотрудниками правоохранительных органов получена информация о причастности граждан Н. и М. к организации незаконной миграции. В ходе обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств в кабинете гражданки М. обнаружены и изъяты отрывные части бланков уведомления о прибытии иностранных граждан или лиц без гражданства в место пребывания с нанесенными в них печатями и штампами с признаками подделки, которые Н. и М. использовали в преступной деятельности. Согласно результатам предварительного технико-криминалистического исследования документов оттиски круглой печати ФГУП «Почта России» с индексом 644020 на отрывных частях бланков уведомлений о прибытии иностранного гражданина или лица без гражданства в место пребывания нанесены не круглой

печатью Управления федеральной почтовой связи Омской области, образцы которой были предоставлены¹.

При расследовании преступлений в сфере нарушения миграционного законодательства также важна организация взаимодействия между следователем (дознавателем) и сотрудником экспертно-криминалистического подразделения.

Считаем справедливым суждение А. Г. Филиппова о том, что «предварительное расследование без использования технико-криминалистических средств, приемов и методов уже невозможно себе представить. В случае если сам следователь в достаточной степени не владеет технико-криминалистическими средствами, то помощь специалистов — жизненно важная потребность сегодняшнего дня, а в дальнейшем значение этой помощи еще более возрастает, особенно с учетом запрета следователю совмещать функции лица, осуществляющего расследование, и лица, обладающего специальными познаниями» [4, с. 107].

В первую очередь следователь (дознаватель) прибегает к помощи специалиста при производстве осмотра места происшествия, где специалист, применяя технико-криминалистические средства, осуществляет поиск, фиксацию и изъятие следов, которые в дальнейшем имеют доказательственное значение в уголовном деле. Сотрудник экспертно-криминалистической службы также оказывает консультационную помощь следователю (дознавателю) при назначении судебной экспертизы, а именно в определении ее вида и постановке вопросов. А. В. Варданян отмечает, что «эксперт, обладающий документально подтвержденной компетентностью в двух или нескольких сферах знания по существу разрешаемых вопросов, способен по результатам исследования дать квалифицированное заключение» [5, с. 59]. В правоприменительной практике расследования указанной категории преступлений сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений Министерства внутренних дел РФ, лабораторий судебной экспертизы Министерства юстиции РФ наряду с традиционными видами судебных экспертиз — технико-криминалистической экспертизой документов, почерковедческой — производятся фоноскопическая, компьютерная и т. д.

В связи с тем, что организация незаконной миграции осуществляется путем незаконного въезда мигрантов в РФ, пребывания на ее территории или транзитного проезда через РФ, такая незаконная деятельность сопровождается оформлением

¹ Дело № 1-52/2020 // Архив Ленинского районного суда г. Омска.

документов, необходимых для въезда и пребывания мигранта в стране и устанавливающих его правовое положение. Эти документы (национальные загранпаспорта иностранных граждан, миграционные карты, уведомления о прибытии иностранного гражданина в место пребывания) часто содержат признаки материального подлога, что требует назначения технико-криминалистической экспертизы документов следователем (дознавателем) по расследуемому уголовному делу¹.

Преступным деяниям в сфере нарушения миграционного законодательства нередко присущ организованный характер, при котором преступники общаются между собой с помощью средств сотовой связи. В целях выявления и пресечения указанной категории преступлений осуществляются как оперативно-разыскные мероприятия, так и следственные действия. Так, в ходе производства контроля и записи переговоров фонограммы подлежат обязательному осмотру и прослушиванию с последующим приобщением в установленном порядке данной записи к материалам уголовного дела. Результативным средством установления факта принадлежности конкретному лицу голоса или речи, зафиксированной на фонограмме, считается фоноскопическая экспертиза. В целях получения образцов для сравнительного исследования (голоса, речи) следователь привлекает специалиста, который оказывает помощь в подготовке к данному следственному действию (обеспечивает наличие технических средств и настраивает оптимальный режим) и техническое содействие.

Как показывает практика, наиболее востребованной формой использования специальных знаний при расследовании указанной категории преступлений является судебно-почерковедческое исследование рукописных документов. Объектами указанного исследования выступают документы, вклю-

чающие подписи, резолюции, фразы в бланках (выполненные рукописные тексты, содержащиеся в миграционных картах, уведомлениях о прибытии, гражданско-правовых или трудовых договорах), и рукописные тексты (личные деловые записи в блокнотах, тетрадях, ежедневниках). Однако при исследовании рукописи эксперт-почерковед может столкнуться с трудностью (выполнением документа на незнакомом эксперту языке), что влечет отсутствие возможности восприятия информации и распознавания значения письменных знаков. В своем исследовании Е. И. Фойгель отмечает, что «производство судебно-почерковедческой экспертизы почерка при исследовании документа, выполненного на языке, которым не владеет эксперт, невозможно». Данная точка зрения в криминалистической науке получила наибольшее распространение [6, с. 390].

Мы согласны с мнением Ф. Г. Аминова, что «дальнейшее совершенствование деятельности по использованию специальных знаний (особенно по назначению и проведению комплекса судебных экспертиз) позволит получить максимально возможную информацию об изъятых объектах, о лицах, контактировавших с ними, об обстоятельствах совершенных преступлений и многом другом, тем самым позволит сформировать полноценную доказательственную базу при расследовании преступлений» [7, с. 137].

Успешному расследованию дел рассматриваемой категории способствует взаимодействие и с территориальными подразделениями по вопросам миграции. Как правило, оно осуществляется путем предоставления сотрудниками отдела по вопросам миграции по запросу:

— информации, касающейся правового статуса иностранного гражданина и законности его нахождения, в том числе сведений, содержащихся в базах данных МВД России, на предмет нахождения в контрольном списке лиц, въезд которым в РФ ограничен, и установления оснований, по которым им ограничен въезд в страну;

— в случае отсутствия документов (заверенных копий), удостоверяющих личность иностранного гражданина, хранящихся в подразделении по вопросам миграции, вынесенных в отношении иностранных граждан заключений проверки обстоятельств, свидетельствующих о наличии / отсутствии российского гражданства;

— информации обо всех возможных адресах пребывания (проживания), осуществления трудовой деятельности иностранного гражданина на территории РФ;

¹ Приговор Тушинского районного суда г. Москвы от 2 августа 2023 г. № 01-0515/2023. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/tushinskij/services/cases/criminal/details/4d7ecf70-d511-11ed-b29f-79df979a7764?codex=322.1&formType=fullForm> (дата обращения: 19.09.2023); Приговор Преображенского районного суда г. Москвы от 21 февраля 2023 г. № 01-0039/2023. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/preobrazhenskij/services/cases/criminal/details/e2682ba0-4898-11ed-92cb-237e8cbb71ee?codex=322.1&formType=fullForm> (дата обращения: 19.09.2023); Приговор Измайловского районного суда г. Москвы от 11 января 2023 г. № 01-0014/2023. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/izmajlovskij/services/cases/criminal/details/6c79bbe0-40bc-11ed-beecbad78435e35?codex=322.1&formType=fullForm> (дата обращения: 19.09.2023).

— сведений о близких родственниках и членах семьи мигранта, проживающих на территории РФ (незаконный мигрант может фактически пребывать у близких родственников, или они могут располагать информацией о его местонахождении).

Лицо, осуществляющее предварительное расследование, в целях полного и всестороннего исследования обстоятельств по уголовному делу также должно использовать институт международного сотрудничества, чтобы получить необходимую информацию, касающуюся иностранного гражданина.

Международное взаимодействие может осуществляться путем направления запроса о правовой помощи в соответствии с международными договорами и соглашениями в целях производства следственных действий с участием иностранных граждан. Международное сотрудничество — один из наиболее сложных аспектов работы следователя (дознателя), однако не всегда эффективно. Выделяют ряд факторов, негативно влияющих на межгосударственное взаимодействие:

— языковые проблемы (нехватка специалистов-переводчиков, владеющих юридической терминологией, для перевода документов на национальный язык);

— различие законодательства, в том числе уголовного и уголовно-процессуального;

— сроки исполнения запросов (прохождение документа через ряд инстанций увеличивает время его исполнения);

— человеческий фактор (сотрудники не всегда добросовестно исполняют поручения, поскольку для них это дополнительная нагрузка).

Изучение обзора практики направления международных поручений по уголовным делам в 2022 г.

показало, что, согласно международным нормативным правовым актам, Управлением по организации дознания МВД России направлено 48 поручений в страны ближнего и дальнего зарубежья, из них 15 возвращено инициаторам для приведения в соответствие с предъявленными требованиями. Возвращают на доработку поручения о правовой помощи в связи с нарушением требований, предусмотренных ст. 453 УПК РФ (направление запроса и прилагаемых к нему документов без перевода на официальный язык иностранного государства; направление запроса о производстве процессуальных действий напрямую в компетентные органы иностранных государств, а не через МВД России)¹. Данные обстоятельства указывают на низкий уровень правовой грамотности дознавателей в сфере международного сотрудничества, что негативно влияет на эффективность расследования преступлений указанной категории.

Взаимодействие правоохранительных органов при расследовании преступлений в сфере нарушения миграционного законодательства проявляется в координации их деятельности, направленной на объединение общих усилий по решению задач, возникающих в рамках расследования уголовного дела. Слаженная работа сотрудников вышперечисленных подразделений на всех этапах позволяет следователю (дознателю) результативно, эффективно и качественно расследовать уголовные дела, достигая наилучших результатов в борьбе с организацией незаконной миграции.

¹ О типичных ошибках при подготовке международных поручений: письмо УОД МВД России от 7 октября 2022 г. № 90/2151.

1. Скориков Д. Г., Пупцева А. В. Процессуальные формы взаимодействия следователя с оперативными службами при расследовании преступлений экстремистской направленности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2016. № 3 (38). С. 109—113.

2. Тарасова М. Ю., Контемирова Ю. В. О некоторых проблемах взаимодействия следственных и оперативных подразделений органов внутренних дел при направлении и исполнении поручений // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2021. № 2 (57). С. 146—153.

3. Варданян А. В. Современные проблемы раскрытия и расследования тяжких преступлений против личности, совершенных по корыстным

1. Skorikov D. G., Puptseva A. V. Procedural forms of cooperation among an investigator and detective services while investigating extremism-related crimes. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 109—113, 2016. (In Russ.).

2. Tarasova M. Yu., Kontemirova Yu. V. On some problems of cooperation among investigative and detective divisions of the interior bodies while sending and executing orders. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 146—153, 2021. (In Russ.).

3. Vardanyan A. V. Modern problems of solution and detection of serious crimes against a person

мотивам // Юристъ-Правоведъ. 2010. № 3 (40). С. 5—8.

4. Филиппов А. Г. Общие положения тактики отдельных следственных действий // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы правоприменительной деятельности: межвуз. сб. науч. тр. Омск: Изд-во Ом. ВШ МВД СССР, 1989. С. 161—169.

5. Варданян А. В. Судебная экспертиза в структуре доказательств по уголовным делам: некоторые современные проблемы // Философия права. 2019. № 2 (89). С. 56—60.

6. Фойгель Е. И. Концептуальные основы криминалистического изучения этнических характеристик личности и практика их реализации в расследовании преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. Иркутск, 2022. 540 с.

7. Аминев Ф. Г. Актуальные вопросы использования специальных знаний при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков // Правовое государство: теория и практика. 2014. № 4 (38). С. 133—137.

Бондарева Анастасия Анатольевна,
адъюнкт
Барнаульского юридического института
МВД России;
anastasiya.bondareva.2906@gmail.com

committed for sordid motives. Jurist-Pravoved, 5—8, 2010. (In Russ.).

4. Philippov A. G. General provisions of the tactics of individual investigative actions. In: Criminal procedural and criminalistic problems of law enforcement. Interuniversity collection of scientific works. Omsk; 1989: 161—169. (In Russ.).

5. Vardanyan A. V. Forensic science in the structure of evidence in criminal cases: some modern problems. Philosophy of Law, 56—60, 2019. (In Russ.).

6. Foigel Ye. I. Conceptual foundations of the criminalistic study of the ethnic characteristics of a person and the practice of their implementation in the investigation of crimes. Dissertation of doctor of juridical sciences. Irkutsk; 2022: 540. (In Russ.).

7. Aminev F. G. Topical issues of the use of special knowledge in the crime investigation in the sphere of drug trafficking. Law-governed state: theory and practice, 133—137, 2014. (In Russ.).

Bondareva Anastasiya Anatoliyevna,
associate adjunct
of Barnaul Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia;
anastasiya.bondareva.2906@gmail.com

Статья поступила в редакцию 20.09.2023; одобрена после рецензирования 27.09.2023; принята к публикации 17.11.2023.

The article was submitted 20.09.2023; approved after reviewing 27.09.2023; accepted for publication 17.11.2023.

* * *

УДК 343.132.8

doi: 10.25724/VAMVD.A208

**ОТДЕЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ
И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ БЛАНКОВ
НА СТАДИИ РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА**

Астамур Романович Кварчия

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия

astikkvarcia@gmail.com

Аннотация. Уголовно-процессуальные бланки — важный элемент уголовного судопроизводства. Они предназначены для фиксации процессуальных действий и решений, которые совершаются и принимаются на различных этапах уголовного процесса, в том числе на этапе предварительного расследования. Использование бланков может значительно упростить и ускорить работу следователя, а также повысить ее эффективность и прозрачность, но в настоящее время на данном направлении выявляются определенные сложности.

В статье на основе анализа теоретических положений и практики реализации уголовно-процессуальных бланков на стадии расследования уголовного дела выявлен ряд практических проблем: перегрузка бланков излишними сведениями и одновременно отсутствие в них необходимых граф, отсутствие внутригосударственной и международной стандартизации в применении уголовно-процессуальных бланков, недостаточная автоматизация процесса использования бланков и их несвоевременное обновление. В результате проведенного исследования сделан вывод о необходимости создания единой электронной базы уголовно-процессуальных бланков и специального программного обеспечения для их надлежащей реализации.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, расследование уголовного дела, процессуальные действия, процессуальные бланки, уголовно-процессуальные документы

Для цитирования: Кварчия А. Р. Отдельные элементы и перспективы совершенствования реализации уголовно-процессуальных бланков на стадии расследования уголовного дела // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 4 (67). С. 186—192. doi: 10.25724/VAMVD.A208

**SOME ELEMENTS AND PROSPECTS
FOR IMPROVING THE IMPLEMENTATION
OF CRIMINAL PROCEDURE FORMS
AT THE STAGE OF CRIMINAL INVESTIGATION**

Astamur Romanovich Kvarchiya

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia

astikkvarcia@gmail.com

Abstract. Criminal procedure forms are an important element of criminal proceedings. They are used to record procedural actions and decisions which are made and taken at various stages of criminal proceedings, including the stage of preliminary investigation. The use of forms can greatly simplify and make the work of an investigator faster, as well as increase its efficiency and clarity, but nowadays there are certain difficulties in this sphere.

In the article on the basis of the analysis of theoretical positions and practice of implementation of criminal procedure forms at the stage of investigation of a criminal case the author identifies a number of practical problems are: the overloading of forms with unnecessary information and at the same time the absence of necessary fields in them, the lack of domestic and international standardization in the use of criminal procedure forms, incomplete automatization of the process of using forms and their irrelevant updating. As a result of the conducted research, it was concluded that it is necessary to make a unified electronic database of criminal procedure forms and special software for their proper implementation.

Keywords: criminal proceedings, investigation of criminal case, procedural actions, procedural forms, criminal procedural documents

For citation: Kvarchiya A. R. Some elements and prospects for improving the implementation of criminal procedure forms at the stage of criminal investigation. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 186—192, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A208

Конституция Российской Федерации провозглашает, что одной из основных обязанностей государства является защита прав и свобод человека и гражданина (ст. 2). Согласно ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) такая защита осуществляется в том числе посредством уголовного судопроизводства.

Уровень преступности в России долгие годы остается высоким. Так, в 2018 г. правоохранительными органами зарегистрировано 1991,5 тыс. преступлений, в 2019 г. это показатель составил 2024,3 тыс., в 2020 г. — 2044,2 тыс., в 2021 г. — 2004,4 тыс., а в 2022 г. — 1966,8 тыс. преступлений¹. Как отмечает В. Н. Григорьев, сфера применения уголовно-процессуальной формы расширяется, приводя к перегрузке следователей и дознавателей. Справляться надлежащим образом с тем объемом дел, который на них обрушивается, проблематично [1]. Ситуация усугубляется тем, что усложняются сами уголовные дела. Преступность приобретает трансграничный характер, становится более организованной, хорошо продуманной и высокотехнологичной. Все это, в свою очередь, повышает трудоемкость процесса расследования.

В качестве реакции возникают альтернативные тенденции, направленные на упрощение уголовного судопроизводства. Среди таких тенденций — разработка и внедрение в деятельность органов предварительного расследования уголовно-процессуальных бланков.

Уголовно-процессуальные бланки — важный элемент уголовного судопроизводства. С их помощью оформляются документы, связанные с расследованием уголовного дела (протоколы, постановления и пр.), т. е. они предназначены для фиксации процессуальных действий и решений, которые совершаются и принимаются на различных этапах уголовного процесса, в том числе на этапе предварительного расследования. Использование бланков может значительно упростить и ускорить работу следователя, а также повысить ее эффективность и прозрачность.

Как отмечает И. В. Казначей, досудебные стадии уголовного судопроизводства в России ориентированы законодателем на максимальное количество процессуальных и следственных действий [2]. Под каждое из них может быть разработан бланк. На практике так и происходит — разновидностей уголовно-процессуальных бланков в настоящее время достаточно много. Если раньше эти формы являлись составной частью УПК РФ, то сейчас правоприменителю предоставлена свобода в оформлении процессуального документа. Основное правило при этом — соблюдение требований законодательства. Однако реализация уголовно-процессуальных бланков сталкивается с рядом проблем. Рассмотрим некоторые из них.

1. Внесение в бланк сведений, перегружающих его.

Некоторые бланки, которые используются лицами, осуществляющими предварительное расследование по уголовным делам, рекомендованы «сверху», другие — позаимствованы у коллег или из иных источников (например, в справочных правовых системах), а третьи разработаны следователями (дознавателями) самостоятельно. В связи с этим и качество подготовки бланков различается. Профессор П. Г. Марфицин проанализировал практику составления протокола допроса потерпевшего и выявил отрицательные стороны правоприменения в этой области.

Так, результаты проведенного П. Г. Марфициным исследования показали, что в уголовно-процессуальных бланках предусмотрено отражение избыточной информации о личности участника уголовного процесса. Например, по мнению названного автора, для правильного рассмотрения и разрешения дела совершенно не важно место рождения потерпевшего, уровень его образования, отношение к воинской службе или наличие у него судимости. В то же время получение подобных сведений не является обязанностью следователя, поскольку, согласно ст. 73 УПК РФ, к числу обстоятельств, подлежащих установлению и доказыванию в рамках уголовного дела, не отнесены обстоятельства, характеризующие личность потерпевшего [3, с. 30].

Нередко бланки уголовно-процессуальных документов необоснованно перегружены разъяснением прав, обязанностей и ответственности участ-

¹ Динамика показателей преступности в России // Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 31.05.2023).

ников судопроизводства. К примеру, в протоколе допроса потерпевшего следователями две страницы отводятся на предписания, содержащиеся в ст. 42 УПК РФ. Однако до проведения допроса в качестве потерпевшего лицо должно быть признано таковым в установленном законом порядке. Решение о присвоении указанного процессуального статуса принимается в форме постановления следователя (дознателя, суда). На стадии ознакомления потерпевшего с этим документом ему разъясняются его права, обязанности и ответственность, поскольку они также содержатся в бланке. Следовательно, дублировать их подробно в тексте протокола допроса не требуется. Учитывая это, некоторые сотрудники правоохранительных органов исключили из протокола дословное воспроизведение текста закона, а оставили только ссылку о разъяснении потерпевшему положений ст. 42 УПК РФ. Остальным правоприменителям необходимо поступить таким же образом [3].

Исключение из бланков уголовно-процессуальных документов излишней информации позволит сэкономить бюджетные средства на уменьшении количества используемых следователями расходных материалов и, что особенно важно, сократит затраты времени на заполнение процессуальных документов.

2. Необходимость совершенствования отдельных бланков.

В соответствии со ст. 73 УПК РФ при производстве по уголовному делу подлежат установлению и доказыванию обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого. Если обратиться к существующим бланкам уголовно-процессуальных документов (в частности, к протоколу допроса обвиняемого), то в них предусмотрено указание на следующие сведения об обвиняемом: фамилия, имя, отчество, дата и место рождения, место жительства и регистрации, гражданство, образование, семейное положение, образование, место учебы или работы, отношение к воинской обязанности, наличие судимости.

Вместе с тем в ч. 1 ст. 447 УПК РФ перечислены категории лиц, в отношении которых применяется особый порядок производства по уголовным делам. О том, что лицо относится к одной из этих категорий, иногда может свидетельствовать место его работы (например, сотрудник прокуратуры, следственного органа или коллегии адвокатов). В других же случаях следователь не узнает об этом, опираясь только на сведения о работе. К примеру, если речь идет о члене избирательной комиссии с правом решающего голоса или о зарегистрированном

кандидате в депутаты. В результате отсутствие такой информации приводит к нарушению процессуального порядка расследования преступления и признанию в последующем собранных по делу доказательств недопустимыми.

Так, органом предварительного расследования было возбуждено уголовное дело в отношении Ц., которому вменялось совершение четырех преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков. После окончания следствия дело было направлено для рассмотрения по существу в суд первой инстанции. В суде Ц. заявил, что является членом участковой избирательной комиссии с правом решающего голоса. Он просил признать недопустимыми ряд собранных по делу доказательств, вернуть дело прокурору, поскольку в ходе досудебного производства следователем не учтены особенности, предусмотренные гл. 52 УПК РФ. Суд установил, что сведения, которые сообщил Ц., правдивы. На стадии же предварительного расследования следователем не предпринимались меры к их установлению. Заявленное Ц. ходатайство было удовлетворено, уголовное дело возвращено прокурору¹.

Аналогичная ситуация сложилась в Магаданской области. Мировым судьей Б. была осуждена за совершение нескольких преступлений, предусмотренных ст. 159.2 УК РФ. При апелляционном пересмотре приговор был отменен, а дело возвращено прокурору, поскольку Б. являлась членом участковой избирательной комиссии с правом решающего голоса. Этот факт не был учтен при возбуждении и расследовании уголовного дела, в связи с чем допущены нарушения положений УПК РФ об особом порядке производства в отношении указанной категории лиц².

Изложенное свидетельствует о необходимости внесения в ряд бланков процессуальных документов дополнительной графы, отражающей сведения о том, относится ли лицо, в отношении которого проводится процессуальная проверка, к одной из категорий лиц, перечисленных в ч. 1 ст. 447 УПК РФ. Даже если на стадии возбуждения уголовного дела

¹ Постановление Свердловского районного суда Орловской области от 9 июля 2021 г. № 1-30/2021 // Судебные решения РФ. URL: <https://судебныерешения.рф/60074714?ysclid=libp2tysx3890554732> (дата обращения: 31.05.2023).

² Апелляционное постановление Магаданского городского суда Магаданской области от 28 мая 2021 г. № 10-9/2021. URL: https://magadansky--mag.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srvc_num=1&name_op=doc&number=31450885&dela_id=4&new=4&text_number=1 (дата обращения: 31.05.2023).

следователю эта информация не будет известна, то он сможет получить ее при допросе подозреваемого (обвиняемого). При сокрытии допрашиваемым соответствующей информации, если в протоколе будет стоять его подпись, он уже не сможет ссылаться на нарушение норм уголовно-процессуального закона при производстве предварительного расследования, поскольку обратное будет свидетельствовать о злоупотреблении им своими правами. Соответствующее правило можно напрямую предусмотреть в нормах УПК РФ.

3. Отсутствие стандартизации в применении уголовно-процессуальных бланков не только внутри страны, но и на международном уровне. Стандартизация в уголовном процессе — это установление единых стандартов и правил осуществления уголовного судопроизводства. Очевидно, что прийти к единым процессуальным правилам, которые бы применялись сразу во всех странах, невозможно. Однако общие стандарты могут разрабатываться в контексте отдельных аспектов уголовного процесса (например, оформления процессуальных документов). С их помощью можно снизить риски ошибок и нарушений законодательства.

Согласно ст. 453 УПК РФ по уголовным делам, расследуемым на территории России, отдельные процессуальные действия при необходимости могут производиться в иностранном государстве на основании запросов о правовой помощи. Международные договоры о взаимной правовой помощи по уголовным делам заключены Российской Федерацией с Японией, Канадой, Венгрией, Индонезией, Сирией, Абхазией, Колумбией, Индией, Кореей, Турцией и некоторыми другими зарубежными странами. В каждой из них используются отличающиеся друг от друга бланки для одних и тех же процессуальных действий и решений.

В свою очередь, применение разных бланков затрудняет понимание и интерпретацию процессуальных документов, что может привести к принятию неверных решений по итогам рассмотрения уголовного дела. Кроме того, процессуальные документы, составленные в соответствии с законодательством одной страны на основе применяемых в ней бланков, могут не соответствовать уголовно-процессуальным нормам другого государства, что создает угрозу нарушения прав и интересов участников судопроизводства.

Таким образом, дальнейшие перспективы совершенствования форм процессуальных документов связаны с разработкой шаблонов, которые будут применяться сторонами международных договоров о правовой помощи по уголовным делам.

4. Недостаточная автоматизация уголовно-процессуальных документов.

Большинство бланков до сих пор создаются и заполняются вручную, что может привести к ошибкам. Автоматизация уголовно-процессуальных документов — это внедрение компьютерных технологий и специального программного обеспечения в работу правоохранительных органов в целях ускорения и улучшения процесса создания, редактирования, проверки и пересылки документов, связанных с расследованием уголовного дела. В конечном счете подобные механизмы позволят повысить результативность и эффективность работы указанных органов.

К примеру, применять государственное автоматизированное программное обеспечение на досудебных стадиях уголовного судопроизводства предлагает Е. В. Смирнова. По замыслу указанного автора, следователь будет вносить исходные данные в систему, представляющую собой базу шаблонных процессуальных документов в определенной логической последовательности [4]. М. А. Шувалова и Э. К. Кутуев при этом обращают внимание, что зачастую в большое количество бланков уголовно-процессуальных документов вносится повторяющаяся информация [5]. В специальном программном обеспечении можно предусмотреть выпадающие поля для такой информации (например, отношение к воинской обязанности, семейное положение, уровень образования допрашиваемого лица и пр.). Это позволит сократить затраты времени лица, заполняющего документ.

Автоматизация предполагает не только создание и редактирование бланков с использованием специальных программ, но и проверку готового документа на соответствие требованиям закона и правилам оформления. Хранение процессуальных документов в электронном виде облегчит доступ к ним в будущем, в том числе при необходимости осуществления удаленного доступа, а также ускорит документооборот (например, при согласовании принятого следователем решения с руководителем следственного органа). Кроме того, применяемые технологии упростят процесс анализа и контроля за деятельностью лица, производящего расследование.

Как отмечает В. М. Елин, в деятельности правоохранительных органов допустимо применение электронной подписи. Современный уголовно-процессуальный закон предусматривает ее использование только на стадии судебного разбирательства, но оптимальным является подход, согласно которому документы, подписанные электронной подписью, применимы в любых правоотношениях, в том числе на стадии предварительного расследования [6].

Так, в соответствии с ч. 1 ст. 427 УПК РФ следователь может вынести постановление о возбуждении перед судом ходатайства о применении к несовершеннолетнему обвиняемому принудительной меры воспитательного воздействия только с согласия руководителя следственного органа. Как видится, в таких правоотношениях было бы эффективнее применить электронный документооборот с согласованием проекта ходатайства следователя с его руководителем с помощью электронной подписи.

Учитывая важность защиты уголовно-процессуальных документов от фальсификации, для хранения и обработки их бланков целесообразно использование технологии блокчейн. Это распределенная база данных в виде блоков, которые представляют собой массив зашифрованной информации, содержащий также сведения о предыдущем звене и ссылку на следующее из них. Все блоки цепи в блокчейне взаимосвязаны между собой. Сведения в отдельно взятой ячейке могут быть изменены или удалены только при согласии всех участников сети. Такая архитектура позволяет не только избежать случайных ошибок при редактировании данных, но и защитить от умышленного удаления или изменения информации.

Технология блокчейн позволит также снизить риск фальсификации процессуальных документов со стороны следователей (дознавателей). В программах, работающих на указанной технологии, записываются сведения обо всех произведенных операциях. Если в последующем в файл вносятся изменения, то сведения о первоначальной записи не удаляются, но дополняются информацией о дате и времени произведенных изменений. Таким образом, с легкостью можно отследить полную историю редактирования документа. Об актуальности такой функции свидетельствует следующий пример.

При расследовании кражи следователем допрашивались свидетели, а также потерпевшая К. Требованиями ч. 3 ст. 166 УПК РФ обусловлена необходимость отражения в протоколе допроса времени начала и окончания производства следственного действия с точностью до минуты. Любые уточнения протокола должны быть в нем оговорены и удостоверены подписями лиц, участвовавших в следственном действии (ч. 6 ст. 166 УПК РФ). Однако в протоколе дополнительного допроса К. были допущены не оговоренные и не удостоверенные в установленном порядке исправления в дате и времени его проведения. В связи с этим при рассмотрении уголовного дела по существу суд первой инстанции признал указанный протокол недопустимым доказательством¹.

В том случае, если уголовно-процессуальные бланки отдельных следственных действий станут доступны только в специальной программе, которая автоматически отобразит на каждой странице время и дату распечатки документа, то вероятность внесения неоговоренных изменений в него по прошествии времени будет сведена к минимуму.

С. О. Махтук подчеркивает, что руководитель следственного органа (органа дознания) с учетом его полномочий, предусмотренных в ст. 39 УПК РФ, осуществляет процессуальный контроль за деятельностью следователя (дознавателя). Под процессуальным контролем при этом понимается реализуемая в установленной законом процессуальной форме деятельность руководителя следственного органа (органа дознания) по выявлению, устранению и предупреждению нарушений норм материального и процессуального права при расследовании уголовных дел [7].

Создание электронной базы бланков, используемых на стадии предварительного расследования, позволит быстро находить нужную информацию о произведенных процессуальных и следственных действиях в рамках каждого уголовного дела. Так руководитель следственного органа (органа дознания) сможет осуществить процессуальный контроль, т. е. проанализировать ход расследования, отследить правильность заполнения бланков следователем (дознавателем), проверить соблюдение при этом требований процессуального законодательства, а в конечном итоге дать своевременные указания, которые позволят избежать в последующем признания собранных по делу доказательств недопустимыми.

5. Необходимость постоянного обновления базы процессуальных бланков.

Уголовно-процессуальные бланки должны постоянно дорабатываться и обновляться, чтобы соответствовать изменяющимся требованиям законодательства. Следить за их актуальностью и адаптировать к новым правилам в настоящее время должно то лицо, которое их использует. Как правило, это субъекты, осуществляющие предварительное расследование. Однако у следователей и дознавателей ввиду большой загруженности недостаточно времени для своевременной актуализации применяемых ими уголовно-процессуальных бланков, что может привести к допущению ошибок и признанию собранных по делу доказательств недопустимыми.

Решение данной проблемы также видится в создании единой электронной базы бланков процессуальных документов, которая централизованно будет

¹ Приговор Мирнинского районного суда Республики Саха (Якутия) от 22 декабря 2020 г. по делу № 1-182/2020.

обновляться. Лица, ответственные за актуализацию бланков, могут учитывать не только изменения в законодательстве, но и судебную практику в части признания доказательств недопустимыми, складывающуюся на территории всей страны. Это позволит учесть совершенные следователями (дознателями) ошибки и не допустить их повторения.

Подводя итог изложенному, необходимо отметить, что в настоящее время уголовно-процессуальные бланки активно используются на стадии предварительного расследования, но их реализация выявляет целый комплекс проблем. Они связаны

с внесением избыточных сведений в бланки, отсутствием в них некоторых необходимых граф, игнорированием важности их стандартизации, недостаточной автоматизацией использования бланков, а также с их несвоевременным обновлением. Большинство из обозначенных проблем возможно решить путем создания единой электронной базы уголовно-процессуальных бланков, которые будут централизованно обновляться и заполняться преимущественно в специальной компьютерной программе.

1. Григорьев В. Н. Уголовно-процессуальная форма или административный регламент: современные тренды // Вестник СПбГУ. 2018. Т. 9, № 1. С. 42—51.

2. Казначей И. В. Уголовно-процессуальные аспекты применения электронных документов и бланков процессуальных документов на досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2017. № 1. С. 77—81.

3. Марфицин П. Г. Протокол допроса потерпевшего (анализируем бланки процессуальных документов) // Законность и правопорядок. 2020. № 2. С. 28—32.

4. Смирнова Е. В. Проблемы возмещения вреда, причиненного преступлением, в уголовном судопроизводстве России // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2014. № 4. С. 126—132.

5. Шувалова М. А., Кутуев Э. К. К вопросу об оформлении процессуальных действий с участием психолога и педагога на бланках процессуальных документов // Уголовное судопроизводство России: проблемы и перспективы развития: материалы конференции. Санкт-Петербург: СПбУ МВД России, 2019. С. 418—423.

6. Елин В. М. Использование технологий защиты данных в деятельности правоохранительных органов // Российский следователь. 2022. № 10. С. 61—65.

7. Махтыук С. О. Процессуальный контроль руководителя следственного органа: понятие, субъекты, принципы // Российский следователь. 2020. № 6. С. 8—12.

1. Grigoriev V. N. Criminal procedural form or administrative regulations: current trends. Vestnik of Saint Petersburg State University, 42—51, 2018. (In Russ.).

2. Kaznachei I. V. Criminal procedural aspects to use electronic documents and forms of procedural documents at the pre-trial stages of criminal proceedings. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 77—81, 2017. (In Russ.).

3. Marfitsin P. G. Protocol of the interrogation of a complainant (the analysis of the forms of procedural documents). Legality and law and order, 28—32, 2020. (In Russ.).

4. Smirnova Ye. V. Problems of compensation for damage caused by a crime in criminal proceedings in Russia. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 126—132, 2014. (In Russ.).

5. Shuvalova M. A., Kutuyev E. K. On the issue of registration of procedural actions using the forms of procedural documents with the participation of a psychologist and a teacher. In: Criminal justice in Russia: Problems and prospects of development. Conference materials. Saint Petersburg: St.-Petersburg university of the Ministry of the Interior of Russia; 2019: 418—423. (In Russ.).

6. Yelin V. M. The use of data protection technologies in the activities of law enforcement agencies. Russian investigator, 61—65, 2022. (In Russ.).

7. Makhtyuk S. O. Procedural control of the head of the investigative body: concept, subjects, principles. Russian investigator, 8—12, 2020. (In Russ.).

Кварчия Астамур Романович,

адъюнкт адъюнктуры
Волгоградской академии МВД России;
astikkvarcia@gmail.com

Kvarchiya Astamur Romanovich,

associate adjunct of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
astikkvarcia@gmail.com

Статья поступила в редакцию 16.10.2023; одобрена после рецензирования 27.10.2023; принята к публикации 17.11.2023.

The article was submitted 16.10.2023; approved after reviewing 27.10.2023; accepted for publication 17.11.2023.

* * *

УДК 343.231(091)

doi: 10.25724/VAMVD.A209

СОСТАВНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Валерия Валерьевна Медведева

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия
valeriya.lapteva@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию составного преступления в отечественном уголовном праве с древних времен до наших дней. На основе изучения нормативных правовых актов разных периодов анализируются этапы формирования данного явления в российском уголовном праве. Особое внимание уделено рассмотрению документов, в которых отечественный законодатель использует подобные конструкции впервые. В статье автор обозначает период, в течение которого законодатель уходит от использования конструкции составных преступлений, приемы законодательной техники, используемые для того, чтобы формулировать подобные конструкции, а также указывает, в какой форме составные деяния нашли отражение в отечественной уголовно-правовой доктрине. Кроме того, изучены методы и способы использования модели составных преступлений в советское время. В результате проведенного исследования выявлены некоторые современные тенденции развития составного преступления с учетом исторического опыта.

Ключевые слова: составное преступление, законодательная конструкция, Русская Правда, законодательная техника, уголовно-правовая политика, уголовно-правовая категория, исторический анализ

Для цитирования: Медведева В. В. Составное преступление: исторический аспект // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 4 (67). С. 192—197. doi: 10.25724/VAMVD.A209

COMPOUND CRIME: HISTORICAL ASPECT

Valeriya Valerievna Medvedeva

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, valeriya.lapteva@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of compound crime in the local criminal law from ancient times to the present day. Based on the study of normative legal acts of different periods, the stages of the formation of this phenomenon in Russian criminal law are analyzed. Special attention is paid to the study of documents in which the local legislator uses such constructions for the first time. The author of the article defines the period during which the legislator avoids of using the construction of compound crimes, the methods of legislative technique used in order to formulate such constructions, as well as indicates in what form compound acts were reflected in the local criminal law doctrine. In addition, the methods and ways of using the model of compound crimes in Soviet times are studied. As a result of the research some modern tendencies of compound crime development in view of the historical experience are revealed.

Keywords: compound crime, legislative structure, Russkaya Pravda, legislative technique, criminal law policy, criminal law category, historical analysis

For citation: Medvedeva V. V. Compound crime: historical aspect. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 192—197, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A209

Формирование уголовно-правых категорий и понятий — сложный и многогранный процесс. Исследование истории составного преступления в отечественном уголовном праве вызывает интерес с точки зрения как определения влияния ретроспективных подходов на современные законодательные конструкции, так и выявления системных взаимосвязей уголовно-правовых запретов, существовавших в разных памятниках российского права, особенностей юридической техники в различные периоды.

Существует необходимость определения детерминантов составного преступления, чтобы лучше понять современные особенности и выявить тенденции, исключая негативный опыт.

Как отмечал известный испанский писатель Мигель де Сервантес Сааведра, «история — сокровищница наших деяний, свидетельница прошлого, пример и поучение для настоящего, предостережение для будущего» [цит. по: 1, с. 231] поэтому трудно переоценить важность и актуальность исторического анализа предшествующих уголовно-правовых концепций и законодательства прошлых лет.

В числе первых ученых-исследователей, изучавших спорные вопросы сложной внутренней структуры единичных преступлений, в том числе их взаимосвязи и различий с множественностью и другими уголовно-правовыми понятиями, были П. Н. Гуляев, А. Ф. Кистяковский, Н. С. Таганцев и др. Позже в советский период рассматриваемой тематике посвятили свои исследования Я. М. Браинин, Р. Р. Галиакбаров, Н. Ф. Кузнецова, В. Н. Кудрявцев, М. И. Ковалев, В. П. Малков А. А. Пионтковский, А. Н. Трайнин, А. М. Яковлев и др.

Указанные исследователи изучали преступление в целом, его признаки, по которым можно выделить составное преступление, характерные особенности и соотношения диспозиции и фактического состава деяния, внутреннюю взаимосвязь элементов состава, позволяющих отграничить составные деяния от смежных уголовно-правовых категорий.

Исторические аспекты правового регулирования составного преступления затрагивались крайне редко. В своем диссертационном исследовании Н. Н. Куличенко, анализируя законодательство прошлых лет, обращала больше внимания на другие виды сложных единичных преступлений [2]. Проблему природы конструирования норм и вопросы происхождения и развития учений о составных преступлениях упоминал в своих работах П. Ю. Предеин [3]. Эволюцию понятий, касающихся единичных преступлений, подробно раскрывает в своих работах А. М. Ораздурдыев. Более детальных исследований составного преступления не проводилось.

На данный момент однозначного определения временных границ зарождения составного преступления нет. В рамках нашего исследования мы предлагаем искать составные деяния в письменных источниках уголовного права, поскольку составное преступление — это прежде всего «учтенная законодателем совокупность» [4]. Следовательно, феномен составного преступления мы рассматриваем с точки зрения законодательной техники или конструкции, т. е. как своего рода способ, механизм отражения состава преступления в уголовном законе.

Например, если считать первым источником уголовного права Русскую Правду, как отмечается в работах Н. Н. Куличенко, то отправной точкой формирования исследуемого понятия является 1054 г. Однако с данной позицией сложно согласиться, несмотря на то что до появления Русской Правды (1054 г.) право на Руси носило устный, обычный характер, и искать конструкции составных норм стоит немного раньше — в византийском праве. По мнению многих историков, одним из основных источников, на которые опирался законодатель при создании Русской Правды, являются именно Византийские договоры 911, 944, 971, 1043 гг.

Уже на первых страницах договора Руси с Византией 911 г. встречается исследуемая нами конструкция: «7. О следующем. Если кто-либо русский у христианина или христианин у русского, причиняя страдания и явно творя насилие, возьмет что-нибудь принадлежащее другому, то пусть возместит убытки в тройном размере»¹. Такая норма является классическим примером составного преступления, потому что два разнообъектных деяния (грабеж — против собственности, насилие — против жизни и здоровья) объединены в одной статье.

Стоит отметить, что господствующая в то время политика преследовала отличные от сегодняшних цели. В связи с этим мы не можем говорить об общественной опасности или о дифференциации ответственности как о критериях, опираясь на которые можно было бы отграничивать уголовно-правовые категории. Однако оспаривать тот факт, что уже древнерусский законодатель оперирует сложной конструкцией составного преступления, неверно.

Анализ текстов остальных договоров между Русью и Византией показывает, что тексты в определенной степени копируют друг друга, особенно в части уголовно наказуемых деяний. Как следст-

¹ Повесть временных лет // Азбука веры. 2022. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nestor_Letopisets/povest-vremennyh-let/ (дата обращения: 29.12.2022).

вие, составные преступления фигурируют во всех вышеперечисленных нормативных правовых актах. Это говорит о том, что уголовное право не являлось приоритетным направлением указанных договоров, поэтому вносить какие-либо коррективы в работающий механизм не имело смысла. Кроме того, использование составных преступлений при конструировании норм сокращало и без того объемный рукописный текст договора, исключая необходимость описывать каждый деликт по отдельности.

Вследствие того что византийские договоры являются одним из источников Русской Правды, наличие составных преступлений там является закономерным. Стоит отметить, что используемое в Русской Правде понятие разбоя уже не рассматривалось как убийство с корыстной целью, как до этого [5].

Далее на смену одному памятнику отечественного права приходит другой — первый печатный кодифицированный источник права, действовавший на протяжении почти двух веков, — Соборное уложение 1649 г. [6]. Этот нормативный правовой акт вобрал в себя особенности Судебников 1497 и 1550 гг., Стоглава 1551 г., царских указов, коллективных челобитных и других источников уголовного права, в которых составные преступления также находили свое отражение. Например, статья 9 Судебника Ивана III 1497: «Совершивший убийство господина, крамолу, церковную кражу или святотатство, кражу, сопровождавшуюся убийством, передачу секретных сведений или оговор невиновного, поджог города с целью предать его врагу, а также ведомый лихой человек карается смертной казнью» [7] представляет собой сложную конструкцию, состоящую из нескольких, в том числе составных преступлений. Подобного рода конструкции составных преступлений встречаются во всех вышеперечисленных нормативных актах.

Не менее примечательным является то, что «изменяемое и дополняемое новыми законодательными актами Соборное уложение оставалось действующим источником права Русского государства в течение почти двух столетий» [8]. А изменения практически всегда относились к очередной составной конструкции.

Учитывая, что документ отражает основу правовой мысли, базирующейся на освоении новых юридических техник, вытесняющих ассоциативный принцип расположения статей, найти исследуемую конструкцию не составляет труда. Так, в ст. 1 главы «О разбойных и о татинных делех» используется конструкция «Которые розбойники розбивают, и людей побивают, и тати крадут...» [9], с техниче-

ской точки зрения мало чем отличающаяся от той, что представлена выше в договоре Руси с Византией.

Таким образом, фрагментарное появление норм, содержащих в своей конструкции составное деяние, можно встретить в нормативных правовых актах X в. После составное преступление практически без модификаций находит отражение в Русской Правде, где такая конструкция встречается чаще. Далее, по мере развития уголовного законодательства, составное преступление присутствует в нормативных правовых документах вплоть до XVII в.

Все вышеизложенное говорит о том, что истоки составного преступления сосредоточены в византийском праве. Стоит отметить, что эта уголовно-правовая категория используется законодателем скорее как результат естественного развития права, чем осмысленная целенаправленная законодательная техника.

В то же время древние нормативные правовые акты не обходятся без использования конструкций с составными преступлениями, что свидетельствует о том, что указанное понятие носит базовый, фундаментальный характер, и построение кодифицированного законодательства без составной диспозиции было затруднительным и маловероятным. Однако в настоящий момент есть другой подход, сторонники которого (А. С. Горелик, Б. В. Волженкин, А. В. Козлов, А. П. Козлов, А. П. Севастьянов, Н. М. Журавлев, Н. Н. Коротких) утверждают, что использование составного преступления должно остаться историей и дальнейшее применение подобных конструкций затрудняет унификацию уголовного права и создает ряд трудностей у правоприменителя.

Хотелось бы обратить внимание на то, что в отечественной истории есть период, когда законодатель отошел от использования составных конструкций, заменив их другими способами и механизмами законодательного конструирования. Такой период начался с эпохи Великих Петровских реформ, которые, как известно, затронули и уголовное право. В это время указов, носивших уголовно-правовой характер, исследователи насчитывают около 400 [10]. Примечательным является тот факт, что конструкция составных преступлений в том виде, в котором мы привыкли ее видеть, отсутствует в нормативных правовых актах XVIII в.

В отличие от западных соседей, которые в тот момент уже имели некоторую теоретическую разработанность доктрины уголовного права, у отечественных юристов не было столько опыта в законодательной технике, а использующиеся

нормы не отличались высокой эффективностью. Такую позицию разделяет Г. С. Фельдштейн, называя государственную политику того времени «историческим маскарадом» [11]. В связи с этим неудивительно, что нормы с составным преступлением отсутствуют в таких документах, как Артикул воинский Петра I 1715 г., Устав Благочестия Екатерины II 1782 г., Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.

Мы пришли к выводу, что составные преступления не исчезли из законодательства бесследно. Деяния, направленные против нескольких объектов или имеющие альтернативность в субъекте, последствиях или способе, находили отражение в нормативных правовых актах того времени, но в связи с некоторыми особенностями изложения, характерными для заимствования, описывались другими способами. Юристы того времени использовали комментарии к статьям или артикулам, в которых подробно раскрывали процессуальную сторону и любую альтернативность; расширенные толкования целой нормы и отдельных элементов, находящихся в статье; для разнообъектных преступлений отводились отдельные статьи. Однако норм, где в диспозиции прямо указано два (или более) объекта или нормы с сопряженностью или любой альтернативностью, в чистом виде в исследуемых документах нет.

Позже в советское время исследуемая конструкция стала вновь активно использоваться законодателем, например в УК РСФСР 1922 г.: «66. Участие в шпионаже всякого рода, выражающееся в передаче, сообщении или похищении, или собирании сведений, имеющих характер государственной тайны, в особенности военных, иностранным державам или контрреволюционным организациям в контрреволюционных целях или за вознаграждение...». В статье перечислены действия, являющиеся признаками самостоятельных составов, что позволяет отнести указанную норму к составному преступлению (таких конструкций в УК РСФСР 1922 г. насчитывается семь).

Следующая редакция УК РСФСР 1926 г., действовавшая уже более продолжительный период времени — 34 года, насчитывает практически в половину больше конструкций с составными деяниями — 13. Это свидетельствует о том, что такая конструкция показывает высокую эффективность, и законодатель охотно использует ее. Отдельно стоит отметить, что на момент принятия УК РСФСР 1960 г. в его нормах было 22 составных преступления, а за время его действия количество таких норм возросло до 40. В настоящее время законодатель

регулярно вносит изменения, касающиеся составных преступлений, например включение признака сопряженности в ч. 3 ст. 205, 206 УК РФ, в 2014 г. в ч. 4 ст. 211 УК РФ, т. е. такая тенденция сохраняется.

Помимо того что составные преступления вновь стали одним из важнейших инструментов, используемых законодателем, они являются объектом для теоретического изучения. Другими словами, советское время можно считать отправной точкой для формирования концептуальной базы конструкции составного преступления.

Первые теоретические упоминания о составном преступлении можно встретить в учебниках уже в 1925 г. [12, с. 58]. Спустя почти полвека дискуссионность в рамках исследования подобных конструкций все больше набирала обороты, что подтверждается словами В. П. Малкова: «Вряд ли можно назвать какую-либо другую проблему уголовного права, которая имела бы столь большое практическое значение и вместе с тем так разрозненно понималась и решалась в теории и следственно судебной практике» [6, с. 3].

В. С. Прохоров определяет составные преступления как такие преступные действия, которые посягают «на разные объекты» [9, с. 134]. В УК РСФСР 1960 г. законодателем используется два способа для описания состава преступления: простой и сложный. Составные преступления относятся к последнему. Так, Н. А. Беляев и М. И. Ковалев в своем учебнике по советскому уголовному праву относят разбой (ст. 91 УК РСФСР) к составным преступлениям, посягающим одновременно на два вида общественных отношений: неприкосновенность социалистической собственности и личность [13].

До настоящего времени единого определения составного преступления в доктрине уголовного права пока не разработано. Одним из ключевых элементов составного преступления, признанных большинством авторов, является упомянутая ранее «учтенная законодателем совокупность». Важность остальных элементов и их взаимодействие трактуется каждым автором по-своему.

В науке уголовного права, в том числе в работах советских юристов, были отдельные попытки объяснить криминологическую обусловленность составного преступления посредством его повышенной общественной опасности и часто встречающейся определенной распространенности сочетания преступных деяний именно в такой комбинации [14]. Однако такое одностороннее представление не может учитывать всю палитру составных преступлений, специфику их конкретных

разновидностей, общественная опасность которых может быть равной или меньшей той опасности, которой обладают отдельные преступления в совокупном сочетании.

Таким образом, проведенный исторический анализ составного преступления позволил выявить следующее:

— 911 г. можно условно считать моментом зарождения (началом использования законодателем) составного преступления. Как следствие, исследуемые преступления не являются новеллой для отечественного уголовного права;

— в XVIII в. указанная конструкция норм не менялась законодателем, потому что в уголовном

праве было много заимствований, и законодатель обращал внимание на другие аспекты, используя альтернативные способы конструирования составных преступлений;

— 20-е гг. XX в. являются началом формирования теоретической концепции составного преступления. Активный рост числа составных преступлений в советское и постсоветское время свидетельствует о необходимости ее использования;

— значительным модификациям конструкции составных преступлений не подвергались на протяжении всего периода существования, что свидетельствует об их устойчивости.

1. Гаврилюк Н. История — сокровищница наших деяний, свидетельница прошлого, пример и поучение для настоящего, предостережение для будущего // *Власть истории и история власти*. 2021. Т. 7, № 4. 344—347.

2. Куличенко Н. Н. Уголовно-правовая оценка единичного сложного преступления: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006. 185 с.

3. Предеин П. Ю. Составные и сложные преступления: вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2013. 167 с.

4. Кузнецова Н. Ф. Значение преступных последствий для уголовной ответственности. Москва: Госюриздат, 1958. 219 с.

5. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. 5-е изд. Санкт-Петербург; Киев: Н. Я. Оглоблин, 1907. 712 с.

6. Малков В. П. Совокупность преступлений. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1974. 307 с.

7. Предпосылки Соборного уложения 1649 года / Е. В. Куница, В. В. Куница, Н. В. Девятова [и др.] // *Наука сегодня: опыт, традиции, инновации: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Вологда, 27 июля 2016 г.)*. Вологда: Маркер, 2016. С. 136—138.

8. Анучина Ю. Н. Историко-правовое исследование гражданского права по Соборному Уложению 1649 года: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. 240 с.

9. Уголовное право. Часть Общая. Москва: Юрид. лит., 1969. 134 с.

10. Судебники XV—XVI веков / подгот. текстов Р. Б. Мюллер, Л. В. Черепнина; коммент. А. И. Копанева, Б. А. Романова, Л. В. Черепнина; под общ. ред. Б. Д. Грекова. Санкт-Петербург: Наука, 2015. 630 с.

1. Gavrilyuk N. History is a treasury of our deeds, a witness of the past, an example and instruction for the present, a warning for the future. *The Power of History and the History of Power*, 344—347, 2021. (In Russ.).

2. Kulichenko N. N. Criminal-legal assessment of a single complex crime. *Dissertation of the candidate of juridical sciences*. Omsk; 2006: 185. (In Russ.).

3. Predein P. Yu. Compound and complex crimes: questions of theory and practice. *Dissertation of the candidate of juridical sciences*. Yekaterinburg; 2013: 167. (In Russ.).

4. Kuznetsova N. F. The significance of criminal effects for criminal responsibility. *Moscow: Gosjurizdat*; 1958: 219. (In Russ.).

5. Vladimirovskiy-Budanov M. F. Review of the history of Russian law. 5th ed. Saint Petersburg; Kiev: N. Ya. Ogloblin; 1907: 712. (In Russ.).

6. Malkov V. P. *Aggregate of Crimes*. Kazan: Kazan University Editorship; 1974: 307. (In Russ.).

7. Kunitsa E. V., Kunitsa V. V., Devyatova N. V. (et al.) Prerequisites of the Cathedral Code of 1649. In: *Science today: experience, traditions, innovations. Materials of the international scientific and practical conference, Vologda, 27 July 2016*. Vologda: Marker; 2016: 136—138. (In Russ.).

8. Anuchina Yu. N. Historical and legal research of civil law according to the Cathedral Code of 1649. *Dissertation of the candidate of juridical sciences*. Saratov; 2009: 240. (In Russ.).

9. *Criminal law. General Part*. Moscow: Juridical literature; 1969: 134. (In Russ.).

10. *Sudebniki XV—XVI centuries. Texts prepared by R. B. Muller, L. V. Cherepnina; comments by A. I. Kopaneva, B. A. Romanova, L. V. Cherepnina*. Ed. by B. D. Grekov. Saint Petersburg: Nauka; 2015: 630. (In Russ.).

11. Фельдштейн Г. С. Лекции по уголовному судопроизводству // [Соч.] Г. С. Фельдштейна, орд. проф. Моск. ун-та. Москва: Типолит. В. Рихтер, 1915. 433 с.

12. Пионтковский А. А. Уголовное право РСФСР. Общая часть. Москва: Гос. изд-во, 1925. 235 с.

13. Беляев Н. А., Ковалев М. И. Советское уголовное право. Общая часть. Москва: Юрид. лит., 1977. 544 с.

14. Галиакбаров Р. Р. Квалификация много-субъектных преступлений без признаков соучастия. Хабаровск: ХабВШ МВД СССР, 1987. 96 с.

11. Feldstein G. S. Lectures on criminal procedure. In: [Op.] Feldstein G. S., ord. prof. of Moscow university. Moscow: Typolit. V. Richter; 1915: 433. (In Russ.).

12. Piontkovskiy A. A. Criminal law of RSFSR. General Part. Moscow: State publishing house; 1925: 235. (In Russ.).

13. Belyaev N. A., Kovalev M. I. Soviet criminal law. General part. Moscow: Juridical literature; 1977: 544. (In Russ.).

14. Galiakbarov R. R. Qualification of multi-subject crimes without signs of complicity. Khabarovsk: Khabarovsk high school of the Ministry of Internal Affairs of the USSR; 1987: 96. (In Russ.).

Медведева Валерия Валерьевна,
адъюнкт
Барнаульского юридического института
МВД России, Барнаул, Россия
valeriya.lapteva@mail.ru

Medvedeva Valeriya Valerievna,
associate adjunct
of the Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia;
valeriya.lapteva@mail.ru

Статья поступила в редакцию 18.09.2023; одобрена после рецензирования 29.09.2023; принята к публикации 17.11.2023.

The article was submitted 18.09.2023; approved after reviewing 29.09.2023; accepted for publication 17.11.2023.

* * *

**ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ
В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ /
JOURNAL OF THE VOLGOGRAD ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA»**

Требования к техническому оформлению

Научно-методический журнал «Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia» является периодическим печатным изданием Волгоградской академии МВД России.

Журнал основан в 2006 г. Выходит 4 раза в год тиражом 500 экземпляров. ISSN 2074-8183

Регистрационный номер в Роскомнадзоре — ПИ № ФС77-75804 от 23 мая 2019 г.

Журнал свободно распространяется на территории Российской Федерации и за ее пределами путем подписки по каталогу «Пресса России». Подписной индекс в каталоге «Пресса России» — 22761.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования. Полнотекстовые версии статей и библиографические списки помещаются на сайте Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru).

Журнал ориентирован на широкую читательскую аудиторию.

Приоритетными задачами издания являются:

- представление продуктивных идей и современных научных точек зрения специалистов из разных областей знания по вопросам эффективного развития высшей школы и высшего юридического образования;
- представление результатов проектной деятельности и научных исследований, выполненных в научно-исследовательских и образовательных учреждениях МВД России;
- информирование о внедрении результатов научных исследований в практику органов внутренних дел;
- обмен педагогическим опытом преподавателей родственных специальностей различных образовательных организаций;
- аналитические обзоры научно-методической и юридической литературы.

В журнале представлены следующие рубрики:

1. Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право.
2. Уголовный процесс.
3. Криминалистика.
4. Оперативно-разыскная деятельность.
5. Трибуна молодого ученого.

Представляемая к изданию рукопись должна:

- по своему содержанию соответствовать приоритетным задачам журнала;
- содержать обоснование актуальности и четкую формулировку раскрываемой в работе проблемы, отражать ее в названии работы;
- предлагать конкретные пути решения обсуждаемой проблемы, имеющие практическую значимость для образовательного процесса, научных разработок, деятельности правоохранительных органов.

Преимущественное право на публикацию имеют подписчики журнала.

Объем статьи не должен быть менее 12 машинописных страниц. Рукописи представляются в виде распечатки текста (2 экз.), подготовленного в редакторе Microsoft Word, на одной стороне листа формата А4 через полтора интервала, шрифт Times New Roman, размер 14. Поля на странице: слева и снизу 25 мм, сверху 20 мм, справа 10 мм.

Допускается наличие рисунков, таблиц, диаграмм и формул по тексту.

Рисунки размещаются в тексте статьи в режиме группировки и даются отдельными файлами на электронном носителе (формат TIFF или JPEG, режим градиент серого или битовый, разрешение 300 dpi). Обязательно наличие подписей, названий таблиц.

Диаграммы выполняются в формате Excel, без заливки, в черно-белом варианте.

Формулы выполняются в редакторе Microsoft Equation. Не допускается применение вставных символов Word.

В журнале принята затекстовая система библиографических ссылок с размещением номера источника и страницы в квадратных скобках в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008.

Каждая статья должна содержать:

- заголовок на русском и английском языке;
- аннотацию¹ на русском и английском языке (рекомендуется не менее 120 слов);
- ключевые слова² на русском и английском языке;

¹ **Аннотация** — краткая характеристика издания: рукописи, статьи или книги. Аннотация показывает отличительные особенности и достоинства издаваемого произведения, помогает читателям сориентироваться в их выборе; дает ответ на вопрос, о чем говорится в первичном документе.

² **Ключевые слова** используются в информационно-поисковых системах (ИПС) для того, чтобы облегчить быстрый и точный поиск научно-технической информации. Техника выделения ключевых слов чрезвычайно проста: из так называемого первичного документа (книги, статьи и т. п.) выбрать несколько (обычно 5—15) слов, которые передают основное содержание документа. Эти ключевые слова составляют поисковый образ документа (ПОД). В большинстве современных автоматизированных ИПС, дей-

- сведения об авторе на русском и английском языке (ФИО полностью, ученая степень, ученое звание, место работы, должность, контактные телефоны или адрес электронной почты — данные сведения будут опубликованы);
- пристрастный библиографический список, оформленный в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования на основании ГОСТ Р 7.0.5-2008, на русском и английском языке;
- код универсальной десятичной классификации (УДК).

Перевод на английский язык обязательно должен быть заверен в бюро переводов или руководителем кафедры иностранных языков образовательной организации высшего образования.

Статья должна быть обязательно подписана автором (соавторами) следующим образом: «Статья вычитана, цитаты и фактические данные сверены с первоисточниками. Согласен на публикацию статьи в свободном электронном доступе».

Для соискателей ученой степени кандидата наук: «Текст статьи согласован с научным руководителем». Далее — дата, ФИО руководителя, его подпись.

К статье прилагаются:

- копия подписной квитанции;
- заявка (бланк на сайте);
- идентичный вариант статьи и заявки на электронном носителе. Дополнительно электронные варианты статьи и заявки необходимо выслать по электронной почте mkolosovich@mvd.ru;
- отзыв научного руководителя (для адъюнктов, аспирантов, соискателей).

Все документы можно представить лично либо отправить в одном конверте (простым или заказным письмом без объявленной ценности) на адрес редакции:

400075, Волгоград, ул. Историческая, д. 130.

Волгоградская академия МВД России, редакционно-издательский отдел,

журнал «Вестник Волгоградской академии МВД России».

E-mail: mkolosovich@mvd.ru

Тел.: (8442) 24-83-55, +7 (902) 380-00-88.

При получении рукописи проводится проверка на соответствие представленных материалов настоящим требованиям, сличаются печатный и электронный вариант. Если все документы оформлены правильно, рукописи присваивается регистрационный номер. В случае неправильного оформления документов автор получает извещение об этом.

Рецензирование и опубликование статьи

Каждая рукопись, представляемая к публикации, проходит экспертную оценку и рецензирование членами редакционного совета научно-методического журнала «Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia» по следующим критериям:

- актуальность;
- научная новизна;
- теоретическая и прикладная значимость;
- исследовательский характер;
- логичность и последовательность изложения;
- аргументированность основных положений;
- достоверность и обоснованность выводов.

На этапе рецензирования каждая статья, представляемая к публикации, рецензируется одним из членов редакционного совета журнала. При отказе в направлении на рецензирование представленной автором рукописи редакция направляет автору мотивированный ответ. Статья, рекомендованная к опубликованию после доработки, устранения замечаний, проходит повторное рецензирование у того же члена редакционного совета, который осуществлял первичное рецензирование данной статьи. В этом случае датой поступления статьи в редакцию считается дата возвращения доработанной рукописи. Если в результате повторного рецензирования получен отрицательный отзыв рецензента, редакция журнала отказывает автору в публикации статьи.

В случае отказа в публикации статьи редакционно-издательский отдел направляет ее автору мотивированное уведомление о принятом решении. По требованию автора ему представляется копия рецензии.

В зависимости от результатов рецензирования принимается окончательное решение об опубликовании или отказе в публикации статьи.

Принимаются к рассмотрению работы объемом до двух машинописных страниц, содержащие краткие отзывы и рецензии на уже опубликованные в журнале статьи (рецензия члена редакционного совета не обязательна).

К рассмотрению не принимаются работы, опубликованные в других изданиях.

Не принимаются статьи, имеющие менее 70 % оригинального текста.

Гонорар за публикации не выплачивается, статьи публикуются на безвозмездной основе.

Литературное редактирование текста авторской рукописи, корректорскую обработку и изготовление оригинал-макета осуществляет редакционно-издательский отдел ВА МВД России.

В переписку по электронной почте редакция не вступает.

ствующих в условиях промышленной эксплуатации, ПОД — это просто набор ключевых слов, представленных как существительные в начальной форме.

ЗАЯВКА¹
на публикацию статьи в научно-методическом журнале
«Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia»

Я (мы), _____
фамилия, имя, отчество полностью
 прошу (просим) опубликовать мою (нашу) статью « _____ »
 _____
название статьи

в научно-методическом журнале «Вестник Волгоградской академии МВД России».

Данной заявкой я (мы) также:

1. Подтверждаю(ем), что статья создана мной (нами) лично и публикуется впервые.
2. Даю(ем) согласие на осуществление редактирования моей (нашей) статьи, которое не должно повлечь за собой изменения ее смысла, включения дополнений к ней без моего (нашего) согласия.
3. Даю(ем) согласие на совершение издателем журнала любых действий, направленных на доведение моей (нашей) статьи до всеобщего сведения: размещение в сети Интернет, включение в электронные базы данных, — а также на безвозмездную передачу исключительных прав третьим лицам, при условии соблюдения моих (наших) неимущественных авторских прав (права авторства, права на имя, права на неприкосновенность произведения).
4. Даю(ем) согласие на извлечение из моей (нашей) статьи и использование на безвозмездной основе метаданных (название, имя (имена) автора(ов) (правообладателя(ей)), аннотация, ключевые слова, список библиографических ссылок) в целях их включения в базу данных РИНЦ — Российский индекс научного цитирования, — содержащую библиографическую информацию (библиографические описания статей и пристатейные ссылки).
5. Гарантирую(ем), что при подготовке материалов рукописи научной статьи не использовались сведения, попадающие под действие перечня сведений, составляющих государственную тайну (статья 5 Закона Российской Федерации «О государственной тайне»). Сведения, содержащиеся в рукописи статьи, не относятся к перечню сведений, отнесенных к государственной тайне, утвержденному Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 г. № 1203, перечню сведений, подлежащих засекречиванию МВД России, утвержденному приказом МВД России от 10 сентября 2018 г. № 580 дсп, а также п. 2 Инструкции по организации деятельности по обращению со служебной информацией ограниченного распространения в системе МВД России, утвержденной приказом МВД России от 9 ноября 2018 г. № 755. Рукопись предназначена для опубликования без грифа секретности, а также без пометки «для служебного пользования».
6. Даю(ем) согласие на хранение и обработку моих (наших) персональных данных, указанных в анкете автора, без ограничения по сроку.
7. О себе сообщаю(ем) следующие сведения²:

1. ФИО полностью	
2. Ученая степень	
3. Ученое звание	
4. Место работы	
5. Должность	
6. Адрес электронной почты	
7. Номер телефона	
8. Контактная информация для размещения в журнале	

8. О статье сообщаю(ем) следующую информацию:

1. Название статьи	
2. Аннотация (рекомендуется не менее 120 слов)	
3. Ключевые слова	
4. Рубрика	

« ____ » _____ 20____ *подпись* *фамилия, инициалы³*

¹ Статьи, поступившие в редакцию журнала без заявки, рассматриваться не будут.

² Таблица заполняется на каждого автора.

³ Заявка подписывается каждым автором.